ВИКТОР ТРИХМАНЕНКО

НЕБОМ КРЕЩЕННЫЕ

Виктор Трихманенко

НЕБОМ КРЕЩЕННЫЕ

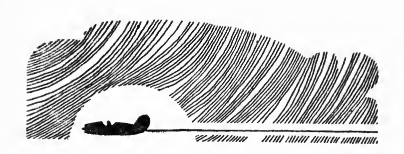
ИЗДАТЕЛЬСТВО ЦК ВЛКСМ «МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ». 1969

Р2
Т69

Верность любимой теме иные писатели проносят через все свое творчество. Виктор Трихманенко пишет о летчиках. Когда-то у него самого совпали по времени экзамен на аттестат зрелости и первый самостоятельный полет в аэроклубе. Потом он стал летчиком-истребителем, был на Ленинградском фронте, служил на Дальнем Востоке, в Белоруссии, в группе советских войск в Германии. В разные годы вышли в свет его книги: «Звуковой барьер», «Наташины зорьки», «Человек расправляет крылья», «Истинная высота». Виктор Трихманенко — член Союза писателей СССР, корреспондент газеты «Красная звезда».

События романа «Небом крещенные» развертываются на протяжении летной жизни целого поколения. В романе показаны простые, скромные труженики боевой авиации, и вместе с тем каждого из них можно назвать героем — столь значительны их душевные порывы, так сильна страсть, с которой они выполняют обычное дело службы. Овеянная красивой, подчас суровой романтикой жизнь сродни полету, но повествует о ней автор просто, без прикрас, так, как было и есть в летной и земной жизни наших крылатых современников.

Школа ускоренного типа



I

В кабиие нстребителя командир соедииеиня Булгаков чувствовал себя увереиiee да и лучше, чем за своим письмеиным столом в штабе. Машниа повииовалась ему безропотио, как бы круто ои ее нн повернул; радиомаяки, пелеигаторы н приводиые радностанцин вели с иим иемиогословиую, четкую беседу, в которой был свой ннтерес; отблескн полярного снянии и звезды, вызревшие в небе, служили ему как электрониое табло, по которому он читал обстановку. До сорока лет дожнл Булгаков, до полковничьего звання дослужнлся, а как был, так н остался летчиком, и если бы вдруг основное пнлотское отнять у него, то, верно, ие стало бы н самого существа в этом человеке...

Когда ои приземлился н вериулся в штаб, иашел на своем столе телеграмму командующего, которая явнлась для иего большой иеожндаиностью. Булгаков ие знал, радоваться ему нли иет, ио телеграмма удивила его примерио так, как еслн бы среди севериой ночн вдруг иаступил одиажды утром рассвет по московскому времени.

Телеграмма командующего предпнсывала ему, полковиику Булгакову Валеитииу Алексеевичу, командиру такого-то соединеиия:

Прнбыть к 20 ноября в высшее авиаучилище ПВО страны.

Возглавнть государственную экзамеиационную комиссню по летной подготовке выпускииков училища.

Основание: прнказ главкома ПВО страны.

«Ну, дела»... — вздохнул Булгаков, прочитав телеграмму дважды. И усмехнулся устало. Вслед за чувством изумлення он уже ощутил на своей груди теплые объятня воспомннанні молодостн.

С этой необычной для строевого командира мнссней ему предстояло лететь в учнлище, которое он сам окончнл... Когда? В мае сорок четвертого. Тогда там, в Средней Азии, была авнацнонная школа пнлотов ускоренного типа, выпускавшая младшнх лейтенантов, этакнх переодетых в солдатское обмундирование мальчишек; нынче там — высшее авиационное учнлище, готовящее летчнков-ннженеров. Перемены, конечно, разнтельные во всем — в людях, в самолетах, в условиях жнзни и учебы. Пусть так. Но пустыня, начинавшаяся сразу же за границей аэродрома, осталась? Журчащая вода в арыках не нспарнлась? Романтика первого полета не пропала? На все это Булгаков не против еще разок взглянуть.

А самое главное то, что уже сейчас не дает ему покоя: в училнще ведь работает преподавателем Вадим Федорович Зоснмов — однокашннк, фронтовой напарннк, однополчанин и друг. «Здравствуйте, подполковннк Зосимов, преподаватель сверхзвуковой аэродннамикн! Вы еще не профессор? Ну, тогда дайте-ка помять ваши кости и мускулы...»

«Надо черкнуть Вадиму пнсьмишко: так, мол, и так, скоро буду», — думал Булгаков. Сегодня он протнв обыкновения не подхватился по звонку будильника. Воткнул кнопку, чтобы не дрынчал железный изверг, н продолжал вылеживаться. «Надо написать. А еще лучше — телеграмму».

И пока он думал об этом, дежурный штаба

доложил ему, что звоиила Москва, какой-то Засимов, что ли...

— Зо́симов, а не Засимов! — внушительно поправил его Булгаков. — Ну и что он сказал?

— Сказал, будет звонить ровно через час, в восемь ноль-ноль.

Булгаков вскочил и стал быстро одеваться. Елена подняла на него вопросительный взгляд, на что ои ответил ласковым шлепком ладони по ее плечу, обтянутому капроновой сорочкой. А сам торопился, как на пожар: машину — немедленно! Завтрак и кофе — потом!

В половине восьмого Булгаков сидел в кабинете, выжидающе смотрел иа телефонный аппарат и курил нещадно. Связистов предупредили, что будет говорить хозяин и чтобы слышимость, зиачит, как иадо!

Звонок раздался ровно в восемь.

— Булгаков? — спросил далекий зиакомый голос.

— Я! Здорово, Вадим! Рад тебя слышать! — закричал в трубку Булгаков.

— Мне известио, что ты, Валеитин Алексеевич, прибываешь к нам в образе председателя комиссии. Приказ главкома в училище получеи.

— Точно. А ты ие доволен, Вадим Федорович?

— Очень даже доволен, страшио рад, но нам не придется с тобой встретиться, почему и звоню.

— Уезжаешь куда, что ли? Перевод?

— Да нет, не перевод. Сижу на месте и мхом обрастаю.

— А чего ж тогда?..

— Тут вот какое дело, Валентин Алексеевич. Пересветова моя опять болеет. Возил ее вот в Москву к профессору. А сейчас летим в Цхалтубо, у иас парная путевка с пятнадцатого ноября. Еду только ради Пересветовой. Если бы не ее болезнь, отмеиил бы я сейчас и отпуск и курорт, но сам понимаешь: как ее оставить в такую минуту?

— Все ясно, Вадим Федорович. Поезжай без промедления. Кланяйся там от меня Варваре Алексаидровне. Желаю скорой поправочки.

— Спасибо. Так у меня одно предложение, Валентин Алексеевич.

— Какое?

— Понимаешь, квартира у меня теперь пустует. Младшую дочь отправили к бабушке, старшая в институте учится, в Минске, как тебе, наверное, известно.

— Знаем, знаем. Как же...

— Так вот, Валентин Алексеевич, квартира наша, когда будешь в командировке, в твоем полном распоряжении. Давай хозяйничай. Ключ возьмешь у соседки.

— Стоит ли? Я в гостиницу пойду.

— Гостиница в городке училища неважнецкая. Приглашаем к нам, и только к нам! Значит, ключ у соседки. Пиши адрес...

Булгаков записал адрес и как зовут соседку. Оставалось поблагодарить друга и пожелать ему всяческих благ, но тут Булгаков вспомнил то, о чем рассчитывал поговорить с Зосимовым с глазу на глаз в училище.

— Слушай, Вадим Федорович, назови-ка мне пяток фамилий летчиков, которые ко мне пойдут...

— Получше хочешь выбрать?

— Конечно же, не худших.

— Да все вроде хорошие, Валентин Алексеевич.

— Назови, не жмись!

— Сейчас не припомню, Валентин Алексеевич. Народ хороший...

— Ну ладно! С тобой, как видно, не договоришься.

К концу их разговор стал стынуть, будто северным ветром на него подуло, — Булгаков уж был не рад, что попросил назвать лучших выпускников. Положив трубку, он ругнулся с досады и даже хотел было швырнуть в корзину бумажку с адресом Зосимова. Но расправил ее, скомканную, и положил в карман.

Да, черт возьми, не стоило говорить на эту тему. Это же Зосимов! Уж его-то натура хорошо известна вон с каких пор, еще стрижеными курсантами, бывало, сшибались как петухи...

К 20 иоября, как н было предписаио, председатель экзаменацнонной комисснн полковннк Булгаков прилетел в учнлище.

Экая здесь была теплынь в коице иоября: припекало солнце, стоявшее в полдень высоко-высоко средь ясного иеба, зеленела молодая трава, воспряиувшая после летней засухн, офнцеры ходилн по террнторни городка в шелковых рубашках с погоичнками. А ведь не дальше как сегодня, всего иесколько часов назад, Булгакова провожала поляриая ночь, подняв иа небосклоне радугу прощальных огией, н взлетевшнй ТУ-104 закладывал разворот над снзыми сиегами.

С северо-запада на юг — почти через всю страну.

С рубежа сорока лет да в юность, потому что как раз тут, в этих краях, курсаиты Валька Булгаков, Вадим Зосимов и им подобные иачннали свою службу в авнации.

Булгаков, одиако, не дал разыграться чувствам, не ушел в теинстую прохладу воспомннаинй, сннтая, что это нн к чему. Осмотр зиакомых мест отложил: сейчас ему делом надо было заинматься.

Он собрал всех членов комиссии, провел короткое совещанне. Обратил вниманне на то, чтобы зачеты по технике пнлотнроваиия н боевому прнмененню принимать как положеио, без иатяжек. А то, понимаешь, прибывают в часть молодые летчики-иижены: ромбнкн иа кнтелях, днпломы в карманах — учить же нх надо заново. Такнх лучше не выпускать! И строевым командирам покойнее будет, и государству больше пользы.

Члеиы комисснн, слушая своего председателя, сразу как-то подтянулнсь, переняли его тои строгостн и дальновидности.

До конца дия были у Булгакова еще совещания накоротке, встречн с ннструкторами-летчикамн н преподавателямн. Лншь после ужнна в летной столовой он освободился от текущих дел. Подумал немиого и все-таки иаправился ночевать ие в гостниицу, а домой к Зосимовым.

Соседка вручнла ему ключ, заявив с очарователь-

ной улыбкой, что о Валентине Алексеевиче она много слышала...

Зосимовы занимали квартиру, каких теперь немало строят в военных городках: две комнаты и кухня, невысокие потолки, балкончик. Просто и хорошо. Булгаков сразу почувствовал себя как дома, потому что многое здесь напоминало его собственную квартиру.

Перед тем как завалиться спать, порыскал по книжным полкам довольно солидной библиотеки. Так попалась ему вложенная в объемистый том авиатехнических премудростей школьная тетрадь, видимо, со старыми конспектами, на которую он почему-то обратил внимание. Перелистал первые страницы, прочитал один-два абзаца... Черт побери! Он не предполагал, что это дневниковые записи Зосимова! В чужие дневники, пожалуй, так же нехорошо заглядывать, как и в чужие письма, — положить надо тетрадку на место. Вот здесь она была затиснута в книгу. Туда же ее, как в обойму!..

Булгаков лежал на широкой тахте, на которой хозяевами предусмотрительно были оставлены матрац, одеяло, стопка свежего постельного белья. Листал книгу, да только чтение ему на ум не шло. В памяти так и отпечатались строки, выхваченные из дневника:

> «...Обыкновенная девочка, с которой в школе можно было сидеть за одной партой, теперь кажется существом, встречающимся на земле чрезвычайно редко. Женщина-военврач была постарше нас всех, в подруги она нам не годилась, разве что в учительницы. Но за месяц пребывания в армии курсанты уже усвоили манеру — в каждой молодой встречной женщине независимо от ее внешности видеть предмет своих вожделений. Эта же была красива...»

Запись была датирована, кажется, ноябрем сорок первого года. Булгакову сразу вспомнился день, когда в парке падал желтый лист и когда все они, курсанты, норовили пройти поближе от стоявшей там

женщины в командирской шииели и козырнуть, приветствуя ее.

А другая запись, которую Булгаков тоже успел прочесть, относилась к более позднему времени. Кажется, сорок второй, лето... Это когда они в карауле на аэродроме собирались тайно подлетнуть и чуть было в трибунал не угодили:

> «Младший лейтенант повернулся к столу и стал что-то писать в постовой ведомости. Ясно, что он там пишет: приговор курсантам шестнадцатой группы. Прощай теперь авиация, прощайте, мечты, впереди бесконечные годы тюрьмы, какого-то существования, совсем не похожего на жизнь, и лучше умереть, если так...»

Зосимов, значит, писал дневник. Еще вон когда — в сорок первом, в авиашколе. И ни разу не обмолвился про это ему, Булгакову, от которого у него тогда ие было секретов. Ну, тип!..

А что, если почитать? Что он там дальше иацарапал? Непонятная сила тяиула Булгакова к дневнику, и он, заверив себя, что никакого преступления тут не будет, выхватил с полки толстую тетрадь.

С усмешкой молвил про себя Булгаков, укладываясь поудобнее на правый бок:

— Зосим в писатели подался! Видали вы такого писаку? То-то ои порой иачииал чудить на полетах...

Некоторые места Булгаков пропускал — с первых строк они казались ему иеинтересиыми. Он все еще с недоверием, с ироиией отиосился к запискам Зосимова, такого же курсаита, как все, а впоследствии такого же летчика, как все. Больше того, в глазах Булгакова блуждала эдакая нехорошая, снисходительиая улыбка, выражавшая чувство превосходства и даже презрения к тому, кто пытался философствовать по поводу обыкиовенных событий жизни. Взгляд его скользнул по кителю, висевшему на спинке стула, и задержался на орденских планках, на погоне с тремя звездами «первой величины». Иногда приятно вспомиить свое полковиичье звание и свою должность комдива, представить живую кар-

тинку, когда там, в штабе, все кружится вокруг тебя А чего достиг в жизни Зосимов со своей философией?

Без особой охоты пробегал Булгаков первые записи дневника, помеченные разными датами.

Читал, однако, страницу за страницей. Постепенно его собственные размышления отошли на задний план, рассеялись под влиянием логики автора записок, и настал момент, когда Зосимов полностью завладел сознанием Булгакова. Теперь воспринимались в первую очередь не события, зафиксированные в такие-то дни, а смысл человеческих отношений, который, оказывается, был необыкновенно сложным в однородной среде, в сером строю курсантов авиашколы ускоренного типа. Та или иная страничка заставляла Булгакова мысленно взглянуть на бывших однокашников по-новому, хотя ему казалось, что он и тогда, в молодости, почти так же на них смотрел, только особо не задумывался.

Курить Булгаков выходил в кухню, где было настежь распахнуто окно. Тетрадку в дерматиновом переплете брал с собой. Сидел и читал безотрывно, забывая порой о сигарете, и она сгорала в пепельнице дотла. Булгаков зажигал новую.

Больше не пропускал он ни одной страницы и ни одной строчки. Читал медленно, вдумываясь и анализируя. К полуночи одолел лишь две трети написанного. Спать бы надо — завтра ранехонько на полеты. Но сна не было и в помине, и Булгаков продолжал свое удивительное путешествие в знакомое прошлое, открытое для него Зосимовым как бы с другой стороны.

II

ИЗ ДНЕВНИКА ВАДИМА ЗОСИМОВА

20 декабря 1941 года

Ночь была лунная. На снегу четко рисовались тени: штабель авиационных бомб, а около него — незыблемая фигура часового. Штык винтовки, взя-

той наперевес, придавал фигуре грозную решительность. Такой видел я свою тень на снегу.

Но я... плакал. Вперив во мглу ничего не видящие глаза, я, юноша в солдатской шинели, лил такие обильные, такие горячие слезы, каких никогда не знал в детстве. Я плакал, повторяя милое слово «мама», и мне не стыдно сейчас в этом признаться.

Вроде бы я не из робкого десятка. Школьником уже летал самостоятельно на У-2, в аэроклубе. Пусть это простенький, послушный самолет, но все равно — ведь не велосипед?

У меня была мечта сделаться военным летчиком. Я думал, что вернусь из училища с рубиновыми кубиками на голубых петлицах, к этому времени приедут другие ребята и девчонки из бывшего десятого «А», и все мы встретимся. Это должно было произойти в спортивном зале на втором этаже. Там стоит в углу старенькое, расстроенное пианино, гуляет сквозняк, потому что наши волейболисты ежедневно бьют по одному, другому стеклу, но нет лучшего зала, чем тот, ни в одном дворце. Когда в зале начнутся танцы, мы с Г. П. зайдем в наш бывший класс. Мы сядем за свою парту, на которой сквозь несколько слоев краски все равно видны эти же самые буквы Г. П.

Вот о чем я мечтал. И разве в этом было что-то необыкновенное?

Еще мечтал я о том, как заберу мать, отца и сестренку к себе, и будем жить мы вместе в квартире, которую мне дадут в Н-ском гарнизоне.

Ничего подобного не будет ни через год, ни через пять лет, ни через десять. После бомбардировки от нашей школы остались одни развалины — они возбуждают в теле физическую боль, когда представишь это. Мама с сестренкой провожали меня на вокзал, когда я уезжал. Отец рыл окопы где-то в прифронтовой полосе. На третий день пребывания в училище я послал домой письмо, в котором сильно приукрасил то, что меня окружало. Ответа не получил. Я писал часто, дал две телеграммы —

никакого ответа. Ребята сказали: «Твой город давно взят иемцами, что ты пишешь на деревню дедушке?!» Я ухватился за мысль: отец и мать, учителя, должны быть эвакуированы вместе со школой, и сестричка — тоже. Но прошло миого времени, несколько месяцев прошло, а они ие подали о себе весточки. Адрес училища им известен. Из любого места эвакуации мама бы иаписала мне. Нет письма — нет мамы. По какому-то недоразумению они остались в захваченном немцами городе, но думать об этом очень больно. Что с иими?

Я стоял на посту около угрюмо-молчаливых болваиок. Вдалеке едва виднелась и глухо шумела темная масса. Это топтали сиег иа рабочем поле аэродрома. Все курсанты училища, все воинские подразделения гарнизоиа участвовали в изнурительиой работе: шли шереигами по сто человек, взявшись под руки. Туда-сюда, туда-сюда. К рассвету надо вытоптать полосу, чтобы дальние бомбардировщики могли взлететь. Примитивиая сиегоочистительиая техника, имевшаяся иа аэродроме, не справлялась с работой.

С окраины аэродрома то и дело уходили в небо неторопливые огнениые трассы: воздушиые стрелки-радисты проверяли бортовые пулеметы.

Ветер со стороны прииес иеуловимые, до боли знакомые запахи. Вслед за тем замелькали в сознании милые образы. Будто только что выпавший снег осел, набух влагой, будто слеплеиные из него тугие комки летят тебе в спину, слышится — иет, угадывается веселый хохот на школьном дворе. Вдруг все умолкло, спугнутое трелью звонка.

Ои прозвучал тихим эхом в моих ушах.

Тогда-то полились слезы.

Десять лет человек проучился в школе и ни разу не задумался о том, что такое в его жизни школа. Что это самое прекрасное, бесконечно дорогое. Все торопился из класса в класс, иетерпеливо ожидая каждый год каникул.

Вахта часового у бомбосклада длилась четыре долгих часа. Под утро меия смеиили.

Шли гуськом в караульиое помещение.

Людей с аэродрома уже увели. Взревели моторы: бомбардировщик пошел на взлет. Он напоминал горбатого зубра, увязающего в снегу, но спешащего вперед с боевым кличем. Гудел, гудел, натужился из последних сил, но так и не оторвался от земли. Пилот убрал газ, прекращая взлет, но сделал это уже поздно, и машина тяжело ткнулась носом в капонир.

Второй самолет припал на левое крыло рядом с первым.

На третьей машине, видать, уменьшили бомбовую нагрузку или, может быть, там летчик подобрался этакий молодец, но самолет ушел в воздух. За ним еще один, еще... Семеркой полетели они на северо-запад.

В караулке я мгновенно заснул и даже не слышал, как с надсадным ревом взлетела очередная эскадрилья бомбардировщиков. Мне снилось то, о чем думал на посту, и я, повернувшись к сырой стене, улыбался такому счастью. Пальцы моих рук искали на досках топчана буквы Г. П.

Даю себе обещание: когда настанут лучшие времена, зайти в какую-нибудь школу, попросить у директора разрешения просто посидеть на уроке в десятом классе да послушать школьный звонок. И теперь мне стало легче на душе, как это всегда бывает, когда человек обретет новую надежду.

12 января 1942 года

— Слушайте, мне надо перевезти старый гардероб.

— Хорошо. Дадим вам лошадь или пару курсантов...

Эту шутку мы сами придумали. С горя. И, повторяя ее, хохотали отчаянно, словно желая досадить кому-нибудь своим смехом.

Нас называли курсантами, и это тоже звучало смешно: в своих засмальцованных шинеленках с бах-

ромой иа полах, небрнтые н голодиые, мы больше походили иа портовых босяков.

Училище эвакуировалось. Нкто не знал точио: куда? Куда-то в Среднюю Азию.

В бакннском порту нашн курсанты грузили на пароход старенькие самолеты, моторы, техническое нмущество — все железиое, тяжелое. Грузчнки былн слабосильиыми: уже две иедели жили иа сухом пайке. Утром каждый получал иесколько сухарей, кусок брынзы и одну селедку. На суткн. А чего с инм мнидальннчать, с таким пайком? Курсаит съедал все на завтрак и запивал водой нз крана. Потом до вечера ои только запнвал. И можно было вытянуть иоги с голоду, ио почти ежедиевно хлопцам удавалось во время загрузкн трюмов отбросить в стороиу бумажный мешок с сухарями, а в перерыв люто с ним расправиться.

Грузить одии мотор от «ишака»* собиралось человек двадцать — негде ухватиться рукой. Если всем дружно поднатужиться, иа каждого придется всего-то пуд с иебольшим.

— Раз-два, взяли!..

— Кто не тяиет, тому легче...

Прокатился хохоток по толпе, и, может быть, как раз с этого момента усилня грузчнков объеднинлнсь. Помаленьку поплыл мотор, облепленный муравьями в грязно-серых шниелях.

В бесконечном потоке технического нмущества попадалнсь н чьн-то домашнне вещн, старательно упакованные в мешковнну и деревянные планки.

Кран поставнл на палубу рояль. Сквозь рогожу проглядывалн его черио-лаковые бока, напомннавшие о существоваиии другого мира — мнра нарядных одежд, улыбок н музыкн. Рояль надо было устаиовнть под навесом, между большнми, мягкимн тюками самолетиых чехлов. Эта перестановочка уже на курсантских руках и плечах, тут никакой механнзацни.

* Так в авиационном просторечье называли самолет-истребитель И-16.

— Раз-два, взяли!

Около борта навалено всякого барахла; чтобы преодолеть эту баррикаду, пришлось приподнять рояль, поставить одну ножку на борт. Рояль дал опасный крен в сторону плескавшейся далеко внизу воды.

— Осторожней. Придерживай!

Несколько рук уцепились за рогожу. Но рогожа заскользила по лакированному боку, как по льду.

— Держи!!!

Одному или двум не удержать. Кто-то отскочил, чтобы не попасть под махину рояля.

— Что же вы, сукины дети?! — заорал боцман, стоявший поодаль, у лебедки.

Его отборный мат уже не мог спасти положения. Рояль выскользнул из курсантских рук и перевалился за борт — этак не спеша спрыгнул, словно живой. Пока он летел с четырех-пятиэтажной высоты, курсанты не двигались и не дышали. Через несколько секунд с моря донесся многозвучный аккорд всеми октавами, последний в жизни этого рояля аккорд.

Узнали, что рояль принадлежал заместителю начальника училища. Хозяина здесь нет, он где-то в Средней Азии, выехал на место, чтобы подготовить встречу переселенцам. Даже не подозревает, что рояль его лежит на дне морском, оскалив белые клавиши, как зубы.

О черно-лаковом утопленнике решено молчать. На погрузке в порту работают сотни курсантов, попробуй узнай, кто именно перетаскивал рояль...

На ночлег мы устраивались кто как сумеет. Примерно половина курсантов помещалась в двух старых бараках, остальные искали себе пристанища в многочисленных закоулках порта. Например, неплохо спалось на вершине горы хлопковых тюков, если достанешь зимний ватный чехол от мотора. Сковырнешь два тюка — получается такое продолговатое углубление вроде ванны, укроешься поплотнее чехлом, и спи себе на здоровье. Перед сном можно полюбоваться крупными южными звездами,

которые глядят иа тебя из чериоты иочи не мигая, можио послушать добродушную воркотню моря, плетущего извечиую сказку для мечтателей.

Зима в Баку ие холодная. Снега нет совсем. Правда, нередко дуют бешеиые ветры — тогда проиизывает озиобом тело и все время скрипит песок на зубах.

В нашей курсантской толпе, среди всех этих иедавиих школьииков и маминых сынков встречались и бывалые ребята. Нашлись такие, что уиюхали в одиом месте запах спирта. Шасть — а там стоит иесколько огромиых бутылей, закрытых резиновыми пробками. Притрусили то место соломкой, а вечером, когда разрешено было отдыхать, нацедили четыре фляги. Мешок сухарей, дюжина селедок — чем не пир. Кто-то так и сказал:

— Пир во время чумы.

На горе хлопковых тюков собралось до взвода курсантов, как докладывал потом начальству старшина. По очереди отхлебывали из фляг, торопливо зажевывали сухарями с селедкой.

Мне подиесли флягу, я понюхал и ие стал пить. Ударило в иос резким, больиичиым духом, замутило.

— Хлебни, дурочка, ие бойся!

На меия уже смотрели со всех сторон. Я приставил горлышко фляги к плотио сжатым губам, запрокииул голову. В полутьме ие разобрать, пью я или иет. Но я ие сделал ии глотка.

Вериул флягу. Ребята отстали.

А вскоре иа горé тюков подиялся шум. Хлопцы мои корчились, стонали от боли в животах. Некоторые пытались вызвать рвоту широко известным среди пьющих людей способом — двумя пальцами, ио ие могли.

Один закричал жалобио:

— Спасите!

К нему присоедииились другие, уже ие стесияясь иичего.

— Скорее в госпиталь...

— Кто может, беги за врачом.

— Воды.

Кубарем скатившись с груды тюков, я побежал искать кого-нибудь из командиров. Я долго сновал по территории порта, одиажды иарвался на часового-азербайджаица н чуть не получил пулю в грудь, но все-таки нашел командира нашей роты. Лейтенант, когда проснулся, посмотрел на меня строго, с укором: дескать, что же у тебя там творится иа хлопковой горе?

К утру четверо курсантов умерли. Остальных участииков «пира во время чумы» в тяжелом состоянии отвезли в госпиталь. Спирт в бутылках содержал в растворе тетра-этиловый свинец. Для технических нужд.

Не видно было конца погрузке и этой тяжкой жизни в бакииском порту. По радио передавали тяжелые известия о том, что немцы захватили полстраны, что они уже рвутся к Сталинграду и Кавказу. Мрак иеизвестности и страха охватывал людские души.

Вдруг в жизии иашей роты иаступил крутой поворот. Нас построили, и лейтенант, воздерживаясь от каких-либо эмоций, объявил:

— Все вы переводитесь в другое училище.

Кто-то на левом фланге ие удержался и выкрикнул:

— А куда?

Лейтенант повел суженными глазами.

— Скажут, когда надо будет. Напра-а-во!

С восторгом диких жеребчиков кинулись мы врассыпную, когда скомандовали «разойдись». Все равно куда, лишь бы ехать, только бы удрать отсюда. Хуже не будет.

Нас сводили в саипропускник и выдали чистое белье. Старшина произвел «осмотр на внешний вид», заставил подтянуть ремни, остричь бахрому иа шинелях, поправить пилотки.

— ...А то они у вас сделались похожими на перевернутые ночные горшки!

Плохо тут с нами обращались: заставляли делать всякую черную работу, не учили, кормили впроголодь. А настало время расставаться — во взгля-

дах лейтенанта и усатого старшины появилась незнакомая доселе теплота. Так из бедной семьи выпроваживают детей в люди: рады от них избавиться и все-таки жаль их — дети.

22 января

Почти сутки плыли на небольшом пароходе, пересекая Каспийское море.

Потом опять долго ехали.

Сошли с поезда на маленькой станции. И только тут узнали, куда мы прибыли, — в Военно-авиационную школу пилотов. Не училище, а школа ускоренного типа.

В конце января здесь тепло, как летом; мы свалили свои грязно-серые шинели в кучу, думая, что они нам больше не понадобятся. С южной стороны над постройками и деревьями, над всем низкорослым, земным возвышалась, заслоняя полнеба, гряда гор.

Нашу роту вымыли в бане, переодели и в тот же день расформировали. В школе пилотов не существует рот, а есть, как и полагается в авиации, эскадрильи. Есть еще учебные группы, по которым распределили новоприбывших — по нескольку человек.

Я попал в шестнадцатую учебную группу.

Здесь, около маленькой станции, базируется одна учебная эскадрилья. Кирпичные двухэтажные казармы, столовая, служебные здания, неподалеку — аэродром. Другие эскадрильи разбросаны за сотни километров отсюда, а штаб школы находился в большом городе соседней республики.

Средняя Азия. Простор...

В новой школе во всем чувствуется настоящий воинский порядок: кругом чистота, дисциплина строгая, в столовой никто не схватит твоей порции хлеба, опоздай ты хоть на час. Ложась вечером в постель, с наслаждением вдыхаешь запах свежевыстиранных простыней. По сравнению с тем, что было, — небо и земля.

Еслн школа ускоренного типа, то не должны нас тут долго марииовать, фронту требуются летчнки.

30 января

Время от времени у меня появлялся друг, верный и едииственный, от которого ие было секретов, с кем все пополам. Впервые силу н счастье дружбы я испытал еще в пятом классе. С тем веснушчатым мальчишкой мы расстались нз-за того, что мои родителн переехали в другой город. Былн н потом друзья. Нечастые, правда. Обычные житейскне обстоятельства, которым мальчикн и юиошн протнвиться не в силах, разлучали иас. На расстоянии со временем дружба глохла.

Сегодня, к великой моей радости, пришел армейскнй друг. Расскажу все, как было.

За пятнадцать минут до подъема в казарме появлялся большой, сутулый в плечах человек. Нос — клювом, иад круглыми, немигающими глазами прямой чертой надвниуты бровн, как у беркута. Старшина эскадрильи, гроза курсантов. Нам, иовичкам, уже известно, что здешние ребята дали ему имя «Сико». Когда он обнаружнвал где-ибудь в укромиом уголке несколько ннчем не занятых курсантов, то первым делом спрашнвал: «Снко вас тут?»

Он коверкал слова, как вздумается, будучи не шнбко грамотным: «Отэтн люды... За мною, марш!» — И вел курсантов куда-ибудь, где иаходнлась для ннх работа.

Сегодня я опоздал встать по команде «подъем», разиежившись в теплой, чнстой постели на койке верхнего яруса. Оглашенная комаида дневального не могла протаранить оболочку моего благодушия, хотя я вовсе не спал. Растолкали меня, когда курсанты, уже обутые, выбегали в коридор.

— Выходн строиться на физзарядку! — орал дневальный.

В узком проходе между койками я наскоро зашнуровывал ботинкн, н тут над моей головой послышался иегромкнй, растяиутый по складам вопрос:

— Сико вас тут?

Все. Спешить больше некуда.

Старшина повел меня к дневальному, где стояли еще два нарушителя распорядка дня, вооруженные швабрами. Мыть полы в огромной казарме — удовольствия мало, причем тот же самый Сико будет стоять над душой, требуя, чтобы хорошенько протирали под койками и под тумбочками, чтобы всюду было как вылизано языком.

— Он из новичков, наших порядков не знает! — крикнул из строя один из курсантов, когда старшина вел меня мимо.

— Нехай обвыкает, — бросил походя старшина. — А вы, Булгаков, помалкивайте!

— Может быть, человек заболел, — послышался тот же голос, тонкий и смелый, как у задиристого петушка.

— Булгаков, вы хочете в помощники?

— А зачем нападать зря?!

— Курсант Булгаков, выйти из строя!

Интересно: кто же это такой храбрый? Гулко отпечатал три шага вперед небольшого роста курсант, с виду совсем мальчишка. Чувствуя, что все на него смотрят, улыбнулся застенчиво.

Когда казарма опустела, уборщики-штрафники взялись за работу: ползали под кроватями, гремели тумбочками и табуретками. Пришлось ломать спину похлестче, чем на физзарядке. Вздохнули, когда начали мыть длинный, без какой-либо мебели коридор: знай себе гони шваброй лужу воды из конца в конец.

В такой работе очень просто познакомиться.

— Слушай, тебя как зовут? — спросил он меня.

— Вадим, Вадим Зосимов, — ответил я.

— А я — Валентин Булгаков.

Две наши швабры скользят по полу рядом, перед нами отступает лужа грязной воды.

— Ты откуда?

— Из Донбасса.

— Донбасс давно у немцев. Про своих что-нибудь знаешь?

Я помотал головой из стороны в сторону. Ответить не смог: горло перехватила спазма.

— У меня тоже так. Я из Новороссийска.

Закончив работу, мы, как уборщики, отдельно сходили в столовую, где на нас был «оставлен расход». Каши досталось нам побольше, чем в обычных порциях, потому что повар выскреб все с донышка котла. Потом мы пошли в курилку. Неторопливо курили, растягивая удовольствие, стремясь хотя бы на четверть часа опоздать на занятия. «Почему опоздали?» — спросит преподаватель. «Мы уборщики», — ответим мы. И ничего нам не будет.

Булгаков дымил самокруткой. В армии я уже тоже научился курить, но у меня не было табаку.

— Я тебе оставлю сорок, — пообещал Булгаков.

Когда делят одну закрутку на двоих, второму курильщику остается не равная половина, а немного меньше — уж так получается. Потому «сорок». «Сорок» процентов. Если на очереди еще и третий, то ему остается «двадцать».

Получив от Булгакова «сорок» в виде аккуратного, только чуть примоченного с конца окурка, я затянулся крепким дымом.

— Табак что надо, — сказал Булгаков. — Мы его тут сами добываем.

— А где?

— На плантации. Идешь на экскурсию, прихватив с собой наволочку от подушки. Натолкаешь полную — на зиму хватит.

— Здесь сеют табак?

— Все тут сеют. И все растет. Ваши поздно приехали, сейчас нигде ничего уже нету. Я заготовил наволочку табачку — хватит нам с тобой на двоих.

Что бы такое приятное сделать для этого Булгакова — отличного, свойского парня?

С того дня мы всюду держимся вместе. Булгаков поменялся с одним курсантом койками и теперь спит рядом со мной. Он меня называет полным именем — Вадим, а я его — Валя, или Валька. Как прозвучало при первой встрече, так и осталось на все время. В дружбе все само по себе складывается. Рядом со

мной Булгаков поиже ростом, поуже в плечах, будто мой младший братишка. Но остренький, иемиого вскннутый подбородок н едва заметная черточка иад переносицей у Вальки свидетельствуют, что он ин в чем иикому не уступит.

В общем отличный пареиь Валька Булгаков, мой друг.

5 февраля

В классе мы с Валькой сндим за одиим столом.

Тема двухчасового заиятия в расписании зиачилась так: «Химнческое оружие и защита от иего». На практике занятие выглядело совсем ииаче.

На столе преподавателя лежалн какие-то пробиркн и один старый, растерзаииый на части протнвогаз. Преподаватель... Никакой он не преподаватель, а старший лейтеиант Чипилеико — помощник комаидира эскадрильи по строевой подготовке. Сгорбившись иад толстым коиспектом, читал:

— «Хлор. Газообразиое отравляющее вещество, поражающее органы дыхания. Продолжнтельность действия...» — Он умолкал, пробегал глазамн иесколько малопонятных абзацев чужого коиспекта. Потом опять возвышал голос: — «Ипрнт. Масляинстая, зелеиоватая жндкость. Пахнет чесноком...»

Старший лейтенант отшвыриул конспект, лицо его озарилось мечтательной, хнтроватой улыбкой.

— Чесиоком пахнет, слыхали? Чеснок — это вкусная вещь, если с салом.

Курсаиты с готовиостью расхохотались по поводу преподавательской шуткн.

После химподготовки — часик строевой. Тут старший лейтеиант Чнпнленко действовал без коиспекта, это его родиая стнхия, поскольку он кадровый пехотинец, в авиацию попал случайно.

Худой, болезиеииый, с седыми вискамн, Чнпнленко, однако, гарцевал перед курсаитским строем.

— Погоиять бы вас, как в пехоте гоияют. Там добрая половнна службы проходит по-пластунскн. Чуть чего — ползать! Чуть что не так — пол-

зать! А если на дворе дождь, грязь — так еще лучше!

О чем бы он ни заговорил, в его голосе всегда звучали командные интонации, провалившиеся, с нездоровым блеском глаза смотрели куда-то поверх курсантских голов, и, может быть, представлялось ему вышколенное подразделение, способное четко выполнять по первому слову любой строевой прием, а не такое, как наше.

Курсантский строй повиновался плохо. Не чувствовалось старания, никто из кожи не лез, хуже того — на лицах мелькало нескрываемое презрение к строевой подготовке. Чипиленко нервничал, покрикивал. Все-таки вывели мы его из себя.

— Разгильдяи! — закричал он, срывая свой прекрасно поставленный командный голос. — Да я вас пóтом заставлю умыться!

Чипиленко перестроил группу в колонну и приказал:

— С первого шага... Бегом марш!!!

Курсанты побежали. Когда строй приближался к границе плаца, Чипиленко поворачивал его резкой командой, задавал темп все выше, иногда сам бежал рядом.

— Что, уже в мыле? Рановато...

На бегу курсанты о чем-то переговаривались, какая-то назревала смута.

— Разговорчики!

С лошадиным топотом группа огибала угол плаца. Перед следующим углом Чипиленко скомандовал:

— Правое плечо вперед... Марш!

Но его команда повисла в воздухе. Группа бежала прямо. Плац остался позади. Вырвавшись в поле, курсанты сохраняли строй, но бежали все быстрее. Орущий благим матом Чипиленко запыхался и вскоре отстал. А курсанты, отбежав с полкилометра, рассыпали строй, попадали на траву.

Здания городка маячили далеко. Впереди расстилалась широкая степь, покрытая вялой прошлогодней травой. А там, дальше, стеной вставали горы. Снега спустились до самого подножия. Это теперь. Летом

снег держится только на вершинах — белыми тюбетейками.

Минут через десять подошел усталым шагом Чипиленко. Курсанты вскочили, виновато потупив головы.

— Садитесь... — Чипиленко махнул рукой. — Можно курить.

Злость его прошла. Да и вообще по натуре он добряк, только нервы у него расшатаны до предела.

Взглянул на часы.

— Становись!

До обеда шесть часов занятий, после обеда — еще два часа классных занятий и два самоподготовки. Нагрузка, как в школе ускоренного типа. Только знали курсанты, что спешка эта в учебе ни к чему: на эскадрильском складе ГСМ бензина нет, все цистерны сухие, кроме одной маленькой, которую берегут для летчиков-инструкторов.

7 февраля

После ужина выпадал часок ничегонеделания — лучшее время суток. В распорядке дня этот час именовался «личным временем». Курсанты бродили по длинному коридору казармы, собирались кучками на нижних койках, рассказывая друг другу веселые и грустные истории.

Кто-то придумал игру, в которую охотно включилось все население казармы. Надо было пройти средним шагом из конца в конец коридора — метров семьдесят — и за это время съесть порцию хлеба. Успеешь съесть — выиграл на завтра лишний ужин, не успеешь — свой проиграл. Курсант всегда голоден: что стоит сжевать, идя по коридору, кусочек хлеба, сто пятьдесят граммов всего? Да его проглотить можно! А попробовал один — не получилось. Второй вызвался — не сумел. Дежурный по хлеборезке, у кого нашлось несколько ломтиков хлеба, выиграл четыре ужина.

Тогда вышел на ринг боец тяжелого веса — рослый, цветущий здоровьем курсант, слизывавший в сто-

ловой свой ужин в полминуты. Поставил условие: если съест, отыгрывает у хлебореза не один, а сразу все ужины. Идет!

Здоровяку вручают кусочек черного хлеба. Подается команда: пошел.

Он шагает и торопливо жует хлеб. Впереди идет лидер и тащит его за руку — чтобы не замедлял ход. А сзади и по сторонам большой толпой валят курсанты, шум и хохот сотрясают казарму.

Что вы думаете? Не успел съесть даже он. В конце коридора попытался проглотить оставшийся кусочек, но подавился.

Состязания были прерваны появлением старшего лейтенанта Чипиленко. Что-то там куда-то надо было перетаскивать, и старший лейтенант пришел за тягловой силой. Толпа мгновенно растаяла; бежали в курилку, на улицу, забивались в углы между задними койками. Чипиленко знал, что сейчас найдется немало больных и таких, у кого обувь сдана в починку, а потому запел своим тенорком предварительную команду:

— Все до одного!.. Больные и здоровые!.. Босые и небосые!.. Как только скажу «становись» — мухою вылета-а-ай!!!

Пока он все это пояснял, разбежалось больше половины курсантов.

Долгая пауза... Мышиная возня в казарме.

И вот:

— Ста-а-но-ви-и-ись!!!

На построение вышли жалкие остатки подразделения.

— Мухою вылета-а-ай! — выкрикнул еще раз Чипиленко изобретенную им самим команду и, видно, ему нравившуюся.

Но ни одна «муха» в коридор больше не вылетела.

III

«Зима не обходит стороной и эти южные края. В феврале ударили небольшие морозы, бедным, рваным покрывалом лег на землю снег. Тяжелые на подъ-

ем вороны хрипло, печально кричали в степи...» — На этом Зосимов прервал свою очередную запись, что-то ему тогда помешало. Затяжные перерывы по времени и впредь будут встречаться в его дневнике — курсантская служба не всегда позволяет взяться за перо. Автор этих строк, хорошо знавший и Булгакова и Зосимова, шагавший с ними в одном строю, попытается восполнить пробелы хотя бы там, где пропущены события, существенно важные для двух друзей.

Короткая и почти бесснежная зима того года показалась курсантам суровой. В тылу до предела подрезали все виды довольствия. В городке, где базировалась учебная эскадрилья, не было ни полена дров, жилые помещения и классные комнаты не обогревались, радиаторы отдавали ледяным холодом, всех кочегаров уволили. Только в столовой, в топках под котлами, теплился малиновый жарок.

Особенно донимал холод ночью, не давая уснуть. Укладываясь в постель, курсант взваливал на себя «всю арматурную карточку»: шинель, гимнастерку, брюки. Надевал шапку. Один придумал заворачивать на ноги нижний край матраца, прижимая, чтобы не соскальзывал, табуреткой. Все последовали его примеру. От табуретки, лежащей на ногах, вроде тоже какая-то толика тепла.

На занятиях каждый урок тянулся долго, как день. Сидели в шинелях, писали карандашами, потому что чернила застывали на перьях.

Хорошо, когда в такой холод собачий найдется шутник, с ним теплее всем от смеха. Шестнадцатую группу веселил высоченный парень, чернобровый и краснощекий. Глаза его закачены куда-то в верхний угол — направо или налево, — и губы растянуты в провокационной улыбке. Размахивая длинными, угловатыми в локтях руками, которые, казалось, прикреплены, как у деревянного Буратино, гвоздиками, курсант изображал разные сценки. Мим он был замечательный. Ребята покатывались со смеху.

Преподаватель почему-то опаздывал. Уже прошло пол-урока.

— Очкастый идет! — раздался предостерегающий крик от двери.

Моментально все уселись на места, воцарилась тишина. Старший группы браво отрапортовал инженер-майору.

— Итак, газораспределение М-25-го. Посмотрим, как тема усвоена... — Инженер-майор нацелился очками в журнал, выбирая по списку очередную жертву.

Они изучали мотор М-25, тот самый, что стоит на истребителе И-16. Сами не знали, зачем изучали, если на практике пока что не дошли даже до легкомоторных самолетов.

Вадим пробегал глазами страницы конспекта. Тревожное, сосущее предчувствие, что его сейчас вызовут, овладело им.

— Курсант Зосимов.

— Я!

Он пошел к учебному мотору, установленному на железной треноге в углу класса. Другие с облегчением вздохнули.

Добрая школьная привычка готовить уроки на совесть сохранилась у Вадима и в армии. Материал он знал хорошо, говорил складно, умело пользуясь своим довольно обширным словарным запасом. Слушая его ответ, инженер-майор поощрительно кивал головой.

Следующим был вызван Костя Розинский. Лицо у него до последнего квадратного миллиметра засеяно рыжими, ячменными веснушками. Он ленив на редкость, за что получил прозвище Шкапа, то есть кляча. Трудно поверить, что такой безразличный ко всему на свете, тщедушный паренек был чемпионом области по боксу в весе мухи, но его земляки из Мелитополя свидетельствуют, что это правда.

— Ну-с? Молвите вы сегодня хоть слово? — прервал инженер-майор слишком затянувшееся молчание.

Костя переменил наклон головы — с левого плеча на правое, но рта не раскрыл.

— Что же, прикажете двойку ставить?

Прозвенел звонок на перерыв, но он не выручил ни Костю Розинского, ни других курсантов шестнадцатой группы. Инженер-майор решил:

— Полчаса и так проболтались, пока я был занят в учебно-летном отделе. Будем заниматься без перерыва.

Мучительно протекал второй урок, на котором инженер-майор продолжал свирепо спрашивать. До звонка оставалось минут двадцать, когда вдруг завыла сирена: тревога!..

Курсанты вскочили.

— Выходи! — воскликнул преподаватель, недоуменно пожимая плечами.

Осенью, в период сильных песчаных буранов, внезапно набегавших из соседней пустыни, курсантов часто поднимали по штормовой тревоге; на аэродроме они руками удерживали легкие тренировочные самолеты УТ-2 *, чтобы их не расшвыряло. А какая теперь тревога? Не штормовая, потому что на дворе штиль. И конечно, уж не боевая — до фронта отсюда тысяча километров, ни один бомбардировщик не долетит.

Сирена по-волчьи завывала. Появившийся у подъезда учебного корпуса Чипиленко строил курсантов всех групп в одну колонну. Наскоро подровнял строй, скомандовал:

— Направление на аэродром. Бегом марш!

Все-таки что-то случилось на аэродроме. Курсанты наддали ходу. Отставший Чипиленко с инженер-майором шли далеко позади.

Припорошенный снежком, гладкий, без следов самолетных колес, простирался аэродром. На окраине шеренгой стояли легкомоторные самолеты — как ласточки, усевшиеся на проволоке четким рядком.

У самолетов хлопотали механики. Поодаль расхаживал, заложив руки за спину, командир эскадрильи капитан Акназов, самый старший и самый строгий, судя по его недоступному виду, начальник. Хозяин

* Учебно-тренировочный двухместный самолет конструкции Яковлева.

в эскадрилье и во всей округе, ибо ничего, кроме маленького гарнизона, в степи больше нет.

На аэродроме командование над курсантами захватил инженер эскадрильи.

Выждав минуту-другую, приблизился к строю капитан Акназов. На его лице блуждала холодная усмешка человека, уверенного в своей силе и власти, умевшего при любых обстоятельствах сохранять спокойствие.

Правая бровь приподнялась вверх, когда он заговорил:

— Товарищи курсанты, мы передаем десять самолетов в другую эскадрилью. Так нужно. Вылет задержан исключительно из-за того, что машины грязные. Сейчас инженер распределит вас по экипажам, и вы поработаете на материальной части.

Он козырнул инженеру, больше ни слова не сказав. Заложил руки за спину и пошел куда-то.

Уважение и оторопь читались в курсантских глазах. Экий он человек, капитан Акназов: показалось ему, что самолеты грязные — отставил вылет, сказал одно слово — всех курсантов сорвали с занятий, ломая святейшее расписание.

Когда работа уже шла полным ходом, наконец, притопали на аэродром инженер-майор и Чипиленко. Инженер-майор был не просто преподавателем, а начальником учебного цикла самолет — мотор. Подойдя к Акназову, он стал ворчливо доказывать, что срыв занятий отрицательно скажется на выполнении учебной программы, на теоретической подготовке курсантов и так далее.

Капитан смотрел на начальника учебного цикла насмешливо.

— Верно, обошлось бы дело без их помощи, — сказал он, прерывая на полуслове инженер-майора. — Я решил вызвать курсантов по тревоге, чтобы они не забыли окончательно о существовании аэродрома и самолетов. А то они скоро присохнут у вас там в классах. Надо же им хотя бы пощупать иногда настоящие самолеты, если летать пока не на чем.

После этого инженер-майор прикусил язык.

Зосимов и Булгаков работали, конечно, вместе, на одном самолете. В этот же экипаж назначили и Костю Розинского, который даже при всем своем старании не мог угнаться за товарищами и накликал на себя постоянные насмешки Вальки Булгакова.

— Пошел бы ветоши принес, пока мы тут трем, — сказал Валька.

Розинский поплелся в сторону каптерки, около которой собрались механики.

— Быстрее, Шкапа, кнута на тебя нет!

Костя принес ветошь.

— Теперь за бензином сходи, а то этот в ведерке уже, вишь, какой грязный.

— Сам сходи! — огрызнулся Костя.

— Тише, Шкапа! Настоящая шкапа не должна разговаривать.

Выплеснув из ведра черную масляннистую жижицу, Костя пошел за бензином. Оглянулся, показал зубы в добродушной улыбке.

— Давай, давай, не оглядывайся! Гони вскачь! — крикнул Булгаков.

Он стоял на колесах, протирая снизу крыло, прерывисто дышал. Вадим смывал масляннистые потоки на капотах мотора.

— Мне бы его выделили на неделю таскать какое-нибудь барахло, я бы его погонял, — сказал Булгаков, имея в виду того же Розинского. — А вообще Костя отличный парень, мы с ним давно знакомы.

— И боксер, — отозвался Вадим, в его голосе прозвучало уважение.

— Чемпион области, — подтвердил Булгаков. — Я видел его на ринге; знаешь, как он укладывал своих противников? Дай боже!

Некоторое время они работали молча, с ожесточением оттирая примерзшие кое-где серые пятна. От самолета пахло бензином и эмалитовой краской. Самолет подрагивал от толчков, как лошадь, от малейшего прикосновения к ручке в кабине шевелились руль высоты на хвосте и элероны на крыльях... Взобравшись на центроплан, Зосимов и Булгаков склонились над кабиной голова к голове, разгляды-

вали приборы, стрелки которых застыли на нулях. Тоска, жгучая тоска закрадывалась в курсантские души. Кто однажды поднялся в воздух и почувствовал себя пилотом, того от авиации не отвадить, можно только силком отодрать, как доску от забора.

Вскоре к машинам пришли летчики-перегонщики. Капитан Акназов разрешил вылет.

Инженер эскадрильи встал перед шеренгой самолетов и завертел в воздухе снятой с руки перчаткой — сигнал запускать. Моторчики зарокотали почти одновременно. Все вместе они наделали изрядно шуму.

На рулеже самолет УТ-2 положено сопровождать. Вадим взялся за кончик левого крыла и побежал, когда самолет двинулся к старту. Вадим помогал летчику разворачивать машину, придерживая, когда было нужно, крыло. Не остался без дела и Валька Булгаков: он подскочил к соседнему самолету, бесцеремонно оттолкнул курсанта, сам уцепился за крыло. Десять счастливчиков, которым досталось проводить машины на старт, возвращались, горделиво улыбаясь, сплевывая перемешанную со снегом пыль, хрустевшую на зубах.

Легкие, стремительные машины взлетали парами. Огибая круг над аэродромом, строились. И вот птичьим клином пролетели они над толпой курсантов, набирая высоту, заскользили вдоль стены дымчато-серых гор.

Подышали воздухом аэродрома — и хватит. Курсантов построили и повели назад — в скучное царство зубрежки.

Инженер-майора и старшего лейтенанта задержал на аэродроме командир эскадрильи, колонну было поручено вести старшему шестнадцатой группы. Тот подсчитал, чтобы все взяли ногу, запевала сильным, звонким тенором затянул «Летит стальная эскадрилья». Курсанты дружно подхватили песню, грянули, как полагается. Чипиленко издали энергично взмахнул им рукой: молодцы, ребята!

Дорога от аэродрома в городок перебегала через широкий овраг. Когда скрылись за косого-

ром летное поле и самолетная стоянка, песня заглохла.

Короткая, скупая понюшка аэродромной жизни растревожила Булгакову душу, может быть, посильнее, чем другим курсантам. Где-то идут воздушные бои, кто-то летает, а он, Валентин Булгаков, должен мерзнуть в учебном корпусе, высушивая мозги всякими формулами. С досады Валька выругался. Досада была такой, что нужно было вылить ее во что-нибудь. И Валька вдруг затянул хрипловато про Одессу и каштаны, про девчат... Многие курсанты песню знали и подхватили. Дальше в лес — больше дров: Валька пустил над головами разудалую частушку про милую, попавшую в переплет. Хохот прокатился по колонне.

— Давай еще, Валька!

— Про волка давай!..

Песенку про голодного волка они придумали сами и соответствующим образом «поставили» ее в шестнадцатой группе.

Истошным голосом Валька запел:

— Во-о-лк голодный пи-н-щу ищет...

Вся шестнадцатая группа дико взвыла:

— А-а-а, лихая судьба-а-а!!!

Их рев эхо понесло в городок, там могли подумать, что по оврагу мчится стая шакалов.

Вальку разобрало. Он без продыху сыпал «одесские куплеты», распевая их на разные мотивы. Припевы к таким куплетам всем известны. Запевалу поддерживал нестройный хор. Ряды смешались, двое курсантов пустились в пляс.

Вблизи городка Булгаков перестал дурачиться. Подровняли строй, взяли ногу. Но спохватились поздно. У подъезда учебного корпуса стоял, широко расставив кривые ноги, старшина эскадрильи — мрачный, как гранитная статуя. Похоже, все слышал.

Сико не шелохнулся, пока курсанты, гулко топая на пороге тяжелыми ботинками, заходили в подъезд. Булгакова подозвал к себе.

— Что это вы там спивали, Булгаков?

— Песни разные... — ответил Валька, глядя вбок.

— От таких песен уши вянут.

Валька промолчал.

— Строй — святое место. Знаете? — старшина вперил в Булгакова колючнй, прнтиснутый прямымн бровями взгляд.

— Знаю.

— Так хто вам дозволил «Гоп со смыком» петь?!

— Я такого не пел.

— Ну, вот что: сегодня после отбоя будете чнстить уборную. Там понамерзло... Надо ломнком поработать. Ясно вам?

— Ясно.

— Идите.

IV

ИЗ ДНЕВНИКА ВАДИМА ЗОСИМОВА

27 февраля

Враг остервенело вбивает стальные танковые клинья в глубнну нашей террнторнн, стараясь расколоть ее на частн. Пожары войны пылают всюду: по Укранне, на правом берегу матушкн Волгн, н фашистские солдаты греют над огнем этнх чудовищных костров свои покрасневшне от холода загребущне руки... Читая газеты и слушая радно, я жнво представляю себе этн страшные картины.

Бнтва разворачивается, небывалая, невиданная, фронту нужны свежие подразделення, частн, соеднення. Через нашу маленькую станцию днем н ночью ндут поезда. На запад жнвой, подвижной очередью ндут эшелоны, груженные новенькой, пахнущей краской техннкой, наполненные здоровыми, крепкими людьми в защнтной форме, сопровождаемые подчас гармошкой и песней; с запада возвращаются потрепанные, обожженные поезда, где в каждом тамбуре слышится стон н мелькают в окнах белые повязки, как чалмы мудрецов, уже перелиставших книгу войны.

В эту тяжкую пору в армию пошли девчата. Одним мужикам, видно, не обойтись. Кто куда попал из тех восемнадцати-двадцатилетних мечтательниц: одних ветер войны подхватил, как легкие перышки, и бросил на передовую, других пожалела судьба, расшвыряв по госпиталям, запасным полкам и всяким закоулкам громадного армейского хозяйства.

В учебную эскадрилью школы пилотов прислали двадцать девушек-красноармейцев. Назначили их мотористками. Весь день они работают на аэродроме, а во время обеденного перерыва идут через городок в столовую. В шапках-ушанках, в замасленных ватных комбинезонах идут они строем по двое, некоторые пары держатся за руки, и все это очень похоже на детский сад.

Одна из мотористок — моя землячка. Это выяснилось, когда мы, вызванные по тревоге на аэродром, драили самолеты. Женей ее зовут. Она невысока ростом, худощава и остроглаза. Кто-то уже научил ее курить.

Женя работает на аэродроме, я протираю казенные штаны в учебном корпусе; чтобы встретиться, надо ловить момент, когда девушки парами шествуют в столовую.

5 марта

В городок привезли старый кинофильм. Кино у нас нечасто, и потому после ужина зал курсантской столовой оказался битком набит. Сидели на столах и подоконниках, тесной толпой стояли в проходах. На экране мелькали разодетые в бальные платья красавицы, страдавшие из-за того, что кто-то там не так на них посмотрел. По сравнению с войной, с бедствиями миллионов людей переживания барышень на экране ровно ничего не значили, но странное дело: они заставляли зрителей принимать близко к сердцу их жизненные неурядицы.

Пока шел фильм, мы с Женей могли погулять около столовой, с тыльной стороны — никому не при-

дет в голову нас искать. Мы ходнли туда и сюда. Когда проходили мнмо открытой двери кочегаркн, красно-желтый отсвет топок выхватывал из темиоты ее профиль. Она краснва н кого-то мие иапомиииает. Ей захотелось курить; я подскочил к топкам, достал ложкой для нее раскалениую щепку саксаула — как перо жар-птнцы.

Нам было холодно. В кочегарку не зайти — там засекут. У Жеин, кроме того, вылез гвоздь в сапоге н покалывает пятку.

Я вызвался носнть ее иа руках и уж подхватнл было ее нетяжелое тело.

Но она вырвалась.

— Рукам лучше воли не давай!

Сеанс окончнлся быстрее, чем нужно. Шумная, толкающаяся ватага зрнтелей высыпала во двор. Кто-то лихо прнсвнстнул.

— Я убегаю, — заторопнлась Жеия. — Но что-то надо бы сделать с гвоздем. Ступить ие дает.

— Зайдем в кочегарку на мииуту, — потянул я ее за руку.

Около топок в это время как раз иикого ие было. Я разыскал в углу ломнк.

— Давай сапог.

Она оперлась спнной о стеику, протянув мие ногу. Я сдернул маленькнй сапожок, иащупал в нем пальцами гвоздь. Прнстукнул иесколько раз тупым концом ломика, засунув его в голеиище. Пощупал опять — нет гвоздя.

Встав иа одно колено, я помогал Жене иадеть сапог.

Так и застал меня, коленопреклонеииым, дежурный лейтенант, заглянувшнй по каким-то иадобиостям в кочегарку.

— Эт-то еще что такое? — угрожающе спросил лейтенант.

Я оглянулся: синяя шннель, красная повязка на рукаве.

Черт знает, о чем ои подумал, этот лейтенант. Разошелся — не остановить.

— Для всех проводится культурио-массовое мероприятие, а оии тут уединились! — выговаривал лей-

тенант. Вид у него был прокурорский, иногда он нехорошо усмехался. — Безобразие тут развели! Скоро в казарму водить начнете! Ваша как фамилия?

— Курсант Зоснмов.

— А ваша?

— Рядовая Селиванова.

Ткнув ей в грудь пальцем, дежурный приказал:

— Вы, кру-гом! Марш в подразделение.

А меня повел за собой, в канцелярию эскадрильи.

Там сидел за столом, листая кннжечку устава, Чиpиленко.

— Вот полюбуйтесь! — воскликнул дежурный с порога. — Во время киносеанса затащил в кочегарку девицу и начал ее раздевать. Позор! Если некоторым воинская честь не дорога, так мне, командиру, она дорога.

— Сейчас мы разберемся, — сказал Чипнленко, метнув на меня строго разящий взгляд.

Лейтенант ушел с уверенностью, что ему удалось в зародыше пресечь вопиющее нарушение порядка.

Выражение лица Чнпиленко сейчас же переменилось. Старший лейтенант улыбнулся смущенно, стал ходить по комнате, заложив руки за спину. Я стоял столбом.

— На кого другого, а на вас бы не подумал, товарнщ Зосимов, — бросил походя старший лейтенант. — Как же вы допустили такое дело?

— Он все врет! — выпалил я.

— Кто врет? Лейтенант врет? — Чипнленко остановился, посмотрел мне строго в лнцо.

— Хотя бы и он.

— Поосторожней на поворотах, товарищ Зосимов, Он застал вас в кочегарке, на месте, понимаешь!..

— Ничего он не застал.

— Ладно, ладно! Не будет же дежурный выдумывать.

— Ничего не было, товарищ старший лейтенант, — твердо сказал я. Пришлось упомянуть про гвоздь...

— Не будем копаться в этих самых деталях... — Чипиленко сделал рукой движение фокусника. — Но я вас должен предупредить: глядите у меня!

12 марта

Разговором в канцелярии дело не кончилось. Дежурный лейтенант доложил командиру эскадрильи письменным рапортом об «аморальном проступке курсанта Зосимова». В рапорте были приведены факты, обнаруженные дежурным лично, и капитан Акназов не стал дополнительно разбираться, арестовал на пять суток — и все!

Так мне пришлось познакомиться с гауптвахтой. Арестованных гоняли на тяжелые и грязные работы. Без ремней, понуро опустив головы, брели мы через двор городка, конвоируемые вооруженным солдатом — как будто нам вдруг захочется убежать. Обед нам отпускали в столовой в последнюю очередь, но зато щедро. «Для «губы», — говорил караульный, ставя на полку раздаточного окна ведерко, и повар, жалостливо покачивая головой, наливал полнехонько. «Губари» хлебали вволю, еще и караул подкармливали.

Дважды ко мне прорывался Валька Булгаков, хотя часовые его не пропускали. Принес табачку. Допытывался, за что меня посадили, я ответил: за грубость в разговоре с дежурным, а про Женю не сказал ничего.

Валяясь на арестантских нарах, я думал о Жене Селивановой. Мне представлялось, как Женя в строю девушек-мотористок идет на аэродром, и я сам почти физически чувствовал облегчение от того, что гвоздь в ее сапоге больше не колет.

Женя рассказала мне давнюю историю из своей жизни. Она училась тогда еще в седьмом классе, а в нее влюбился восьмиклассник. У него это все было серьезно. Чтобы сидеть с нею за одной партой, он стал плохо учиться, нахватал двоек и остался на второй год в восьмом. Материнские слезы и отцовский ремень не помогли. Остался он на второй год и

сел за одну парту с Женей. Она была отличницей, и он сделался круглым отличником.

В эскадрилье начинают замечать, что курсант и мотористка в замасленном комбинезоне появляются вместе на аэродроме, в столовой, когда там «крутят кино». Булгаков бросает на меня свирепые взгляды и ждет, когда я ему все расскажу. А я не могу об этом говорить даже с лучшим другом.

Наступают такие времена, что за дневник, наверное, возьмусь не скоро...

V

«Весеннее солнце и вот та ветка урюка, убранная белым цветом, разлагают дисциплину», — констатировал Чипиленко. С напускной строгостью смотрел на курсантов, гонявшихся друг за другом по строевому плацу, игравших, кажется, в пятнашки. Видали, что у них в голове? Чипиленко достал свои старомодные карманные часы, встряхнул их перед глазами и умышленно затянул перерыв на целых десять минут.

Около плаца — курилка, каре из четырех скамеек. Там сгрудились курсанты вокруг летчика-инструктора, младшего лейтенанта Горячеватого. Он сидит покуривает, иногда начинает размахивать выставленными вперед ладонями, будто восточный танец исполняет.

В речи Ивана Горячеватого, рослого, с мужественным лицом детины, чувствуется сильный украинский акцент.

— Насколько она мне раньше нэ понаравылась, настолько она мне теперь понаравылась...

Не о девушке рассказывает младший лейтенант, нет. О машине, на которой недавно начали летать инструкторы. Ее называют УТИ-4, что значит учебно-тренировочный истребитель. Это тот же И-16, только двухместный, имеющий спаренное управление. Лобастый, с короткими крылышками самолет, стремительный и верткий, как шмель. Когда начиналась война, такие истребители разбудили однажды своим ревом

небольшой рабочий поселок у Горячего ключа... Вадим вспомнил, как нес тогда на коромысле два ведра горячей воды — для мамы... Давно гремит война на западе, каждый день передают по радио гнетущие сводки, мирное житье всеми забыто, словно и не было его совсем...

— На посадке очень сложная машина. Чуть скорость потерял, сейчас провалится. Козел! — Горячеватый помахивает ладонью волнообразно, изображая, как будет козлить машина, то есть прыгать. — Допустим, сел нормально. Это еще не все! Надо выдержать направление на пробеге. Вертлявая она, как зараза, чуть успеваешь педалями работать. А упустили направление на пятнадцать градусов — ваше присутствие в кабине не обязательно!..

Младший лейтенант таращит на слушателей страшные глаза, и все понимают, что он хотел сказать.

Почему наше присутствие в кабине не обязательно? Да потому, что машина, развернувшись на пятнадцать градусов, будет и дальше вертеться, и силы рулей уже не хватит, чтобы ее остановить. Может упасть на крыло, как подбитая птица.

Инструкторы, значит, летают на УТИ. Когда же курсантская очередь дойдет хотя бы на чем-нибудь полетать?

Вадим Зосимов решается спросить:

— А бензину пока мало, товарищ младший лейтенант?

Все примолкли в ожидании ответа. Инструктор долго свертывает цигарку, долго прикуривает от зажигалки, сделанной из винтовочного патрона.

— Мало! Если бы хоть мало, а то совсем нема! — сердито бросает он.

Курсанты повесили головы. Кто-то негромко ругнулся в задних рядах.

— Но говорять, скоро пришлють, — добавляет инструктор.

Со стороны плаца доносится голос Чипиленко:

— Становись!

Курсанты идут строиться. Инструктор тоже поднимается.

— Не теряйте времени, — говорит он, невесело улыбаясь. — Будете иметь хороший налетик на плацу, он вам и в воздухе пригодится.

VI

Сам Иван Горячеватый времени не терял. Днем с завидным упрямством занимался в классе аэродинамики или участвовал в инструкторских полетах, если они были; вечером писал рапорты. Писал в разные инстанции, начиная от начальника школы и выше, категорически излагая единственную просьбу: послать на фронт. Подобно бумерангам возвращались не менее категорические ответы начальников, требовавшие, чтобы младший лейтенант Горячеватый выполнял то, что ему поручено, и служил там, где приказала в настоящий момент Родина. На некоторые рапорты не было никаких ответов.

— Бумага все терпить, — ворчал Иван. И развивал известную поговорку дальше по-своему: — Бумагу можно какую на стенку повесить, а какую захватить с собою в отхожее место.

Однажды вечером, когда настроение у Ивана было испорчено очередным письмом-отказом, ему передали через дежурного распоряжение капитана Акназова: готовиться к маршрутному полету в штаб школы, вылет завтра в шесть ноль-ноль.

— Го-го! И то дело!.. — обрадовался Иван. В штаб школы — это же в соседнюю республику, километров за четыреста отсюда. Правда, везти пассажира, майора какого-то из военного трибунала, — скучновато с ним будет. Иван, конечно, доставит его, как ящик с яйцами. Зато на обратном пути... можно будет и бреющим походить.

Достав из планшета потертую карту. Иван осторожно (чтобы не прорвать) вычерчивал линию маршрута. Около него собирались другие инструкторы. Ребята, конечно, завидовали: каждый бы не отказался слетать. Чувствуя себя объектом внимания, Иван чуточку обнаглел.

— Лейтенант, слышь? — обратился он к товарищу

постарше. — Найди там, где ветрочет, а то мой ни черта не действует.

Лейтенант протянул Ивану свой ветрочет — несложный штурманский инструмент, используемый для расчета навигационных элементов маршрута.

— Ага, ладно, — кивнул Иван.

Когда работа была окончена и все направились в курилку подымить, к Горячеватому притиснулся плечом один инструктор, молчаливый такой, малозаметный парень.

— Ваня, сделай доброе дело, — попросил он несмело.

— Чего тебе? — повернулся к нему Иван.

— В отделе кадров давно лежит мой рапортюга. На фронт прошусь, понимаешь? Узнай, что там и как...

Горячеватый нахмурился.

— Некогда мне по отделам кадров ходить, — сказал он, махнув рукой. — Та зайду вже, чтоб отвязаться.

Сам же намотал себе на ус: в штабе не только в отдел кадров можно заглянуть, но и к самому начальнику школы пробиться. «А ну послухаем, что он ответить мне с глазу на глаз. Пускай отсылает на фронт — и точка!»

Ранехонько выпорхнул в воздух легкокрылый, сверху зеленый, а снизу светло-голубой УТ-2, похожий на большую крякву. Машину, кстати, так и называют — «уточкой».

Маршрут пролегал вначале над пустынной местностью, потом прижался к предгорьям; слева по курсу, на юге, теснились острые вершины в снежных шлемах — будто несметное войско средневековья. Овраг, прорезанный издавна небольшой речкой, бежал на запад, параллельно курсу самолета. Он был довольно широк, без крутых поворотов. «На фронте надо бы снизиться до бреющего полета, идти по оврагу, — размышлял Горячеватый. — Маскируясь в складках местности». Отчетливо и впечатляюще представлялись ему боевые условия, он затеял тактическую игру, мыслен-

но вынскнвая в небе вражеские самолеты, атакуя их виезапно и стремительно. Его острый глаз высмотрел иа дальнем склоне тройку диких коз. Спикировать? Ударить по движущимся целям? Горячеватый слегка отжал ручку, поиукая машииу к снижению. Огляиулся на пассажира: тот сидел в гиезде задней кабииы каменным изваяиием, вперив глаза в приборную доску. Убрав газ иа секунду, Горячеватый прокричал: «Гляньте, козы!» — и показал рукой. Пассажир иа это ннкак не среагировал. «Ну его к черту! — подумал Горячеватый. — С таким деятелем на борту лучше не пикировать, а то еще под трибуиал подведет».

Козы, заслышав над собой шум самолета, бросились в кустариик, иа их месте осталось лишь облачко пыли.

Четыреста километров — почтн три часа воздушиого пути для «уточки». Для пилота дело привычиое, а майор юстиции, выбравшись из кабииы, побрел прочь невериой походкой. Горячеватый криво усмехиулся ему вслед.

Было около десяти утра, когда Горячеватый прнехал с аэродрома в город. Штаб школы пнлотов помещался в иебольшом двухэтажном здаиии, окружеином могучими, выше кровли, тополями. Солице уже пригревало, некоторые окиа были распахнуты настежь, и оттуда слышались очереди пишущих машииок. Совсем иной мир, не то что иа аэродроме нли в штабе эскадрильи. Горячеватый имел иа руках разовый пропуск, выписаииый по звоику зиакомого штабиого работиика, однако мимо часового прошел с опаской: а вдруг ие пустит?

Не так-то легко было попасть в кабииет иачальиика школы — вот чего не учел Горячеватый по простоте своей. В приемной сидело несколько командиров — все с папками, все постарше Горячеватого званием. Адъютаит посоветовал младшему лейтеиаиту пойти погулять по городу, а где-то за час перед обедом явиться — возможно, тогда его примет начальник школы.

Что оставалось делать? Не к Акназову собрался, в дверь не постучншься.

Пошел Горячеватый по городу. Любовался шнро-

кими заасфальтированными улицами, слушал веселое журчанье арыков, бежавших вдоль тротуаров. Завернул на рынок, где решительно ничего не мог купить из-за страшной дороговизны военного времени.

Так он дошел до вокзала. Вышел на перрон. Только что отправился пассажирский поезд. Стихал за семафором металлический перестук колес. На дальних путях, в стороне от перрона, стоял состав из пассажирских вагонов, без паровоза. Народу около него множество. А что за состав такой?

Подойдя поближе, Горячеватый увидел на вагонах белые круги, а в них — красные кресты. Санитарный поезд, вот оно что. На людях, толпившихся около вагонов, белели повязки; то голова укутана до глаз, то рука, заботливо спеленатая, покоящаяся на груди, как ребенок... Негромкий говор витал над толпой. Где-то в конце состава грустно напевала гармошка.

Горячеватый медленно шел вдоль вагона, вглядываясь в лица раненых. Вот они, фронтовики... Молодые парни и мужики уже в летах. Еще несколько дней назад они сражались в огне войны, проливали свою кровь, защищая родную землю.

— Младший лейтенант! Эй, летчик! — послышалось из окна вагона, мимо которого как раз проходил Горячеватый.

Обернувшись на зов, Иван увидел в рамке открытого окна совсем юное, но бледное, без кровинки лицо. Парень наклонил голову, свесив роскошный чуб.

— Привет, авиация! — Он протянул Горячеватому руку, почему-то левую. — Ты здесь, наверное, в училище работаешь?

— Ну да. В школе пилотов инструктором, — ответил Горячеватый, краснея до ушей.

— Дело нужное, — сказал парень. Он повернулся к своим спутникам по купе, и кто-то вставил ему в губы папиросу, поднес огоньку. И опять выглянула чубатая голова из окна. — А я, значит, там был. Тоже летун и тоже младший лейтенант.

Хотелось парню поговорить, а Горячеватому — еще больше. Но с чего начать разговор с незнакомым фронтовиком? Чтобы не молчать, Иван задал во-

прос, который подвернулся бы на язык каждому летчику:

— А на чем летаешь?

Дружелюбно улыбнувшиеся глаза парня вдруг зиркнули как-то диковато, затравленно.

— Летал на штурмовиках, — ответил он погодя. И опять заулыбался, очевидно, что-то вспомнив. — Слыхал это: кто летает на ИЛе, у того шея в мыле? Вот так, браток. Шея-то ладно... А кто летает на ПЕ-2, тот до баб охоч едва-едва...

Парень хохотал. Горячеватый вторил ему.

— Тебя как зовут, младший лейтенант?

— Иван Горячеватый.

— Ваня, значит. А я Серега Снегирев. Вот и познакомились мы с тобой.

Потом они заговорили уже серьезно, заговорили о том, чем жил и дышал в то грозное время каждый.

— Ну, как там? Бьют наших? — спросил Горячеватый доверительно.

Снегирев, мальчик в гимнастерке, начал рассказывать тоном старшего:

— Положение на фронтах, конечно, тяжелое. Отступаем и отступаем. Но нельзя так сказать, чтобы наших били. Наоборот, мы их, гадов, бьем. Штурмовиков, например, наших фрицы здорово боятся: как только начнем карусель над передним краем, они даже стрелять перестают — разбегаются к чертовой матери. А братья истребители, что прикрывают нас в боевом полете, те вообще отчаянно кидаются на противника. Но мало техники у нас, Ваня, мало самолетов, понимаешь? Все, слышь, вступаем в бой с превосходящими силами противника. А почему с превосходящими?

Упругий плевок полетел на соседние рельсы.

— А честно говоря, гибнет нашего брата уйма, — продолжал Снегирев. — Опытные летчики погибли в первых боях. Сейчас зеленая молодежь идет на фронт. Налет пустяковый, только что за ручку научились держаться. Вылетает шестерка на задание — возвращаются три, два... а то и совсем ни одного. Там такая рубка, браток! Кто не был, тот побудет, кто побыл, не забудет.

Потолковали еще с полчасика, выкурили по третьей. Интересно побыть с фронтовиком, да надо идти Горячеватому: время близится к обеду.

Сделав несколько шагов от окна, Горячеватый ощутил на затылке сверлящий взгляд того парня. Оглянулся, и даже не по себе ему сделалось: на нем остановились округлые, немигающие глаза, в которых было что-то не от мира сего. Тоска, отчаяние, страсть переполнили эти глаза, вытеснив рассудок. Снегирев высунулся из окна по грудь, и только теперь можно было заметить, что правой руки у него нет по локоть.

— Летай, Ваня. Летай, как только можешь, и плюй на все остальное. Понял?! А я уже отлетался...

После этих слов Снегирев скрылся в купе, видно, упав на постель. Послышался его надрывный, пронизывающий душу стон — так стонут во время приступа падучей болезни, чтобы потом надолго замереть.

Начальник школы пилотов, невысокий, но с богатырским разворотом плеч полковник, пробежав глазами рапорт Горячеватого, швырнул бумагу ему обратно.

— Почему не по команде обращаетесь, товарищ младший лейтенант? Устава не знаете?

— Разрешите сказать, товарищ полковник: я и командиру эскадрильи уже писал и в отдел кадров...

Не слушая объяснений, полковник продолжал начальственным тоном:

— Не по команде — это раз. Во-вторых, надо же понимать простую истину: если все инструкторы разбегутся на фронт, кто будет готовить летный состав для того же фронта? Возьмите свой э-э-э... бессмысленный рапорт.

Полковник приподнялся, собираясь, очевидно, протянуть руку и пожелать всего хорошего. Но Горячеватый держался на расстоянии. Нет, не для того он за четыреста километров прилетел, чтобы так вот выставили его за дверь, будто школьника.

— Товарищ полковник, разрешите доложить.

— О чем тут докладывать? Все ясно. Ответ вам дан, времени на пустые разговоры и так немало затрачено.

— Товарищ полковник, разрешите! — еще тверже произнес Горячеватый, сцепив челюсти, что тиски железиые.

— Ну, слушаю вас. — Начальник школы вновь откииулся на спинку кресла.

Чтобы не сбиться, не скомкать свои, как ему казалось, очень убедительные доводы, Горячеватый начал говорить медлеино, отрубая фразы, каждую в отдельиости.

— Идеть тяжкий период войны: немцы под Сталинградом. Сейчас на фронт нужио опытных летчиков. А такие выпускники, каких теперь выпекають... Лучше они пойдуть на фронт потом, когда немного легче станет.

— Стратег! Скажи, какой дальновидный! — Сиисходительиая улыбка полковиика тут же исчезла. Черты лица налились суровой тяжестью. — Зачем же выпускаете таких желторотых, товарищ инструкторлетчик? Значит, плохо учите людей! Выходит, и здесь, в тылу, не справляетесь.

Четыре шпалы на полковничьей петлице били в глаза рубииовым блеском, давили силой большой власти. Но ие оробел перед ними единственный кубик Горячеватого.

— Не справляюсь... А самолеты вы мие дали? А беизин вы мне дали?!

Вскочив, полковник зашагал по кабинету. Остаиовился иапротив Горячеватого, лицом к лицу, даже его теплое дыхание было ощутимо.

— Вы правы: матчасти и горючего недостаточио. Но если так рассуждать, то можио вообще до пораженческих настроений докатнться. Всюду ие хватает, и всюду тяжело: и здесь и на фронте тем более. В томто и задача иаша, чтобы выстоять в этих условиях и выполнить свой долг, как положено.

— Это ясно, товарнщ полковник.

Без дальнейших рассуждений полковник молча, тычком, подал руку Горячеватому.

Надо прощаться, а что ж еще осталось делать?

В обратный путь инструктор вылетел после четырех часов дня. Солнце держалось еще высоко, светило почти в спину, поскольку самолет шел курсом на восток, и видимость вперед была отличная: каждый холм или овражек рисовались четкими линиями и яркими красками.

Слева, в лощинке, курилась пыль. Дикие козы — целое стадо — бежали наискось по склону. Стоило довернуть машину влево, чтобы спикировать как раз на них. Но сейчас Горячеватый не обратил на дичь никакого внимания. Даже отвернулся.

Склонив голову на левый борт, он глядел на землю, выдерживая линию пути, а думал о своем. Не было зла на начальника школы, который не уважил его просьбы, не хотелось вспоминать нудные разъяснения кадровика, с которым тоже довелось встретиться в штабе школы. Время от времени возникали перед глазами восковой бледности лицо и русый чуб Серегн Снегирева, звучали эхом его слова: «Не они нас, а мы их бьем...», «Там такая рубка, браток!»

На войне, конечно, не дома — это ясно Горячеватому. Не приключений, не наград он ищет, если рвется на фронт. Там все, кто владеет оружием и душу имеет, там судьба страны решается — и он должен быть там. А погибнуть в бою придется — значит, на роду так написано Ивану Горячеватому.

VII

Шестнадцатая учебная группа заступила в караул на аэродроме. Начальником караула, его помощником, разводящим пошли курсанты — все свои ребята. Впереди сутки вахты. Хоть и скучно стоять с винтовкой где-нибудь в дальнем углу аэродрома, а все-таки лучше, чем на занятиях: можно думать о чем-то хорошем, мечтать о времени, когда ты летчиком-истребителем отправишься на фронт, проведешь десятки победных воздушных боев, в одном из которых будешь нетяжело ранен, а потом твоя же часть

освободит от врага рабочий поселок у Горячего ключа, и ты увидишь мать, сестреику и отца, которые по счастлнвой случайности все остаиутся живы-здоровы. За четыре долгих часа пребываиия на посту можио сочинить в уме целую повесть. Особеино иочью, когда вокруг темеиь и тншина н самолеты спят под брезеитовыми чехлами.

От кого и что тут охраиять, собственно говоря? За условной границей аэродрома простирается бескрайняя степь, никого там нет, раз в неделю проедет старый казах на ослике, напевая древнюю монотоиную песию, — так что, ему нужен твой самолет?

Отстояв четыре часа, Вадим Зосимов пришел в караулку. Поужинал, завалился на нары. После легкого ужина, состоявшего из полумиски водянистого пюре и кусочка соленой, вымоченной до костей рыбы, не спалось. «Таким ужином только балерин кормить», — подумал Вадим. Перевернулся несколько раз с боку на бок н начал было дремать. Его толкнулн в бок. Открыл глаза: Булгаков.

— Чего тебе, Валя?

— Вставай, пойдем второй ужин рубать, — шепнул Булгаков.

Сон как рукой сияло.

Булгаков шел по тропинке, спускаясь в овраг, Зосимов — за ним.

— Наши ходили в эскадрилью за ужином и по дороге прихватили сахарной свеклы, — рассказывал Булгаков. — На путях стоял состав, иа платформах бурякн. Они тут, в Средней Азни, здоровенные растут, по полпуда каждый. Натаскали, сколько могли уиести вчетвером.

В овраге тлел костерок нз саксаула. Над ннм висело ведро, н в том ведре аппетнтно булькало.

— Готово, кашевары? — окликнул Булгаков начальственным тоном, он ведь сегодня разводящнй.

Вместо ответа Костя Розиискнй протянул ему на острие ножа ломтик упаренной свеклы. Шкапа даже разговаривать ленился.

Булгаков пожевал.

— Немного хрустит и горечью отдает. Надо еще минут пятнадцать поварить.

— Вы их варите? — спросил Вадим. — Эх, разве так! Их же надо печь в золе, пирожное получится.

— Ладно тебе выдумывать! — отмахнулся задетый «кашевар».

— Я не выдумываю. А вот ты, Шкапа водовозная, ни черта не соображаешь.

— Пошел ты знаешь куда?..

— Сам пошел!

— Слушай, Вадим, вон лежит целая куча свеклы,— вмешался Булгаков. — Бери и делай, как ты знаешь. Пока эти сожрем, твои подоспеют на второе.

Ведро сняли с костра. Костя Розинский по праву кашевара делил. Вадиму протянул миску, наполненную с верхом.

— Рубай. А то ты с голодухи злой, как собака.

Дымящаяся, пахнущая растворенным сахаром, свекла вызвала у Вадима головокружение. Наверное, и у других тоже так. Все жевали, чавкали, дули на свеклу, раскаленную, как саксаул, о разговорах забыли. Вадим ел и делом занимался: разгреб тлевшие угли костра, заложил туда с десяток корней свеклы, притрусил горячим пеплом.

— Добрый замес. Через часок понюхаете, — пообещал он.

Покончив с порциями, закурили. Немного отдохнули, а потом Костя разложил по мискам, что оставалось в ведре.

В полночь поспел Вадимов замес. Свекла, испеченная в золе, показалась шоколадом-мармеладом. Ребята хвалили Вадима. Шкапа тоже подбросил ему какой-то вялый комплимент.

У курсанта вечно голодный блеск в глазах. Голодному хочется только одного — поесть. У сытого в голове начинают роиться и другие мысли.

— Тоска зеленая, братцы, — проговорил Зосимов. — Сколько времени нас маринуют? Год с лихом, да?

Пригорюнились ребята, обманутые в своих пылких юношеских мечтах. Дома, в аэроклубе каждому ведь было сказано: ты теперь почти готовый летчик, на истребителе тебя немного покатают и жми на фронт,

большого перерыва в полетах, боже упаси, допускать нельзя, а то потеряешь квалификацию. Давно все это растоптано, давно забыто. Не дают летать им, крылатым. А как хочется! Не только потому, что их призывает фронт, где без них очень трудно. Пилоты — это такие особенные люди, можно сказать — уже не совсем нормальные люди: без неба начинают хиреть и сохнуть, как деревья без воды.

Костер, одолеваемый холодным вечным сном, изредка подмаргивал огненными глазками, прежде чем совсем их закрыть.

В темноте прозвучал голос Зосимова:

— Давайте сами подлетнем!

На голос повернулись.

— Тебе что-то приснилось после двух порций свеклы? — спросил Булгаков.

Вадим не обратил на насмешку внимания. Продолжал спокойно и обстоятельно — видно, мысль нелегально подлетнуть зародилась у него давно:

— Там, в конце самолетной стоянки, стоит ПО-2. Наш знакомый, все мы на нем летали в аэроклубе самостоятельно. Машина заправлена бензином и маслом, я проверил. Встать ранехонько, на рассвете, взлететь, походить над пустыней и вернуться — никто не заметит и не услышит...

— Взлетать надо на юг, чтобы сразу уйти отсюда, — невольно включился в крамольный разговор начальник караула.

— А на посадку заходить с обратным курсом, — подсказал Булгаков.

Черт возьми, до чего же заманчиво! И совсем просто и, кажется, безопасно.

— Никто не пикнет? — спросил карнач *.

— В карауле сегодня только наша группа. Вроде некому, — подал голос Костя Розинский. В тоне, каким это было сказано, прозвучала твердая уверенность.

— Кто полетит первым? — спросил Булгаков. Он уже увлекся, не остановить.

— Я слетаю, — вызвался Зосимов.

* Карнач — караульный начальник.

— Мы с тобой вместе сядем, — предложил Булгаков: — Ты в первую кабину, я во вторую.

— Ладно. Руководить полетом буду я! — решил начальник караула, веселый по натуре парень. И пошел дурачиться: — Розинский, ко мне!

— Слушаюсь! — Костя вскочил, включаясь в игру с несвойственной ему прытью.

— Выдать летному составу по два буряка.

— Есть.

— И один принести руководителю полетов. В зубах.

Поднялся смех, посыпались со всех сторон остроты. Эта штука, которую они задумали, веселила их, тревожила и притягивала к себе неотвратимо.

С рассветом началось.

Из всего караула на посту остался единственный часовой. Он смотрел только в одну сторону — туда, где через овраг был переброшен мостик. Лишь с этого направления мог появиться поверяющий караулы, другого пути на аэродром из городка нет. Если появится, часовой увидит его издали, сейчас же подаст сигнал тревоги, и ребята успеют разбежаться по своим постам. Бдительность эта на крайний случай. Вряд ли будет поверяющий: если уж ночью не пришел, то теперь, утром, не придет.

Окруженный мятежной толпой, горбился самолет-старикашка, его деревянный винт, установленный горизонтально, напоминал усы.

Сорвали брезентовый чехол, отцепили швартовочные тросы...

Зосимов с Булгаковым полезли в кабины. Карнач вскочил на крыло и, показав обоим кулак, предупредил, как настоящий инструктор:

— Помните, паразиты: подломаете на посадке машину — всем нам тюрьма!

Пилоты осматривались в кабинах, щупали секторы и приборные доски — как давно они все-таки не летали. Вадим выглянул за борт, в его глазах сверкнули искорки отчаянной смелости.

— Контакт!..

— От винта!

Что вы думаете: запустился мотор с первого оборота. Наскоро прогрели его. Вадим сбавил газ до минимального и лихо взмахнул руками, что означало: убрать колодки из-под колес.

Колодки убраны. Можно выруливать и взлетать...

В ту самую минуту, когда Вадим осматривался перед прыжком в воздух и винт «молотил» на малых оборотах, со стороны безлюдной степи донесся звук выстрела. За ним прогремел второй.

Все, в том числе и пилоты из своих кабин, увидели бегущего человека. Он что-то кричал, размахивал дымившимся ружьем.

— Поверяющий. С тыла зашел, — обреченно проговорил начальник караула.

Мотор был выключен. Курсанты-часовые, кому полагалось в то время нести вахту, бросились на посты. А карнач побрел к помещению караулки не спеша, ссутулив плечи. Сразу сделался на полголовы ниже.

Никогда поверяющие не заходили с той стороны, всегда шли через овраг по мостику. А этот решил совместить приятное с полезным: отправился в степь поохотиться на зорьке, а уж на обратном пути завернул на аэродром. Вот почему он появился так внезапно. Застал всю шестнадцатую на месте преступления.

В караулке они стояли навытяжку, не смея оторвать глаз от пола, а младший лейтенант сидел около столика, широко расставив колени, упираясь в них кулаками, — как недоступный грозный судья.

Вадиму Зосимову лицо младшего лейтенанта показалось знакомым, но он никак не мог припомнить, где и когда его видел раньше.

— Совершено два преступления, — говорил младший лейтенант, растягивая слова. — Во-первых, часовые покинули посты, оставив объекты без охраны; во-вторых, была попытка самовольного взлета на ПО-2. И то и другое карается судом военного трибунала, особенно — первое. Уйти с поста, бросить самолетную стоянку на произвол судьбы! Подходи, вредитель, и учиняй любую диверсию, жги самолеты, кромсай от крайнего и до последнего... Так, что ли?

Гнетущее молчание.

— Так, я спрашиваю?! — закричал младший лейтенант, заставив шеренгу вздрогнуть.

Но никто не промолвил слова в ответ. Разве не ясно, что все обстоит именно так?

Младший лейтенант прищурил глаза, понизил голос:

— По законам военного времени знаете, что за это полагается? Минимум десять лет тюрьмы. Минимум!

Он не шутил и не пугал их зря. Теперь до сознания Зосимова, Булгакова и всех других дошел страшный смысл того, что они совершили. Час или полтора младший лейтенант «вправлял им мозги», ругал как хотел, разговаривал с каждым в отдельности и со всеми сразу.

— Идет тяжелейшая война. Родина в опасности. Лучшие патриоты на фронтах проливают кровь и гибнут, — рубил младший лейтенант короткими фразами. — Вам в тылу предоставлена возможность учиться и стать летчиками. А чем вы ответили на это? Воинским преступлением? — Он обвел их презрительным взглядом: — Эх вы!..

Повернулся к столу и стал что-то писать в постовой ведомости. Ясно, что он там напишет: приговор курсантам шестнадцатой группы. Прощай теперь, авиация, прощайте, мечты, впереди бесконечные годы тюрьмы, какого-то существования, совсем непохожего на жизнь, и лучше умереть, если так. Например, Вадим Зосимов знал, что он покончит с собой. И, пожалуй, откладывать надолго не стоит; уйдет поверяющий — Вадим встанет на пост и сам себя расстреляет.

В девятнадцать лет — смерть. Сдавило горло, будто его перехватила безжалостная костлявая рука...

Закончив писать, младший лейтенант сердито швырнул ручку, и она покатилась по столу, оставляя на подстеленной газетке чернильные кляксы.

Встал, посмотрел на курсантов. Как на смертников посмотрел — с жалостью.

И тут Вадим вспомнил, где он встречался с этим

человеком. Серое утро, пустой и холодный спортзал... С новичками разговорился тогда симпатичный младший сержант, кажется, Дубровский по фамилии. Точно, он! Уже младший лейтенант — видно, после выпуска направили сюда, в школу, работать летчиком-инструктором.

Младший лейтенант ушел.

Несколько минут курсанты продолжали стоять в оцепенении.

Начальник караула нехотя потянулся к постовой ведомости, лежавшей на столе.

— Что он тут хоть написал. За что нас расстреливать будут...

Прочитав первые строчки, карнач припал к столу, обеими руками притиснул ведомость, будто она могла сейчас ускользнуть от него, выпорхнуть голубем, и потом ее не поймаешь.

Приговор шестнадцатой группе был сформулирован так:

«10.06.42 г. в 5.00 произвел проверку караула № 1. Личный состав караула свои обязанности знает, службу несет бдительно.

Мл. л-т Дубровский».

VIII

ИЗ ДНЕВНИКА ВАДИМА ЗОСИМОВА

20 сентября

Жаркое лето прошло для нашей шестнадцатой группы безрадостно, прошло в духоте учебных классов и отупляющего бездействия караула. Время от времени нас подкармливали обещаниями, что вот-вот будет получен бензин и начнутся полеты. В общем писать было не о чем, и дневник мой спокойно спал под матрацем.

Однажды из группы взяли пять человек и послали в город получать контейнер с техимуществом. В пятерку попали и мы с Валькой Булгаковым.

На товарной станции контейнер долго разыскива-

ли, потом надо было ждать оформлеиня каких-то документов. А за забором проходила тнхая окраинная улица, вся увитая зеленью. Сквозь деревья проглядывало двухэтажное зданне кремового цвета, оттуда доносились ребячьи голоса.

— Школа, — догадался я.

— Точно, школа, — отозвался Валентнн.

Мы посмотрели друг на друга н, не сговарнваясь, отошлн вдоль забора подальше от «грузчнков». Остальные трое курсантов дремали на солнышке в ожидании контейнера. Нашего ухода не заметили.

Нашлн кусок рыжего войлока, с помощью которого навелн блеск на сапогах (отправляясь в город, мы одолжили у ребят сапогн). Перемахнуть высокий забор гимнастам инчего не стоило.

И вот она перед намн, школа. Чужая школа, родная школа, неприступиая крепость. Звонок звал школьннков иа урок, толпясь, они ныряли в шнрокую дверь.

Прогретый солицем, чуть прохладный в тенн воздух сентября кружил голову. Тонкнм комариным пением осталось в нем эхо школьного звонка. Какой же это звоиок: прозвучавший только что или сохранеиный в памятн с того временн, когда мы сами сиделн за партой?

Мы с Валькой вошлн в вестибюль школы. Навстречу подиялась сторожиха, такая же толстая, пожилая тетя, как в любой другой школе.

— Вам кого?

— Может быть, самого директора, — сказал Булгаков.

Техинчка оглядела нас недоверчиво, но пропустила.

В коридоре второго этажа ин едииой душн. На дверях таблички: 8 «А», 9 «Б», 10 «А». За дверьми слышиы голоса учителей, жеиские н мужские. Мы медленно шлн по коридору, стараясь не очеиь топать сапожищами, взятыми у ребят, — у меня они на номер больше. В дальнем коице коридора откуда-то выпорхиули две девочки в фартуках, быстро пошлн к нам. Мы отшатнулись к подоконнику. Валька сдернул было пилотку, но, вспомнив, что он стриженный под машинку, опять иадел. Блнже, ближе школьиицы; у одной косы, а у другой короткая, спортнвная прн-

ческа, обе красивые. Проходят мимо, едва взглянув на нас.

— Девочки, можно вас на минутку, — окликнул их Валька.

Остановились, глядят удивленно.

— Девочки, вы из какого класса?

— Из восьмого «Б», — пропели они дуэтом.

О чем же спросить еще? Неприятно теплая волна залила мою левую щеку.

— Мы хотим познакомиться с вашей школой, — сказал Булгаков.

Восьмиклассницы пожали плечами и пошли. Одна обернулась, бросив на ходу:

— Дядя, вам надо обратиться раньше к нашему завучу.

Булгаков тихонько заржал:

— Дяденька... Ге-ге-ге!..

А мне сделалось грустно. Оттого, что в школе нас, двух недавних учеников, за своих уже не признают. Я мечтал как-нибудь зайти в школу и просто посидеть на уроке, не сознавая, что этот шаг назад во времени, собственно, невозможен.

IX

— Зайдем к завучу. Не прогонит же он нас, — предложил Булгаков, когда они топтались в школьном коридоре, не зная, что делать дальше.

— Я думаю, сейчас не стоит, — помотал головой Вадим.

— Почему? Ты ведь хотел посидеть на уроке в десятом классе.

— Расхотелось, Валька, не пойду.

— Да пошли! — Булгаков потащил его за локоть. — В десятом «А», наверное, девочки симпатичные.

Вадим наотрез отказался и даже вспылил, когда Булгаков попытался втолкнуть его в учительскую. Тогда Валька, не понимая, что произошло в настроении друга, начал над ним подтрунивать:

— Чего ты струсил, Вадим? Может быть, подумал, что тебя спросят на уроке и двойку поставят?

— Не хочу — и все! Пошли отсюда.

— Ай да Вадим! Не знал я, что ты так учителей боишься. Или, может, девочки из восьмого класса тебя смутили? Одна из них ничего. Та, с косами которая.

Лирические раздумья Зосимова были Булгакову, конечно, понятны, но он, как человек сильной натуры, почему-то таких раздумий стеснялся и готов был скорее посмеяться над ними, чем признать. Зосимова это раздражало крайне, и только последним усилием воли сдерживал он себя от жесткого выпада против зубоскальства Булгакова.

Когда разгружали контейнер, Булгаков еще раз сострил насчет школы. Вадим грубо оборвал его. До конца работы они не разговаривали, на перекурах молча протягивали один другому «сорок», потому что на закрутку был еще третий претендент, жаждущий получить «двадцать».

Первая размолвка оставила царапину на цементе их дружбы.

Пятеро курсантов вернулись в эскадрилью вечером и попали, как говорится, с корабля на бал: приезжие артисты давали концерт.

В той же курсантской столовой были наскоро сооружены подмостки, артисты появлялись на них, выходя из раздаточной.

На сцену вышел, пошатываясь, размалеванный человек в немецкой военной форме. «Фриц», конечно, был глуп и к тому же пьян. Разговаривая по телефону с подчиненными, он воспринимал их доклады с ошибками, которые вели все дело к неминуемому провалу.

«—...Едет полковник.

— Что? Покойник? Пусть едет, закопаем как надо.

— Наши войска окружают.

— Кого, русских?

— Наши войска окружают русские. Они нас!

— О майн гот!

Гримированный какой-то ваксой, человек метался по сцене, корчил рожи, орал благим матом. Он вызы-

вал в зале смех, но не искусством игры, а своим идиотским поведением.

«Фриц-комендант» истошно орал в телефонную трубку что в голову приходило, вокруг него вертелись безъязыкие подчиненные...

Неожиданно в эту сцену вписалось новое действующее лицо: на подмостки поднялся капитан Акназов. Зал сейчас же притих. Актеры опустили руки, предчувствуя недоброе.

— Товарищи курсанты! — негромко начал Акназов. Его правая бровь полезла на лоб. — Подобной халтуры в своем гарнизоне я не допущу. Артисты должны немедля уехать, машина их ждет.

Он спрыгнул с подмостка в зал, так ни разу и не взглянув на ошарашенных артистов.

Распахнулись обе створки двери. Курсанты гудящей толпой высыпали во двор. И тут же прозвенел прекрасно поставленный командный голос Чипиленко:

— Эскадрилья, строиться на вечернюю прогулку!

X

ИЗ ДНЕВНИКА ВАДИМА ЗОСИМОВА

10 октября

Вальке Булгакову принадлежит авторство в изобретении вот какого «аттракциона».

Во время утреннего осмотра в складках нательной рубахи одного курсанта нашли вошь. Самую обыкновенную. Всю группу из-за этого послали в баню. Пока мылись, пока проходили санобработку, полдня минуло.

Пойманное насекомое Валька приказал не уничтожать, а сдать ему на хранение. Он поместил его в плотно закрывающуюся коробочку и хранил у себя. Чем-то подкармливал.

— Вошка на гауптвахте, — зубоскалил он. — За нарушение порядка пять суток ареста получила.

Бывали дни, когда сидение в классе становилось невмоготу. И тогда Валька выпускал свою пленницу

на чью-нибудь нательную рубаху. Сейчас же докладывали о «найденной» на белье вше старшине эскадрильи. Тот свирепыми глазами изучал «факт».

— Сико случаев за последнее время. Никогда такого не було, — сокрушался старшина.

Шестнадцатая группа снималась с занятий. В баню, на санобработку!

Этого только и надо было. Шли вольным строем — не шаг, а горох, — подхватывали Вальку под руки, а он вполголоса распевал песенки одесских биндюжников.

Трижды разыгрывали спектакль. Но как-то Валька, открыв коробочку с целью подкормки насекомого, не обнаружил его на месте.

— Смылась, паразитка, — сообщил он хлопцам.

— Посмотри, может быть, она выползла к тебе на гимнастерку, — посоветовал один из курсантов.

Валька посмотрел. Не нашел.

— Будет она тебе тут сидеть, — бормотал он, просматривая швы гимнастерки. — За три километра убежала от эскадрильи.

Новый день в эскадрилье начался так, как всегда: физзарядка, утренний осмотр, завтрак. Потом Чипиленко прокричал:

— Все идут на занятия! Остаются на месте шестнадцатая и восемнадцатая учебные группы!

Что бы это значило?

Со стороны штаба неторопливо идет по песчаной дорожке капитан Акназов, за ним летчики-инструкторы. Кто перекинул ремешок планшета с картой через плечо, как положено, а кто несет планшет в руке, как дамскую сумочку.

Чипиленко выстраивает шестнадцатую и восемнадцатую, докладывает командиру эскадрильи.

Улыбаясь, капитан Акназов говорит:

— Ну вот, товарищи курсанты... Хватит вам по земле ходить, давно пора летать.

Никто команды не подавал. Но весь строй дружно закричал:

— Ур-р-ра-а-а!

Над головами воронами взлетело несколько пилоток.

Холодная улыбка Акназова, его неодобрительный взгляд моментально восстановили тишину в курсантском строю.

— Здесь не митинг, товарищи курсанты. Вас собрали для того, чтобы сейчас выйти с инструкторами на аэродром, заниматься предполетной подготовкой.

Акназов — это кремень.

24 октября

Отныне перестали существовать шестнадцатая и восемнадцатая учебные группы. Их слили воедино и впредь называли летающей очередью. Курсант из летающей очереди — это не то что любой другой курсант. Летающего не посылают в караул и в наряд на кухню, его получше кормят, чтобы не упал с неба от истощения, у него вновь пробуждается вера в то, что он все-таки станет летчиком.

Летающая очередь разбита на маленькие группы по четыре-пять человек — летные группы. Царь и бог в такой группе — инструктор: от него полностью зависит курсантская судьба. А строевик Чипиленко, цепкий, как паук, Сико и даже инженер-майор из учебного отдела — все они к летающим имеют теперь отношение косвенное, вроде бы стали рангом ниже.

Спозаранку рокотали над аэродромом моторчики учебно-тренировочных самолетов УТ-2. Младший лейтенант Горячеватый, не вылезая из кабины, сделал десяток полетов — по парочке с каждым курсантом нашей летной группы. Наконец зарулил машину на линию заправки. Взмахнул в воздухе перчатками-крагами: все ко мне.

— Шо я вам должен сказать, — заговорил он, когда мы подбежали к нему (на аэродроме все бегом!).— Техника пилотирования неплохо. Хотя перерыв у вас целых полтора года. Навыки, конечно, утеряны. Будем учить заново.

Лихо завернув одно ухо шлема, Горячеватый пошел к инструкторам, собравшимся кучкой поодаль. Я слышал, как он, закуривая, сказал:

— Ну и дубов надавали мне в группу. Медведя и того легче научить летать.

Его заявление было встречено дружным смехом.

— Ты же сам выбирал, Иван! А теперь жалуешься! — воскликнул инструктор Дубровский.

— Хто выбирал? — нахмурился Горячеватый.

— По списку, по оценкам за теоретическую подготовку выбирал. Все видели, как ты рылся в бумагах в учебном отделе.

— Ничего ты не видел, — сердито возразил Горячеватый. — Да и молодой пока за мною смотреть. Понял?

В летную группу инструктора Горячеватого попали Валька Булгаков, Виталий Лысенко, Костя Розинский я и один переведенный недавно из другой эскадрильи, знакомый ребятам лишь по фамилии, молчаливый, скромный курсант Белага. Пока младший лейтенант перекуривал с инструкторами, мы под руководством механика готовили машину к вылету: заправляли бензином, маслом, кое-где протирали.

Пришел Горячеватый. Большой, строго поглядывающий по сторонам. Курсанты около него что цыплята — мелкота. Полистав свою обтрепанную книжечку, решил:

— Сейчас сядить этот... Как его? Зосимов. Сделаем полетов пяток по кругу. Надо, чтобы результат был.

Я быстро уселся в кабине, подсоединил резиновую трубку к металлическому отростку «уха» *.

Вырулил на старт.

— Взлетай! — приказал Горячеватый.

Я посмотрел влево, вправо, обернулся назад: не заходит ли кто-нибудь на посадку. Помех никаких.

Как пилотировать этот самолет? Инструктор не показал, не дал потренироваться — в предыдущих двух ознакомительных полетах мы управляли машиной вдвоем, и не было понятно, кого она больше слушается. А, была не была! Я решил все делать так, как делал, летая на коробчатом ПО-2 в аэроклубе. Плав-

* На УТ-2 было простейшее переговорное устройство: рупор — резиновая трубка — металлический наушник.

но дал газ, одновременно начал отклонять ручку управления вперед, чтобы машина подняла хвост. На разбеге держал педалями направление. Далеко на горизонте торчала какая-то мачта с утолщением на верхушке — будто воткнутая в землю метла. По ней и ориентировался.

Вроде взлетели...

Первый разворот надо делать, когда наберешь сто метров высоты. Но инструктор начал кренить машину раньше — стрелка высотомера еще не дотянулась до деления «Г». Ясно: инструктор помогает. Со следующим разворотом я повременил.

— Чего спишь? — стрельнуло в ухо.

Вслед за тем Горячеватый хватил разворот с глубоким креном — левое крыло нацелилось в землю почти отвесно.

По прямой УТ-2 летел сам, никто его не трогал. Перед третьим, расчетным разворотом инструктор опять нетерпеливо проворчал:

— Давай рассчытуй, а то залетишь у Кытай!..

Посадка тоже получилась как-то сама собой: я просто держался за ручку управления.

В очередном полете я все-таки пилотировал по-своему. Инструктор покрикивал, иногда грубо вмешивался в управление, а я знай себе работал ручкой управления и педалями. Я не сидел в кабине пассажиром и не «спал», инструктору приходилось со мной состязаться и бороться. Мне казалось, что без инструкторских подсказок я слетал бы лучше.

Пять полетов по кругу взвинтили до предела. Шестой полет я бы не выдержал: или послал бы инструктора подальше, или разревелся.

Следующим в самолет сел Белага. Я передал ему парашют и вздохнул с облегчением.

Машина ушла в воздух.

— Какая-то своеобразная методика у него, — только и сказал я.

— У кого? — спросил Булгаков.

— У инструктора нашего, младшего лейтенанта Горячеватого.

С жадностью затягиваясь табачным дымком, я ус-

покаивался. Даже лучшему другу Булгакову выразил свое мнение об инструкторе сдержанно.

Белага, отлетав свои круги, пошатывался, как пьяный. Однако слова не обронил — он всегда молчит.

Последним должен был лететь Костя Розинский. Чем-то он не понравился инструктору с самого начала.

— Выруливай и взлетай! — бросил Горячеватый свое обычное.

Костя сейчас же дал газ. На линию исполнительного старта вырулили почти одновременно два самолета.

Мотор захлебнулся, когда инструктор ударил по рычагу, возвращая его назад.

— А осмотреться перед взлетом надо? — закричал Горячеватый так громко, что и мы услышали.

— Надо или нет, спрашиваю?!

Костя что-то бормотал.

— Вылазь! — отрубил инструктор.

Машину затащили на линию заправки. Скоро полетам объявили конец. Так Костя Розинский в этот день и не оторвался от земли.

2 ноября

Программа обучения на УТ-2 была небольшой — самолет считался «промежуточным». Курсантов подготовили и дали им по десять самостоятельных полетов. Когда-то в аэроклубе первый самостоятельный полет отмечался как праздник, его называли «вторым рождением». Здесь же все выглядело просто — ведь дело знакомое.

На УТ-2 мы получили первую практику в маршрутных полетах. Это было в новинку. Летишь по маршруту километров полтораста-двести; ориентируясь по карте, ведешь машину над перекрестками дорог, арыками и разными там Узун-агачами; летишь, правда, с инструктором, но все равно чувствуешь себя настоящим летчиком-штурманом, умеющим найти свой путь в безбрежном просторе неба.

Нескольким курсантам, которые, по выражению капитана Акназова, «выделялись в лучшую сторону»,

разрешили сходить по маршруту самостоятельно. А мне повезло больше всех: со мной решил полететь штурман. Пожилой капитан с лицом, испещренным старческими морщинами, преподавал в учебном отделе штурманскую подготовку. Он читал карту, будто газету, сложные навигационные расчеты для него — семечки, но он совершенно не умел пилотировать. Никогда не учился этому делу, ведь он — штурман, а не летчик. Вся, значит, надежда в предстоящем полете на меня, то есть на курсанта Зосимова. Он должен слетать отлично, посадить машину, безупречно, не подвергая опасности штурмана-старикана. Так-то!

Поднимая машину в воздух, я успел заметить краешком глаза: все инструкторы и курсанты, собравшиеся на старте, сам капитан Акназов смотрят на меня.

Горячеватый в маршрутном полете контролировал курсанта, загадывая ему разные загадки. А этот штурман помогал:

— Подверните влево десять градусов, надо взять поправку на боковой ветер.

Я подвернул.

— Держите нос машины на седловину между двумя вершинами. Видите? И точно выйдем на поворотный пункт.

Через четверть часа под крылом появилась россыпь домиков — поворотный пункт.

— Подходим к аэродрому. Бросьте свою карту и не отвлекайтесь. Все внимание — расчету и посадке.

«А коленки у него подрагивают», — подумалось мне.

Штурман провел меня по маршруту, как ребенка за ручку. Легко так ходить.

Зато с инструктором интереснее. Если первый участок прошел хорошо, без ошибок, на втором участке инструктор тебя вознаградит. Снизится до бреющего полета и ну гонять овец по степи. Пикирует на отару, серые комочки раскатываются в разные стороны, будто их раздувает ветром. Чабан машет палкой, собаки скалят пасти в бессильной злобе. Над кишлаком проносились низко-низко ревущим демоном. «Шоб тру-

бы позлиталы!» — кричал в рупор инструктор. Здорово! Всех «катал» на бреющем младший лейтенант Горячеватый, исключение составлял Розинский — с ним летали на положенной высоте 800—1000 метров. «Этот друг может в землю врезаться или разболтает кому...» — пояснил инструктор в доверительной беседе со мной и Булгаковым. Если начальство узнает о бреющих полетах — инструктору больше не держаться за ручку...

— Давайте повнимательней: слева по курсу аэродром. — Голос штурмана отвлек меня от воспоминаний.

«Перестань трястись!» — мысленно прикрикнул я на него.

Лихо развернул я самолет, заходя на посадку, — по-истребительски! Прибрал газок. Белое посадочное «Т» почему-то оказалось очень близко. Тут только я сообразил, что безбожно промазываю.

Нажал правую педаль, ручку наклонил влево, пытаясь скольжением на крыло потерять излишнюю высоту. Эффект мало ощутимый. Дал газ, уходя на второй круг для нового расчета.

Штурман не проронил ни слова, но надо было понимать, чего стоило ему это молчание. Старик, наверное, проклял тот час, когда ему стукнуло в голову лететь с курсантом. Вопрос жизни и смерти теперь полностью зависел от курсанта. Штурман очень любезно сказал:

— Спокойно, спокойно... Все у вас хорошо.

Со второго захода я сел. Прилично сел, но не так, как хотелось бы и как получалось у меня в самостоятельных полетах.

Зарулили, вылезли из кабин.

— Товарищ капитан, разрешите получить замечания.

— Что ж, замечания... — Штурман бросил на крыло свой парашют, звякнув лямками. Нижняя отвисшая губа у него дрожала. — По маршруту прошли нормально, а на посадке... Идите к своему инструктору, он вам сделает замечания по посадке.

Горячеватый сам уже шел к самолету. Помахивал ремешком планшета, словно собираясь выстегать про-

винившегося. Иногда Горячеватому что-то приходило на память. Хотя содержание разговора с переходом на «вы» не изменилось.

— Зосимов! — окликнул инструктор, надвигаясь на меня своей огромной косолапой фигурой.

— Я вас слушаю, товарищ младший лейтенант, — вытянулся я.

— Ну вас на фиг, с вашим заходом, расчетом и посадкой!

XI

С восторгом описывая бреющий полет в своем дневнике, Зосимов не знал, чем это пахнет. На бреющий особенно тянуло молодых инструкторов. Не лишали себя этого запретно-сладкого удовольствия однокашники Дубровского, как, впрочем, и он сам. Но то, с чем легко справлялся опытный пилот вроде Горячеватого, не всегда было по плечу молодому инструктору — вчерашнему курсанту.

И случилась беда. Шла бреющим полетом, не поднимаясь выше пяти метров, «семерка» — машина с бортовым номером «7». Инструктор скользил взглядом по бешено летящей земле справа, курсанту приказал смотреть влево: на случай какого неожиданного препятствия — один не заметит, так увидит другой. Но оба проглядели. Оба вдруг услышали треск, как будто по самолету ударили обухом, земля вздыбилась, оказалась почему-то сверху, накрывая пилотов темной пеленой.

Очнувшись, инструктор выплевывал влажный, соленый от крови песок, силился припомнить, что произошло, и не мог. Курсант пришел в сознание только в госпитале. Он был весь искалечен: стал бы ходить по земле — и то хорошо, о полетах думать нечего.

Выезжала на место аварии комиссия во главе с Акназовым. Чабаны рассказали о том, как самолет стукнулся о шелковицу, — они видели это собственными глазами.

— А часто летают вот так над самой землей? —

спросил Акназов. Его ладонь заскользила поверх травы.

— Очен шасто, очен шасто!..— быстро заговорил чабан-казах, тряся белой метелкой бороды. — Разные летают. Сэдьмой номер каждый день летал. — Старик указал кнутовищем на обломки самолета: — Етот.

В эскадрилье повели дознание. Капитан Акназов и его заместитель вызывали на беседу инструкторов и курсантов, пытались выяснить, кто еще летал бреющим. Все отнекивались. Полеты временно прекратили. Летающую очередь через день гоняли в наряд.

Однажды в казарму зашел младший лейтенант Горячеватый. Поманил пальцем Зосимова и Булгакова, отвел их в сторонку.

— Значит, запродали своего инструктора?—прошипел Горячеватый, сверля острым взглядом поочередно каждого.

Курсанты очумело смотрели на него.

— Кто ж донес на меня, хотелось бы узнать? — продолжал он свирепо.— Вы, Зосимов, или вы, Булгаков?

— Я ни слова никому не сказал,— пожал плечами Вадим, начиная понимать, что речь идет о бреющих полетах.

— Я тоже. Меня даже не вызывали,— сказал Булгаков.

— Не знаю, кто донес, но инструктору вашему теперь — во!.. — Горячеватый скрестил растопыренные пальцы рук, образовал перед своим лицом решетку.

— Мы не говорили, честное слово! — воскликнул Вадим.

— И не скажем! — страстно добавил Булгаков.

Горячеватый криво усмехнулся.

— Ладно. Может, вы и не говорили. За Розинским присмотрите, а то он, по-моему, готов доложить.

Погрозив пальцем, как детям, инструктор ушел.

— На бога хотел взять, — сказал Валька.— Дрожит товарищ Горячеватый.

От разговора с инструктором остался неприятный

осадок. Горячеватый требовал от них того, на что они решились сами. Попытка проверить их преданность лишь оттолкнула курсантов. Оба это понимали, и оба воздержались от комментариев.

Курсанты молчали. Во всей летающей очереди не нашлось ни одного, кто бы сказал хоть слово о бреющих полетах. Дознание, проведенное командованием эскадрильи, формально никаких результатов не дало.

Прилетел начальник школы. Курсантов и инструкторов собрали в столовой; собрали всех — кто летает и кто «грызет теорию», пришли и уселись на краю передней скамейки Чипиленко и Сико.

Ожидали, что начальник школы произнесет нравоучительную речь и кое-кого накажет для острастки.

Невысокий, грудастый полковник с двумя орденами Красного Знамени, полученными на Халхин-Голе, вошел в зал.

— Встать! Смирно! — скомандовал капитан Акназов.

Разогнался было к начальнику докладывать, но тот небрежно махнул рукой.

— Вольно.

Пока полковник шел по узкому проходу, курсанты стояли не шевелясь.

По команде Акназова сели. Залегла тишина.

— Товарищи, в вашей эскадрилье произошла тяжелая авария, накладывающая пятно на всю школу, — начал полковник без особых предисловий. — Авария допущена в результате вопиющего нарушения летной дисциплины. Бреющие полеты по маршруту строжайше запрещены. Этим пренебрегли! Стали летать! — Голос начальника школы звучал все громче, интонации возмущения и гнева с каждым словом крепчали. — Причем летали неумело, неграмотно, и, разумеется, окончилось это печально: нашли в степи единственное дерево и врезались. Результат: курсант, получив тяжелые травмы, больше не годен к летной учебе, инструктор предан суду военного трибунала.

Полковник наискось рубанул ладонью воздух: с этим, дескать, все.

— Как установлено, бреющим летала не одна «семерка», — продолжал он. — И другие пробовали. Это глубоко скрывается, в эскадрилье укоренились ложные понятия, отдающие душком круговой поруки. Инструкторы и курсанты должны были чистосердечно признать прошлые ошибки, обо всем доложить честно и открыто. А раз этого нет... — Полковник выдержал паузу. Весь зал замер в напряжении. — Раз этого нет, решение будет такое: всю очередь на месяц отстраняю от полетов.

Лица вытянулись, глаза округлились: чего-чего, но такого не ждали.

— Командир эскадрильи! — обратился начальник школы к Акназову.

Капитан щелкнул каблуками.

— Полученный вами бензин передать в другую эскадрилью по нашему указанию.

— Есть!

Вот и отлетались... Бензин у них отобрали, а через месяц еще неизвестно, как оно все сложится — вернут или нет. И это в то время, когда осталось выполнить по три-четыре маршрута, чтобы закончить программу на УТ-2, когда всем уже снился быстрокрылый истребитель.

Начальник школы в тот же день улетел. Гул мотора его истребителя потревожил здешний аэродром в последний раз. Надолго воцарилась тоскливая, застойная тишина.

XII

— Вы не дюже, Розинский, не дюже... А то я вашу летну карьеру окончательно покалечу.

Старшину, видимо, сильно задели Костины слова. Костя сказал, что они, курсанты, все-таки относятся к летному составу, рано или поздно окончат школу, их пошлют на фронт, у них впереди крылатая, красивая жизнь. А что ожидает, например, некоторых блюстителей порядка, которые сейчас командуют

курсантами? Ничего хорошего. Наряды, уборка казармы, грязное белье — вот их удел навсегда.

Разглагольствуя так, Костя держал двумя пальцами крохотный окурок, часто сплевывал набок.

Сико это запомнил. Отныне он зорко следил глазами беркута за каждым Костиным шагом, при этом побитое оспой лицо Сико мертвенно бледнело. Мелких нарушений за Костей водилось множество: то по подъему вскочить опоздает, то в столовую пойдет вне строя, то ворот гимнастерки расстегнет до половины груди. Встретит его старшина во дворе, спросит: «Вы что делаете, товарищ курсант?» А Костя ответит напрямик: «Ничего». Любой первогодок знает, что так отвечать нельзя, надо выдумать какое-нибудь занятие. По убеждениям старшины рядовой не может оставаться без дела ни на минуту. «Ага, ничего... — говорил Сико. — Ходите за мною, я вам найду работу».

Несколько раз перед строем старшина во всеуслышание заявлял, что Розинский самый разболтанный курсант в эскадрилье и придется его крепко воспитывать.

Первый урок воспитания по системе Сико был проведен однажды ночью. Без свидетелей. Издали наблюдал картину лишь дневальный, стоявший у дверей.

В полутьме Сико отыскал кровать с табличкой: «К-т Розинский». Растолкал спавшего Костю, хлестко скомандовал:

— Одягайсь!

Команда есть команда. Протерев кулаками глаза, Костя начал быстро натягивать брюки, гимнастерку. Сико следил за ним с часами в руке. Как только Костя затянул ремень, расправив складки гимнастерки, Сико приказал:

— Роздягайсь!

Костя тупо уставился на старшину. Но его так валило с ног, что он безмолвно разделся и юркнул под одеяло.

Подождав, пока курсант уснет, Сико рявкнул:

— Одягайсь!

И так было десяток раз: «Одягайсь — роздягайсь». После очередного «отбоя» Костя попытался забастовать, сунул голову под подушку. Но Сико напомнил ему, что в военное время за невыполнение приказания — трибунал.

— Глядите у меня, а то я вашу летну карьеру покалечу! — повторил свою угрозу Сико, отходя, наконец, от Костиной постели. Старшина отчаянно зевнул, перекосив челюсть. Завалился досыпать ночь в канцелярии на диване.

XIII

Отстраненная от полетов очередь не числилась в расписании учебного отдела, а потому поступила в распоряжение Сико для хозработ.

Построив с утра «летающих», своих тайных врагов, старшина раздавал наряды: территорию городка убирать, саксаул дробить кувалдой — для кухни, техимущество перетаскивать на новое место.

Бригада из четырех человек — Булгаков, Зосимов, Розинский, Белага — получила задание оштукатурить будку в дальнем углу аэродрома. В той мазанке планировалось караульное помещение.

— Разрешите вопрос, товарищ старшина?

Несмелый Костин голосок остался без внимания со стороны Сико.

— Можно спросить?

— Чего вам, Розинский? Уточняйте.

— А мы никогда не штукатурили и не умеем.

— Ничего, пощикатурите!..

— А как?

— Попробуете — научитесь.

— А где инструменты взять?

— Найдите!

До будки шли с полчаса — никто ведь не подгонял. Костя обошел, окинул грустным взором строение, сложенное из глиняного самана, и вздохнул. Чтобы оштукатурить его до вечера, как предусмотрено заданием старшины, надо крепко спину поломать. Костя предложил устроить затяжной перекур

перед такой каторгой, и все четверо уселись в тенечке, пускали дымки, щуря в полудреме глаза. Отличный парень Костя Розинский, но лентяй порядочный.

— Начнем, что ли? — поднялся Зосимов.

Костя поднял веки:

— Что ты спешишь, Зосим, как голый купаться?

Посидели еще с полчасика.

— У меня одна мысля зашевелилась в голове...— проговорил Костя.

— А я думал, блоха, — съязвил Булгаков.

Все рассмеялись, в том числе и Костя.

— Ты, Валька, пока что прикуси свой язык, — предложил он. — Я вижу на горизонте какой-то кишлак. Можно нанять тамошних баб, и они отштукатурят хату дай боже. А мы будем руководить...

— Здорово ты придумал, Шкапа, лошадиной своей головой, — насмешливо перебил его Булгаков. — Но чем будешь расплачиваться за работу?

— Выпишем доверенность...

Зосимов поднялся, хрустнул суставами, потягиваясь:

— Хватит дебатов, надо начинать.

Молчаливый Белага уже мастерил перочинным ножом простейший штукатурный инструмент.

— Можете тут копаться, а я пошел в разведку,— заявил Костя и зашагал в сторону приземистых строений.

Вскоре он вернулся, ведя за собой трех пожилых женщин. Курсанты бросили работу, удивленные до крайности. Думали, Костя так себе болтает, а он всерьез решил воспользоваться наемной рабочей силой.

— Перед вами строительный объект, — начал пояснять Костя, сделав широкий жест. — Начинайте штукатурить. Расчет завтра в городке. — Костя подмигнул курсантам.

Жеищины мало понимали по-русски, но основное условие договора, видимо, усвоили: надо оштукатурить будку, им за это заплатят. Они принесли с собой ведра и щетки. Дружно взялись за дело.

Оттеснив смущенных курсантов в сторонку, Костя вполголоса сказал:

— Видали, как шуруют? То-то.

Зосимов спросил:

— Как ты все-таки с ними договаривался?

— Расчет в эскадрилье. Завтра... — уклончиво ответил Костя. — Если они даже придут, часовой их не пустит.

Отступать было поздно. Пошли бродить по степи. На попутной машине доехали до предгорья, а там — арыки звенят по каменистым руслам, в садах деревья гнутся под тяжестью яблок, опираясь ветками на костыли-подпорки. Вчетвером съели, наверное, полмешка яблок. Экая существует жизнь — стоит лишь отойти от заброшенного в степи, огороженного забором военного городка.

Вернувшись под вечер в эскадрилью, доложили старшине, что караулка оштукатурена и даже побелена.

— Проверю, — буркнул старшина.

На другой день проверил и представил четверых отличившихся на хозработах курсантов к поощрению.

Перед отправкой групп на объекты Чипиленко вызвал из строя Зосимова, Булгакова, Белагу, Розинского.

— За образцовое выполнение задания объявляю вам благодарность! — торжественно прокричал старший лейтенант.

— Служим... — Положенный по уставу ответ они пробормотали вразнобой, замяв окончание фразы.

— Работать умеете, а отвечать не умеете, — недовольно заметил Чипиленко. — Ну-ка еще разок: объявляю вам благодарность, товарищи курсанты!

Надо же было именно в эту минуту появиться у ворот тем женщинам. Часовой (он был предупрежден Розинским) гнал их прочь, а они наступали, не обращая внимания на его винтовку.

— В чем там дело? — поинтересовался Чипиленко и сам пошел к воротам.

В подобной ситуации, как говорят, лучше бы сквозь землю провалиться. Четверо «отличившихся»

стояли перед строем красные, как только что вытащенные из кипятка раки.

Женщины, перебивая друг друга, о чем-то рассказывали старшему лейтенанту. То и дело тыкали пальцами в сторону четверки: признали.

Чипиленко приказал пропустить женщин на территорию городка. Сам проводил их в курилку, усадил на скамеечку. К строю вернулся, метая глазами огни и молнии.

— Так знаете, какой номер выкинули эти разгильдяи? — спросил он. И, забыв пояснить всем курсантам, в чем же дело, заговорил с презрением: — Конечно, скандал мы загладим. Ну, соберем среди командиров, кто сколько сможет, заплатим... Но как можно докатиться до такого позора? — Он подступил вплотную к четверке и закричал, срывая голос: — Вас спрашиваю, Зосимов!!!

Почему-то одного Зосимова, а остальных?

— Мы их отмечаем, мы их поощряем, а они видите какие? Снять ремни!

Они начали медленно расстегивать ремни, не поднимая глаз.

— На гауптвахту шагом арш!

Вдоль строя прокатился говорок: никто не знал, за что вдруг наказали четверых курсантов, которых тот же Чипиленко минутой назад хвалил.

Гауптвахта — не так уж она страшна, особенно когда друзья дежурят по кухне. Другое мучило ребят. Они почти не разговаривали между собой, только Костя Розинский все повторял: «Сволочи мы. А больше всех — я».

XIV

ИЗ ДНЕВНИКА ВАДИМА ЗОСИМОВА

16 ноября

В следующий раз нас послали в караулку, чтобы мы сколотили там нары, стол, оружейную пирамиду. Возглавивший бригаду курсант упросил старшину послать и меня как хорошего плотника. Старшина

нехотя согласился. Сико не терпел возраженнй, какнмн бы разумными они ин были, но, когда его проснлн, ои нногда разжнмал свон камеиные челюстн.

— Совершим небольшой маневр в горнзонтальиой плоскости, — сказал наш брнгаднр и повел нас кружным путем.

Выскочнв на стаицнонные путн, мы молиеносно, по-нстребнтельскн, атаковалн платформы, груженные сахарной свеклой, н уиеслн богатую добычу.

Около домика караулкн, нарядно маячнвшего белеными стенамн, свалили свеклу в кучу. Брнгаднр распорядился:

— Мы будем ишачнть, а ты, Зоснмов, сделаешь замес по своему рецепту, как тогда...

Я ие возражал. С утра сегодия все складывалось ианлучшнм образом, все выходнло так, как мне иадо. В замес я заложил отдельио четыре малеиьких бурачка. Тут, понимаете ли, день рождения у одного товарнща... Нужна продукция высшего сорта.

В бригаду подобралнсь ребята, умевшие плотинчать. Стучалн топоры, повнзгнвалн пнлы, пахло свежей, смолнстой щепой. Я тем временем хлопотал около костра. Прнсыпанные горячнм пеплом, зрелн у меня «шоколадные» бурачкн. Вскоре второй — «летный» — завтрак был готов, н плотникн, воткнув топоры в бревиа, набросились иа печеную свеклу. Четыре маленьких корешка я завернул в газетку н прнпрятал.

На обед не пошел. Мою порцню борща плотники могут разделнть, а второе пусть прннесут в котелке сюда.

Курсанты ушлн, а я прнблнзнлся к самолетной стоянке. Скрываясь за хвостом крайнего И-16, вел наблюденне. Механнкн н моторнстки складывали в сумки ниструмент. Вот объявилн обеденный перерыв. Девушкн построилнсь парамн, старшая повела нх детсадовскую колонну по дороге в городок. Когда колонна поравнялась с крайним самолетом, я возник нз-за укрытня, как лнхой джигнт, выхватнл нз строя Женю Селнванову. Ее подружки завнстливо-весело взвнзгнулн. Старшая намеренио отвериулась.

До караулки мы прошли быстрым шагом, я прикрывал Женю от посторонних взглядов своими плечами.

— После обеда мне не надо сюда возвращаться, — сказала Женя, прерывисто дыша, когда мы вскочили в караулку. — Старшая доложит, что я в санчасть пошла.

— А у меня тут тоже свои ребята собрались. До вечера мы с тобой свободны.

Все было продумано с обеих сторон.

В час обеденного перерыва опустел аэродром, лишь дежурный по стоянке одиноко бродил около самолетов.

Мы с Женей сделали еще один стремительный бросок — в сторону большой дороги. Проезжавшая полуторка, медлительная и облезлая, как старая черепаха, подобрала нас.

— Куда мы? — спросила Женя.

Я взмахнул рукой в направлении величественных гор.

— Знаю одно место. Мы с ребятами там уже бывали.

В предгорьях зеленела молодая трава, усеянная полевыми цветами, как звездами. Летом трава выгорает под немилосердным азиатским солнцем, а ранней осенью буйно идет в рост. Большой колхозный сад был окружен живой изгородью — кустарником. Я нашел знакомую щель в этой изгороди, сам пролез и протащил за руку свою спутницу. В саду — тишина и безлюдье.

— Вот где красота! — тихонько воскликнула она.

— Красота-то красота... — Я поднял голову, оглядывая кроны деревьев. — Но все яблоки уже сняты. А хотелось угостить тебя.

— Ничего. Спасибо.

— Придется довольствоваться вот этим изделием товарища Зосимова. — Я развернул газету. Очистил свеклу своим перочинным ножиком и пододвинул Жене: — Будешь есть?

— С удовольствием.

Запеченная до коричневой корочки, свекла пока-

залась Жене очень вкусной. Я лежал на спине, положив одну руку под голову, а другую откинув на сторону. Вдруг я заметил яблочко. Висело одно на самой верхушке.

Женя посмотрела, куда я показывал, но ничего не видела. Щурилась она близоруко.

— Сейчас я его достану!

— Не стоит, еще сорвешься.

Но я уже повис, уцепившись руками за ветку. Подтянулся, забросил тело на ветку, как на турник. Быстро взобрался на верхушку дерева. Такой обезьяньей ловкости, возможно, трудно было ожидать от моей не очень спортивной худощавой фигуры. Дотянулся до яблока, потом спрыгнул на землю.

— Смотри, какое красивое. Специально для тебя выросло. — Я протянул ей большое краснощекое яблоко. — Апорт!

— Пополам, — сказала Женя.

— Нет, ты одна, — возразил я.

— Почему?

— Ты сегодня именинница.

— Тем более: я должна угощать своих гостей.

— Разреши тебя поздравить, Женечка.

— Ну поздравь...

Я обнял ее и поцеловал. Потом мы лежали на мягкой пуховой траве. Я откинул руку веслом, и девушка положила на нее голову. Мои попытки, вызванные ее близостью и скорее всего бессознательные, она решительно парировала.

— Не надо. Ты думаешь, если я курю, так со мной можно и все остальное? Не думай.

Женя стала рассказывать мне о своей семье и родном доме, о том, как она почти сбежала от родителей, стремясь на фронт и только на фронт, а попала вот сюда. Папа где-то воюет, а мама с младшей сестренкой в эвакуации, им теперь очень трудно.

— А где твои? У тебя есть братья и сестры? — спросила она.

— Есть сестра. Тоже младшая.

— Что ж ты не расскажешь мне ничего о ней?

— Не могу, Женя: мои остались на оккупированной территории.

Тихие, грустные, стояли в саду деревья, лишенные плодов. На траве вытянулись длинные предвечерние тени. За кустарником-оградой чуть слышно журчал арык, его песня была монотонной и бесконечной.

— Вечереет, — сказала Женя. — Пойдем, пока нас не поймали тут.

Мне уходить не хотелось.

— Яблоки ведь сняты. Можем с тобой жить здесь неделю, и никто нас не потревожит.

— В эскадрилье хватятся.

— Там — да.

Мы поднялись и бросились друг другу в объятия. Я чувствовал на плече ее горячее дыхание и боялся пошевелиться.

— Спасибо тебе, — прошептала Женя.

— За что?

— Ты устроил мне именины лучше, чем смогла бы мама... — Женя вдруг расплакалась.

Всхлипывая, она вся вздрагивала, я крепче прижимал ее к груди, не зная, чем утешить.

XV

Не очень верилось курсантам, что месяц спустя возобновятся полеты, но случилось именно так. Быстро долетали оставшиеся маршрутные задания; теперь «уточки» ходили на положенной высоте, на землю едва доносился шум их несильных моторов.

А в один прекрасный день раскатился по аэродрому рев истребителей. Прежде чем взлетать на «ишаке», полагалось курсанту поучиться управлять машиной на земле, для чего надо было выполнить около шестидесяти рулежек. «Ишак» вертлявый и норовистый — не просто с ним сладить. Тренировались на старом, отработавшем свой ресурс самолете. На крыльях у него ободрана перкаль — чтобы не мог взлететь, а только бегал по земле. Мчалась эта

изуродованная машина на полных газах, подняв хвост, вдруг начинала рыскать из стороны в сторону, глядишь — завертелась подранком, чертя крылом по земле, вздымая тучу пыли.

Формулу, выведенную Горячеватым, стали повторять другие инструкторы и курсанты: «Упустили направление на пятнадцать градусов — ваше присутствие в кабине не обязательно».

Разворачивались и падали на рулежке не все. Булгаков, пришпорив «ишака», выдерживал направление, как по струнке, Зосимов — тоже.

За плохую рулежку инструкторы не ругали, лишь посмеивались, когда очередной курсант закручивал вираж в пыли. Горячеватый наблюдал этот, по его выражению, «цирк» через темные светофильтровые очки, и нельзя было понять, улыбается он или гримасничает презрительно.

Когда же начались полеты, курсантам довелось узнать крутой нрав Ивана Горячеватого и почувствовать его методику на собственной шкуре. Летали теперь не по маршруту и не на промежуточной машине, а на учебно-тренировочном истребителе — тут уж извольте дать настоящую технику пилотирования. На первых порах курсанты делали множество ошибок, таких, которые Горячеватый считал просто детскими и которые выводили его из себя. Трудно удержаться от крика и ругани, если каждый курсант преподносит одну и ту же ошибку. Летавшего по очереди последним Розинского инструктор готов был схватить за шиворот и выбросить из кабины, как желторотого птенца из гнезда.

Во время заправки самолета Горячеватый собрал группу и при всех дико орал на Костю:

— На взлете чуть меня не убил, по кругу хотел завезти у Кытай, на посадке чуть не убил!.. Медведя легче научить. В дальнейшем будешь так летать — отчислю! Клянусь, отчислю!..

Самая страшная угроза. Отчислить летающего в пехоту — все равно что жизни лишить человека, и в правах инструктора это сделать. Инструктор — бог. Так и говорят курсанты на аэродроме: «Вон пошел бог нашей летной группы».

После заправки в самолет сел молчаливый Белага. Ои так редко разговаривал, что можио было заподозрить в ием иностранца, не зиающего русский язык.

Усаживаясь в передиюю, инструкторскую кабииу, Горячеватый окликиул:

— Кто собрался лететь?

— Курсаит Белага... — тихо прозвучал голос, который едва можио было расслышать даже при выключеииом моторе.

— Громче!

— Курсант Белага.

— Громче, твою душу так!!!

— Курсант Белага!

— Ах, Белага. А я думаю: какой дуб там сидит? — Горячеватый покачал большой головой, обтяиутой кожаным шлемом, и дал зиак запускать мотор.

Самолет с крупиым иомером «5» иа борту выруливал иа старт.

— Представляю, с каким настроеиием уйдет в воздух Олег Белага, — заметил про себя Зосимов.

— И как у иего после такой зарядки будет получаться, — поддакиул Булгаков.

Друзья стояли рядом, курили одиу закрутку иа двоих. Как всегда.

Тем временем «пятерка» подруливала к лииии старта. Широкий бочкообразиый нос самолета скрывал от курсаита, сидевшего в задией кабиие, полнеба. По-гусиному вытягивая шею, Белага старался рассмотреть, где там воткнуты флажки, обозиачающие ворота. Один виден, а другой — иет. Белага прибрал газ, и машина остановилась: нарулишь на флажок — иинструктор голову за это оторвет.

— Ну, чего ты стал, как телок иа льду?

Белага добавил газу, ио не иастолько, чтобы машина строиулась. Лучше схитрить: пусть инструктор поправит его ошибку.

— Рулить кто за тебя будет?

Машиина все еще оставалась иа месте.

— На флажок боишься наехать? Ясио, — Горя-

чеватый иажал газ, мотор свирепо взревел. — Приказую рубить флажок винтом!

В тот же миг промелькиули в воздухе красные клочья.

— От так! — крякнул Горячеватый в рупор. — А до завтра шоб восстаиовил мне в 12,5-кратном размере. Взлетай!

Пошла на взлет «пятерка», пошла сердечная...

В те времеиа, когда каждый винтик и каждый грамм воеииого имущества был чрезвычайио дорог, действовал строгий приказ: любую потерю виновный обязан возместить в 12,5-кратиом размере. Почему не 12 и не 13, а имеино дробный коэффициеит 12,5 — одному составителю того приказа известио.

Летал в этот раз Олег плохо, хотя в общем-то он подавал иадежды. Взвиичеиный до предела, инструктор высадил его из кабины досрочио, гаркиув:

— Бедолага ты, а не Белага!

Первым в группе и во всей очереди самостоятельио вылетел на учебио-тренировочиом истребителе Валеитин Булгаков. Два полета по кругу ои впечатал один в одии, завершая каждый из иих отличиой посадкой. Капитаи Акиазов объявил «первеицу» благодариость. Вторым выпустили в воздух без иинструктора Вадима Зосимова. У этого получилось хуже: он сделал два лишиих круга, прежде чем рассчитал иа посадку. Когда «пятерка» вспугиутой горлицей носилась иад аэродромом, Горячеватый приговаривал: «Жить захочешь — сядешь». А как села, уж он Вадиму преподал урок!

И что-то случилось с Вадимом, что-то он выпустил из рук, потерял: в следующих полетах пилотировал все хуже, делал ошибки, которых за иим раньше не водилось. Всякий раз, садясь в кабиину, ои твердил себе: «Ну хватит, каждый элемеит выполняю точио, как положено». Взлетал, старался изо всех сил, ио в чем-иибудь его иепремеино подстерегала иеудача. Чаще на посадке: то высокое выравииваиие, то «козел».

По указанию капитаиа Акназова инструктор пре-

рвал самостоятельную тренировку Вадима, дал ему сверх программы два контрольно-показных полета.

— Усвоил?

— Усвоил.

— Черта лысого ты усвоил. Взлетай!

Три самостоятельных полета Вадим выполнил более-менее, а на четвертом опять «оторвал номер». Инструктор послал его в наряд на «Т».

— Идите и учитесь. Смотрите, как люди сажают машину.

Перешел на «вы» — это не к добру.

Обязанность дежурного финишера — стоять с флажками около полотняного «Т», следить, чтобы на посадочной полосе не было никаких препятствий. Ты тут один-одинешенек, линия старта, курсантская толпа, громадная фигура Горячеватого — все это далеко. Рядом с тобой приземляются самолеты, видны напряженные, иногда растерянные, иногда перекошенные лица пилотов: посадка — это грань между небом и землей, очень острая грань.

Вот идет «пятерка». Машина снизилась до полуметра и скользит над землей, теряя скорость, приседая на хвост. Маленький ростом Булгаков склонил голову на левый борт, как делают шоферы, когда силятся что-то рассмотреть из-за ветрового стекла. На Валькином лице — мальчишечья отвага и упрямство.

...Чирик-чирик-чирик... Сел.

Отлично посадил, прямо мастерски.

По кругу Валька летал лучше всех, давно вырвался вперед и скоро перейдет к пилотажу в зоне. А Вадим никак не может окончить круг — сделать два десятка самостоятельных полетов на отработку взлета, расчета и посадки. Впервые Вадиму в летном деле так не везет.

Пока Зосимов стоял на «Т», Булгаков у него на глазах несколько раз сажал машину. Действительно, было чему поучиться. Вадим радовался за друга и гордился им. Ему очень захотелось поскорее встретиться с Валькой после полетов, потолковать, перекурить это дело. Вообще надо будет порасспросить у Вальки, как он ухитряется так ловко сажать ма-

шнну. Уж кому-кому, а ему Валька раскроет все свои секреты.

А Валька... что это с ним? Вадим не узиал друга, когда они всей летиой группой после ужииа сидели в курилке.

Разговор шел о войне, спорилн о том, что важиее для самолета-истребнтеля в воздушиом бою — преимущество в высоте или хорошая маневренность в горизоитальиой плоскости. Вадим высказал предположеиие: в трудиый момент боя можно иа время выпустить закрылки, и это сократит радиус вннража. Ребята даже притихли.

— Ты сильный теоретик, Зосим, — сказал Булгаков. — То-то тебе ие хватает закрылков на «ншаке».

Все пояили намек: научись сначала летать по кругу, а потом будешь про воздушный бой рассуждать.

— Ничего, ннчего... — пробормотал Вадим, растерявшийся от неожиданного выпада Булгакова.

Смех курсаитов оглушнл Ваднма, как ударная волиа. Ои заговорил взволноваиио и ие очеиь складно:

— А что, разве нельзя на вираже выпустить щиткн? Подъемиая снла сразу возрастет, а скорость умеиьшится... Внраж можно загнуть покруче... — Он изобразил ладонью этот переломиый момеит на вираже.

— Загиуть внраж, и самому загнуться, — перебил его Булгаков. — Брось забнвать людям головы всякой чепухой.

— Разве это чепуха? — обижеиио возразил Вадим. — Попадем же мы когда-инбудь иа фронт.

Булгаков поднялся со скамеечки, лениво потянулся:

— Попадем, попадем... Если круг окоичим.

Позволить себе подобные насмешки! Ну вырвался ты вперед, ну ие получается времеино у Ваднма — так это ж ие дает тебе права становнться в позу! Еслн ты настоящий друг, конечио...

Ваднму прншлось замолчать, а Булгаков, отста-

внв ножку, покачнвая носком ботинка, пространно рассуждал о летных делах. Он говорнл давно известные вещи, но его слушалн с уваженнем: отлично летающему курсанту все прощается. На Ваднма не обращалн вннмання, он оказался оттесненным в сторону. Желая как-то сгладнть неприятное впечатленне от вспыхнувшего спора, Вадим попросил у Булгакова «сорок» н уже протянул руку, будучи уверен, что сейчас получит окурок. Но Булгаков холодно взглянул на него, выпуская дым.

— У меня Шкапа занимал «сорок», — сказал он, передавая выкуренную до половины самокрутку Розинскому.

Конечно, табак Булгакова. Кому захочет, тому и оставит докурнть... Но где же непнсаный закон дружбы?!

— Хочешь «двадцать»? — спросил у Ваднма Розннский.

Вадим покачал головой отрнцательно.

XVI

Редкнй гость южных степей — туман выплыл на аэродром; в нем утонули самолеты, ннзкорослые постройки разных служб, во влажном воздухе глуше звучали голоса людей. По прогнозу сннoптнка через часок туман должен был рассеяться. Решнлн ждать. А чтобы народ не болтался без дела, органнзовали занятня по аэродннамнке.

Преподавателя на аэродроме не было, класса — тоже. Собралн курсантов на фланге самолетной стоянки, «садись на чем стоишь». И вышел вперед младший лейтенант Горячеватый — считалось, что он здорово разбирается в аэродинамнке, хотя образованне имел восемь нлн даже семь классов. На фанерном щнте, укрепленном под верхней ступенькой стремянкн, Горячеватый вычертнл схему. Изображенный его рукой самолет напоминал паука, а отходнвшие от него в разные стороны векторы сил — его паутнну.

— Даю пояснение действующнх сил на вираже, —

солидно начал младший лейтенант свою импровизированную лекцию. — При крене в шестьдесят градусов вот какая картина получается...

Речь Горячеватого изобиловала выражениями его собственного русско-украинского словаря. Желая пояснить, что вектор центробежной силы действует в таком-то направлении, он говорил: «Эта сила тянеть откуда...» Выписал по памяти длинную формулу, сделал некоторые алгебраические преобразования, сократив коэффициенты.

— Тут сколько будеть? Адиница! — Он повернулся к слушателям, задержав руку с мелком на щите. И повторил слово в той же дикой транскрипции: — Адиница!

Вместе с курсантами на занятии присутствовали инструкторы. Стоял тут же и капитан Акназов. Его лицо было спокойным и серьезным, но глядящие в одну точку глаза, внезапно поголубевшие, как небо после летнего дождя, не могли скрыть, что внутри у него все хохотало.

Туман начал подниматься вверх, редеть и рваться. Проглотив порцию аэродинамики, полученной из рук Горячеватого, курсанты расходились по стоянке. Вскоре подал басовитый голос один из самолетов, за ним — другой, третий... Все иные звуки и людские голоса пропали в мощном реве многих моторов. Зеленая ракета — сигнал к началу полетов — прочертила в небе дугу совсем бесшумно.

«Пятерка» ушла в пилотажную зону. С далекого расстояния и большой высоты аэродром казался серо-зеленым лоскутом ткани с прометанной белой линией посадочных знаков.

В этом контрольно-показном полете инструктор обучал Вадима высшему пилотажу. Сделает фигуру — требует повторить. Да, Вадим, наконец, завершил полеты по кругу, дотянувшись до зоны. И тут вопреки мрачным прогнозам инструктора у Вадима дело пошло отлично.

Левый глубокий вираж. Вадим кладет машину почти набок и сейчас же, не давая ей рухнуть острием крыла в бездну, энергично тянет ручку управления на себя. Козырек кабины быстро скользит по

горизонту, тело пилота наливается свинцовой тяжестью.

Горячеватый молчит, словно его нет в инструкторской кабине, потому что вираж идеальный.

— Вправо давай!

Пожалуйста, Вадим перекладывает машину из левого крена в правый и пишет вираж, точно выдерживая скорость, высоту, перегрузку.

— Еще разок влево... Еще вправо...

Вираж — одна из трудных фигур пилотажа, хотя и кажется наблюдающему с земли просто кругом. Переворот, петля, иммельман и даже бочки гнуть куда проще. Вслед за инструктором Вадим повторяет комплекс фигур, схватывая все тонкости управления на лету.

— Домой! — коротко бросает Горячеватый.

Может быть, он разочарован тем, что не пришлось поругать курсанта Зосимова? Черт с ним! Когда он молчит, пилотировать легче. Приближаясь к аэродрому, Вадим был под впечатлением удачного пилотажа в зоне и вовсе забыл думать о посадке. Все получилось у него просто: рассчитал, сел. Уже во время пробега, когда машина катилась по земле, теряя скорость, он сообразил, что ведь посадка-то получилась отличная!

Собрав группу, инструктор хвалил Вадима, но почему-то хмурился и отводил глаза в сторону.

— За правый вираж я бы поставил Зосимову четверку. Даже четверку с плюсом поставил бы. Левый — без замечаний, тут чистая пятерка.

Теплая волна радости разливалась у Вадима в груди. К нему возвращалось то, что всегда было с ним: первенство.

— Пилотаж в зоне у него не хуже, чем у вас, — заметил инструктор, обратившись к Булгакову. — Так что надо соревноваться.

Булгаков из кожи лез, чтобы обогнать Вадима, но это оказалось ему не по силам. Вадим овладевал техникой пилотирования истребителя с уверенностью и легкостью, свойственной людям способным. Во время выборочной проверки с ним летал сам капитан

Акназов и заявнл перед строем, что Зоснмов — лучшнй курсант из всей летающей очереди.

Булгаков воспринял это как лнчную обнду. Он почти возненавндел Ваднма, н, хотя скрывал это чувство, оно прорывалось у него в злых шутках, в рысьих взглядах, бросаемых в спнну Зоснмову.

Нкогда раньше не было у ннх разговора о землячке Ваднма. Булгаков кое о чем догадывался, но помалкнвал, гордо скрывая свою ревность. А теперь, увндев как-то проходивших по двору девушек-моторнсток, пустил нм вслед пошлую шуточку. Вадим побледнел. Булгаков покрепче ругнул девчат, особенно ту, как ее... Селиванову, что ли? Видя, что Ваднм весь напрягся, Булгаков бросался оскорбительнымн словамн, явно стремясь довестн дело до дракн.

Костя Розннскнй оттолкнул одного н другого, сказав насмешлнво:

— Ннчего себе, дружкн!..

XVII

Летную программу на учебно-треннровочном истребителе едва дотянулн на последннх каплях бензнна. Опять затнх аэродром, на какое время — нензвестно.

Раньше нстребитель И-16 — «ишак» был выпускным; попадн ребята в школу всего полгода назад, их бы уже выпустнлн летчнкамн-сержантамн. Все бы уже воевали на фронте, многих уже не было бы в живых. Потому что тогда, говорят, средняя продолжнтельность жизнн молодого летчика, напрнмер под Сталинградом, исчислялась нескольнмн днями.

Командиры не успевали хорошенько запомннть своих пилотов по фамнлнн и в лнцо.

Теперь выпускалн летчнков на новых, скоростных самолетах — ЯКах. Окончившим школу прнсваивалось звание «младшнй лейтенант». Всей очереди предстояло ехать доучиваться в другую эскадрнлью,

где был большой аэродром, и летали на ЯКах. Все радовались.

Все, кроме одного.

Вадим Зосимов лежал на железиой сетке кровати, с которой уже сняли матрац, глядел иа хлопотавших, метавшихся курсаитов отчуждеиио.

Он едет, а Жеия, значит, остается... И иичего тут не поделать ни ему, ии ей — может быть, потому оиа даже ие пожелала повидаться с иим перед разлукой, передала через подружек, что больна. Заболела, зиачит...

Когда Вадим Зосимов верится к своему диевиику уже на иовом месте службы, ои запишет вот что:

«Получается почти так, как бывало в годы мальчишества: расставался с другом из-за того, что родителям вздумалось переехать в другой город. А тут отправляют в другое место по воле человека в капитаиском зваиии. Увезли в теплушке, и все. И любви коиец.

А может, это и ие любовь, если с иею можио так легко расправиться? Может быть, мы с Жеией просто подружились и, симпатизируя друг другу, позволили себе иебольшую игру в любовь?

Слышишь, Селиваиова, подруга моих заблуждеиий в пустыие? Возможио, это было только так?

Селиваиова... Почему-то мне хочется сейчас иазывать тебя по фамилии, как любого другого курсаита из нашего строя.

Для иастоящей любви, той, которая на всю жизнь, навсегда, ие должно существовать иикаких преград. Перед любовью должиа притихнуть война, должиы сблизиться коитииеиты, само время должно прислушаться к ией. Так пишут в хороших киигах, а им я верю.

Не сердись иа меия, Селиваиова. Мы были с тобой добрыми друзьями, вместе иам удавалось убегать в короткие самоволки, в мир нормальиых человеческих отношений и желаний. Хотел бы я тебя встретить несколько лет спустя, когда ты будешь называться уже Евгеиией Борисовной, и пожать твою руку».

XVIII

В эскадрилье, куда они приехали, чтобы летать на ЯКах, летать им, конечно, не дали: не подошла очередь. Их заставили повторно изучать двигатель и планер нового самолета, потому что надо же было чем-то заниматься в учебное время. Их гоняли на хозяйственные работы и в караул, как курсантов-первогодков, не считаясь с тем, что они почти уже летчики.

— Жизнь наша как детская распашонка: коротка и запачкана! — сказал однажды Валька Булгаков.

Все хохотали. Когда смех утихал, кто-нибудь опять выкрикивал эту прилипчивую формулу, и хохот возобновлялся.

Летать не дают, кормят впроголодь, в казарме холодно — разве не смешно?

Здесь был только аэродром хорош — ровный, без единого холмика кусок пустыни, — а все остальное было здесь плохо, совершенно не приспособлено для жизни довольно многочисленной учебной эскадрильи. Казарму наскоро оборудовали в двухэтажном здании; его не успели достроить и, когда началась война, бросили. Столовая за километр, бывший амбар: потолка нет, желтеет соломенная крыша над головами, столы кренятся в разные стороны на земляном полу. Для инструкторов отгорожен уголок, в котором стены оштукатурены и побелены.

Не слыхать больше певуче-командного голоса Чипиленко, нет Ивана Горячеватого (и хорошо, что его тут нет), перестало пугать курсантов, притаившихся в укромном месте, внезапно свирепое: «Сико вас тут?» Командиры все новые. Идут, правда, слухи, что скоро приедет принимать эскадрилью капитан Акназов. И еще один знакомый — инструктор Дубровский, которого перевели сюда раньше. Он уже не младший лейтенант, а лейтенант. Ему здорово повезло: на его долю выпала трехмесячная стажировка на фронте. Многие инструкторы добивались этой командировки, а послали одного Дубровского.

На фронте он проявил себя хорошо: сбил двух «мессеров». Вернулся лейтенантом с орденом Красной Звезды на гимнастерке.

Сам Дубровский о стажировке на фронте вспоминал с мечтательной улыбкой на красивом, мужественном лице, но рассказывал очень уж коротко, очень уж просто, да и о том надо было его упрашивать. О Дубровском рассказывали курсантам другие инструкторы, гордившиеся тем, что вот из их когорты «школяров» попал один в боевую обстановку и показал класс, черт побери! Рассказ этот повторялся не однажды, претерпевал некоторую шлифовочку и выглядел в окончательном варианте примерно так.

Прибыл в Н-ский истребительный авиаполк парнишка в шинели, шитой из ядовито-зеленого «черчиллевского» сукна. Вызвал его к себе на КП командир полка.

— Из училища?

— Так точно.

— Инструктор-летчик?

— Инструктор.

— Ясное дело. Ну-ка садись в ЯК, вон в тот, что в ближнем капонире стоит, и покажи, что ты можешь.

— Слушаюсь.

— Вольно, вольно. У нас, на фронте, превыше всего техника пилотирования ценится, а щелкать каблуками даже не обязательно.

— Виноват, товарищ гвардии подполковник.

— Ладно, ладно. Ты пока еще не успел провиниться. Давай, значит, вылетай и покажи, что можешь. Зону для пилотажа назначаю тебе... прямо над аэродромом.

Подошел Дубровский к самолету, что в ближнем капонире стоял. Механик уже парашютик держит за лямки, как пальто модное. Помог надеть, в кабину подсадил — всяко ухаживает за приезжим инструктором, а сам ехидную улыбочку прячет в усах, бестия.

ЯК, пилотируемый Дубровским, взлетел и стал удаляться, набирая высоту. Вскоре обозначилась в небе лишь маленькая черточка. Чтобы разглядеть ее, надо щурить глаза, прикрываться ладонью от солнечных лучей, и уже слышен ропот в толпе многочисленных зрителей, собравшихся около КП: залетел, мол, инструктор к черту на кулички, в бинокль не увидишь, что он там делает.

Тем временем «ячок» появился над аэродромом. Высота — тыщи две с половиной. И опять подшучивают над ним: по-школярски будет пилотаж выполнять, на безопасной высоте — даже смотреть не интересно.

А в следующий миг все вдруг замолчали, застыли в принятых ранее позах, кое-кто, прямо скажем, открыл рот от удивления. С высоты Дубровский бросил машину в крутое, почти отвесное пике. С каждой секундой она стремительно приближалась к земле. Может быть, рули отказали, может быть, сознание потерял?.. Так пикировать, а? Но Дубровский выхватил самолет из пикирования у самой земли, пронесся над аэродромом — ревущий и молниеносный, как дракон, рванулся свечой в небо. Над центром аэродрома он показал им пилотаж. Это был тот еще каскад фигур. Как-никак у инструктора техника пилотирования получше, чем у строевого летчика. Инструктор изо дня в день обучает курсантов, он не позволяет себе малейшей погрешности в пилотировании, у него, как говорят в шутку, весь зад в «козлах» и взмываниях. Если инструктора переводят служить из училища в строевую часть, то на ступень выше назначают — не рядовым летчиком, а сразу командиром звена.

Чтобы окончательно проверить новичка, командир полка подмигнул одному из летчиков: ну-ка взлетай да атакни его внезапно. Тот поплевал на руки и вскочил в кабину своего истребителя.

«Противник» атаковал Дубровского по всем правилам авиационной тактики — со стороны солнца. Но Дубровский, пилотируя, зорко смотрел за воздухом. Внезапного удара в спину избежал. Энергично сманеврировал, и оказались они с «противни-

ком» в примерно равном положении. Завертелись в воздушном «бою» — высота небольшая, моторы ревут. Минут десять дрались они без какого-либо преимущества друг перед другом, и командир полка обоим приказал по радио заходить на посадку.

Всем стало ясно, что инструктор летает по-истребительски, и нечего тратить время на тренировку, ввод его в строй и прочее такое.

Когда он пришел на КП и доложил о выполнении задания, командир полка сказал ему:

— Летаешь нормально. Завтра же пойдешь на боевое задание.

Летчики окружили Дубровского, и всякий старался угостить его папиросой. К сожалению, он был некурящим.

— Тебя как зовут?

— Александр.

— Выходит, Саша? Санька. Ну, понятно.

Три месяца, как один день, провоевал Дубровский в составе Н-ского истребительного авиаполка. Хотел остаться в полку насовсем. Командир, конечно, понимал его: «Я бы с дорогой душой такого летуна взял, да не имею права».

Вернулся Дубровский в училище лейтенантом и с орденом Красной Звезды на груди. Вот что значит инструктор: поехал на фронтовую стажировку, двух «мессеров» завалил и вернулся.

Фронт был далеко-далеко от здешней среднеазиатской глуши, но все мечты, все помыслы курсантов и инструкторов были там. Курсантам снился день, когда они, окончив непомерно затянувшийся курс обучения, все-таки поедут на фронт. И каждый инструктор таил в душе надежду на какой-нибудь исключительный случай, который поможет ему вырваться из школы пилотов и попасть туда же — на фронт.

Осенью сорок третьего года фронт откатился от Сталинграда. И уже по всему видать, что победа будет за нами — в этом никто никогда не сомневался! Тем сильнее хотелось на фронт.

Поздней осенью, когда уже выпал снежок, улыбнулось, наконец, счастье курсантам, приехавшим издалека и несколько месяцев ожидавшим своей очереди сесть на ЯКи: они вышли на аэродром. Давно командовал эскадрильей капитан Акназов — может быть, это он протолкнул своих вперед. Спасибо ему. Он хоть и строгий, да справедливый.

Особенно повезло летной группе, которую обучал в свое время Иван Горячеватый. Теперь группу принял знаменитый во всей школе инструктор — лейтенант Дубровский.

Пятеро курсантов стояли коротенькой шеренгой, а инструктор, заглядывая в свой блокнотик, называл их поочередно: знакомился.

— Курсант Булгаков.

— Я!

— Хорошо...

Полуминутная пауза, в течение которой инструктор о чем-то размышлял, что-то помечал в блокноте.

— Зосимов?

— Я!

— Значит, вы Зосимов. Будем знать курсанта Зосимова.

— Розинский!

— Я.

— Белага?

— Я.

Всех он, конечно, знал и раньше. Не кто иной, как он сам, отчитывал их в ту сумбурную ночь в карауле и стращал военным трибуналом. Знал прекрасно, но виду не подал. Перекличкой по списку он как бы сказал: начнем все сначала.

После первых же провозных полетов с новым инструктором ребята единодушно сделали вывод: это совсем не то, что было у Горячеватого, это учеба под руководством спокойного, умного, доброго, хотя и требовательного педагога. Очень скоро они привыкли к нему, стали понимать его с полуслова и вовсе без слов. Он сделался для них человеком, с которым связано в курсантской жизни решительно все,

сделался даже немножко родным, вроде старшего брата в семье.

Ни в воздухе, ни на земле не слыхали, чтобы Дубровский повысил голос или ругнул курсанта. Но стоило ему сказать слово, и оно вызывало мгновенную реакцию, стоило выразить жестом какое-то желание, и курсанты стремглав, наперегонки бросались его исполнять. В инструкторском полете Дубровский, показывая курсанту какой-то элемент техники пилотирования, усиливал впечатление немногословным, образным рассказом — это способствовало быстрому и твердому усвоению премудростей летного дела. Ну, сказать, например, так: «Не взвивай ЯКа дыбом в момент приземления — он этого не любит; лучше пусти на колеса, пусть бежит». Разве не запомнится такая подсказка?

Прошло несколько летных дней. Все заметили, что инструктор чуть больше, чем остальным, уделяет внимания Зосимову, чуть подталкивает его впереди по программе обучения. И все поняли, что Вадима готовят к самостоятельному вылету первым в группе, а может, и во всей очереди. У Дубровского любимчиков не водилось. Просто Вадим лучше других осваивал новый самолет. Несомненно, так.

Валька Булгаков прикусил язык. Валька своим видом напоминал больного лихорадкой: бледно-зеленый с лица, когда прикуривает самокрутку, руки заметно дрожат.

— Ну и заядлый же ты, Булгак, — сказал ему вполголоса Костя Розинский.

— Пошел ты знаешь куда?! — огрызнулся Булгаков. — Шкапа ты водовозная!

Розинский покачал головой, но не стал продолжать спор. Ни к чему. У Кости хорошее настроение. Костя обрел покой и равноправие в летной группе при новом инструкторе. Немного суеверный, Костя после каждого полета причмокивал языком, как старый, мудрый аксакал, и многозначительно говорил:

— Это нам, братцы, сама судьба послала такого инструктора. За все наши муки с тем психом...

XIX

ЯК — истребитель, родившийся и вставший на крыло во время войны, — разительно отличался от стареньких самолетов, на которых обучались курсанты прежде. У него острый с небольшой горбинкой нос, прочный цельнометаллический скелет, стойки шасси — сильные, полусогнутые. Весь он похож на хищную птицу из породы ястребиных, чуть присевших перед стремительным рывком в небо. Як уже не безмолвная птица — у него на борту радио. На фронте ЯКи прославились как неутомимые бойцы высшего класса. Они превосходили немецкие истребители в горизонтальном и вертикальном маневре, их огненные клевки были смертельными для «мессершмиттов», «фокке-вульфов», «юнкерсов» и прочей нечисти.

На такой машине Вадим Зосимов должен был сегодня самостоятельно подняться в воздух. Все точно такое у нее, как у фронтовых ЯКов, только пушка да пулеметы незаряженные.

Оставив на земле длинный, вытянутый в струнку хвост снежной пыли, взлетел Вадимов ЯК. Не успел Вадим хорошенько осмотреться в воздухе, а на высотометре уже 500 метров. Ну и мощь самолет! Высоту набирает мгновенно. Полет по прямоугольному маршруту, расчет на посадку, заход по створу знаков — все это знакомо, но на ЯКе выглядит и ощущается по-новому. В кабине уйма работы, едва успеваешь выполнять то, что положено, — сказывается скорость.

Пунктирная линия посадочных знаков быстро приближается. Сейчас она черная, потому что зимой весь аэродром белеет, как лист ватмана, разостланный в степи. Вадим направляет нос самолета под черное «Т», прицеливается перед посадкой. Ага, выпустить закрылки! — то, чего не было на УТИ-4. Рычажок на левом пульте вниз (тут, братцы, пульт, а не какие-нибудь веревочки). ЯК сбавил ход, будто его за хвост кто-то попридержал, — это выпустились закрылки. А дальше получилось все быстро, плавно и хорошо. Машина призем-

лилась. Непонятно: Вадим ее посадил или сама она села?

Инструктор даже не подходит к самолету, машет перчаткой: давай, мол, еще один такой же полетик, все нормально.

При заходе на посадку во второй раз Вадим немного зевнул, чуть-чуть потерял скорость, и тяжелая машина плюхнулась далеконько до «Т». Это называется недолет. А пилоту после этого название — шляпа.

Конечно, у Вадима ведь не бывает, чтобы все хорошо, какая-нибудь неудача непременно его подкараулит. Ух, злость! Подмывает трахнуть шлемофоном оземь, чтобы очки разлетелись.

— Товарищ лейтенант, разрешите получить замечания.

— Первый полет отлично, а второй... сам знаешь. Беги докладывай командиру эскадрильи.

Капитан Акназов — в новеньком комбинезоне и унтах белого собачьего меха — бродил в стороне от старта, будто искал что-то утерянное.

Подошел к нему Вадим быстрым строевым шагом.

— Товарищ капитан, курсант Зосимов выполнил два самостоятельных полета...

— Вы что же, падаете без скорости? — ледяным тоном спросил Акназов. — Надо было вовремя машину газком поддержать, так, кажется, вас учили!

— Так точно. Разрешите доложить...

Акназов заулыбался, сунул Вадиму руку:

— Поздравляю вас.

Курсанты да инструкторы, наблюдавшие издали за двумя фигурами, не могли слышать этот разговор. Они только видели, что капитан Акназов улыбается и пожимает Вадиму руку.

До конца летного дня больше никого не выпустили, и Вадим ходил по аэродрому именинником, он был единственным курсантом, который уже летал на ЯКе. Сам. Его голос в разговорах с ребятами звучал в тот день громче, чем обычно, он бросал по сторонам уверенные взгляды и весь как бы подрос на полголовы. Когда он начинал рассказывать о своих впечатлениях, вокруг него сейчас же собиралась и

быстро увеличивалась толпа курсантов, его слушали внимательно. Булгаков тоже прислушивался. Одним ухом, двусмысленно усмехаясь. Кому-то он потом сказал, что, мол, доверили человеку первым вылететь, а он ткнул машину где-то за аэродромом. Пошел слушок.

Любишь кататься — люби и саночки возить. В учебной эскадрилье это правило незыблемо. После полетов курсанты поступали в полное распоряжение механиков и под их руководством драили машины, дозаправляли бензином и маслом, выполняли мелкие технические операции. Во время тяжелой и нудной работы на самолетной стоянке постепенно улетучивалось горделивое самосознание, что ты не дальше как сегодня управлял скоростным истребителем. Руки, смоченные бензином и маслом, мерзнут, живот подводит от голода, механик на тебя покрикивает (хотя рожден ползать, молоток этакий!), и ты трезвеешь, ты становишься черным рабом того же самого ЯКа. То ли дело инструкторы-летчики: закинули планшеты за плечи и пошли себе, неторопливо переставляя ноги в унтах.

— Завидно. Ох, завидно! — простонал Костя Розинский, глядя им вслед.

Приходят в казарму уже затемно, грязные и усталые. Наскоро умываются, курят за порогом, передавая друг другу «бычки». Кто ждет ужина, а кто падает, обессиленный и голодный, в постель, укрывшись одеялом, шинелью, летной курткой, мгновенно засыпает в своем согретом дыханием логове, и шум, смех, разговоры в казарме — все это его больше не касается. Летающим разрешено ложиться спать, не дожидаясь общеэскадрильской вечерней поверки и отбоя.

Многие не ходили на ужин, справедливо полагая, что длинный путь в столовую и обратно в темноте по выбитой дороге не стоит полмиски жиденького пюре. А кто на ужин все-таки шел, тот должен был принести двум-трем товарищам их порции хлеба и сахара, приварок же он получал в награду за труды. Остающемуся в казарме покойно, идущему в столовую выгодно.

Перед ужииом в казарму забежал лейтеиаит Дубровский. Собрал в углу свою летную группу н сделал кое-какие уточиеиня иа завтра. Меияется очередиость: с утра слетает с Розииским комаидир эскадрнльн, потом Зосимов отрабатывает круг самостоятельио, а дальше, как заплаиироваио.

— Всем поиятно?

— Ясио, товарищ лейтеиант.

Если Костю Розииского дают на поверку комаидиру эскадрильи, зиачит его иаметили завтра выпускать. И опять не Булгакова. По выраженню здешиих остряков, фортуиа поворачивается к Вальке Булгакову тылом.

Подиявшись с табуретки, инструктор сунул свой блокиот-коидуит в плаишет. Задержал взгляд иа Вадиме.

— Ну что, Зосимов, как самочувствие?

Вадим застеичиво улыбиулся, чувствуя, что все иа его смотрят.

— Оперился сегодия иаш Вадим, — сказал Костя Розинский.

— Что? — спросил инструктор.

— Я говорю, мы все пока голые птенцы, а Зосимов уже вылетел самостоятельно — зиачит, оперился, образно говоря.

Лейтеиаит сдвинул шапку иа ухо, что вмиг придало его лицу выраженне лихости и озорства. Сказал иегромко, только для своих:

— Образио говоря, Зосимову вставилн в соответствующее место одио-едииственииое перо и выпустилн в воздух.

Дубровский поправил шапку и вышел за дверь. А тут, в казарме, много раз повторяли его шутку, громко смеялись, и даже те, что легли пораньше, проснулись.

Подалн команду строиться. Собиравшиеся идти в столовую уже были в шииелях.

— Зосим, прииесешь мие хлеб-сахар! — крнкиул Костя Розииский.

— И мие, Зосимов.

— И мие.

Еще заказ, еще... Стоило идти Вадиму в столовую: ему достанется шесть порций пюре, если соединить их в одну, то получится полная миска, пожалуй, с горкой. Две порции Вадим тут же хотел перечислить другому курсанту, хватит с него и четырех.

— Не стесняйся, Зосим, — сказал Костя Розинский. — Глотай сам все шесть. Тебе с сегодняшнего дня по летной норме положено рубать.

XX

Каждый день теперь освобождали города. Во время передачи последних известий по Московскому радио жизнь в эскадрилье прерывала свой размеренный ход. На полную громкость включались репродукторы, и начинал греметь перекатами, подобно весенней благодатной грозе, великолепный бас диктора:

— В последний час. Сегодня наши войска после ожесточенных наступательных боев штурмом овладели городом...

Кричали «ура», обнимались и потом, не в силах сдержать восторг, начинали бороться. Почти всегда среди курсантов находился именинник — тот, чей родной город только что освободили.

Настало время, когда сообщения «В последний час» передавались по нескольку раз в день. Освобождались все новые, большие и малые, города. Вместе с неуемным чувством радости закрадывалась в курсантские души тревога: события на фронте развиваются стремительно, а вдруг война кончится без их участия? Драться с «мессерами», сбивать! Пусть будут тяжелые бои и раны — война не игра, но с романтическим и счастливым концом. А потом пусть будет возвращение летчика-фронтовика домой, пусть будут встречи.

Раньше Вадим Зосимов, пожалуй, доверил бы свои мечты лучшему другу Булгакову. А Валька рассказал бы о том же ему. Но с тех пор, как между ними пробежала черная кошка, они больше не откровенничают. А без этого, между прочим, — тоска.

ИЗ ДНЕВНИКА ВАДИМА ЗОСИМОВА

23 сентября 1943 года

Об освобождении моего поселка в сводках не сообщалось. Небольшой рабочий поселок около коксохимического завода, Горячий Ключ, сделанный и названный так самими жителями,— кому об этом знать? Но уже несколько дней прошло, как взят нашими войсками центр Донбасса. Поселок расположен восточнее, значит и он теперь свободен.

Что там?

В течение этих нескольких дней я написал много писем и все изорвал, не решившись отправить. Немцы оставляют после себя пепелища, виселицы, трупы. Совершенно подавленный, я ждал страшного известия, которое вот-вот придет окольным путем, и тогда у меня разорвется сердце.

Однажды дежурный, разбиравший очередную почту, окликнул меня:

— Зосимов, тебе письмо!

Что?! Я остановился и, кажется, перестал дышать. Это другим ребятам письма приходят, а мне никогда не бывает и не может быть никакого письма.

Дежурный протягивает мне конверт. Нет сил сделать несколько шагов навстречу. Обыкновенный конверт, серенький, без марки... Адрес написан отцовской рукой — мелкий, четкий почерк нельзя не узнать даже издали. Пока я тут переживал да гадал, родители сами разыскали меня.

В бездумном оцепенении вскрыл конверт.

«Дорогой наш сын Вадик!..»

Они живы! Тяжелое время, невероятные лишения и жестокости выпали на их долю, но все живы, не сказать, чтобы здоровы. Подробно пояснял отец, как найти их по новому адресу — приютились в сарайчике у добрых людей, а улица потеряла и свой вид и название. На полях письма был набросан чертежик и пунктирной стрелкой показано, куда мне идти.

Я прочел письмо дважды, прочел в третий раз. Сейчас же сел писать ответ. Строчил и строчил; что

приходило в голову, о том и писал, а о себе всего иесколько слов — обидио и совестио было призиаться, что я еще ие летчик, ие лейтеиаит и не я освобождал Доибасс, как мечталось и сиилось. О, сколько прекрасиых воображаемых картии прошло перед часовым, охраиявшим стояику самолетов! Ои устремлял иеподвижиый взгляд в бескоиечиое простраиство пустыии, и там иачииали вырисовываться контуры поселка, в котором зиакомы каждая тропиика и каждый дом. В тот поселок должеи был приехать в один прекрасный день молодой, но уже заслужеииый летчик, должеи был ступить на порог родительского дома и сказать: теперь все ваши беды коичились, я с вами.

То были грезы. А в жизни все ие так. Вот списались; считай, встретились. Родители крайие нуждаются, а сыи ничем не может помочь, сам пока иа курсантском пайке. Бессилие убивает меня. Я твердо решил отдавать родителям все деньги, которые буду получать, когда стаиу летчиком. Ведь уже скоро выпуск.

Нужда в семье, горе людскс вокруг, а все-таки, если подумать, выпало счастье иа мою долю: оии живы. Сестричка теперь уже девушка. Взгляиуть бы на иее.

5 октября

Отныие при известии «почта!» бросаюсь стремглав к тумбочке диевальиого, как делают это другие ребята.

— Зосимов, тебе перевод иа пятьсот рублей, — сообщил дежуриый, протягивая блаик уведомления.

На талоичике: 500 (пятьсот) рублей. Почерк иа этот раз мамин.

Сколько требовалось изворотливости, на какие лишеиия иадо было пойти, чтобы собрать пятьсот рублей для сыиа!

Письма стали приходить часто, иногда по три сразу — от мамы, сестреики и отца. Оии втроем мечтают о том дне, когда я вернусь домой. В ответных письмах, столь же частых, заверяю их, что это не-

премеиио будет, вот только окончу училище, съезжу на фронт н немного повоюю. Домой — только через фронт.

XXI

Осталось долетать иа ЯКах кому по два, кому по три учебиых задания, н программа завершеиа.

На аэродроме зазеленела весеиияя поросль, в небе — ии облачка. Моторы ревут угрожающе, иногда с надрывом: в зонах идут учебные воздушиые бои.

Вадим Зоснмов парил иа своем ЯКе иа трехкилометровой высоте. Плавио перекладывал машниу из левого крена в правый, иапрягал зреиие до рези в глазах, стараясь ие прозевать «противника». Самолет инструктора может появиться с любого направления — Дубровский, он хитер. У нстребнтелей существует правило: увндел противника первым — наполовину победил. А вдруг получится так: Вадим заметит инструктора еще до того, как инструктор обиаружит его? То-то было бы здорово! Атакиуть виезапно с задней полусферы, н готово, «противиику» деваться некуда...

Истребнтель ннструктора не прилетел с какой-то стороны, как все нормальные истребители летают, а возник на фоие иеба из ничего. Как в кино. Перекошениый крестик резал небо иа встречио-боковом курсе. Тенью промелькнул слева. Вадим рванул рули, бросая машиину в отвесиый левый креи, закручивая вираж. Нервиые, грубые движения пилота машиие ие понравились, и она вся задрожала, готовая сорваться в штопор.

Два-три круга с глубоким креном, с перегрузкой, от которой темнело в глазах, — оторваться от иаседавшего «противиика» можно было только так. Но, оглянувшнсь после эиергичиого маиевра, Вадим увидел сзади, очеиь близко, иисгрукторский ЯК. Вцепился в хвост, как оса. Сейчас еще немного подвернет, и прицельная пушечиая очередь обеспечена.

— Не спи! — подстегнул Дубровскнй курсанта по радно.

Ничего себе сон: Вадим весь в мыле.

Переворотом нырнул вниз. Разогнав на пикировании страшную скорость, взвил машину, заставил описать в небе косую, упругую петлю. Никак не оторваться от преследования. Инструктор повторял все его маневры, похоже, без особого труда. Он играл с ним, как кот с мышкой. И тогда Вадим, которому сдаваться очень не хотелось, пошел на рискованный маневр. Он давно его обдумал и берег на крайний случай, берег для фронта. Во время виража Вадим выпустил посадочные закрылки...

Похолодело в груди, когда самолет внезапно осадил, будто нарвался на невидимое препятствие. Радиус виража стал минимально возможным, но машина теряла высоту, зарывая нос.

Инструктор проскочил вперед, но вопреки расчетам Вадима удобной мишенью не стал. Его ЯК забирал правым крылом ввысь. Опять он изготовился для атаки. Вадим же, поспешно убрав закрылки, едва справлялся со своим самолетом: в момент перехода из одного режима полета в другой машина плохо слушалась рулей.

— Пристраивайся ко мне, — велел инструктор.

Конец воздушному «бою». Истребители парочкой летят к аэродрому. Снижаясь, идут на большой скорости, режут воздух, как стрижи.

В конце летного дня инструктор, собрав группу, делает разбор: указывает на ошибки, отмечает успехи. Курсанты сидят на травке, инструктор похаживает перед ними, играет двумя алюминиевыми модельками самолетов.

Почти всегда занятие у Дубровского состоит из официальной части, строго выдержанной в методическом отношении, и просто беседы, пересыпаной шутками, хотя тоже поучительной.

Самолетики больше не нужны инструктору. Он сунул их в наколенные карманы комбинезона, сам прилег, подперев рукой голову.

— Розинский.

— Я! — Костя вскочил.

— Сиди, сиди. Навоевался сегодня — устал, наверное.

На веснушчатом Костином лице заиграла улыбка.

— Ты, Розинский, сегодня был сбит на первой минуте. Как куропатка.

Костя краснеет.

— А с тобой, Зосимов, минут десять возиться надо. И с Булгаковым тоже.

Насмешка инструктора для ребят вовсе не обидна. Это говорит им не кто-нибудь, а лейтенант Дубровский, который был на фронте, сбивал настоящих фрицев. Но, конечно, всем немного досадно из-за того, что пока из них воздушные бойцы неважные. И Дубровский, легко разгадав их мысли, замечает:

— Не унывайте, друзья. У немцев есть летчики еще похуже.

Летающая очередь приближалась к финишу, и тут ее начали всячески подгонять. Усилили питание за счет других курсантов, освободили от работы на материальной части, дали побольше бензину — только летайте. Вскоре приехали «купцы» — офицеры Н-ского авиасоединения, которые должны были принимать выпускные зачеты.

В эти дни нескольких лучших курсантов приняли в партию.

Вадим Зосимов также решил подать заявление.

— Правильно соображаешь, правильно, — одобрил инструктор, когда узнал про это. И пообещал: — Я дам тебе рекомендацию.

Одну, значит, дает Вадиму комсомольская организация, вторую — инструктор. А третью? Вадим задумался, не зная, к кому бы обратиться с просьбой. И кто-то посоветовал ему: давай к Акназову.

Хорошо бы получить рекомендацию от самого командира эскадрильи, с нею примут наверняка. Но Вадим долго не решался к нему подойти: а вдруг откажет?

И все-таки набрался храбрости. Выждал момент, когда капитан Акназов один неторопливо шагал вдоль самолетной стоянки. Перехватил.

Командир эскадрильи выслушал его. Пристально

посмотрел ему в лнцо — может быть, не сразу вспомнил.

— Хорошо, товарищ Зоснмов, я дам вам рекомендацию.

Назавтра Вадим уже держал в руках лист бумагн, исписанный на две трети. Он стал чнтать, и первая же фраза изумила его. Акназов писал: «Знаю тов. Зосимова Вадима Федоровича с 1941 года по совместной работе в эскадрнлье...» Он, Вадим, — курсант, каких много, а капитан Акназов тут самый главный начальник, и вдруг: «Знаю по совместной работе...» Пока еще не приняли Вадима в партию, но он уже почувствовал дух того великого братства коммунистов, где все равны перед партийным Уставом — и рядовые н большие начальники.

Он очень волновался перед партийной комнссией. Устав учил, Программу читал, старался держаться в курсе событий текущей политнки, но все равно могут спросить как раз то, чего не знаешь.

А получилось все просто. Секретарь парткомиссии, пожилой, с бледно-желтым лицом подполковник, спроснл:

— Обязанности члена партии знаешь, товарищ Зосимов?

— Знаю, — тихо ответил Вадим.

— А ну, перечисли.

Вадим довольно обстоятельно изложил обязанности члена партии.

— Что ж... Обязанности свои будущие ты знаешь, — сказал подполковник. — Надо будет так и выполнять.

Секретарь парткомиссин окинул взглядом собравшихся.

— Есть вопросы к товарищу Зосимову? Нет вопросов.

Вот и вся парткомиссня. А Вадим думал, что его забросают вопросами.

Курсант Зоснмов оставался курсантом Зосимовым, но в то же время в его жизни произошли перемены — внутренние, весьма значительные перемены, которые как-то его приподняли и заставили смотреть по-новому на самые обыкновенные вещи. Впер-

вые ои почувствовал это иа партийиом собраиин, где прнсутствовалн в осиовиом инструкторы н командиры. Обсуждались вопросы летной подготовки курсаитов, иередко завязывался спор, и Вадим прнннмал участие в решении важных эскадрнльскнх дел хотя бы тем, что сндел здесь же н слушал.

Кандндатская карточка постоянно была с ннм, в левом нагрудиом кармаие, когда высоко в небе выписывал на своем ЯКе упругне фнгуры пилотажа н когда иа земле лежал под машниой, вытнрая тряпкой грязно-масляные пятна. И то, что небольшая, тоиенькая кииижечка всегда была с ннм, тоже имело большое зиаченне.

Случнлось непредвндеииое.

В эскадрилью прнехал работник отдела кадров. Он занял кабннет иачальнника штаба, зарылся в свон бумаги и выходнл только в обеденный перерыв. Это был майор, невысокого роста, лысый, сверлнвшнй буравчнками глаз каждого, с кем разговарнвал.

В кабинет начальинка штаба зачем-то вызвали Ваднма. Вместе с инструктором. Заметив на лице Ваднма тревогу, Дубровский загадочно сказал:

— Не бойся, не иа расстрел. Возможио, вместе будем работать.

Когда они вошли, майор-кадровик едва взгляиул на инх. Что-то пнсал.

— Товарнщ майор, курсант Зоснмов по вашему прнказанню явнлся, — доложнл Ваднм.

Кадровик кольнул его глазами, пока так, для пробы.

— Это черт может явнться однажды иочью, — рассмеялся ои. — Надо докладывать: такой-то прибыл.

Холодом проияло от его шуткн. Скорей бы начниал, что лн.

— Так вот, товарищ Зоснмов... Командоваине оказывает вам большое доверне. Вам предложено после выпуска остаться в школе работать инструктором-летчнком.

— Я не хочу! — восклнкнул Ваднм. Он весь побелел, иапрягся, ему хотелось удрать отсюда.

Майор не обратил никакого внимания на него, как, наверное, не обернулся бы на визг попавшейся под ноги собачонки.

— Техника пилотирования у вас хорошая, как видно по летной книжке и докладу лейтенанта Дубровского, вы — коммунист. Пройдете стажировочку и будете работать!

— Не останусь! Хочу на фронт, — твердо сказал Вадим.

Стальные буравчики начали сверлить его.

— Куда вы хотите, вас пока не спрашивают, товарищ курсант. Останетесь на инструкторской работе или нет — это еще посмотрим. Слушайте, что вам говорят.

Майор выразительно взглянул на Дубровского, требуя поддержки. Но Дубровский молчал.

— Итак...

— Не останусь ни за что!

— Дисциплиной ваши курсанты не блещут, товарищ лейтенант Дубровский, — заметил майор, посмотрев на инструктора неодобрительно. И Вадиму: — Вы даете себе отчет в том, где находитесь?

— Так точно.

— Командование доверяет вам: будете готовить летчиков для фронта, это важнее и почетнее, чем самому воевать. Понимаете вы это, Зосимов?

— Понимаю, но я хочу на фронт.

— Молчать! — сорвался майор. Хватил кулаком по столу, карандаши повыпрыгивали из стаканчика.

Вадим стоял навытяжку. Инструктор сидел на краешке табуретки.

— Отвечайте, почему вы отказываетесь выполнить распоряжение командования.

— Я не отказываюсь. Я хочу...

— Молчать!!!

Когда майор начал орать и стучать кулаком по столу, Вадим перестал его бояться.

— Товарищ майор, разрешите доложить...

— Ну?

— Я должен обязательно попасть на фронт.

— Почему «обязательно»?

— Мне надо. Я должен мстить.

— Про это на политзанятиях будешь рассказывать. Такого мстителя могут в первом же вылете самого сбить.

— Все равно я должен...

Буравчики майорских глаз притупились. Во всяком случае, на худощавого курсанта, обладавшего редким упрямством, они больше не действовали. И майор заговорил опять сдержанно и рассудительно, вернувшись к своим первоначальным позициям.

— Завтра или послезавтра вам выдадут офицерские погоны, товарищ Зосимов, и мыслить вы уже должны не по-курсантски. В кармане у вас партийный документ, и это тоже обязывает... Что это за коммунист, который не умеет подчинить свои личные интересы высшим интересам службы. Надеюсь, вы понимаете меня, товарищ Зосимов?

Вадим кивнул головой. Горло пересохло, и он не мог вымолвить ни слова. Чем тут возражать? Какие доводы привести против того, что сказал кадровик? До его ушей доходит негромкая, будто звучащая издалека речь майора:

— ...Командованию виднее, куда вас направить. Страна затратила уйму средств на ваше обучение, надо же это дело как-то оправдывать.

Правильные, разумные слова он говорит. Они припирают Вадима к стенке. Еще немного, и Вадим согласится остаться инструктором. Чтобы этого не случилось, Вадим кричит, задыхаясь, надрывая голос:

— Пусть со мной сделают что угодно! Пусть в штрафную роту, но на фронт!!!

Две слезы наискось пересекли его бескровное лицо. Он рванулся и выбежал из кабинета, оставив дверь открытой настежь.

Лейтенант Дубровский нашел его в казарме упавшим на чью-то чужую кровать, трясущимся как в лихорадке. Косой, грязноватый след засохшей слезы остался на щеке.

— Только без истерики! — грубовато сказал Дубровский.

Вадим медленно поднялся. У него был вид обреченного.

— Все кончилось. Инструктором оставляют другого курсанта, а ты поедешь на фронт, — сообщил Дубровский.

— В штрафную роту? — вырвалось у Вадима.

— Дурак! Стоило тебя учить на ЯКах, чтобы в штрафную посылать. Получишь младшего лейтенанта и поедешь, как все.

— Товарищ лейтенант!!!

— Ладно, оставь свои чувства при себе. Мне и так за тебя влетело от майора. Говорит: плохо воспитываете, случайных людей в партию принимаете.

Радость Вадима померкла.

— Я случайный?

— Да нет же! Это он так сказал. Разошелся, понимаешь, и говорил, что попало. Не обращай внимания.

Завтра Зосимову сдавать государственный зачет по технике пилотирования. Инструктор старался его успокоить, начал рассказывать о летчиках фронтового полка, где он стажировался. Есть там, конечно, настоящие асы, насбивавшие кучу «мессеров», но есть и молодые ребята, такие, как Вадим, — тоже летают и дерутся, как надо. Все будет нормально.

Вадим улыбался, но время от времени на его лицо набегала хмурь. «Случайных людей в партию принимаете...» — эти слова не давали покоя, их невозможно было забыть. Умом и сердцем восставал против этого Вадим. Неправда! Неправда!..

XXII

ИЗ ДНЕВНИКА ВАДИМА ЗОСИМОВА

10 апреля

Два десятка младших лейтенантов едут на фронт. Поезд переполнен пассажирами, в вагонах невообразимая теснота и духота. Младшие лейтенанты путешествуют, забравшись на крыши вагонов. Сверху виден весь поезд, ползущий через пустыню, извивающийся на поворотах как змея...

Даже ие верится, что это мы едем, мы! При выпуске иас одели скромио, по возможиостям военного времеии: хлопчатобумажиые гимиастерки, пилотки, кирзовые сапоги — все солдатское, и только звездочки иа погоиах иапомииали о иашем офицерском звании.

Ветер пустыии дышит в лицо. Чтобы ие слетела пилотка, долой ее с головы — и за пояс. Волосы иа иаших головах успели отрасти иа саитиметр, ие больше — ведь раиьше стригли под машиику, иачисто.

Теперь можио говорить о том, что еще вчера храиилось в глубокой тайие.

— Мы со своим иии инструктором выпили по сто грамм иа прощаиие. Ои сиачала было запретил: иикаких проводов! А потом согласился, говорит, все равио вы уже офицеры.

— Наш инструктор тоже ие отказался. Мы продали по одиой паре белья. Старый казах платил четыреста рублей за пару. Подставил мешок и говорит: давайте, ребята, складывайте, сколько есть. А у самого деиег под ватиым халатом что блох.

— Ха! Зиачит, и у иас покупал бельишко тот самый казах? Тоже мешок подставлял. А за водку мы платили по восемьсот.

— Мы тоже: две пары белья как раз иа литр водки.

12 апреля

К вечеру иа крыше вагоиа стаиовится прохладио; в это время уже ие хочется орать песии, пропадает иитерес к аиекдотам, которые бескоиечиой вязаикой вытаскивает иа свет божий одии чериявый, крючкоиосый пареиь — будто достает из-за пазухи. Встречный ветер иеизвестиости иавевает раздумья, восторжеииые и тревожиые.

— И вот, братья истребители, последиие деиьки доживаем вместе, — говорит Костя Розииский. Он сидит, обияв руками острые колеии. Похож на большого кузиечика. — Приедем в Леиииград. Там рассуют иас по полкам, и до свидаиия...

— И скоро услышим: кто-то сбил первого фрица, — продолжает его мысль Валька Булгаков. — Интересно, кому повезет первому?

— А кто-то первым гробанется, — добавил Костя Розинский.

Возражать ему не стали, ибо такое на войне вполне может быть.

Булгаков сузил глаза, вскинул остренький подбородок. Сказал, ни к кому не обращаясь:

— Хоть одного фрица, но срубаю.

Я взглянул искоса на него. Решительный Валькин профиль, весь его вид не вызывали сомнения в том, что такой парень сумеет загнать в землю хотя бы один вражеский самолет. В эту минуту прошлая обида на Вальку показалась мне мелкой, ничего не стоящей. Меня потянуло к Булгакову. Но как сделать первый шаг к примирению? Мы давно избегаем друг друга и почти не разговариваем.

Но мир полон случайностей, а вагон, битком набитый спешащими на фронт пассажирами, был передвижной частицей того же мира.

На ночь хлопцы вынуждены были втискиваться в вагон. Тут говор десятков людей, хлесткая игра в подкидного дурака, безголосый скрип гармони, которой, видно, медведь на мехи наступил. Один из младших лейтенантов разминает хромовые сапоги, которые на предыдущей станции удачно выменял, отдав свои кирзовые. Знатоки щупают голенища и утверждают, что сапоги эти разве что только полежали около настоящего хрома, а сами-то сделаны из козлиной кожи.

— Махнул так на так? — спросил Булгаков младшего лейтенанта.

— Ага.

— Ну и лопух! После первого же дождичка вакса сойдет, и увидишь, каким серым козлом они тебе обернутся.

— Они скажут: ме-е! — сострил я.

Булгаков захохотал, толкнул меня плечом. Я — его толкнул. Под громкий смех окружающих мы дуэтом промычали:

— Ме-е...

Неудачливый меняла забился куда-то в угол.

А мы с Булгаковым уже во всем заодно. Отвоевали третью, багажную, полку одну на двоих, согнав лейтенанта медслужбы, — полежал полдня — и хватит, дай летчикам-истребителям отдохнуть! Забрались на верхотуру, кое-как улеглись. Как ни в чем не бывало, словно никакой ссоры никогда не случалось. Не знаю, как Булгак, а я был несказанно рад возвращению дружбы.

— Хромовые сапоги, конечно, надо, — бубнил Валька. — Я думаю знаешь как? В первую получку сложимся и купим тебе. Во вторую — мне.

— Идет! Только сначала тебе, — возразил я.

Валька для друга готов на все и уступать в доброте не захотел.

— Тебе первому.

— Давай разгадаем, кому первому, — предложил я.

— Давай!

Мы разгадали на спичках, кому покупать сапоги в первую очередь и вышло — Булгакову, Вальке в любой игре везет.

Спать нам расхотелось. Мы вышли в тамбур, насквозь прокопченный табачным дымом. Наконец-то, хоть ночью, здесь было пусто. Булгаков открыл окно. Закурили — а что делать?

Высунувшись в окно по грудь, Булгаков закричал изумленно и радостно:

— Гляди ты: а пустыни уже нет!

Я тоже свесился через раму окна. Не так уж темно, когда приглядишься.

— Лесопосадки, — сказал он. — А там, на горизонте, видишь, зарево? Наверное, подъезжаем к большому городу.

Но время шло, поезд ходко отсчитывал километры, а никакого города не было, встречались только маленькие станции. Почему-то ночью поезда идут быстрее. Или так только кажется? Что это отсвечивает на полнеба, отчего зарево? Тоже загадка. Весь

мир впереди, в который мы въезжали, был удивительным.

Рядом с поездом бежало оранжево-серое пятно света от тамбурного окна — словно охотничий пес на поводке.

В полночь в вагоне поезда, следовавшего в сторону фронта, была произнесена клятва двумя младшими лейтенантами: на фронте проситься в одну эскадрилью: летать парой; вместе, только вместе жить или погибать...

XXIII

«Да, Вадим, был ты всегда мне не только другом, но и наставником, — написал Булгаков в тетради Зосимова. — Дневник твой прочитал я, как интересную книгу, без твоего ведома, и знать тебе о том, пожалуй, не обязательно. Крепко жму твою руку, друг. Мысленно...»

Полковник Булгаков, председатель экзаменационной комиссии, должен был закончить здесь свои дела и улететь примерно за недельку до того, как вернется хозяин дома. Задержаться, чтобы свидеться? А зачем? Благодарить за дружбу — не в правилах Булгакова, да и вообще за это спасибо не говорят.

Снежные вершины гор проступили из темноты нарядными шапками, с голубой и розовой опушкой. Булгаков, чья молодость прошла в здешних краях, сразу понял, что это наступает рассвет.

Вернувшись в дом, спать он уже не стал, хотя было еще очень рано. И опять потянуло его к той тетрадке, захотелось перечитать некоторые места.

Знакомые страницы иные любят листать с конца — такая привычка была и у Булгакова. Может быть, как раз потому ему попалась на глаза запись, которую он не заметил раньше. В конце тетради оставался с десяток чистых страниц. На одной из них, в отрыве от всего предыдущего текста, затерялись только помеченная дата и только одна строчка:

„4 сентября 1944 года

Сегодия сбил первый вражеский самолет».

Как много зиачнла эта строка для Ваднма! Сколько воспомииаиий мгиовенио вызвала оиа нынче у полковинка Булгакова — думы взметнулись целым роем! Искреине пожалел ои о том, что Вадим почему-то запустнл дневиик иа фронте. Он даже ругиул своего друга, как мог бы ругиуть кого-то из подчииенных за халатность. Ему казалось, что упущено самое иитересное — воздушные бои: у иего тесиилось в душе чувство иеудовлетворениости, какое, навериое, способен нспытать страстиый чнтатель, обнаружнв, что нз книгн вырвана чьей-то рукой целая кнпа страннц.

О тех недолгих, но весьма зиачимых диях, которые друзья провелн на фроите уже в коице войиы, прндется рассказать автору этого повествования. Может быть, у него получится несколько хуже, чем у Ваднма Зосимова, но зато достоверно: после окончання школы ускореиного типа ои попал вместе с ннми в однн полк и миогое видел собствеиными глазами.

Падучая звезда

I

Втроем они попали в одну эскадрилью — Булгаков, Зосимов н Розинский. Остальиых выпускников распределили по братским полкам ГИАЛК — Гвардейского истребительного авиационного Ленинградского корпуса.

Поначалу трое молодых невольно обращали иа себя внимание: неразлучной тройкой ходили онн на аэродром и в столовую, были одеты по-солдатски, исправно козыряли каждому, кто был хоть на звездочку старше по званню. В столовой набрасывались на еду с жадностью. Пока принесут им борщ, онн весь хлеб сжуют всухомятку — ведь нарезано его без всякой нормы. Командир звена Бровко дал официантке негласное указанне: поскольку ребята с голодного края и пока стесняются — иаливать им побольше да погуще.

Как иа детей, посматривал иа ннх командир эскадрнльи Богдаиов — рослый, плечистый капитан с Золотой Звездочкой Героя на груди. Посадит кто-инбудь из молодых машииу с «козлом», Богданов лишь улыбиется снисходительно и ругать не станет. На боевые задания брал только кого-ибудь одного, и вся группа оберегала его от внезапного удара «мессеров». Такой воздушный боец ие помогал, а только мешал; его надо было водить за ручку, чтобы он не оступил-

ся и ие иабрел на опасность в просторах фронтового неба.

Молодые привыкли к порядкам, заведеиным в гвардейском полку, и неплохо усваивали тактику воздушиого боя. Богдаиов говаривал своим гвардейцам, кивая в сторону дружиой тройки младших лейтеиаитов: «Когда оии все поймут, тогда поглядим, на что способеи каждый в отдельности».

Первым показал бойцовский характер Валентин Булгаков. Эскадрилья в составе восьми истребителей рыскала на иаправлеиии вероятного пролета противника. Немецких бомбардировщиков так и не дождались, но иаземиая комаидная радиостанция подослала группу Богданова на помощь ведущим бой. Дрались по всем правилам, не слишком напряженно, потому что воздушиая обстановка была для обеих сторон пока неясной, что-то должно было измениться.

И точно: сторонкой пытались прошмыгнуть «юнкерсы». Бой сразу остервеиел. Богданов с напарником ловким маиевром оторвались от «клубка», ушли ввысь, а через иесколько секунд ястребами свалились иа группу бомбардировщиков. Излюбленный богдаиовский удар сверху — без промашки. Ведущий «юнкерс» был сбит иаповал: накренился и рухнул на землю. Бомбардировщики смешали строй, стали разбредаться по небу, как коровы без пастуха. Их преследовали и били. Ведущий Булгакова дал очередь по «юнкерсу», но попал слабо — может быть, по концу крыла где-нибудь. На скоростн проскочил ведущий дальше; повторить атаку иельзя, потому что истребители прикрытия лезут со всех сторон, надо одновремеино и от них отбиваться. Булгаков, следуя за своим ведущим, вмиг оценил положение глазами зрелого бойца. Довернул машину влево и лупанул по «юикерсу» одиовремеиио из пушки и пулеметов. О чудо: «юикерс» изрыгиул сноп огня и дыма! Едва успел смаиеврировать Булгаков, чтобы ие столкнуться с внезапно выросшей до натуральных размеров тушей горящего бомбардировщика.

— Молодец! Дал ему прикурить!..

Кто кричит по радио? Валька ие сразу сообразил,

что слова комэска относятся к нему. А когда понял, охватил его холодок безудержной отваги. Он совершенно перестал думать о себе, не дрогнул даже тогда, когда заметил на левом крыле несколько внезапно образовавшихся дырок — будто какая невидимка проткнула их пальцем. Близко от крыльевого бензобака, может вспыхнуть... Но пока ведь не горит? По газам! И Валька вслед за ведущим выписывал полупетли и боевые развороты. Охраняя командира пары, не упускал случая отвернуть, чтобы дать очередь по вражескому самолету.

С внушительной победой вернулась группа Богданова домой: сбили шестерых. Но все поздравляли Вальку Булгакова. Что означал, например, для комэска, Героя Советского Союза ещё один сбитый, двадцать третий по счету. Занести его в летную книжку — и порядок. Почти так же рассуждали о своих победах другие гвардейцы. А Булгаков, молодой летчик, открыл нынче счет, сбил первого, причем бомбера. Именинник он.

А как вел себя сам именинник, что он чувствовал, о чем думал? Мало кто знал об этом. Смолоду Валентин умел держать себя, как мужчина, с первых дней и недель службы в гвардейском полку он жадно впитывал душой все то, что было свойственно зрелым воздушным бойцам. «Ну как?» — задавали ему дежурный вопрос при встрече. «Нормально», — отвечал он. «Ну, ну, расскажи, как ты его рубанул». Валька усмехался слегка и повторял фразу, которую услышал тогда по радио от комэска: «Дал ему прикурить — и все».

Боевая зрелость наступала у Валентина без переживаний, без ломки душевной, без эмоций. По крайней мере так казалось со стороны.

Вскоре Булгакова назначили ведущим. Командир пары — небольшой командир, но уже не рядовой, главное же преимущество его состояло в том, что он отныне выступал в роли ударной силы, к чему так стремился. Вспомнил командир эскадрильи просьбу двух молодых летчиков, с которой они обратились к нему по приезде в полк. Теперь можно было свести их в пару. После небольшой перестановки в боевом

расчете эскадрильи Зосимов стал ведомым у Булгакова.

Некоторое время спустя Булгаков сбил еще самолет, и опять — бомбардировщик. Наградили Булгакова орденом Отечественной войны второй степени.

Зосимов и Розннский по-прежиему счнталнсь в полку молодыми, за которыми надо присматривать. Не только командир, но любой нз летчиков постарше имел неписаиое право сделать им внушение илн послать за чем-иибудь, если самому леиь. А Булгаков, их ровесник и одиокашник, нз такого возраста вышел. Человек имеет двух сбитых, орден, летает ведущим — попробуй его сгонять, он при своем характере так тебя пошлет, что не рад будешь.

Булгакова друг н теперь напарник по боевому расчету пока что сбитых не имел. Да и боевых вылетов у него было поменьше: прежний его ведущий долго лечился в госпитале, и Вадиму тогда пришлось отсиживаться на земле. Летал Вадим не хуже Вальки, и смелости у него хватало. Попаднсь ему такой случай, как Вальке, он бы тоже не промахнулся. Но удачные случаи в воздушных боях — редкость, везет на них только некоторым счастливчикам.

Вообще-то боевой работы для летчиков противовоздушной обороны уже было мало. До прорыва блокады Ленинграда, рассказывают, они тут не знали отдыха ни днем ни ночью. Вылетали по пять-шесть раз в сутки, дрались и дрались. Теперь же воюет в основном фроитовая авиация. Фронт откатился дальше на запад. ПВО оказывает фронтовой авиации помощь, не отрываясь от главного своего объекта прикрытия — Ленинграда. И уже заскучали гвардейцы, вылупилась и пошла гулять среди летчиков несправедлнво-злая шутка насчет службы в системе ПВО — «пока война, отдохнем...».

Но война ушла не так уж далеко. В воздушных боях все еще случались потери. На прошлой неделе погиб командир звена из первой эскадрильи: два «фокке-вульфа» взяли его в клещи с двух сторон и расстрелялн в упор. Вчера иа рассвете, когда техиики только разогревали моторы, пришла девятка «юнкерсов» и ударила по аэродрому. Дежурившая

пара ночных истребителей вылетела с опозданием и завязала воздушный бой уже после того, как «юнкерсы» сбросили смертоносный груз. Бомбы легли по центру аэродрома и вдоль стоянки самолетов. Большого вреда они не причинили — земляные валы капониров надежно укрыли машины от осколков, — но два фугаса прямого попадания разворотили водомаслогрейку и КП полка. На КП в тот ранний час никого не было, лишь у входа стоял часовой, от которого после не нашли никаких остатков. Получили ранения некоторые механики и техники, пренебрегшие простым, но верным средством спасения от бомбежки: вблизи самолетных стоянок были вырыты зигзагообразные глубокие щели, а они туда не полезли. Кто по тревоге спрыгнул в щель, тот остался жив и невредим.

II

На аэродроме ее всегда ждут. Пара истребителей первой готовности; летчики, забивающие «козла» у порога эскадрильской землянки; механики, дремлющие каждый у крыла своей машины, свернувшись по-собачьи калачиком; телефонист, пребывающий в стадии гипноза перед ящиком полевого аппарата, — все ждут появления сигнальной зеленой ракеты. Ждут с тревогой, опасаясь прозевать. Зеленая ракета в своей сущности неповторима, как падучая звезда.

— Ракета!!! — заорал механик, дремавший только одним глазом.

Одновременно ее — зеленую падучую звезду — увидели многие и зашумели, забегали около самолетов.

Ведущий дежурной пары уже запустил двигатель, самолет, сдерживаемый тормозами, продвигался малыми шажками вперед. А у напарника мотор никак не запускается. Вертится, потеет в кабине Костя Розииский и ничего поделать не может.

Вдруг он выскочил из кабины и побежал, придерживая болтавшийся сзади парашют. Так может бежать не вовремя потревоженный, не успевший застегнуть штаны, и хотя было теперь не до смеха, на ли-

цах летчиков и механиков появились улыбки. Костя бросился к соседнему капониру, где стоял расчехленный, готовый к вылету самолет командира эскадрильи. Самого комэска на аэродроме сегодня нет, приболел и отлеживается в деревне. В такой ситуации разрешения да согласия некогда спрашивать, дорога каждая секунда. Влез Костя в командирский самолет, и, как только винт у него заработал, ведущий пары прямо со стоянки, пересекая аэродром по диагонали, устремился на взлет. Розинский — за ним.

Набирая высоту, пара истребителей держала курс на юго-запад. Самолеты шли рядышком, летчики понимающе переглядывались.

По радио им указали квадрат южнее Нарвы, где-то там пересекла фронт группа немецких бомбардировщиков. Вслед за дежурной парой с аэродрома вылетела еще восьмерка истребителей. Она шла сзади, в пятиминутном интервале. Наверное, поднялись истребители и с других аэродромов. Летом сорок четвертого года сил уже хватало. К Ленинграду немецкие бомбардировщики давно не подпускались и близко. Некоторые полки Гвардейского истребительного авиационного Ленинградского корпуса ПВО были выдвинуты вперед, на прифронтовые аэродромы. Действуя с тех точек, они не только прикрывали дальние подступы к великому городу, но и помогали фронтовой истребительной авиации, которая трудилась над передним краем денно и нощно.

Чем ближе к фронту, тем больше становилось в воздухе самолетов. Внизу, у самой земли, проскользнула наискосок шестерка штурмовиков. «Как стайка чирков...» — подумал Костя, прослеживая их полет. Встречным курсом, почти на равной высоте, пронесли свои тучные тела бомбардировщики. Эти уже отработали по цели, возвращаются домой. Возвращаются, да не все. В одной группе Костя насчитал девять машин, в другой восемь, а в третьей — только семь. Известно, что бомберы летают девятками. Которых не хватает в строю, тех уже и нет... А где же истребители сопровождения? Вон они, храбрые рыцари, — идут сзади и повыше, идут опустивши за-

остренные яковские носы, печальные, как живые существа, потерявшие нескольких единокровных братьев в драке с врагом.

Костя Розинский все видит, все понимает. Он должен хорошо ориентироваться в воздушной обстановке, чтобы своевременно предугадать опасность и надежно прикрыть с хвоста ведущего пары. Тактику ведомого летчика (не столь уж простую, если разобраться) Костя усвоил, сегодня — его двадцать седьмой боевой вылет. Командир звена старший лейтенант Бровко меньше всего смотрит назад и по сторонам — там у него верный щит. Дело Бровко, как ведущего пары истребителей, — искать воздушного противника и бить.

Тонкая, легкая пленка облаков висит над головами летчиков, сквозь нее кое-где просеиваются солнечные лучи. Красивая, но в сущности своей нехорошая облачность...

Еще на подходе к заданному квадрату они увидели группу вражеских бомбардировщиков. Это были «юнкерсы». Истребителей сопровождения вблизи что-то не видно. Возможно, их и нет совсем: немцы вынуждены теперь идти на риск — прикрывать бомбардировочные группы порой им просто нечем.

ЯК ведущего пары равнодушно отворачивает влево от группы «юнкерсов». Костя тоже закладывает левый крен, угадывая суть маневра хитрого Бровко: занять выгодное положение и подобрать сотню-другую метров высоты, чтобы атаковать внезапно. Немцы обнаружили их, нет ли, но идут пока спокойно.

Заканчивая вираж, Костя увидел «юнкерсы» слева от себя и пониже. Только он подумал, что сейчас ударить в самый раз, как услышал по радио вкрадчиво-хищный голос Бровко:

— Атакую, прикрой!..

Полный газ моторам, короткое пикирование с доворотом, огонь навскидку по куче «юнкерсов». Атака истребителей длилась какие-то мгновения. Кажется, Бровко одного зацепил чувствительно: тот выбросил струю дыма.

Повторить удар они не успели, ибо сами были атакованы. Сквозь облачность, как сквозь редкое решето, посыпались «мессершмитты» — два, четыре, шесть... Ползали, гады, над облаками и только выжидали момент.

Когда сшибаются в воздушном бою истребители, в первые секунды трудно разобраться, где свой, где чужой.. Мелькают кресты и звезды на фюзеляжах, молниями пронизывают пространство трассирующие снаряды. Если пара хорошо слетана, то не так просто ее взять даже вшестером. Костя цепко держался в хвосте ведущего, а тот выделывал умопомрачительные фигуры, уходя из-под ударов «мессершмиттов». Костя пилотировал машину с одной бесшабашной мыслью: «пан или пропал», — чувству страха места в его душе не было.

Как раз подоспели свои. Четверку командир послал на подмогу Бровко, а другим звеном ударил по бомбардировщикам. Сбили ведущего «юнкерса». Обезглавленная группа вскоре была рассеяна; сбрасывая бомбовый груз беcприцельно, «юнкерсы» поворачивали назад, некоторые из них загорались и падали.

Была, таким образом, выполнена главная боевая задача: отражена группа авиации противника, угрожавшая нашим объектам мощным бомбовым ударом.

А бой истребителей все разгорался. Клубок маневрирующих самолетов оттянулся к переднему краю, и там силы стали наращиваться с обеих сторон. Откуда-то вывернулась шестерка «фокке-вульфов», с высоты ударили звеном ЛА-5. Истошно вопила наземная командная радиостанция, пытавшаяся скоординировать действия нескольких групп наших истребителей из разных полков.

Уже бой не бой, вроде как спортивное состязание в технике пилотирования. Смерти людей не видишь, крови не видишь. Исчез «фокке-вульф», оставив дымок в небе, — будто спортивный судья вывел его с поля. Умом-то понимаешь, что драка идет не на жизнь, а на смерть, сердцем же — не всегда.

Какой-то странной тактикой отличался нынешний воздушный бой: «мессершмитты» и «фокке-вульфы» наседают на Костю Розинского. Вроде никого больше и не видят. Справа кольнула воздух огненная шпага, слева один «месс» вцепился ему в хвост бульдожьей хваткой, и, верно, все было бы кончено, да подоспел на выручку ЛА-5 из братского* полка, сбил немца. Другим летчикам мало работы в этом бою, потому что немцы всей сворой атакуют Костю Розинского. Почему они решили срубать в первую очередь именно его?

То, что Костю озадачивало в горячке боя и путало ему карты, давно стало понятным другим летчикам. Дело-то в том, что Рознискнй вылетел на машине командира эскадрильи, Героя Советского Союза, а та командирская «десятка» была расписана кистью самодеятельного полкового художника очень приметно: на борту кабины — двадцать одна звездочка, что означало столько же побед в воздушных боях, на капоте мотора около винта — оскаленная морда бурого медведя. Против разрисовкн самолетов решительно боролся замполнт полка, говоря, что советскому летчику чужды нравы какого-нибудь нностранного аса. Летчики молчаливо соглашались с ним, когда он это говорнл, строго насупливая брови на моложавом лице, рубая воздух ладонью. Все с ним соглашались, а как только кто собьет, сейчас же просит механика: нарисуй, мол, Петрович, звездочку, пускай будет хоть одна. Тем же летчикам, у кого на счету было много сбитых, полковой художник сам стремился что-нибудь изобразить на фюзеляже самолета. Чтобы знали фрицы аса, чтобы издали пугались. Когда на «десятке» выписали маслом великолепный портрет бурого медведя, командир эскадрильи не возражал. Наоборот, долго им любовался, н так и этак присматриваясь, а вечером зазвал механика-художника в летную столовую и поднес ему свои боевые сто граммов.

В воздушном бою теперь «мессершмитты» кида-

* Полки, входящие в состав одного и того же соедииения, называли братскими.

лись на медведя, думая, что пилотирует расписной самолет с бортовым номером «10» русский ас. Сбить его одного — большая удача. И ну давать ему дыму, и ну!.. Атаковали только его, не считая своих потерь, не обращая внимания на других ЯКов, от них только отбивались.

Бой тем временем сместился за реку, за линию фронта. Наземная командная радиостанция теперь подавала голос лишь изредка, в эфире звучала в основном немецкая речь.

Увидев, что очередной «месс» заходит в хвост, Розинский решил спасаться скольжением — крен влево, а разворот вправо, обманное движение получается. Но не успел. Из такого положения мог вывернуться настоящий хозяин «десятки», а молодому летчику не хватало умения и чисто интуитивной бойцовской реакции. Трасса хлестнула его самолет, как кнутом, через капот мотора и кабину наискось. От приборной доски в лицо брызнуло осколками, горячими каплями масла. Обожгло. Костя заставил себя открыть глаза, но ничего не увидел. Зелено-желтый свет и только — как бывает в морской воде, когда нырнешь и посмотришь.

Сейчас огонь, сейчас земля, сейчас удар... Костя протер кулаком глаза и дико заорал от режущей боли. Собственный крик он услышал — ведь мотор не работал. Он сдернул ноги с педалей, расстегнул привязанные ремни, отбросил назад фонарь *. Вывалился из накренившегося самолета вопреки всяким правилам, и если его не перерубило хвостовым оперением самолета, то это только дело случая. Рванул кольцо, как ему показалось, недопустимо поздно. Но парашют раскрылся. Обожженные, плачущие глаза Кости Розинского смутно различали внизу темную массу земли, а вверху светлое небо, до его слуха все глуше доносились завывающий рокот моторов и пулеметные очереди.

Земля надвинулась внезапно. От удара Костя потерял сознание, но где-то в мозгу коротким импульсом сверкнула торжествующая мысль: жив!..

* Фонарь — остекленная кабина летчика.

III

Через час истребители вернулись на аэродром. Без одного. После посадки машины заруливали иа свои стоянки, а капонир «десятки» так и остался пустовать. У капоиира сидел, подпирая голову кулаками, осиротевший механик.

Булгаков вылез из кабииы, небрежно свалив иа крыло парашют, шлемофои, спасательиый жилет * — механик все уберет, — сам отошел от самолета покурить. За несколько месяцев фронтовой жизни Валеитии Булгаков заметио возмужал, окреп, завел пышиую шевелюру, которая прибавляла ему роста. На груди у него поблескивал металлическими лучами ордеи Отечествениой войны.

Подошел Зосимов. Валька сузил глаза и иедовольно надул губы.

— Тянешься соплей, особеиио иа вертикальном маневре, — стал он выговаривать своему напарнику. — Стоило мие при выводе из пикирования поэнергичнее взять ручку, и ты бы оторвался.

— Не оторвался бы, — возразил Зосимов, гля вбок. Валька вообще-то прав, но чего он орет, к большой иачальник?

А Булгаков продолжал в том же духе:

— Опаздываешь с иачалом маиевра. Я заваливаю машиину в переворот, а ты еще только думаешь. Я иду на горке, а ты еще пикируешь. Такая слетаниость фрицам очеиь понравится. Срубают, и ие оглянешься.

— Срубают, так не тебя! — отпарировал Зосимов.

Булгаков упрямо тряхнул чубом снизу вверх.

— Я говорю: держись поближе иа вертикалях!

Ои все-таки ведущий пары и право потребовать имел. Зосимов молча кивиул: учтем.

Страстная Валькина натура ие могла безропотно прииять того, что случилось сегодия в воздушиом бою. Ои виниит себя и товарищей, хотя на его глазах все дрались мужествеино, мучительио переживал ут-

* Такой жилет в случае спуска с парашютом на воду автоматически наполняется газом.

рату, порываясь к действиям, о которых не имел четкого представления. Походя ругнул и ведомого, своего друга.

Булгаков достал сжатую в гармошку карту. По примеру бывалых фронтовых летчиков он носит карту не в планшете, а за голенищем сапога. Отчеркнул ногтем крестик на западном берегу реки.

— Вот тут упал Костик.

— Я видел, как он раскрыл парашют, — сказал Зосимов.

— Это все мы видели, — безнадежно взмахнул рукой Булгаков.

Упал на территории, занятой противником, — вот что самое страшное. Может быть, как раз теперь везут его куда-то в концлагерь, может, уже расстреляли, а может... пытают, изверги. От такой догадки перехватывает дыхание. Булгакову хочется рвать и метать. И он бы дал волю своей ярости, если бы их подняли еще раз в тот день. Таранил бы первого попавшегося «месса», чтобы щепки посыпались.

Но до вечера истребителей больше не вызывали. еленой ракеты не было.

Смеркалось. Механики зачехляли самолеты. Летный состав был отпущен с аэродрома, на боевое дежурство заступила лишь пара ночников. Оба пожилые, опытные летчики, еще довоенной выучки. Таких в полку немного; на обычные боевые задания их не посылают, придерживают на тот случай, если ночью заберется к нам в тыл какой-нибудь высотный разведчик.

Узкая тропка вела напрямик: от самолетной стоянки — через жнивье — в деревню. Летчики шли гуськом, обычных разговоров и шуток не было слышно. Булгаков, замыкавший цепочку, потянул за локоть Зосимова.

— Слышь, Вадим... Пошли своего Петровича за поллитровкой, он достанет.

Не хотелось Вадиму этого делать, но сегодня, видно, надо.

Петрович, сержант лет тридцати, раньше был механиком командира полка, со всеми вытекающими отсюда преимуществами: новенький самолет, задания

лишь изредка, независимость. Да не удержался на своей должности Петрович. Работая до войны художником в рекламном бюро, пил, ту же привычку сохранил в армии, только подпольно. Однажды украл спирт, предназначенный для промывки приборов, напился и проспал боевой вылет. Командир полка решил было отправить его в штрафную роту, но в последнюю минуту пожалел, перевел механиком в третью эскадрилью. Вадим попросил назначить Петровича к себе в экипаж, обязавшись перевоспитать его. С тех пор Петрович обслуживает самолет младшего лейтенанта Зосимова. Вадим проводит с ним наставительные беседы, а порой они вдвоем забираются в тихое место, и тут уж механик преподает своему командиру уроки рисования. В их общем альбоме, который Вадим постоянно держит в планшете, — аэродромные пейзажи, схемы воздушных боев, напоминающие пчелиный рой в полете, портреты летчиков.

Скрепя сердце Вадим вернулся на самолетную стоянку и вполголоса дал Петровичу указание насчет пол-литра. Тот прижмурил глаза и соединил свои руки в пожатии: понял, будет сделано.

В полукилометре от аэродрома — село. Наполовину разрушенное и сожженное, но почти все жители, в основном бабы, старики и ребятишки, уже вернулись к своим очагам. Здесь квартировали нынче и летчики полка, занимая два просторных, пока бесхозных дома. В бывшем амбаре была оборудована летная столовая. Техники и механики жили на аэродроме, в землянках.

За ужином сегодня полагалось летчикам по сто граммов водки: боевой вылет был.

Выпив, Булгаков только огурчик пожевал, а к другой пище еще не притронулся.

За столиками нарастал гул. Что бы там ни случилось, а водка поднимала настроение. Официантка скрытно передала Вадиму завернутую в газету бутылку — посылку от Петровича. Вадим под столом налил по полстакана всем четверым летчикам, сидевшим за их столиком.

— Налей полный! — потребовал Булгаков.

Вадим добавнл ему.

Кто-то сказал:

— За Костю.

— Рано хоронить! — гаркнул Булгаков, тараща свои выпуклые глаза. — Замолчите все!

Он залпом осушил стакан. Чуть закусил и пошел от стола, закурнвая.

— Валька сегодия напьется, — сказал один летчик, сокрушеиио покачивая головой.

— Ну и пусть, — отозвался Вадим.

В молчаинн закоичили ужин. Пустую бутылочку сейчас же подобрала офнцнантка. Летчнкн еще сидели, разговаривая, а Вадим вышел вслед за Булгаковым. Напаринки должны держаться вместе ие только в воздухе, ио и на земле.

IV

Капнтан Богданов пролежал в постелн несколько дней, но в госпиталь ехать отказался. Не дожидаясь полной поправки, встал.

На аэродроме он первым делом подошел к своему капоииру и долго глядел в его зияющую пустоту. Пока там пришлют иовый самолет, решил ои летать на машине Розииского. Кто-то сказал, имея в виду Костниу старенькую машину: «Богдаиов н такую научит летать».

Низкие, грудастые облака проплывали над аэродромом, временами иакрапывал дождь. Посмотрел Богданов на небо и прииял такое комаидирское решение:

— Сегодия, братья нстребители, вряд ли иас подинмут. Надо позаниматься.

Он направился к эскадрнльской землянке, горбившейся среди редких деревьев лесиой опушки, и все летчнкн неохотно потяиулнсь за инм.

В землянке в такую погоду сыро и прохладно, разит застоялым вчерашним запахом табачиого дыма.

Богданов смахнул со стола коробку с костяшкамн домино:

— Спрячьте его подальше!

Занятие по изучеиию района полетов комаидир эскадрильи проводил испытаиным в авиации методом. Летчики приготовили по листу бумаги. Требовалось по памяти иачертить схему в радиусе триста километров: берег моря, реки, железные дороги, крупные населенные пункты. Короче говоря, не глядя на карту, надо нарисовать ту же карту. Свой район полетов истребитель должеи знать иазубок. В воздушиом бою да и вообще во время любого тактического маневра ему некогда смотреть в карту. Оиа у него за голенищем так, на крайний случай. Где бы ни оказался истребитель после воздушиого боя, куда бы ни выскочил, всегда должен опознать местиость под крылом. Только так. Ииаче будешь блудить и упадешь гденибудь без горючего.

Летчики пыхтели иад коитрольиым задаиием. Не так-то просто вычертить схему, если даже отличио помнишь, где что. Одиому Вадиму работа нравилась и давалась легко: чай, художник. Его карандаш ловко сновал по бумаге, оставляя увереииые штрихи. Лучами разошлись иа юг и иа запад от Леиинграда железные дороги, извилистой линией обозначился берег Финского залива. Река на сегодня совпадает с линией фроита. На характериом перекрестке дорог — крупный населеииый пуикт, а южнее, в иескольких десятках километров, буквой «Т» отмечен свой аэродром. Надо еще наиести другие аэродромы, которые могут быть использованы как запасные.

После того как закончили рисование, капитаи Богданов собрал листы, просмотрел их и каждому летчику выставил оцеику.

Следующее заиятие по тактике воздушного боя Богданов поручил вести командиру звена Бровко, а сам пошел на КП полка.

Бровко, высокий, рыжий, вывел летный состав из землянки. Дождик капает? Ничего, не сахариые. На моделях самолетов и просто так, размахивая руками, стали разбирать возможные варианты при встрече с истребителями и бомбардировщиками противника. Все это, коиечно, надо, но до чего же скучно. Булгаков позевывал в кулак.

К полудню облачность поднялась повыше, там и

здесь появнлнсь «окна», в которые проглядывало голубое небо. Снизу в те же «окна» с завнстью н надеждой смотрели летчнки.

Капитан Богданов принес новость: сегодня на аэродром сядет бомбардировочный полк. Вндно, готовилось очередное наступленне, силы собиралнсь в мощные ударные кулаки.

— Может быть, сходнм на сопровождение, Яков Фнлнпповнч? — спросил Бровко. Он один называл комэска по нмени-отчеству, н у него это получалось вполне естественно. Остальные летчикн обращались к Богданову по званию: «товарищ капитан».

— Певеошников на сопровожденне бомбарднровщнков не посылают, это дело фронтовых истребнтелей, — ответил Богданов. Добавнл, улыбнувшись загадочно: — Но в наше время все может быть...

Что-то знал Яков Филнпповнч, да пока держал про себя. Улыбаясь, вот так, как теперь, он имел прнвычку облнзывать губы, и они у него былн попеременно то влажнымн, то шорхлымн, прнхваченными ветром; улыбка его казалась немного соленой. Большой, русоволосый, чуть заметно окающий русскнй былинный богатырь, переодетый в форму летчнка.

Бомбардировщнкн прнлетелн под вечер. Тяжелые двухмоторные машнны ПЕ-2 садилнсь н зарулнвали на ту сторону аэродрома, где в лесу для ннх былн наскоро вырублены места стоянок. ПЕ-2, «пешки» — те самые, которые всю войну вынеслн на своих плечах, как о ннх говорнли. Тесно и шумно стало на небольшом фронтовом аэродроме. Вскоре с той стороны, мнмо эскадрнльской землянкн, пошлн гурьбой летчнкн, штурманы, воздушные стрелкн-раднсты — целое войско.

— Сегодня, братья нстребители, надо пораньше на ужнн, а то н места в столовой не найдешь, — сказал Богданов. — Вншь, сколько нх! По трн гаврнка в каждом самолете.

Истребнтелей ПВО, не очень занятых своей основной задачей, решено было нспользовать для сопровождения бомбарднровщиков. И не раз ходнлн они

вместе за линию фронта, налетая на цель роем, поминутно подбадривая друг друга по радио.

— Попадание отличное, большие! — кричат истребители, спикировав и наблюдая результаты бомбового удара.

— Маленькие, подойдите поближе! Вас не видим, маленькие! — кличут своих защитников бомбардировщики.

Они страх как не любят, когда истребители отрываются от строя, если это даже продиктовано воздушной обстановкой. Иди с ними рядышком, помахивай крылышком — вот тогда они будут довольны.

Вчера по эскадрильям читали приказ о новом наступлении войск фронта. Сегодня с рассветом бомбардировщики выстроились мощной колонной звеньев на окраине аэродрома. Вылет всем полком, с максимальной бомбовой загрузкой, всякую маскировку — долой. На старт вынесли знамя. При развернутом знамени, полыхавшем на ветру, начали бомбардировщики взлетать.

Как торжественно и грозно! Летчикам-истребителям, особенно молодым, впервые пришлось наблюдать такую картину, и они, уже сидя в кабинах, смотрели на бомберов с почтением.

Последний бомбардировщик проревел моторами, тяжело оторвался от земли. И тогда сверкнули малым созвездием три зеленые ракеты, вызывавшие в воздух истребителей. Эти взлетели парами быстро.

Зосимов, когда выруливал на старт, видел стоявших около КП нескольких офицеров штаба, а с ними рядом — Нину Голикову. Одна хорошая девушка, с метеостанции... Зажав на время ручку управления между коленями, Вадим помахал ей перчаткой. Она ответила ему вялым помахиванием гибкой, тонкой, как у балерины, кисти. Мотор гудел, заглушая голос полностью. Вадим крикнул, не задумываясь, правда это или нет: «Люблю!» Пусть никто не услышит его слов, но они произнесены. Еще раз прокричал Вадим в пропасть моторного шума: «Люб-лю-у-у тебя!!!» И потому что засмотрелся на нее, опоздал взлететь парой с Булгаковым, пришлось догонять. Когда Ва-

дим пристроился к ведущему, Булгаков укоризненно посмотрел на него сквозь стекло фонаря и отвернулся.

Линию фронта перелетели на большой высоте. Внизу извивалась неширокой лентой река. На правом и левом берегах будто клочья грязной ваты разбросаны — артиллерия обеих сторон лупит почем зря. А в небе спокойно: ни «мессершмиттов», ни «фокке-вульфов». Ясно почему. Перед вылетом группы две эскадрильи фронтовых истребителей ходили на «расчистку воздуха» — хорошо подмели небо ребята.

Чем ближе к цели — крупному железнодорожному узлу, — тем чаще напоминают о себе вражеские зенитки. Звуков взрывов не слышно, видно только, как в прозрачной голубизне неба вспыхивают темные комки — будто капли туши растекаются по синей промокашке. Истребителям зенитный огонь не страшен: они маневрируют, как хотят. Булгаков и Зосимов, помня науку, бросают свои машины в сторону свежих разрывов. Так вернее всего увернуться от осколков. Губителен зенитный огонь для бомбардировщиков, особенно на боевом курсе, когда они должны выдержать направление до градуса и высоту до метра.

Вблизи строя бомбардировщиков вспыхнул дымок. Такой бесшумный, безвредный с виду дымок, но от его ядовитого прикосновения начал пускать темную струю крайний в пеленге самолет.

Загорелся! Ах, бедняга... Вадим перестроил приемник на волну бомбардировщиков, хоть этого и нельзя делать: с ними поддерживают связь только командиры групп.

— Шестьдесят восьмой, что у вас?

— Горит правый мотор.

— Возвращайтесь домой.

Ему велено возвращаться, тому бомберу дымящему, а он почему-то из строя не выходит.

— Как поняли меня, шестьдесят восьмой?

— Понял хорошо.

— Идите домой.

Он не ответил и продолжал идти вместе с группой. Цель уже близка. Видать, решил, несмотря на

пожар, все-таки отбомбиться. Всем экипажем, наверное, приняли такое решение.

Ударили «пешки» метко: переплетение станционных путей, змеистые составы, коробки пакгаузов — все заволокло дымом. Группа развернулась в сторону залива и пошла обратным курсом над водой.

Горящий начал отставать, терять высоту. Дотянет или нет хотя бы до линии фронта?

Истребители выделили четверку, чтобы прикрыть подранка. Они вернулись на аэродром позже основной группы и рассказывали, что «пешка» села на вынужденную, едва достигнув нашего переднего края. Пропахала по целине, взметнув тучу пыли, и затихла. А что с экипажем — пока неизвестно.

После боевого вылета надо бы отдыхать летному составу, готовился еще один, но в землянку никто не шел; курили, делились впечатлениями.

В третью эскадрилью завернул секретарь партбюро полка Остроглазов. Пожилой уже человек в капитанских погонах, до войны, говорят, работал в обкоме партии. Может быть, случайно попал в авиацию и прижился. В полку уважали умного, общительного капитана, умевшего и с хорошим докладом выступить и найти подход к любому человеку.

Разговор Остроглазов начинал обычно с того, что доставал пачку «Беломора» и угощал всех по очереди, хотя у летчиков в карманах был тот же «Беломор», который им выдавали на паек. Морщинистая, светящаяся добротой улыбка расцветала на лице Остроглазова, когда он протягивал свою пачку, — как не взять папиросу?

— Сегодня на ваших глазах свершился настоящий подвиг, товарищи, — уже серьезно сказал Остроглазов.

Сбежали улыбки с лиц, умолкли голоса. Согласно кивали головами: да, подвиг, иначе это не назовешь.

Погодя Бровко спросил:

— Как они сели? Что-нибудь известно?

— Приземлились удачно, все живы. Но кто-то ранен: летчик или штурман, — рассказывал Остроглазов. — Сейчас там, на КП, уточняют. Сами понимае-

те, как трудно получить сведения, ведь прямой связи с наземными войсками у нашего КП нет.

— Товарищ, конечно, героический, — раздумывая, говорил Бровко. Шлемофон его висел на поясе, пилотку он где-то оставил, на непокрытой голове пламенем горел рыжий чуб. — И весь экипаж героический. Но напрашивается мысль: так ли уж много мог добавить один экипаж к бомбовому удару всего полка? Двадцать семь самолетов вышло на цель или двадцать шесть... Велика ли разница?

Остроглазов склонил голову набок, оценивая то, что сказал командир звена.

— То есть ты ставишь вопрос так, товарищ Бровко: поступок героический, но какой в нем смысл?

— Не совсем так, конечно...

— Неправильно рассуждаешь, товарищ Бровко, — Остроглазов повторил с ударением: — Неправильно!

Вокруг них собрались все летчики эскадрильи, только Богданова не было: разговаривал в землянке с кем-то по телефону.

— Если так рассуждать, то что ж получится в конце концов? — запальчиво продолжал Остроглазов. — Идет рота в атаку, а один отстал: их, дескать, много, без меня захватят траншею противника. В другой раз найдутся еще желающие отсидеться, потом еще. Дойдет до того, что одному ротному командиру придется кричать «ура» и стрелять из автомата.

— Вы утрируете, — обиженно промолвил Бровко. Он любил книжные словечки и был начитан.

— Нет, ты меня дослушай, — Остроглазов взялся за шлемофон, висевший у Бровко на поясе, будто хотел удержать собеседника. — Любое подразделение чем сильно? Тем, что каждый солдат рвется вперед, умело используя свое оружие. Каждый! Огневая мощь роты складывается из выстрелов солдат, если так можно выразиться...

— Это ясно как день. Это аксиома коллективного боя, — заговорил Бровко, прерывая увлекшегося Остроглазова. — Но позвольте: обязан ли солдат вашей пехотной роты идти в атаку, если он ранен?

— Нет! — Остроглазов резко взмахнул рукой. — Не обязан.

— Аналогичный случай и тут.

— Да, мог не лететь, но полетел. И скажу тебе, товарищ Бровко, откровенно: важно не то, что он вложил и свою бомбу в полковой удар, а то, что он, горящий, раненый, все-таки полетел. Такой не пожалеет себя ради общей победы над врагом. Тут тебе сила морального духа, беззаветная храбрость, самоотверженность — все что хочешь.

Молодые летчики в спор не встревали, но то и дело поддерживали парторга нарастающим гулом одобрительных восклицаний. Никто не склонился на сторону Бровко, но и открытых возражений не было слышно. Как ты будешь что-то говорить, если у того же Бровко около десятка сбитых на боевом счету?

А Остроглазов уже опять улыбался, щедро оделяя летчиков папиросами из своей пачки.

Вадим спросил:

— Про Костю Розинского ничего не слыхать, товарищ капитан?

Остроглазов сразу похмурнел. Неопределенно пожал плечами.

— Оттуда последних известий по радио не передают, — заметил Булгаков, покосившись на Зосимова холодно и насмешливо.

«Кто его спрашивает? Всюду он свой нос сует», — подумал Вадим, но ничего не сказал.

Зеленая ракета, чертившая небо наискосок, положила конец разговорам.

А несколько минут спустя летчики уже дрались. Вот так и бывает в истребительной авиации: от покоя и дружеской беседы — да в бой. Без предисловий.

Завязался групповой воздушный бой, какие в сорок четвертом году были уже редкостью: с обеих сторон собралось больше сотни самолетов. ЯКи, «Лавочкины», «мессершмитты», «фокке-вульфы» — все это скопище техники вертелось в громадном объеме воздушного пространства, дышало огнем, тревожно ревело, как перед кончиной света.

В таком бою почти не чувствуется общего тактического плана, бой расчленяется на множество эпизодов, в которых судьбу решают командиры восьмерок, четверок и пар. Наземная радиостанция подсказы-

вает лишь изредка, когда какой-то маневр развертывается на глазах у наводчика и что-то в нем не так.

Булгаков с Вадимом расщепили пару «мессершмиттов», которая неожиданно вывернулась перед ними. Один из немцев, спасаясь от огня, стал круто пикировать, и Вадим погнался за ним.

Пикировать с полным газом — это страшно: скорость растет мгновенно, машина вся дрожит, стрелки на приборной доске трясутся, как перепуганные птенцы, вот-вот выскочат из своих гнезд. «Мессершмитт» скользил впереди довольно близко. Вадим бил по нему короткими очередями из пушки и пулеметов. Видно, как срываются клочья обшивки с хвоста и с фюзеляжа, но проклятый «месс» упрямо не хотел гореть.

Ручка управления вроде бы сама подается назад, на вывод из гибельного пике.

И тут прозвучал негромкий, уговаривающий голос наземной радиостанции:

— Не бросай немца, «ячок». Не бросай его! Добей...

Так может подсказывать наставник, напряженно следящий из-за твоего плеча за твоей работой, волнующийся больше, чем ты сам.

— Не выпускай. Добей!

На мгновенье Вадим забыл о том, что на него стремительно налетает земля. Он прильнул к прицелу и видел в нем только вражеский самолет — больше ничего. Этот миг бездумного хладнокровия все решил: затяжная очередь высекла из худого тела «мессершмитта» струю огня и дыма.

Выводил машину из пикирования без надежды на то, что она выйдет. Но удалось вырвать в какой-то сотне метров от земли. Метеором пронесся Вадим над тем местом, где в момент падения «мессершмитта» встал темный султан взрыва.

Четыре минуты длился воздушный бой. Одной строкой сказал о нем в дневнике Вадим Зосимов: «Сегодня сбил первый вражеский самолет». А ведь за четыре минуты свершилось столько, что об этом мож-

ио иаписать главу, или две, или, может быть, целую повесть.

Сокращеииые скоростью расстояния, стисиутая в сгусток эиергия, мгиовеииые импульсы человеческой мысли...

Вадиму потом ие раз сиился пилот «мессершмитта», которого ои успел разглядеть в самом иачале атаки. Когда Вадим иа пикироваиии подошел совсем близко и иачал хлестать трассами по «мессу», иемецкий летчик огляиулся: темиобородый, болезиеиио-хищный оскал зубов, издали похожий иа улыбку. Кем ои был, тот летчик? Вадиму не верили, иад иим посмеивались: как это ои мог увидеть лицо фрица? Может, померещилось от страха... Если призиаться честио, то страх, коиечио, присутствовал в кабиие атакующего истребителя. Столь прямодушиый ответ победителя вызывал уже хохот. Вадим красиел и иадолго умолкал.

Несколько раз он пытался вериуться к своему диевиику и ие мог — ие писалось.

Сколько чувств иосили в сердцах фроитовики, сколько дум одолевало их головы! А письма-треугольиички летели с фроита короткими, очеиь короткими и иесли с собой, пожалуй, одиу лишь весточку о том, что, дескать, жив-здоров.

Вадимова строка в диевиике, иавериое, оказалась столь же емкой. И добавить было иечего.

V

Полк перебазируется. Летят гвардейцы иа севериый берег Фииского залива, иа аэродром с иерусским иазваиием. Облачиость прижала эскадрилью Богдаиова низко к воде, под крыльями истребителей — живые, обозлеииые в постояииой толкотие волиы.

Наверное, все вздохиули, когда промелькиул виизу желтый берег с белой опушкой прибоя.

Перед посадкой рассыпались по кругу, стали поочередио выпускать шасси. Вдруг резаиуло в эфире:

— ЯКи, ЯКи, смотрите виимательно: в облаках ходят «мессеры»!

Хитро подловили: когда истребитель заходит на посадку с выпущенными шасси и закрылками, он беззащитен, как куропатка, — подходи и бей.

Но вскоре заговорило радио другим тоном:

— ЯКи, все спокойно, все спокойно. Заходите нормально на посадку.

О, спасибо, дружище, за выручку! Жаль, неизвестно, кто ты.

Прилетевшие как можно скорее «попадали» на аэродром. Самолеты закатили в капониры. Собирались кучками, балагурили и громко хохотали, вспоминая о пережитой несколько минут назад смертельной опасности, как о смешной истории, приключившейся с кем-то посторонним. Летунская душа, фронтовая душа переходит от минора на мажор мгновенно, как самолетная радиостанция переключается на другой режим работы при повороте ручки настройки.

Оказывается, новоселы здесь не одни. На аэродроме садятся тупоносые «Лавочкины». Непривычного вида машины, высокие на шасси, рулят по полю, как жеребцы, бегают. А вот идут и летчики с ЛА-5, и среди них... кто бы вы думали? Иван Горячеватый! Шагает впереди всех — рослый, приметный, с крупной головой. Иногда оберется, бросит слово, и все к нему прислушиваются. Держится с летчиками так же уверенно, как некогда с курсантами. Горячеватый есть Горячеватый!

— Привет азиатам! — крикнул он еще издали, завидев и, конечно же, узнав Булгакова и Зосимова.

Те приблизились скромно, хотя и они теперь такие же летчики.

— Это ваши отбили «мессеров»? — спросил Вадим.

— Наши, — кивнул Горячеватый. — Смотрим: «ячки» заходят на посадку, потроха повыпускали, а тут «мессы». Перещелкают, думаем! Наш командир сразу четверочку в воздух.

— И вы сами летали? — спросил Булгаков.

— Летал, — безразличным тоном ответил Горячеватый. — Правда, мы не сбили ни одного, только отогнали...

Вместе пошли в столовую. Некоторые из прилетевших могли сегодня лишиться такого вот простого удовольствия: идти с друзьями обедать, оживленно беседуя, зная, что, кроме всего прочего, еще и сто граммов нальют. Поблагодарить за спасение? Ни у кого слов на это не нашлось. О чем тут, собственно? Летчики *братского* полка сделали то, что должны были сделать летчики *братского* полка.

После обеда Горячеватый зазвал к себе. Летный состав размещался в финских домиках, спрятанных в лесу. Никого как раз не было в комнате, где стояли четыре койки. После фронтовых ста граммов и сытного обеда по летной норме Горячеватый пребывал в благодушном настроении. Беседовал с Булгаковым и Зосимовым дружески, потребовал, чтобы они теперь называли его просто Иваном.

Как ему удалось все-таки вырваться на фронт? Эге! Семнадцать рапортов написал! На восемнадцатом его чуть было не разжаловали за эту самую, как ее... «внутреннюю недисциплинированность», особенно начальник школы свирепствовал, но отпустили.

— Восемнадцать рапортюг! Слыхали? — рявкнул Горячеватый и завалился на койку, довольно смеясь.

Потом он показал им фотокарточку чернобровой полнотелой женщины. Скрывая радость, пояснил:

— Женился.

Булгаков с Зосимовым смущенно пробормотали свои поздравления, а он, пропустив их слова мимо ушей, продолжал:

— Поехала не к своим родителям, а до моих. Живут бедно — в тылу теперь совсем туго. Высылаю им все деньги, какие получаю.

Тут только друзья заметили, что Иван до сих пор щеголяет в грубых яловых сапогах, которые носил еще в училище. Зосимов с Булгаковым, складывая воедино по две получки, справили себе хромовые сапоги.

Покопавшись в бумажнике, Горячеватый достал затертое письмо и дал ребятам прочитать одно лишь место:

«У нас все хорошо. Мне бы только увидеть тебя, только перемолвиться словом и больше ничего не

иужио. Ночью я выхожу на улицу, смотрю в темиоту и разговариваю с тобой. Мне кажется, что и ты со мной говоришь в это время...»

Тут же Горячеватый отобрал письмо, поглядев на каждого весьма миогозначительно.

Зосимову подумалось, что вот есть же душа на свете, которая так любит Иваиа Горячеватого.

— Будете писать, передайте там от иас привет, — сказал он.

— Ладно, передам, — согласился Горячеватый. — И добавил в двух словах то, что, видио, являлось самым главиым: — Сыиа ждем.

После такого сообщеиия полагалось, иаверное, торжественно помолчать, как понимали Зосимов и Булгаков.

Лежавший на кровати Горячеватый мечтательно закатил глаза к потолку — оказывается, и это ои умеет!

Вдруг повериулся иа бок, да так, что кроватная сетка заскрежетала железом.

— А где Розинский? Ои, слыхал я, тоже в вашем полку?

Друзья виновато потупились.

— Га? — нетерпеливо окликиул Горячеватый.

Булгаков ответил тихо:

— Костю Розинского сбили.

— Правда, иеизвестио, что с ним, — торопливо добавил Зосимов. — Может, живой...

Горячеватого будто подбросило иа кровати. Ои сел, глыбой нависая иад ребятами.

— Отак взяли и сбили?

Вадим иачал было рассказывать, как получилось тогда в воздушном бою, ио Горячеватый слушал плохо.

— А вы обое где были?! — закричал ои на младших лейтеиантов.

И давай ругать их вдоль и поперек: почему ие прикрыли товарища в бою, почему ие отсекли немца, который открыл уже прицельиый огоиь? Тут иадо было что угодио применить, вплоть до тарана. Выходило так, что Булгаков и Зосимов во всем виноваты,

хотя и дрались в том бою не рядом с Костей, а в другом месте.

— Если не можете прикрыть товарища, ваше присутствие в строю не обязательно! — сказал Горячеватый, рубанув воздух ладонью.

Как это напомнило ребятам прежнего Горячеватого-инструктора: «Утерял направление во время пробега на пятнадцать градусов — ваше присутствие в кабине не обязательно...»

Хоть и смех забирает при этих изречениях Горячеватого, но улыбку, щекочущую губы, — спрятать, сжевать!

На какое-то время Горячеватый стал инструктором, а Вадим с Булгаковым — курсантами. Дохнуло друзьям в лицо аэродромным ветром школы ускоренного типа. Но постепенно Горячеватый успокаивался, сбавлял тон. Начали доходить до него отрывочные пояснения младших лейтенантов — они ведь и сами тяжело переживают.

Заговорили, наконец, о том, что боевые потери на фронте все же бывают, тут уж ничего не поделаешь.

— Только Розинского мне дуже жалко, — сказал Горячеватый. — И парень хорош был и летал неплохо.

Это так он говорил теперь о том, кого нещадно ругал после каждого учебного полета, грозился отчислить.

Времена меняются...

В комнату начали заходить другие летчики, здешние жильцы. Знакомились, крепко пожимая друг другу руки и называя себя просто по имени: Колька, Серега, Степан. Завязался летный разговор, которому конца-краю не бывает, пока не вызовут на аэродром.

— Мы вообще-то улетаем отсюда, знаете? — сообщил Горячеватый. — Нас одна эскадрилья только осталась. Завтра утречком и мы — фюнть...

— А куда? — поинтересовался Булгаков.

— Наш полк переводят из ПВО во фронтовую авиацию. — Горячеватый посмотрел на друзей с выражением превосходства. — Так что доверяем вам полностью прикрытие дальних подступов. А мы

еще повоюем! Мы еще погоняем фрицев над Берлином.

Горячеватый вскочил с кровати, изображая ладонями рук улепетывающего «месса» и настигающего его истребителя. Звонкий щелчок пальцами — и кувыркнулась сбитая ладонь.

Валька и Вадим откровенно ему позавидовали: вот повезло человеку, попадет в самое пекло воздушных сражений.

VI

Высоченные сосны стояли на песке, будто мачты на палубе корабля. И так же, как на корабле, сохранялась в лесу строгая чистота. Воздух, крепко настоянный на хвое, на спелой рябине и бруснике, остуженный первыми октябрьскими заморозками, хмельно кружил голову. Дивный финский лес. Вадим бродил под высокими зелеными сводами, часто натыкаясь на золотые россыпи солнечных бликов.

Иногда Вадиму хотелось побыть одному и помечтать о чем-то хорошем — таком, что похоже немножко на сказку и немножко на быль. Лесной склон привел к озеру. Большое озеро, вытянутое справа налево. На той стороне виднеются домики. Живут ли там?

Из лесу Вадим принес полную пилотку брусники. Надо было зайти в общежитие, высыпать ягоду во что-нибудь.

Наружная дверь была распахнута. Вадим вошел в коридор без шума и в полутьме стал искать ручку внутренней двери. Беззаботный женский смех, какая-то возня там, за дверью, заставили его замереть на месте: он узнал голос Нины Голиковой. И еще он явно расслышал хорошо известный в полку хриплый басок начштаба майора Мороза. Что они там делают вдвоем? Звонко чмокнул поцелуй... Второй, третий, серия поцелуев! В финских домиках стенки тонкие, наполовину картонные — все слышно...

Вадим отступил от двери, стараясь не шаркнуть ногой. Через все ступеньки спрыгнул с крыльца и почти бегом бросился от этого места. Ему было душно, он покраснел, будто побывал в парной баньке.

— Ах ты, гадюка такая! — крикнул он отчаянно.

Пилотка описала дугу, и брусника рассыпалась розовой радугой. Все немногие ругательства, какие знал Вадим, были выплеснуты на Нинку Голикову.

Беспрерывный маневр между соснами несколько успокоил его. Сейчас он вернется, по-хозяйски рванет дверь и скажет им пару горячих в лицо.

Домики стояли колонной, как вагоны поезда. Вадим миновал один, второй, направляясь к третьему. Стоп! Во втором распахнуто окно, и табачный дым оттуда валит, как из трубы.

Так вот оно что: он заблудился! Вместо третьего домика он попал тогда во второй, в котором, наверное, отвели комнату начальнику штаба. Надо же, занесло его. Ошибся дверью и напоролся на такое подлое дело. И хорошо, что ошибся, — иначе ничего бы не подозревал. Вадим зло сплюнул.

Никогда не имел привычки подслушивать, но сейчас потянуло его к чужому окошку. Надо выяснить все до конца. Зашевелилась в душе даже такая малая надежда: а вдруг Мороз снасильничал и нужна девушке защита — Вадим готов на все!

Подкравшись сбоку к открытому окну, Вадим услышал неторопливый разговор:

— Кто будет жить у тебя по соседству, Миша?

— Замполит, кажется.

— Тогда к тебе и не зайдешь...

— Да, того надо остерегаться — начнет мораль читать. Я буду подавать тебе сигнал, когда его здесь нет.

Минутное молчание. Потом ее грудной хохоток:

— Вообще, Михаил, у тебя есть соперники. Один младший лейтенант из третьей эскадрильи влюблен в меня по уши. Симпатичный мальчик. Дарил полевые цветы, рисовал мой портрет...

— Я его посажу на гауптвахту, такого соперника, и все.

Они рассмеялись оба. А лазутчик ринулся прочь от окна, кусая губы в бессильной ярости, жалея только о том, что нет у него сейчас в руках какой-нибудь противотанковой гранаты.

Вечерком летчики собрались навестить деревню за озером. Уже кто-то из новоселов аэродрома побывал там и доставил точные разведданные: в деревне живут ленинградские студентки, присланные на заготовку торфа.

Пошли многие. И Вадим пошел.

На берегу нашлось несколько лодок. Вычерпали воду, весел не было — затесали старые, трухлявые доски. И двинулась флотилия завоевывать противоположный берег. На носу переднего челна сидел, вперив глаза вдаль, ярко-рыжий корсар, Бровко. Был вздернут на лозине гюйс — неопределенного цвета носовой платок.

Девчат в деревне оказалось множество. Днем их не видно, потому что все на торфоразработках, а к вечеру в каждом домике собиралось по восемь-десять хозяек. Никакого хозяйства у них, конечно, не было — только сухой паек, выданный на время работы.

Вначале гвардейцы ходили ватагой, как деревенские парубки, потом разбрелись по домам. Красивый, находчивый в разговорах Валька Булгаков (совсем молоденький, а уже с орденом!) пользовался особым успехом.

Разбрелись хлопцы кто куда. А что делать такому, как Вадим? Он приблизился к худощавой, стройной девушке, все время молчавшей.

— Как вас зовут?

— Римма.

— А вас?

— Вадим.

— Пройдемся.. Пока совсем не стемнело.

И они пошли вдвоем колесить по деревне. Постояли на берегу озера, прислушиваясь к отдаленному тарахтенью электродвижка на аэродроме. Вадим спросил про ее институт, и тогда она немного разговорилась. Учится на третьем курсе, живет впроголодь, как все, не дает умереть студенческая столовая. В нынешнем году занятия прерваны, говорят, месяца на три, все студенты брошены на заготовку торфа. Скоро зима, а в Ленинграде топлива нет. Сама она не ленинградка — воронежская. Учиться приехала.

Потом Вадим рассказал ей кое-что о себе. Она слушала его, ни едииым словом не обмолвившись.

Дальше нм уже не о чем было говорить.

Она подрагивала от вечернего холода, Ваднм накинул ей на плечи свою летиую куртку.

Пошли к дому, в котором она жила. У порога Вадим вдруг остановился. Зачем ои пойдет в этот дом?

— Ну что ж, Риммочка, до свндаиия, — пробормотал он. — Я буду навещать тебя.

— Приходи.

Поцеловались еще раз. Она скрылась за дверью.

С трудом Вадим разыскал Булгакова. В том доме уже была погашена коптилка. Валька сидел на кровати, в ногах у лежащей поверх одеяла девушки.

— Может, пора домой? — тихо спроснл Вадим.

— Куда спешить в такую рань? — ответила девушка вместо Булгакова.

Понимая сложившуюся снтуацию, Вадим вышел на улицу.

Нн души вокруг, тишина и темень. Где-то в прнбрежных зарослях спрятаны лодкн, но как нх теперь найтн? Вадим тыкал палкой в кусты, надеясь иащупать борт лодкн. Провалился одной ногой в какое-то болото. Нн черта не нашел. И не надо; ведь если он один угонит лодку, на чем доберутся ребята?

Можно обогиуть озеро справа, перед походом сюда смотрели карту-километровку — там есть дорога. Шагать, правда, ие близко, если вкруговую, километров десять-двенадцать.

Узкнй, источеиный почти иа нет серп луиы ие давал ннкакого света. Ваднм шел середииой дорогн, справа и слева, двумя темиымн стеиами стоял лес. Ориеитироваться можно было лишь по звездам, очеиь приблизительио. Аэродром расположеи северииее, значит, чтобы обогиуть вытяиутый угол озера, надо сперва держать Полярную звезду слева, потом идти прямо на иее, потом оставить справа.

Путь в одииочестве казался бесконечио долгим. Ииогда дорога делала повороты ие туда, куда иужио. Вадим остаиавливался, соображая, иевольио прислушнвался к жуткой тншиие. Не так давно в этих местах проходил фроит. Может быть, и сейчас в ле-

су полио бродячих иемцев. Не исключеиа н оргаиизованная разведка со стороны противнника. Младший лейтеиант, да еще летчик, был бы для разведчиков неплохнм «языком». Вот как можно влнпнуть по собственной дурости! Вадим выиул нз кобуры пистолет и загнал патрон в патронник. Лучше держать оружне в руке иаготове.

Топал он так часа полтора н, когда уже потерял надежду найти аэродром, вдруг услышал русское родное:

— Стой! Кто идет?

— Свон, свои!.. — отклнкнулся Вадим.

— Кто это «свои»? — строго спроснл часовой.

Вон он стоит с автоматом около дерева, а за его спнной темнеют коробочки финских домиков.

— Летчнк один, понимаешь... — промолвнл Ваднм довернтельно. Не хотелось, чтобы часовой стал вызывать карнача да выяснять его личность.

— А откуда идете? — спросил часовой уже менее строго.

— Да, видншь ли... к бабам ходилн.

— В таком деле надо летчикам посодействовать,— смешливым тоиом отозвался нз темиоты часовой. — Пропускаю вас.

В это время у берега послышались голоса и плеск воды. Ребята возвращалнсь.

VII

Зимой, когда гвардейцы работали с террнтории теперь уже вышедшей из войны Фииляндни, свой полк догнал Костя Розннскнй. Он прнехал после трехмесячного лечення в госпитале, откуда почему-то нн разу не напнсал. Вернулся к своим — и порядок. А все, что случнлось с ним после того злополучиого вылета, в плену, он представлял друзьям в внде полуанекдота. Появилась у него иовая прнвычка. Когда высказывал какое-то мнеине н с ним соглашалнсь, он протягнвал руку, говоря прн этом:

— Ну, дай петушка.

Что означало: «дай пять». И непремеино иадо ему было скреплять рукопожатием всякий пустяк.

Иной раз летчики начинали его допрашивать: что было, когда он приземлился с парашютом на вражеской территории, ведь не с цветами там встретили? Костя отмахивался:

— Ничего особенного.

— А немцы что?

— Немцев мы почти не видели.

— Но ты же был у них в плену!

— Какой плен? Отсиделись, пока наши пришли, и все...

В общем разговор на эту тему не получался. А после того, как Костю вызвал и два часа продержал у себя в кабинете один приезжий начальник, ребята уж и сами перестали его расспрашивать.

Летать Розинскому давали мало. Брали его на задание лишь в том случае, если вылетали большой группой.

Не рассказывал Костя, однако сам забыть не мог. Его мучила привязавшаяся еще в госпитале бессонница. Он просыпался среди ночи от какого-то внутреннего толчка и больше уснуть не мог. Глядел в темноту, слушая богатырский храп летчиков, и вспоминал.

...Крепко ударила ослепшего парашютиста земля. А он, упав ничком, обнимал землю бессильно раскинутыми руками. Единственной мыслью, промелькнувшей тогда в оглушенной голове, была радость: жив! Когда же очнулся — пожалел, что не сгорел вместе с самолетом.

Его приводили в чувство тычками автоматов и ударами сапог. С первыми проблесками сознания Косте почудилось, что он попал в нокдаун на ринге, а противник-боксер, какой-то подлец, бьет его, лежачего. Тяжелые удары следовали серией — запрещенные, безжалостные удары. Костя слышал над собой хриплое, натужное дыхание, но не видел противника и потому не мог защищаться. Он закричал не столько от боли, сколько от злости на нарушителей благородных правил бокса. И тогда ему плеснули в лицо водой.

— Aufstehe!..

Его подняли, потащили куда-то.

Теперь Костя понял: он в плену. Отныне у него никаких прав и никакой защиты. Он даже лишен возможности видеть своих мучителей — серые тени окружали его, но вели они себя совсем не так, как тени.

Пистолета нет. Где найти Косте смерть?

Там, куда его привели, наверное, не было переводчика, потому что допрашивали на варварски ломаном русском языке. И тыкали носом в стол, в скользкую поверхность карты.

— Не вижу. Глаза!.. Глаза... — отговаривался Костя, поднося руки к лицу.

Опять били.

Где-то на передовой, может быть, на КП батальона, не дальше, велся этот неквалифицированный допрос. Похоже, что им некогда. Хотят наскоро что-нибудь выжать из пленного — и пулю в затылок. Костя сообразил, что оттяжка в молчании. Он лишь стонал, когда его били, стараясь думать, что все это происходит на ринге, где легче выдержать боль. Острота ударов постепенно исчезала. Что-то мягкое уже только касалось щек — будто полотенце, которым тренер обмахивает его. Тихо-тихо донесся стеклянный звон. Удар гонга?

Потерявшего сознание пленного бросили в подвал, решив, что он еще пригодится.

Придя в себя, Костя нащупал сырую кирпичную стену. Откуда-то сверху пробивались лучи заходящего или, может быть, уже восходящего солнца. Попахивало табачным дымом. Глоток бы такого дыму перед смертью. И только Костя об этом подумал, как приложили к его губам окурок. Влажный от слюны, дымящийся окурок. Забытые «двадцать»!

— Потяни, младшой, может, полегчает тебе...

Костя сделал две затяжки. Ему и впрямь стало легче.

— Ты что, младший лейтенант, совсем ослепший? — спросил молодой мужественный голос.

— Чуть-чуть вижу, — ответил Костя.

— Нас тут еще двое пленных, твоих товарищей по несчастью. Солдаты мы.

— А-а-а... — протянул Костя неопределенно.

Говорил с Костей только один солдат. Второй молча лежал на соломе. Первый иногда грубовато покрикивал на того, чтобы он сопли не распускал.

— Ты летчик, младший лейтенант? Вижу на гимнастерке у тебя оторванный погон с «птичкой».

— Летчик. Бывший...

— Все мы теперь бывшие. — Солдат понизил голос. — Расстреляют, сволочи. Как пить дать расстреляют. Тебя, как офицера, может, еще повезут куда, а нас тут прикончат. Эх, мать его так!..

Подвал был огромный, как спортивный зал, — Костя не видел этого, но чувствовал по тому, как отдавались эхом голоса. Окошки, наверное, под самым потолком. Повернувшись к свету, Костя кое-что различал.

Втроем они лежали на прелой соломе, ожидая своего последнего часа. Иногда разговаривали. Делили на троих каждую из нескольких цигарок, свернутых из остатков махорочной пыли. Долго ли, коротко ли так было. Порой Костя впадал в полузабытье.

Вдруг за толстыми стенами прогремели мощные взрывы. В окошках под потолком вылетели стекла.

— Артобстрел. Или бомбежка! — сообщил радостно все тот же мужественный голос.

Солдаты сами отползли и оттащили Костю к внутренней стене. Бомбы рвутся близко. Даже в подвал осколки влетели, мягко ткнувшись в сырые кирпичи.

Очередной взрыв встряхнул подвал, как старый сундук. В лица пленникам дохнула горячая, пыльная волна воздуха. Заскрипело на зубах.

— Разворотило угол дома! Дыра в два метра, понял? — кричал солдат в Костино ухо. — Рвем отсюда... Держись, младшой, за наши руки.

Полуслепой Костя крепко уцепился за руки товарищей, когда все трое вылезли на край пролома. Только пуля могла отшибить Костю от них.

На мгновение задержались — наверное, солдат, ставший их вожаком, оценивал обстановку.

— Понеслись! — скомандовал он, дождавшись очередной серии взрывов.

Бежали, спотыкаясь о кирпичи и обломки. Рвали,

конечно, напрямую и если никого из них не подсекло осколком, то это чистая случайность.

На окраине полуразрушенного прибалтийского городка они вскочили во двор. Сюда-туда ткнулись — нет убежища. Пришлось без спросу войти в дом, надо было немедленно куда-то исчезнуть, пока не попались немцам на глаза.

Когда дверь за ними захлопнулась и они, обессилев, попадали у порога на пол, Костя смутно различил нескольких людей в комнате. Эти люди заговорили... кажется, по-немецки. Костя обомлел. Но хозяин тут же произнес несколько русских слов с сильным акцентом. Тогда Костя догадался: латыши.

Хозяева дома прятали их то на чердаке, то в погребе, то на огороде в густых зарослях бурьяна. Им давали поесть. На Костины глаза была наложена влажная повязка, пахнущая медом, коровьим маслом и какими-то травами. Костя узнавал по голосам старика хозяина, старуху, их дочь или внучку — совсем юное существо, судя по ее рассуждениям.

В течение нескольких дней немцы во двор не заглядывали. А однажды пришли — пленники тогда лежали на чердаке, прижавшись к пыльному дымоходу. В доме поднялся крик и визг, слышались тупые удары и звон разбиваемой вдребезги посуды. Навзрыд, по-детски плакала девушка, хозяин изредка отвечал на вопросы сдавленным голосом. Было слышно, как открывали погреб. Приподнялась чердачная ляда, очередь из автомата осветила чердак мигающим огнем.

Потом в доме все стихло. Автоматные очереди хлестнули где-то по двору.

Опять загудела от взрывов земля. А вскоре на улицах городка заскрежетали гусеницами танки. Солдат подполз к смотровому окошку, заглянул в него и закричал неистово:

— Наши!!!

И скатился кубарем по лестнице в дом. Костя спустился с помощью другого солдата. Хозяева обнимали их и плакали на радостях.

В госпитале Костя часто вспоминал этих добрых,

мужественных людей, очень сожалея, что не мог увидеть и запомнить их лица.

После лечения его, может быть, и не вернули бы на летную службу, заслали бы куда-нибудь в пехоту. И к тому, кажется, клонилось дело. Вызывали в политотдел. Его короткий, без эмоций рассказ о пребывании на вражеской территории фиксировался протоколом, но верили ему мало. Косте повезло: он встретился в госпитале с главным штурманом корпуса. Молодого гвардейца из родного ГИАЛКа полковник выслушал внимательно, и стоило ему позвонить куда-то, с кем-то переброситься мужской шуткой, как на другой же день выписанный из госпиталя младший лейтенант Розинский получил направление в свой полк.

С наступлением утра Костя гнал от себя эти воспоминания. Соседи по койке просыпались бодрыми и жизнерадостными, затевали веселую возню вместо физзарядки, и Костя старался подстроиться под их лад.

На аэродроме, когда в ожидании зеленой ракеты делать нечего, порой опять всплывала на поверхность Костина история. Большого значения ей уже не придавали, но она навязла в зубах. Кто-нибудь начинал представлять, как Костя Розинский по тревоге вскочил в самолет комэска, как за ним гонялись все «мессеры» фронта. Взлети он на своей машине, его, пожалуй, не тронули бы. Какой-нибудь «месс» понюхал бы с хвоста и бросил. Но асовский самолет!.. Летчики представляли все в лицах, покатывались со смеху, наставительно выкрикивая:

— Не в свои сани не садись!

VIII

Пришло известие о гибели Ивана Горячеватого. Об этом написали откуда-то из-под Берлина его однополчане, тоже выпускники школы ускоренного типа. Судя по письму, погиб Иван просто, как гибнут летчики-истребители в бою. Где-то не дотянул, в какой-

то момент опоздал подскользнуть, чтобы увернуться от трассы, и пуля — может быть, всего одна — человеку много не надо — пронзила фонарь кабины и пилота. Если воздушный бой шел над своей территорией, то были бы найдены останки или хотя бы документы, если же дрались над противником, то последние Ивановы мгновенья остались лишь в памяти летчиков группы: косая черта в небе, беззвучная вспышка взрыва на земле. Командир, может, черкнул ногтем крестик на карте, засекая то место. Если нашлось на это время у командира — ведь группа вела воздушный бой.

Вот и нету больше Ивана Горячеватого — сильного, мужественного человека. Может быть, судьба?

Погибнуть в самом конце войны, может быть, в одном из самых последних воздушных боев над Берлином — это очень печально и несправедливо, как казалось Зосимову и Булгакову. Они тяжело переживали смерть инструктора, уж какого ни есть, а первого своего инструктора и потому родного. По молодости и по холостяцкому своему сознанию они мало задумывались над тем, что осталась на свете навсегда опечаленная горем еще одна душа — жена летчика, что, может быть, уже глядит в мир лупастыми глазенками новорожденный сын летчика, о котором он мечтал.

Нередко в бою случается так, что человек гибнет, совершая геройство на глазах у товарищей, и тогда смерть его называют подвигом. Подвиг тот высоко оценивается однополчанами, командованием и правительством. Сами за себя свидетельствуют воздушный таран, когда летчик ценой собственной жизни обрывает полет вражеского бомбардировщика; бросок отважного пехотинца, вооруженного связкой гранат, навстречу танковой лавине; ценные сведения о противнике, переданные агентурным разведчиком в последние минуты свободы.

Чаще же воины гибнут, не вырываясь из строя вперед, выполняя в боевых порядках подразделения свои уставные обязанности. Общего признания геройства тут может и не быть, награда может и не после-

довать, но подвиг все равно есть. Мудро сказано: счастлив тот, кто умирает в бою за Родину. Прославленные и оставшиеся безвестными, увенчанные орденами и не попавшие в списки награжденных — все они с оружием в руках защищали Родину, внесли равный вклад: отдали жизнь.

Лейтенант Горячеватый в составе эскадрильи ЛА-5 вылетел на сопровождение своих бомбардировщиков. «Мессершмиттов» и «фокке-вульфов» было в мартовском небе сорок пятого года уже совсем не густо. Передний край гитлеровских войск они уже почти не прикрывали, с нашими истребителями в бой не вступали — не хватало сил; но сразу же слетались в большую стаю и остервенело дрались, когда вот так группа русских бомбардировщиков шла на Берлин.

Своим излюбленным приемом — из-за облаков, из-за угла ударили они по группе. Метили по клину ведущего звена, да не удалось: «Лавочкины» отвели удар в сторону.

— Тридцатка, тридцатка! Набирай высоту, «фоккеры» заходят справа!

— Тридцатка, прикрой больших справа, сзади...

— Выходи на правый пеленг, тридцатка!!!

Это бомберы кричат истребителям, помогая обнаружить противника и вовремя отразить его атаки. Им, бомберам, виднее и страшнее. У них вся надежда на тридцатку — командира истребительной эскадрильи, чей ЛА-5 имеет на борту большой белый номер — «30».

Истребители непосредственного прикрытия держались поближе к бомбардировщикам, готовые защитить их от прицельных трасс прорвавшихся «фокке-вульфов». Ударная группа, в которой был и лейтенант Горячеватый — восьмерка ЛА-5, — рассыпалась парами в большом пространстве, чтобы сковать боем как можно больше вражеских истребителей. Не допустить их к бомбардировщикам, любой ценой защитить бомбардировщики — в этом заключалась главная задача тридцатки и его летчиков.

Воздушные бои завязывались клубками, и клубки эти, медленно смещаясь, перекатывались вдоль марш-

рута группы бомбардировщиков. Иван Горячеватый с ведомым дрались против пары «фокке-вульфов»; все четверо вошли уже в тот равновесный круговорот, когда опасность быть сбитым почти сводится на нет и столь же трудно добиться победы. И тут Иван заметил: снизу крадется к бомбардировщикам не связанная боем пара вражеских истребителей. Тупоносые «фокки» горкой набирали высоту, моторы их работали на форсаже, на последнем дыхании — в небе темнели тонкие натянутые шнуры дыма.

«Лавочкины» вели бои с превышением над всей группой, а потому могли и не видеть скрытой, внезапной атаки снизу. Здорово схитрили немцы: откололись парочкой, ушли вниз, а потом, разогнав максимальную скорость, подпрыгнули, чтобы ударить под сердце.

В несколько мгновений Иван оценил обстановку. Ту крадущуюся снизу пару надо бить в первую очередь, или она сейчас распорет огнем брюхо ведущему бомбардировщику. Иван не успел что-либо передать по радио тридцатке, не успел сориентировать товарищей. Только крикнул напарнику:

— Бьем нижних! Я левого, ты правого.

— Понял, атакую, — откликнулся ведомый.

Иван резко накренил машину влево, сделав обманный маневр, и тут же полупереворотом ушел вправо. Удалось оторваться от пары, с которой вели бой раньше, или не удалось — Иван об этом уже не думал. Он пикировал наперерез атакующим истребителям. Подойдя почти вплотную, нажал обе гашетки. С такой дистанции трудно промахнуться. «Фокке-вульф», набиравший высоту, клюнул вниз, будто сорвался с небесной кручи. Загорелся! Второго «фокке-вульфа» бил ведомый, бил пока безрезультатно, но уже заставил отвернуть от группы.

Помня о том, что где-то неподалеку пара, которую они бросили, Иван сразу же после своей атаки нырнул под строй бомбардировщиков, как по́д навес. Его ведомый где-то отстал. Надо разогнать машину на снижении, чтобы боевым разворотом, одним махом выйти наверх — там и напарник отыщется. Но почему

скорости нет? Почему без всякой перегрузки на пилотаже в глазах темнеет? Сонливость и непонятное безразличие ко всему окружающему охватили вдруг Ивана.

В атаке, расстреливая в упор врага, он не почувствовал раны в плечо и навылет через грудь. Атакуя, он сам был атакован — та пара «фокке-вульфов», с которой дрались раньше, не оторвалась и не упустила выгодного момента.

Не боль, не страх смерти овладели душой Ивана, а скорее досада на себя, такого немощного, на то, что все это случилось так не вовремя. Не было сил ни пилотировать, ни выпрыгнуть с парашютом. Земля подступала все ближе и казалась мягкой, как прошлогоднее прелое сено, на которое хорошо бы прилечь и забыться.

Истребитель полого снижался без вмешательства Ивана — так везет к воротам умная лошадь задремавшего седока. Группа бомбардировщиков летела теперь далеко впереди, на недосягаемой высоте, и оставалось лишь проводить ее печальным взглядом, как журавлиный клин, что тянет по осени в дальний край.

В той стороне, куда шла группа, стояли сплошной стеной дымы — там пылал Берлин. Исполинский костер, в огне которого суждено было сгореть тем, кто бездумно раскидывал горящие головешки по всему свету.

Все это проплывало вторым планом, все вроде потеряло свое грозное значение...

Одно мучительно пронизывало сознание Ивана Горячеватого: сын. Он должен был родиться на днях, как писала жена. Он уже есть на свете или вот сейчас появится... когда умирает его отец.

— Сын!!! — закричал изо всех сил Иван хриплым, тонущим в крови шепотом.

Ему казалось, он свято верил в то, что малое существо услышит и поймет его.

— Сын...

Рыцарского подвига лейтенанта Горячеватого, защитившего от внезапного вражеского удара свою

группу, ннкто не вндел — ин самн бомбардировщикн, ни братья истребнтелн. Виделн только, как его самолет уже падал н, достигнув земли, взорвался.

И одиополчане Ивана Горячеватого иапнсалн его воспитаиникам коротко и просто о том, что вндели.

IX

Булгаков держал в руках ораижевую бумажку, иа которой прописью была проставлеиа его фамилия, а тнпографскнмн буквами отпечатаио: «...Вам объявлеиа благодарность Верховиого Главиокомаидующего». Такие же блаики получили Богдаиов, Бровко, Зосимов — почти все летчики. Это им за участне в Нарвском прорыве. Косте Розиискому ие дали, хотя ои тоже летал н дрался н в коиечном счете пострадал больше всех.

Избегали встречаться с инм взглядом. Он медленио, ие подавая виду, отделился от толпы оживлеиио шумевшнх летчиков. Исчез куда-то.

— Когда у нас был Нарвский прорыв? Летом прошлого года? А дошло только теперь... — задумчиво проговорил Булгаков. Видио было, что благодариость Верховного Главнокомаидующего, самого Сталина, глубоко его взволиовала.

— За Нарву Сталин благодарнл миогие войска: корпуса, днвизии. Пока разослали извещеиия каждому вояке, знаешь, сколько времеии поиадобнлось? — резонио заметил Бровко.

И такое толковаиие показалось всем очень правдоподобным. Вадим представил себе кабиет в Кремле, такой, какнм видел его иа известной репродукции: в окно заглядывает рассвет воеииого утра, иа столе расстелеиа оперативиая карта, Сталии держит в руке исписанный огрызок красиого карандаша, прицеливаясь острым взглядом сощуреиных глаз, куда бы направнть иовую красиую стрелу. В кабиет бесшумной тенью входит какой-то ответствеиный работиик и кладет перед Сталииым высокую стопку ораижевых блаиков. Сталии решительиым росчерком иаиосит на карту стрелу очередиого удара. Потом садится за стол н начииает подписывать блаикн...

Вадим достал из нагрудного кармана аккуратно сложенную бумажку и еще раз перечитал короткий текст. Личной подписи Сталина на ней не было. Но это неважно, главное же не в подписи! Вадиму жаль рушить созданную воображением картину: Сталин собственноручно подписывает оранжевые бланки. Вадим оставляет в памяти все таким, как есть. И у него хорошо на душе, ему хочется свершить что-то героическое, он чувствует необыкновенный прилив сил.

Всю минувшую зиму полк стоял на небольшом клочке земли, временно предоставленном нам Финляндией. Летали не часто, но задания, как правило, бывали трудными: сопровождать «пешку»-разведчицу в глубокий тыл, перехватывать высотные, последней модернизации, самолеты противника, взаимодействовать с кораблями флота. Булгаков сделал много вылетов на разведку, больше всех. Сбил еще четыре самолета — итого шесть. К ордену «Отечественная война» прибавился у него орден Красного Знамени. Красно-белая лента ордена резко выделялась на гимнастерке, горела огнем. Славный боевой орден лишь бы за что не дадут, — это всякому фронтовику известно. Сбил второго по счету Зосимов. И тоже летал в паре с Валькой на сопровождение «пешки»-разведчицы. Его наградили орденом Отечественной войны.

Дороги сердцу фронтовика боевые награды.

Сидели в землянке эскадрильского КП. Железная печка накалена до «цвета побежалости» (любимое, хотя и малопонятное, выражение инженера полка), а входная дверь распахнута настежь. Уже не холодно, на аэродроме снег стаял, белел заплатами лишь у лесной опушки.

У Богданова настроение поговорить, что бывает редко. Капитан полулежал на своем командирском табурете, упираясь в стенку широченными плечами. Твердый, будто сплошь выточенный из кости подбородок притиснул к груди ворот кожаной куртки. Вспоминал Богданов, как летали и дрались под Сталинградом, — совсем не та была война, что теперь.

— Придут в полк молодые летчики, раз-два слетают на задание, и уже их нету. А кто выдерживал первые десять-двенадцать боев, тот уже все — оставался в строю надолго. Сам начинал сшибать фрицев.

— Как, например, наш Яков Филиппович, — вставил Бровко с восхищенной улыбкой.

Заерзали на нарах летуны. Слов подходящих нет, но все глядят на комэска влюбленными глазами.

— Да что там Яков Филиппович? — возразил Богданов, слегка хмурясь, — Якова Филипповича тоже лупили, не дай боже! Один раз «мессеры» так накрутили хвост, что я даже сознание потерял. В воздухе — представляете? Очнулся и вижу: самолет мой отвесно пикирует прямо в Волгу. Вывел из пикирования над самой водой. Мотор не работает, но скоростюгу я разогнал такую, что хватило ее выбросить машину по инерции на берег.

Ловким движением фокусника Богданов вылавливает в кармане двумя пальцами папиросу и вставляет ее в рот. Ему сейчас же подносят огоньку.

— Тогда ведь какие бои бывали? С явным превосходством немцев: наших четверка — их целая эскадрилья, наших восьмерка — их больше двадцати. Двойное и даже тройное превосходство в силах считалось в пределах нормы. Идешь в атаку и не раздумываешь. Дрались до последнего. Израсходует летчик весь боевой запас, но из боя не выходит — вертится вместе с группой, чтобы хоть своим видом пугать немцев. На таран шли. Думаете, только Харитонов, Жуков да Здоровцев совершили таранные удары? Этих на всю страну прославили, а сколько таких же остались неизвестными... Я был в воздухе и сам слышал последний доклад по радио одного летчика, который принял решение таранить. Передал: «Боезапас кончился. Иду на таран. За Родину, за Сталина!» Слышали это и другие. Но тогда отражали массированный налет немцев, на аэродромы не вернулось много наших летчиков — попробуй-ка узнай, кто из них таранил?

Богданов умолк. Смотрел на огонь, полыхавший в печурке у его ног. Думал, неторопливо перебирая

минувшие события, будто листая странички дневника Сталинградского фронта.

Никто из летчиков не решался нарушить тишину.

Вадим Зосимов представил себя на месте того летчика. Он бы, Вадим, тоже пошел на таран. Таранить можно на догоне, винтом: чуть-чуть зацепить кончиками лопастей хвостовое оперение противника, и тому — хватит. Но бывает таран, когда надо немедленно покидать и свой поврежденный самолет. А есть лобовой таран: удар на встречных курсах, взрыв... от самолетов и летчиков — мелкая пыль.

И все равно Вадим не сомневается, что пойти на таран у него сил хватит. В последнее мгновение он бы сказал по радио те же самые слова: «Иду на таран. За Родину, за Сталина!»

Кто мог сомневаться в апреле сорок пятого в нашей скорой победе? Уже не было ни малейших сомнений, в победу верили, ждали ее со дня на день, только не знали, в каком образе она предстанет перед людьми.

А тут приказ гвардейцам: перелететь на ближайший к Ленинграду аэродром, там подготовиться к погрузке в железнодорожный эшелон. Куда и зачем — не сообщили. Хлопцы понимающе помалкивали, а сами не теряли надежды на то, что в последние дни войны как шуганут их под Берлин! Там сейчас жарко.

Аэродром, куда перелетели, был расположен всего в нескольких километрах от Ленинграда. Как не побывать в городе, хоть и запрещено отлучаться? На попутной машине до Пороховых, а там уже трамвайное кольцо «десятки». Третья эскадрилья совершила тайную поездку в город почти в полном составе. Приятно было побродить по Невскому этакой праздной толпой заслуженных вояк — замки кожаных курток застегнуты лишь до половины, выглядывают алые ленточки орденов. Жаль, Богданова не было с его Золотой Звездой. Ленинградцы приветливо улыбались летчикам, а летчики еще радостней в ответ. Монументально строгий, прошел навстречу комендантский патруль. Морячки. Другим бы, может быть,

влетело за нарушение формы одежды, но кто посмеет затронуть фронтовиков? Ни слова не сказал пожилой морской офицер, начальник патруля, только глаза покосил на кожаные куртки и первым отдал честь.

Зачастили в полк начальники из штаба корпуса. Ходили по общежитию, разговаривали с летчиками, оценивающе присматриваясь к ним, что-то проверяли по своим службам.

В сопровождении начальника штаба зашел однажды в третью эскадрилью полковник.

— Ночью не летают? — спросил он, кивнув на младших лейтенантов.

— Ночью нет, товарищ полковник, — виновато заулыбался начштаба.

— А днем в облаках?

— Слепую подготовку * только начали. Раньше не позволяла боевая работа.

Потоптался полковник в комнате, беззвучно насвистывая. Молвил загадочно:

— Ничего, подтянутся в составе дивизии. Там зубры летчики.

С тем и ушли начальники, оставив третьей эскадрилье задачу-головоломку.

На аэродроме кипела работа, самолетная стоянка напоминала конвейер авиационного завода: машины стояли без крыльев, без винтов. Механики, техники, немногие имевшиеся в штате мотористы копались с утра до вечера.

Техник-лейтенант Жуков зашел в общежитие летчиков. Поздоровался со всеми за руки, попросил закурить.

— Если летный состав не очень занят... Помогли бы маленько, а? — закинул он удочку.

Все тут же поднялись и пошли на аэродром. Кому-кому, а Жукову надо помочь.

Техник звена Игорь Жуков был своим человеком среди летчиков третьей эскадрильи. На фронтовом аэродроме он частенько бывал в их землянке. Непре-

* Слепая подготовка, слепые полеты — полеты по приборам, без визуальной ориентировки.

менно присутствовал на постановке задачи перед боевым вылетом. Приоткроет, бывало, дверь без стука, войдет и лишь потом к Богданову: «Разрешите, товарищ гвардии капитан?» Не выгонять же, коли пришел... Богданов кивал головой в знак согласия. Жуков приседал на корточки у печки, подбрасывал чурочек в огонь, слушал, о чем говорит комэск. Технику вообще-то не мешало знать, на какое задание пойдут машины его звена. Иногда садился Жуков с летчиками в домино поиграть, к слову мог анекдот рассказать из серии кавказских — у коренного бакинца их в памяти великое множество. Когда же Богданов начинал ругать некоторых летчиков за ошибки в тактике боя и в технике пилотирования, Жуков выскальзывал из землянки. На Игоре всегда ловко подогнанное обмундирование, техническая специальность не мешала ему быть чистюлей. Забавно разговаривал с наигранным кавказским акцентом, хотя парень он русский, только жил и учился в Баку. Симпатичная щербинка на передних зубах, когда смеется. Фамилия «Жуков» звучит почти так, как «Жуковский», и летчики прозвали Игоря «отцом русской авиации».

На самолетной стоянке Жуков велел своим друзьям засучить рукава и приступить к делу. И что ж, летуны охотно взялись за техническую работу.

В сборах, в суматохе подчас ослабевает порядок. Кто-то пренебрег коварным свойством огня — загорелся деревянный дом, в котором была столовая летного состава. Собралась толпа, тушили пламя водой из колодца, а больше зубоскалили. Над огромным костром выделывал фигуры пилотажа ЯК. Это Бровко, которому поручено отогнать старую машину в мастерские. При выходе из пикирования у ЯКа выпадала правая стойка шасси. Он вертелся над пылавшим домом, как одноногий, злорадствующий юродивый.

Куда же все-таки двинут полк? Однажды, во время затяжного перекура после обеда, под хорошее настроение летчики взяли в тугое кольцо командира полка. Он все отшучивался, а потом сказал:

— Куда, не знаю. Известно пока одно: не на запад.

Вот так новость! Смахнула она улыбки и шутки в один миг.

X

Эшелон с бескрылыми самолетами на платформах, с несколькими теплушками и вагоном-кухней, замедляя ход, приближался к станции. Подплыла закопченная доска с названием станции: «Половина».

— Тут как раз половина пути от Москвы до Владивостока, — резюмировал Остроглазов. Несколько перегонов парторг ехал в теплушке летчиков третьей эскадрильи.

— Половина!

— А ну, пошли поглядим на эту Половину!

Стали спрыгивать с вагона, минуя узенькую подвесную лесенку.

В Сибири эта станция безлюдна, на базарчике одна баба с брюквой, другая с миской серой, перестоявшей капусты — война все высосала.

Эшелон загнали на запасные пути — значит, продержат несколько часов, а может быть, и сутки.

В дороге находились уже скоро две недели. Первое Мая отпраздновали на колесах. Погода держалась прекрасная: безоблачное небо, теплый весенний ветер, увивающийся над эшелоном.

На стоянках командир полка, начштаба и еще кто-нибудь из полкового начальства иногда оставались на хороших угодьях поохотиться, потом догоняли эшелон пассажирским поездом. Самолеты на платформах охраняли свои механики. Если в теплушке душно, можно было завернуть брезент, сесть в кабину, закрывшись фонарем, и ехать по-барски. Справа и слева бегут бескрайние сибирские просторы, зелень всюду буйная, никаких признаков, никаких запахов войны. Едешь и едешь в кабине, будто идешь бреющим полетом.

Не надо быть большим стратегом, чтобы догадаться, зачем перебрасывают боевые части на Восток. Фашистская Германия вот-вот будет поставле-

на на колени, как говорится в последнем приказе Сталина, ио жив-здоров другой агрессор, постояиио угрожающий с Востока... Опасиое соседство? К тому же та агрессивная соседка официально является воюющей стороной, противииком коалиции. Победа над Германией близка, но рано складывать оружие гвардейцам. Летчики в обстаиовке разбираются и глубокомысленно помалкивают на этот счет. Везут их на Восток — значит, там без них не обойтись.

Стаициониые пути Половины пустовали, только воинский эшелон стоял в сторoие да обрывок товарного состава. Пассажирские поезда лишь двухмииутиым вниманием удостаивали Половину. А гружеиые товарняки проходили безостаиовочио. И опять залегала тишина. Серебрились накаленные солнцем рельсы.

Шла по рельсу девушка в офицерской шииели. Осторожно выставляла ногу в хромовом сапожке, равновесие удерживала с помощью двух наполненных водой котелков, которые несла с собой. Улыбалась. Все равно как цирковая канатоходка. Рядом с нею двигался мелкими шажками кто-то из поклоииков, готовый поддержать, если оступится.

Остроглазов, беседовавший с Вадимом Зосимовым, вдруг замолчал, следя за «канатоходкой» издали. Отцовской любовью заблестели его блеклые, иемного слезливые глаза.

— Лейтеиант Пересветова, — сказал он. — Замечательная женщина!

Вадим уточиил:

— Жеищииа или девушка?

Морщинистая, добрая улыбка исчезла с лица парторга. Повернувшись к Вадиму, он закричал иа него, словно Вадим был в чем-то виноват:

— По вашим летунским понятиям между жеищиной и девушкой какая-то пропасть! Вы себе только одио в башку вбиваете, совершенно ие видя перед собой человека.

— Извините, товарищ капитан, я ведь не про то...

— Ладио, — отмахиулся парторг. — Пойдем вот лучше познакомлю. — И окликнул сиплым стариковским голоском: — Варвара Александровна!

Девушка остановилась. Вопросительно посмотрела на них.

Остроглазов и Вадим подошли.

— Не зиакомы? — спросил Остроглазов, поперемеино глядя на каждого из них. — Это лейтенант Пересветова Варвара Александровна, техник радиолокациоииой устаиовки. А это младший лейтенаит Зосимов Вадим... батькович, летчик-истребитель.

Девушка протянула Вадиму руку. И тут же забыла о его присутствии. С парторгом оии, видно, были давиими друзьями, сразу у иих наладилась оживлеииая беседа. Вадиму с тем, другим, поклоиником оставалось достать папиросы и пустить дымы.

Мимо проходил майор Мороз, начальник штаба нолка, — довольно полиый и коротконогий, он переваливался через рельсы, как селезень. Остановился, сказал Пересветовой иесколько вежливых слов. И тоже к ней по имеии-отчеству:

— Варвара Александровна...

Вадиму показалось, что начштаба как-то заискивающе загляиул ей в лицо. А в потемневших при этом карих глазах Пересветовой не было для начштаба ничего хорошего.

— Вот набрала кипятку на станцни. Волосы иадо вымыть, — сказала она, обращаясь к Остроглазову, и пошла к своему вагону. В том вагоне ехали девчата — операторы и прибористки с прнданиой полку радиолокациоииой устаиовки «Редут» *.

У начштаба была одна встреча с Пересветовой, еще там, под Лениииградом, которая существенным образом дополиила их уставные отношения.

Как-то после совещания офицеров майор Мороз задержал в своем кабиието лейтенанта Пересветову; ее иачальнику — молчаливому, широкоскулому узбеку, сказал, что он может ехать в подразделение н ие беспокоиться. Мороз пригласил Варвару... э-э-э

* «Редут» — название радиолокационной станцни образца 1944—1946 годов.

Александровну на дружеский ужин. Будут его квартирная хозяйка с дочерью-студенткой, может быть, кто-либо из офицеров штаба заглянет на огонек — вот и все. Пересветова согласилась, и Мороз даже крякнул от удовольствия.

Они зашли в сельский дом. Там было тепло-тепло, в горнице стоял обильно накрытый стол. Студентка к ужину не приехала, хотя обещала, сама квартирная хозяйка посидела недолго с гостями и куда-то ушла. Мороза привело в восторг, что его гостья выпила полстакана водки, закусила хорошенько и еще выпила. Он расстегнул китель и сказал ей, что она тоже может себя чувствовать как дома. Подсел поближе. Разговаривая, дышал ей в щеку прерывисто и жарко, как загнанный на охоте гончий. «Ну, почему это у нас в армии преданы забвению лучшие традиции русского офицерства? — недоумевал он. — Читаешь классиков — Льва Толстого, Лермонтова, того же Куприна... В их произведениях все отражено. Раньше как было в офицерском обществе? Вне служебных занятий все равны — от поручика до полковника, все сидят за одним столом, пьют вино, в карты играют. Теперь же такой вот простоты в отношениях, такой, можно сказать, интимной близости между офицерами не чувствуется. Нет ее, и все. И очень печально. Да-с!.. — Мороз обнял тяжелой рукой девичьи плечи. — Мы ведь с вами люди одного круга, правда? Здесь, за столом, вы просто Варя, а я Михаил, Миша».

Она порывалась встать, он крепче обнимал ее, уже двумя руками. Ставни в доме наглухо закрыты, огонек в керосиновой лампе садится все ниже...

Она все-таки вскочила и, обогнув стол, очутилась напротив него — их разделял только стол, уставленный бутылками, открытыми консервами, тарелками. Влево-вправо, влево-вправо... В этой игре вокруг стола ему не удалось ее поймать.

«Послушайте, Михаил! — воскликнула она, вдруг улыбнувшись, и он замер по другую сторону стола, трепетно ожидая перемены в ее настроении. — Послушайте: поручик в моем лице может по пьянке натворить чего угодно». — Улыбка и ненавидящий

взгляд... Мороз сделал едва заметное, обманное движение, чтобы ринуться потом в другую сторону и все-таки поймать ее. Слез нету — это уже хорошо. Покорится... Но «поручик» опередил Мороза. Подхватив снизу стол двумя руками, Пересветова сильным рывком бросила его от себя. От толчка Мороз подался назад, неловко сел и вместе с табуреткой упал навзничь. Перевернутый стол накрыл его, скандально зазвенели бьющиеся бутылки и тарелки. Пересветова набросила шинель на одно плечо — и к двери. От порога раздался ее хмельной хохот.

Как там выкарабкивался из-под стола и очищался от объедков толстый начштаба, Пересветова уже не видела. Быстро зашагала она прочь от дома, на ходу надевая шинель. Две женщины встретились ей на пути. Они стояли и разговаривали, ожидая чего-то. При ярком лунном свете в одной из них Пересветова узнала квартирную хозяйку. Прошла бы мимо, если бы не такая подлая ухмылка на той безбровой физиономии. Рука сама потянулась к кобуре. Тыча пистолетом в мягкое, податливое лицо, мгновенно перекосившееся от ужаса, разбушевавшийся «поручик» крикнул девичьим голосом:

«Пристрелю, старая сводница!..»

Мороз очень побаивался, что об этом «званом ужине» в полку узнают, и, хотя Пересветова была подчинена ему по службе, он стал смотреть на нее просительно и заискивающе. Раньше Мороз частенько хаживал в расположение радиолокационной станции, где служили одни девушки; с некоторых пор то место сделалось для него запретной зоной. Подобные отношения начинали мешать начальнику штаба в работе, и он подумывал о переводе Пересветовой в другую часть. Не удалось это сделать, когда полк откомандировали в дальнюю дорогу, наверняка удастся на Востоке...

От мимолетной встречи с девушкой-лейтенантом, от ее короткого рукопожатия у Вадима Зосимова осталось какое-то неясное чувство этакого легкого остолбенения. Нечто подобное охватывает человека

после изумительного птичьего парения во сне. И почему это вдруг?.. Ведь не впервые увидел Пересветову. Краснвая, конечно, Вадим ие отрицает, так мало ли на свете красивых? Всегда она была в окружении начальства: совещание инженеров эскадрилий — ее приглашают, постановка иовой тактической задачи руководящему составу — без радиолокации не обойтись. Радиолокация, чудесное изобретение века, только-только открылась во всей своей красоте. Ей уделяли максимум внимания.

Вадим стал думать о Пересветовой, хотя сознавал, что такие мысли совершенно напрасны. У нее наверняка кто-то есть, постарше чином Вадима.

Думал летчик-истребитель об одиой недосягаемой звездочке небесной весь вечер, а ночью она ему присиилась... Он вскочил в свой самолет, что стоял иа четвертой от хвоста эшелона платформе, запустил мотор, ринулся в небо, вдогонку за звездочкой-красавицей. Истребитель, несмотря на то, что был без крыльев, летел хорошо, слушался рулей, только мотор работал с большой перегрузкой. Вдруг его затрясло с такой силой, что самолет начал разваливаться в воздухе...

Вадим проснулся. Вагон-теплушка, пошатываясь, грохотал на стрелках. В окошке под потолком виднелось серо-голубое предрассветное небо. Значит, опять поехали, преодолели, наконец, стаицию Половииа. Вадим повернулся на другой бок, ио уснуть уже не смог.

А утром поезд почему-то остановился в чнстом поле. Ни слева, ни справа не было видно станции. Вдоль эшелона бежал Остроглазов н кричал, безжалостно надрывая свой несильный голос:

— Товарищи, выходите! Победа, победа!!!

Ржаво скрипели шарниры широких дверей-ворот, из теплушек сыпались заспанные, иаскоро одетые пассажиры эшелона.

— Победа, дорогие товарищи! Войне — конец!.. — не унимался старик Остроглазов.

Негромко и вразнобой прозвучало «ура!». Потом хор голосов окреп, и уже слышался сплошной, восторженый крик: «А-а-а!!!» Чей-то пистолетный

выстрел послужил началом, вслед за ним хлестко прозвучало на ветру несколько выстрелов подряд — будто очередь из пулемета. Миожество рук протяиулось вверх. И тут уж постреляли! Выпускали в воздух все, что было в осиовных н запасных обоймах, словно торопились избавиться от патронов, потерявших какую-либо ценность в мириое время.

Командир полка предвидел, что будет такая иеуправляемая стрельба, н потому, когда радио сообщило о победе, приказал остановить эшелон в поле. Машинист дал им иа это три минуты, надеясь нагиать время на спуске.

На ближайшей стаицни устроили митинг. Речн ораторов были короткими и очень схожими, но каждая сопровождалась восторженным, ликующнм «ура!».

Летчики, стоявшие в задних рядах, незаметно откололись от толпы, побежалн искать водку. В станциоиином буфете было сухо, как в пустыне. Бросились в поселок. Заведующий одного захудалого магазинчика уважил покупателей, увешаииых ордеиамн. Повел нх за дощатую переборку н там наклоиил небольшой бочоиок: в ием слегка булькало — все, что осталось. Тмииная водка. Наполняли котелки и фляги, впопыхах совали продавцу смятые красиенькие тридцаткн.

Вернулись к самой отправке эшелона, но всетаки поспели, н ие с пустымн руками.

Наливали сразу по полкружки.

Вадим поморщился от резкого запаха спирта и тмина.

— Рань такая... Может, лучше в обед сабантуй устроить?

— Не греши, Зосимов! — прикрикиул на него солидиый краснолицый капнтан. — С утра в самый раз водку пить.

— За победу!

— За победу!

Поезд шел на восток. Шел, минуя редкие стаиции, огибая сопки, иыряя в тоииели, н долго ие остаиавливался. Как раз когда надо было бы постоять, он катил и катил. Толпились летчнки у две-

рей теплушек, открытых иастежь, орали песии. Как же хотелось им, фронтовикам-гвардейцам, увидеть свою победу, встретйться с нею и обмыть ее. Какая она теперь там в поверженном Берлине, в ликующей Москве?

XI

Осторожно, на малом ходу, поезд прошел трехкилометровый мост над рекой. Говорят, самый длинный в стране мост. Без остаиовки прогнали воиский эшелон мимо большого города. Перевели иа одноколейную ветку, подали к аэродрому.

Огляделись летчики: куда это их привезли? К аэродрому жались низкорослые строеиия, поодаль стояли ветхие двухэтажные ДОСы * с рыжими подпалинами на местах обвалившейся штукатурки, коегде белели, как грибы, круглые домики — корейские фанзы. А вон и местная авиация топчется иебольшой гурьбой. Серый какой-то народ, только по погонам и догадаешься, что это летчики. Двое были в коротеньких синих шинелях еще довоенного образца.

Это и есть те самые зубры, о которых упоминалось перед отправкой полка из Леиинграда?

На дворе прохладно. Середииа мая по календарю, а здесь еще ходят в шинелях. Ветер порывистый, пронизывающий.

Богданов, выскочивший было из теплушки в одной гимнастерке, вернулся за курткой. Но дальневосточиики успели заметить у него на груди Золотую Звездочку и теперь глядели на комэска с великим почтеиием.

Некогда было заводить зиакомство. Железнодорожники потребовали высвободить подвижной состав как можно скорее. Порядки на железной дороге известиые: везут медленно, а как только стали — начинают штрафовать за каждую просрочениую миипуту.

Разгрузка шла второпях. Дальневосточиики помогали.

* ДОС — дом офицерского состава.

Новоприбывших летчиков временно разместили в солдатской казарме. Вечером пришли двое дальневосточников знакомиться. Оба лейтенанты. Один прихватил с собой гитару; сидел на кровати и наигрывал, пока его товарищ рассказывал о здешнем житье.

Летчики брились, гладились, начищались с дороги. На кроватях лежали гимнастерки, усеянные орденами — где погуще, где пореже. Гимнастерки дальневосточников от плеча до плеча были девственно-чистыми.

Приезжие узнали, что здесь им будут меньше платить денег, ибо фронтовая надбавка как таковая срезается. И норма летного питания другая, поскромнее. Словом, все здесь рангом ниже.

— А стоять, значит, будем вместе, на этом аэродроме?

— Нет. Вас шуганут на другой. Он километров тридцать отсюда, в тайге.

— Кто сказал?

— В штабе дивизии говорили.

— Ну и как там?

— Да ничего, нормально. Бетонка хорошая. Комаров, правда, до черта.

Бровко встал и отошел в сторону — высокий, огненно-рыжий, гордый. Издали крикнул:

— Это кто придумал, чтобы гвардейский полк загнять в тайгу?

Сидевшие на кроватях повернули к нему головы:

— Известно, кто: командование дивизии, — ответил на его вопрос один из дальневосточников.

— Пускай само туда летит, твое командование!

— Да оно теперь и ваше...

— Знать не хочу! — вспылил Бровко. — Во время войны отсиживались тут, а теперь командовать захотели.

То, что он сказал, больно хлестнуло дальневосточников. Лейтенанты потупились, в последний раз жалобно прозвенела тонкая струна гитары. Засобирались гости, стали прощаться. Они не смели поднять глаз на летчиков из новоприбывшего, теперь уже братского полка. Злое слово рыжего затронуло

самое ранимое — то, что всегда жгло их совесть огнем и против чего трудно возразить. Никому дела нет до того, какая здесь была тяжелая служба, какие лишения пришлось терпеть. Тут бомбы не рвались и не было жертв — каждый может попрекнуть: отсиделись...

Уходя, один из лейтенантов задержался напротив Бровко. Глаз так и не поднял, уперся взглядом в грудь Бровко, на уровне орденского ряда. С нарочитой фамильярностью сказал:

— Ты прав, старшой. Но кому-то надо было оставаться и здесь.

За ними закрылась дверь, и о них вскоре забыли. Заговорили наперебой гвардейцы, изливая друг другу свои души обиженных. Мало того, что перевели защитников Ленинграда на Дальний Восток, так еще хотят загнать в самый что ни на есть медвежий угол.

На сборке самолетов работали и техники и летчики — спешка была такая, будто гвардейцев хотели поскорее отсюда выдворить. В назначенный день с утра стали перегонять самолеты на таежный аэродром. Уходили четверками.

Третья эскадрилья должна была перелететь после обеда. От нечего делать летчики слонялись по аэродрому. Вчетвером — Бровко, Булгаков, Зосимов, Розинский — зашли в штаб дивизии воды напиться. Заглянули в некоторые кабинеты — к штурманам, к ветродуям *, поболтали. Адъютант командира дивизии, приятной наружности лейтенант, затащил их в свою комнатку. Как всем адъютантам, ему было дозволено то, чего другим нельзя. Он достал из чехла немецкий аккордеон и растянул мехи, не принимая во внимание рабочую тишину штаба дивизии. Он играл и пел неплохо. Он знал, что спеть для новых знакомых:

Опустилась ночь над Ленинградом,
Та-ра-ра-ра, та-ра на Неве...
Мы стоим с моею тенью рядом
И вдвоем мечтаем о тебе...

* К синоптикам (просторечье).

Заблестели слезинки на глазах гвардейцев. В одну минуту адъютант сделался их лучшим другом. Они пригласили его на праздник — годовщину полка, который будет отмечаться через неделю. От имени всего летного состава полка пригласили.

В стенку постучали кулаком.

— Понял, — откликнулся лейтенант, пряча аккордеон в чехол.

— Командир дивизии стучал? — спросил Розинский.

Лейтенант беспечно взмахнул рукой:

— Комдива сейчас нет, улетел. Это инженеры за стенкой обитают. Просят тишины.

Незатейливая песенка о Ленинграде, исполненная хорошим парнем, сейчас же передалась гвардейцам. Они шли вдоль самолетной стоянки, напевая ее, не зная слов второй строки, как и тот адъютант:

Опустилась ночь над Ленинградом,
Та-ра-ра-ра, та-ра на Неве...

Они чувствовали и считали себя коренными ленинградцами, хотя на фронте лишь кружили по аэродромам около Ленинграда, а в самом Ленинграде были всего-то два-три раза. Такова притягательная сила великого города, таково его обаяние, что человек с первой встречи отдает ему свое сердце.

Скоро дали третьей эскадрилье команду на перелет. Не зеленой ракетой, как это сделали бы на фронтовом аэродроме, а просто голосом.

Тридцатикилометровый маршрут — это шесть минут лету.

Новый аэродром гвардейского полка представлял собой большую поляну в тайге с настеленной посредине серой бетонной полосой. Новым жилищем летчиков стала просторная, добротно сработанная землянка. Войны не было, но от этой землянки повеяло дымной сыростью войны. К тому же приказом свыше установили дежурство. Войны нет, но готовность есть, и по всему этому можно кое о чем догадываться. Изучая новый район полетов, летчики мерили циркулем и линейкой расстояние до государственной

границы — выходило тридцать километров с небольшим. Рукой подать.

Однажды прилетела четверка истребителей братского полка дивизии. Их нарядили сюда для боевого дежурства в ночное время. Вылезли из кабин четверо лейтенантов: один постарше — командир звена, остальные — молодежь. А поди ж ты, все летают ночью. В гвардейском полку ночников почти не осталось, разве что один Богданов мог тряхнуть стариной.

Капитан Богданов как раз был в воздухе. Обычный тренировочный полет. Комэск пилотировал чуть в стороне аэродрома, и у всех на глазах его атаковал какой-то чужой «ячок».

— Это инспектор техники пилотирования, — пояснил удивленным гвардейцам командир звена ночников.

Все запрокинули головы, пристально следили за воздушным боем. Клонившееся к горизонту солнце слепило, надо было прикрываться ладонями и фуражками. Инспектор техники пилотирования дивизии — летчик высшего класса. На эту должность, как правило, назначают человека с настоящим летным талантом. Уж если ему положено проверять технику пилотирования руководящего летнего состава, то сам он должен летать не хуже. Но каким бы сильным пилотом ни был инспектор, с Богдановым ему не тягаться — так считали гвардейцы.

Не отрывая глаз от вертевшихся в воздушном «бою» истребителей, летчики обменивались обоюдоострыми замечаниями:

— На третьей минуте Богданыч прижмет инспектора. Голову даю наотрез.

— Побереги головушку-то, пригодится...

— Что для Яши такой противник? У Яши двадцать шесть сбитых!

— Посмотрим...

С земли трудно было уследить, где чей истребитель: самолеты ведь однотипные, а номеров на таком расстоянии не видно. Кто-то побежал в землянку за полевым биноклем. Но пока он бегал, поединок уже подходил к концу. Один ЯК зашел в хвост

другому, не отставая при самых энергичных и неожиданных маневрах.

Гвардейцы твердили: в хвосте, конечно же, Яша. Дальневосточники молчали. Но вот самолет-победитель резко отвернул в сторону и пошел на посадку. Сел. И тогда летчики увидели на его борту незнакомый номер. Это был инспектор. Он взял верх в поединке и потому, когда захотел, тогда и бросил гоняться за «противником».

— Что, надрали хвоста вашему Яше?

— Пошел ты, знаешь куда? Если бы по-настоящему, Богданов срубил бы с первой атаки. Он таких сшибал на фронте пачками!

— Видать, не таких...

Злость забирала гвардейцев: такой позорный проигрыш фронтовика при всем честном народе!

Богданова, наверное, тоже заело. Он снизился и начал выделывать на запретной высоте головокружительные номера. Пикировал отвесно, выхватывал машину у земли и потом, устремляясь ввысь, крутил восходящие бочки. На бреющем полете переворачивал машину вверх колесами и так проносился над аэродромом — через фонарь кабины была ясно видна висящая вниз голова, опоясанная дужкой трофейных немецких наушников. Загибал крутые виражи, так что срывались и мгновенно таяли в воздухе золотистые струи. Те струи — явление редкое, образуются лишь при максимальной скорости и перегрузке.

Гвардейцы бросали красноречивые, торжествующие взгляды в сторону дальневосточников: «Дает жизни Богданыч!»

Командир звена дальневосточников смотрел на пилотаж у земли хмуро.

— Нарушение безопасности... — Это все, что он сказал.

После посадки Богданов не подошел к летчикам — может быть, потому, что не хотел встречаться с инспектором техники пилотирования. Прислал механика передать командиру полка, что он, Богданов, займется проверкой ночного старта. Он пошел вдоль бетонки, склоняясь иногда к фонарям, пока

еще ие зажжеиным. Долго маячила на аэродромном поле его крупная фигура.

С иаступлением сумерек несколько раз вспыхнули и погасли огни иочного старта — проверка. Летчики разговорились, угощали друг друга папиросами. Командир звена рассказал, между прочим, что у них почти весь летный состав подготовлеи для действий в облаках и ночью. В их полку миого «стариков» — не иа войне ведь, все живы, все служат и служат. Летиую квалификацию имеют весьма высокую.

— А вы думали, мы тут, на Востоке, сидели? Летать ие умеем? — криво улыбнулся командир звена. — С Востока один полк ушел в сорок втором году на фронт, так он в числе первых стал гвардейским. Насчет летной подготовки у нас будь здоров!

Стало темиеть, люди уходили с аэродрома. Лишь четверо летчиков-иочников остались около боевых машин.

XII

Отмечали годовщину родного гвардейского полка. Поздравляли тех, кому присвоены очередиые воинские звания. В третьей эскадрилье было несколько имениииков: сам Богданов — он получил майора, Булгаков и Зосимов, ставшие лейтенаитами.

В летной столовой был устроен торжественный ужии. Явилось иачальство из дивизии. Комдив, строгий полковиик по фамилии Божко, сказал краткую поздравительную речь, пригубил рюмку и вскоре уехал. Своему адъютаиту он разрешил остаться. Тот лейтенант сразу же как с привязи сорвался: хватил два стакаиа водки, после чего не мог ие только спеть леиинградскую песенку, ио даже язык повернуть. Аккордеои его спал в чехле.

Все иовые перемены тормошили гвардейский полк. Некоторых летчиков перевели в другие части дивизии с повышением. Оттуда пришли сюда, тоже выдвижеицы. Третью эскадрилью принял иовый командир, кореииой дальневосточник — ему было

лет сорок. Летчики третьей эскадрильи пожимали плечами и перешептывались: как это будет командовать такой гриб засушенный фронтовиками? А то, что майор Богданов стал заместителем командира полка, всех обрадовало. Яков Филиппович обещал третью эскадрилью не забывать. Повысили в должности и одного из молодых летчиков. Им был Валентин Булгаков, ставший командиром звена.

Вскоре всем полком провожали бывшего парторга — Остроглазова. Старик демобилизовался. Он ехал в свою область, его теперь называли Василием Ивановичем, просто дядей Васей, и это больше подходило к нему, чем прежнее «товарищ капитан».

Когда увольняют из армии людей старшего поколения, взятых на службу во время войны, — это воспринимается как должное. Но почему вдруг попал под демобилизацию младший лейтенант Розинский? Третья эскадрилья взбунтовалась. Летчики ходили к командиру полка, чтобы отстоять Костю, решили накатать самому командующему коллективное письмо, хотя это и запрещено. По растерянному, приниженному Костиному виду можно было понять, что он и сам толком не знает, почему его демобилизуют. Те из начальников, которые решали этот вопрос, объяснялись с ним полуфразами или вовсе молчали, подписывая документы.

В третью эскадрилью пришел кадровик, одетый в летную форму, но никак не похожий на летчика. Располагая какими-то данными, он спокойно и веско разъяснил летному составу: младший лейтенант Розинский был сбит, временно терял зрение, а таких из авиации начинают постепенно убирать. Кости не было в эскадрилье при этом разговоре, он ушел куда-то с «побегушкой».

— Да какое это ранение? — возмутился Булгаков. — Человека обожгло. Какие-то сутки он просидел слепым. А потом же он вернулся в часть!

— Можно и за сутки подорвать здоровье летчика, — сказал капитан уверенно и посмотрел на Булгакова весьма выразительно.

И летчики примолкли. Они знали и любили Ко-

стю, всегда был он для них свойским парнем, но чем черт не шутит... Капитан, наверное, знает, что говорит.

Товарищ, может быть, имел в своем распоряжении факты? Он сказал, что летный состав может быть свободен. А лейтенанта Булгакова он просил бы остаться. Когда летчики вышли, капитан сел за стол командира эскадрильи.

— Вы, товарищ Булгаков, как командир звена, обязаны поддерживать решения высших инстанций, а не выступать инициатором всяких, понимаете ли, протестов. Есть заключение медицинской комиссии: здоровье этого вашего Розинского подорвано, как летчик он уже неперспективный. Так что к начальству ходить нечего и коллективки писать не стоит. Рекомендуем воздержаться от этого. Вас, товарищ Булгаков, недавно выдвинули, вы молодой командир звена.

Получив такую солидную порцию нравоучения от строгого капитана, Валька Булгаков прикусил язык. В самом-то деле: какими доводами мог подкрепить свое мнение Булгаков, с кем взялся спорить? Говорят, этот моложавый капитан распоряжается судьбами людей и постарше себя. Кадровик...

— Всего хорошего, товарищ Булгаков, — уходя, капитан козырнул, но руки не подал.

На таежном аэродроме новоселов заедали комары, да такие большие, такие свирепые, что никак от них не уберечься. Через кирзовый сапог жалили, стервецы. В землянках дымились специальные губки, привезенные полковым врачом. Дыму было много, а толку мало. Все время надо было обмахиваться веточкой, отгоняя комаров хотя бы от лица. Кусали все-таки, но реже. Одно спасенье было: выйти на середину взлетно-посадочной полосы и прилечь. Над широкой бетонкой, сильно нагретой солнцем и сохранявшей тепло до позднего вечера, комары почему-то не летали.

Богданов лежал на боку, подперев голову кулаком. Огромный, малоподвижный, он по сравнению

с летчиками, окружившими его, выглядел Гулливером.

— Что, братья истребители? Воевали-воевали, «юнкерсов» сшибали, а теперь учиться приходится, и все сначала? — промолвил Богданов.

Кто улыбнулся, а кто нахмурился, потому что такая шутка задевала самолюбие фронтовиков.

Сегодня впервые вышли на ночные полеты. Вывели на старт только спарку — двухместную учебно-боевую машину, имеющую спаренное управление. Сегодня Богданов начнет «вывозить» летчиков, обучая пилотированию самолета в ночных условиях.

Ночь где-то на подходе к аэродрому, пока еще светло, но в небе с восточной стороны уже зажглось несколько редких крохотных звездочек — признак того, что с этой поры любой полет считается ночным.

Гулливер неторопливо поднимается, надевает маленькие наушники. Он шагает к спарке, и гурьба почетных стражей поспевает за ним.

Недолгий рев одинокого мотора на взлете, и опять тишина. Аэронавигационные огни самолета — зеленый, желтый и красный — обозначились в вечернем небе новооткрытым созвездием.

XIII

На востоке доброе общество холостяков гвардейского полка, как заявил однажды Бровко, начало деградировать. В полку появились «женатики», чего на фронте не было. Там у некоторых военных были только ППЖ — походно-полевые жены. Приехали семьи к командиру полка и к майору Богданову. Новый командир третьей эскадрильи все время жил здесь с семьей. В полукилометре от аэродрома были поставлены сборные финские домики, в которых поселились офицерские семьи.

Однажды на утреннем построении стало известно о женитьбе первого из молодых летчиков. Штабист вышел вперед и прочитал приказ, прозвучавший для холостяков громом средь ясного неба. Сержанта Голикову считать вступившей в брак

с лейтенантом и принявшей фамилию того лейтенанта. Поскольку оба пока военные и бракосочетание происходит в полку, а не в загсе, то акт определяется приказом, подписанным командиром и начальником штаба.

Все знали, что Нина Голикова жила с начальником штаба Морозом. Все знали, что молодой летчик просто влип. И всем было совестно слушать приказ о браке. Когда строй распустили, некоторые из вежливости поздравили лейтенанта, другие молча отошли в сторону.

Майор Мороз нашел повод заглянуть в спецмашину к синоптикам. Лишних выпроводил за дверь, оставшись наедине с сержантом Голиковой, то есть теперь уже не Голиковой.

Нина подняла на него пустой, затравленный взгляд. Встретившись с ее глазами, Мороз перестал улыбаться. На толстом, лоснившемся от недавнего бритья лице возникло выражение досады. Он пошел к двери, ибо разговаривать с дурочкой больше было не о чем. Однако вернулся.

— Тут такое дело: семья ко мне приезжает. Наши прошлые отношения — я буду всегда вспоминать о них с любовью — должны остаться глубокой тайной. Жена ревнива, ей не понять... Договорились, Нинок?

И опять ни слова в ответ. Нина сжалась вся, будто в ожидании удара.

Положительно невозможно разговаривать с таким народом! Мороз выпрыгнул из будки спецмашины и пошел по делам. С утра у начальника штаба дел много: надо организовать, отладить очередной день боевой подготовки.

Попались навстречу лейтенанты Булгаков и Зосимов. Закадычные дружки, всегда вместе.

— Чем занимаетесь, товарищи летчики?

Лейтенанты вытянулись перед начальником штаба.

— Наши сегодня дежурят, — ответил Булгаков, считая, что такое пояснение отводит в сторону какие бы то ни было претензии.

— Дежурят, дежурят... Не вся же эскадрилья дежурит одновременно! Пара сидит в первой готовно-

сти, а остальные? Болтаются! — Начальник штаба строго посмотрел на одного лейтенанта и на другого. — Нет того, чтобы взять НШС, КБП *, почитать самостоятельно. Обязательно над вами контролера надо ставить. Идите в эскадрилью и займитесь делом!

— Есть, товарищ майор! — пробормотали лейтенанты.

Но как только начштаба скрылся из поля видимости, друзья опять стали расхаживать вдоль самолетной стоянки, продолжая свой прежний разговор. Валентин Булгаков насмехался над молодыми женатиками, высказывался в высшей степени презрительно о таком деле, как женитьба, — благодарение богу, позорное пятно пало не на третью эскадрилью.

— Что касается меня, то я думаю холостяковать так лет до тридцати, — твердо заявил Вадим Зосимов.

— Я тоже: минимум до тридцати, — согласился с ним Валька. — Наши будущие невесты пока еще спят в люльках.

— Точно! Спят и нам гулять не мешают.

Что может быть дороже холостяцкой свободы и каким надо быть олухом, чтобы добровольно принять на шею семейное ярмо? Единомышленники обнялись и зашагали, сшибая сапогами одуванчики, попадавшиеся на пути.

А несколько дней спустя после этого разговора случилось то, что заставило Вадима Зосимова хотя бы мысленно взять свои слова обратно.

Техник-лейтенант Игорь Жуков, избранный секретарем комсомольской организации эскадрильи, попросил Вадима как художника поехать с ним в город, чтобы подобрать некоторые материалы. Командир и замполит дали свое «добро» на это.

— Втроем поедем, и Пересветова с нами, — вскользь бросил Жуков.

---

* НШС — наставление по штурманской службе. КБП — курс боевой подготовки.

— Пересветова? — переспросил Вадим.

— Да, а чего ты удивляешься? Она входит в наш комсомольский актив.

На попутной машине доехали они до села, что в восьми километрах от аэродрома. На Востоке немало сел украинского типа: крытые соломой хаты, колодец «журавель», мягкий, певучий выговор — такие было и это. Когда-то привезли сюда переселенцы каждый по щепотке украинской земли, завернутой в хустынку. А переселенцев было много... Теперь на околице села стояли автофургоны с антеннами, а в нескольких хатах располагался радиолокационный взвод: кроме старшего лейтенанта да солдат-шоферов, — сплошь девичье войско. Пересветова квартировала отдельно.

Когда Жуков с Зосимовым зашли в тот двор, она встретила их, уже собранная в дорогу. Темно-защитное габардиновое платье с лейтенантскими погонами очень шло ей к лицу, новенький офицерский ремень подчеркивал девичью талию.

В обществе красивой девушки-лейтенанта Вадима мгновенно сковало. Он почувствовал себя так, как тогда, при первом знакомстве на станции Половина, — лишним, не представляющим для нее никакого интереса. Чтобы не молчать, спросил:

— Значит, и вы с нами едете, Варвара Александровна?

Пересветову и Жукова почему-то рассмешил его вопрос.

— Не она с нами, а мы с нею поедем, — пояснил Жуков.

Пересветова окликнула солдата, проходившего мимо, и велела ему:

— Положите в кабину мой чемоданчик.

Оказывается, поездка в город была подготовлена заранее. Снарядили спецмашину-фургон. Что-то там нуждалось в ремонте, и, пока машина будет стоять в мастерских, в распоряжении Пересветовой и ее спутников — несколько свободных часов.

Через час были в городе. Втроем шли по главной улице, спускавшейся к реке. Город целехонький, не то что западные города, которые фронтовикам дове-

лось видеть в развалинах. В одном ряду между домами современной постройки жались особняки старинной архитектуры. Много зелени. Прекрасный парк на высоком берегу реки. А сама-то река широченная, полноводная, с нею связана вся история Дальнего Востока.

На то, чтобы купить в канцелярском магазине кисточки, краски, ткань для лозунгов, потребовалось всего полчаса. Теперь можно было побродить по городу: глушь таежного аэродрома и сельской околицы им наскучила.

Проходя мимо большого здания, Пересветова замедлила шаг. Они прочитали на стеклянной вывеске: «Государственный медицинский институт».

— Мечта... — сказала Пересветова.

— Ваша? — спросил Вадим.

— Не столько моя, сколько мамина, — ответила Пересветова. — После окончания училища мне дали пять дней отпуска, и я съездила домой. Мама посмотрела на мои погоны и сказала: «Все это хорошо, но я во сне вижу тебя врачом, и непременно с золотым зубом».

— А почему с золотым зубом?

— Так ей представляется, маме моей.

— И что же, будете вы учиться на врача?

— Очень хочу. Только не знаю, когда это станет возможным.

Игорь Жуков предложил зайти в один дом к одной знакомой девушке. Он в городе бывал частенько по комсомольским делам и успел завести знакомства.

Позвонили в квартиру на третьем этаже. Открывший дверь старичок сказал, что дочери нет дома, но пригласил молодых людей войти. Он усадил их в уютной, чисто прибранной комнате, сам шмыгнул в кухню. Вернувшись, объявил:

— Будем вместе ужинать. У меня есть борщ, вскипятим чай...

Ужинать так ужинать.

— У нас тоже кое-что есть, — сказала Пересветова, открывая свой чемоданчик. И достала две банки консервов, колбасу, полбуханки хлеба, печенье.

— Ого! Живем, — обрадовался Жуков, которому давно хотелось есть.

— Помогн-ка мие, Игорь, накрыть на стол, — обратнлся хозяин к Жукову запросто.

— Давайте уж лучше я займусь этим, — Пересветова встала.

Старичок принес ей передник:

— Надевьте, пожалуйста. Это дочкин.

За ужином хозяин завел беседу о театре — сам он, оказывается, старый артист и режиссер. Разговаривать на эту тему ему пришлось в основном с Пересветовой, которая знала многие спектакли, видела на сцене известных актеров. Жуков иногда поддакивал, ловко перефразируя то, что уже было сказано. Вадим безнадежно молчал. Его бросало в жар. Горела только одна щека — с той стороны, где сидела Пересветова.

Хозяйской дочери так и не дождались. Ушли из гостеприимного дома с наступлением сумерек.

— Когда это вы успели столько увидеть и услышать? — спросил Вадим.

— Я ведь уже большая, — отшутилась Пересветова. Потом пояснила: — До войны, еще девочкой, я бывала с папой в Москве, в Одессе, в Минске. Он любил театр и меня воспитал в том же духе.

— А кто ваш папа?

— Был работником потребсоюза. Образования имел мало, а понятия много. — Пересветова только вздохнула, сказав: — Во время войны был в партизанах. Не вернулся.

Шли некоторое время молча. Неудобно было после ее слов продолжать разговор об искусстве, но она сама его возобновила.

— Когда ваш полк и наш «Редут» стояли под Ленинградом, мы тоже не терялись: ездили в Мариинку, в Пушкинский, в музкомедию. А летчиков не отпускали, наверное?

— Почему же? Пускали... — Вадим не договорил. Время и возможности были. Только использовали они их своей летунской ватагой не в том направлении. Болтались без толку. Теперь совестно.

Ехали из города уже затемно. Дорога пустовала, и шофер гнал машину быстрее, чем днем. Вдруг остановились, не доехав до своего села. За бортом послышались голоса Пересветовой и шофера.

— На минуту забегу в хату — и поедем. А нет, так топайте все пешки!.. — бубнил шофер.

— Не выдумывайте! Я вам запрещаю отлучаться, — говорила Пересветова.

— Да ладно, товарищ лейтенант. Чего уж там...

Зосимов и Жуков выпрыгнули из машины. Лунный свет серебрил накатанную гравийку. К дороге жались домики небольшого поселка. Туда и порывался шофер, его крупная, ссутулившаяся фигура темнела уже за кюветом.

— Вернитесь! — потребовала Пересветова.

Солдат перешагнул кювет обратно, но к машине не подходил.

— В чем дело, что за шум? — спросил Зосимов, готовый броситься хоть в драку, если надо помочь Варваре Александровне.

— А вам какое дело? Пассажиры — ну и пассажирами сидите в кузове, — развязно отозвался шофер.

Вадим шагнул к нему с решительным видом. Неповиновение офицеру! В командировке! Да тут за пистолет можно взяться, но навести порядок.

Пересветова остановила Вадима, взяв под руку и сказав вполголоса:

— Не надо его злить, а то он станет еще больше куражиться.

Она попросила обоих офицеров отойти в сторону, причем просьба была высказана категорическим тоном. Вадим с Жуковым стали закуривать.

— Так поехали, — обратилась она опять к шоферу. — Я жду, когда вы сядете за руль.

Шофер негромко выругался — так, чтобы его услышали и в то же время можно бы отказаться от грязных слов, если что...

Пропустив мимо ушей брань, Пересветова раздельно сказала:

— Вы можете меня не уважать как женщину. Но обязаны уважать как офицера и повиновать-

ся. Если не сядете за руль — трибунал вам обеспечен.

После недолгого раздумья шофер вернулся к машине. Ои сердито сопел, как медведь, которого загоняют в клетку. Дверца кабины захлопнулась за ним с лязгом.

Пересветова подошла к своим спутиикам — подевичьи тоиенькая, хрупкая. Ее побледиевшее лицо при лунном свете казалось прозрачным.

— Пока мы были в городе, ои успел выпить, — тихо рассказывала она. — И представляете: ни в одном глазу! Только в пути я учуяла запах перегара. А здесь остановился, захотелось ему добавить.

Вадим предложил:

— Садитесь в кузов, Варвара Алексаидровна, а я в кабину.

— Ничего, не беспокойтесь, — возразила Пересветова. — Ои будет ехать у меня как миленький!

XIV

События в летиой жизни Зосимова развивались стремительио. Шла восьмерка истребителей по маршруту; один вдруг откололся от строя, спикировал до бреющего полета над селом, где стоял Редут Пересветовой, потом ушел ввысь, накручивая восходящие бочки. За это воздушное «приветствие» лейтенант Зосимов получил от командира эскадрильи трое суток ареста. Зосимов стал заходить в штаб полка и, пользуясь прямым проводом, позваиивать иа Редут, что нагоняло хмурь на толстощекое лицо майора Мороза. Вечерами Вадим куда-то исчезал, и Булгаков не мог найти его.

К тому времени ранняя дальневосточиая осень уже хозяйничала окрест. Зачастили холодные, секущие дожди, развезло дороги, и когда лейтенанту Пересветовой надо было прибыть в штаб дивизии для выступления с лекцией перед руководящим составом, поступило распоряжение привезти ее на самолете.

Услышав про это, Вадим пошел прямо к Богданову.

— Товарищ гвардии майор, разрешите слетать мне.

— Да найдется пилот. Почему именно тебе?

— Вы даже не представляете, как мне нужно, товарищ гвардии майор.

— Скажи зачем, тогда пошлю.

— Товарищ гвардии майор!..

— Ладно, готовься. Пользуйся добротой своего бывшего комэска.

Снаряженный в путь ПО-2, этот разъездной старый шарабан, стоял на левом фланге шеренги истребителей. Пилот в ожидании пассажира кружил около самолета. Похоже, нервничал.

— Кажись, они едут, — сказал механик.

Вадим посмотрел: по бетонке прытко катил командирский «виллис».

В глазах Пересветовой промелькнуло радостное удивление, когда она увидела Вадима.

— Вы пришли меня проводить?

— Почему? Я повезу вас, Варвара Александровна.

— Я очень рада! — Пересветова протянула ему обе руки. Она не подозревала, какой восторг вызвала этим жестом в сердце пилота.

Уселись в кабины двухместного ПО-2 — пилот впереди, пассажир сзади. Краешком глаза Вадим заметил, что стоит на краю бетонки начштаба, показывая руками крест, а к самолету бежит от него посыльный. Хотят задержать вылет? Может быть, пилот не устраивает майора Мороза? В таком случае Вадим ничего не слышал и ничего не видел.

— От винта! — крикнул он механику.

— Есть от винта!

Затарахтел несильный моторчик. Вадим дал газ и повел коробчатую машину на взлет. Главное — оторваться от земли, а там пусть что хотят, то и делают — радио на ПО-2 нет.

Вадим шел по маршруту, строго соблюдая все правила. Не снижался больше положенного, не делал резких маневров. С каким-либо другим пассажиром он не преминул бы воспользоваться свободой бесконтрольного полета: можно бы отвернуть к плавням, погонять уток. Присутствие на борту Пе-

ресветовой вызывало в нем чувство глубокой ответственности, и он не знал, почему это так.

На аэродроме у штаба дивизии Вадим сажал машину, призывая все свое умение. Притер.

Ему пришлось ожидать пассажирку больше двух часов.

А Варя Пересветова, девушка в лейтенантском звании, читала в это время лекцию для майоров и подполковников, присутствовал сам комдив Божко. Радиолокаторов при авиачастях на Востоке тогда еще не было. Ленинградцы привезли с собой первый Редут. Никто в дивизии не знал тонкую технику так хорошо, как сама хозяйка Редута. Развертка, директорная антенна, электронный лепесток — все это становилось понятным солидным слушателям. Как не понять, если такая умница да красавица лекцию читает! Даже те, кто привык дремать на лекциях, нынче уснуть не могли.

После лекции все вышли во двор, где была развернута станция. Тонкие пальцы Пересветовой прикоснулись к ручкам настройки и тумблерам — по экрану побежал радиус развертки, засветились точечные импульсы воздушных целей.

Это было первое свидание дальневосточников с радиолокацией.

Да, события развивались стремительно, быстрее, чем обычно в подобной ситуации, — словно торопила их сама судьба, уверенная в неизбежности ею задуманного...

По утрам сильно примораживало, хотя снега еще не было. На кустах, тянувшихся вдоль дороги, листья пожелтели, но не успели опасть, и мороз прихватил их белой вязью к веткам, сберегая на зиму искусственные цветы. Окаменевшая тропинка звенела под сапогами.

Со стороны аэродрома шел летчик в меховой куртке и в щеголеватой фуражке блинчиком. От села шагала мелкой поступью девушка в шинели. Видно, они не сговаривались встретиться здесь; заприметив друг друга, узнав, к обоюдному изумлению, друг друга, бросились бежать. И то, что произошло дальше, выглядело настолько естественно, что они

даже ие смутились. А ведь это был их первый поцелуй.

Когда Варя рассказывала о своем родиом местечке иа берегу Западиой Двииы, о простом и умиом человеке с жесткой щеточкой усов, о полудикой ватаге десятого «А», перед Вадимом возиикала живая картииа, очеиь поиятиая ему и будто даже видеииая им раиьше. Столь же близок для Вари был его рассказ о школе в донецком поселке; лишь одиого оиа ие могла взять в толк: что такое Горячий Ключ?

Порой оии умолкали. Шли, ие разговаривая, в течеиие долгих мииут, шли в стороиу аэродрома или в стороиу села — этого ие замечали, это было совершеиио иеважио.

— А между прочим, я скоро должиа уехать. Меия переводят в другую часть, — объявила вдруг Варя.

Вадим остаиовился, побледнел.

— Куда? Почему?

— Есть тут одии человек, который давио хочет от меия избавиться, — сказала Варя.

— Кто?!

— Одии из иачальииков.

— Назови мие его, назови!

— Не горячись, потому что формальио к иему ие придерешься. Перевод предполагается в иитересах службы и даже с повышеиием.

Новость эта сразила Вадима. Мысли в голове вертелись лихорадочио. Что делать? Как отвести иадвигающуюся беду — ведь оба оии в погоиах, оба служат, и иеизвестио, куда пошлют их завтра.

— Выходи за меия замуж... — сказал Вадим. Ои выговорил эти слова как-то иеожидаиио для себя, оии сами слетели с губ.

Девушка повела взглядом карих глаз — строго, испытующе.

— Для того, чтобы меия оставили в полку?

— Нет, что ты! — Малейший намек иа иеискреиность больио раиил Вадима.

— Выйти замуж... — Оиа улыбиулась задумчиво.

Ои только вздохиул.

— Семейиая жизиь до сих пор казалась мие чемто далеким, потустороииим. Когда мама в письмах

нитересовалась насчет моего возможного замужества, я только смеялась.

— А я, откровенно тебе скажу, был твердо уверен, что до тридцати лет и не подумаю жениться.

XV

По воскресеньям на городском рынке собиралась толкучка, где можно было купить решительно все, если хорошенько поискать, — от самодельной зажигалки до кимоно с плеча восточного императора. В первые послевоенные годы ни один уважающий себя город не обходился без толкучки, а тем более такой, как этот, стоявший на перекрестке дорог, куда приезжало и откуда уезжало множество разного люда, где было всегда тесно и шумно. Полки промтоварных магазинов пустовали, толкучка, несмотря на все притеснения горсовета, процветала.

Моложенам нужны были туфли. В Варином чемодане нашлось несколько платьев, сшитых еще в школьные годы, изящный легкий костюмчик нашелся, который с двумя разными вставочками на груди можно было носить и так и этак, а вот туфель не было. Не обувать же сапожки. Они хоть и на полувысоких каблуках, но под штатское платье не годятся, не то.

Послезавтра — свадьба, на которую приглашена вся эскадрилья. Срочно нужны туфли.

Варя с презрением отворачивалась от пестро украшенных туфель кустарного производства. Иной товар иравился, да не подходил по цене. После свадебных приготовлений оставалось у них денег ровно три тысячи.

Второй час блукали они в рыночной толпе, как в густом лесу. На свой вкус Вадим давно бы уже купил те туфли. Несколько раз он принимался расхваливать товар вместе с продавцом, но Варя, сердясь, отходила прочь. Вадим послушно следовал за нею, впервые испытывая на себе действие женского каприза. Давит, как перегрузка на глубоком вираже. Однако надо терпеть и беречь покой жены — она

такая нервная стала в последние дни, что просто невозможно.

Мимо Вадима, сквозь толпу Варя устремила острый взгляд горлицы. Что-то увидела. Перед нею расступались, когда она пошла туда.

Посиневший от холода старик держал в заскорузлых руках нечто нездешнее, небазарное. На первый взгляд — простая «лодочка», но во что она превратилась на Вариной ножке! Ничего подобного Вадиму не приходилось видеть.

— Сколько? — спросил он.

— Две семьсот, — прохрипел старик. И пожал при этом плечами: приходится, дескать, отдавать товар за бесценок, ничего не поделаешь.

Вадим выхватил из кармана деньги. Но старик почему-то не спешил отдавать Варе вторую туфлю.

— Две семьсот — деньгами и кило масла, — уточнил он цену.

Где тут взять кило масла? В городе его ни за какие деньги не купишь. Вадим решил, что лучше увеличить сумму.

— Отдавайте за три тыщи.

Старик покачал головой:

— Что теперь деньги? Вода! А почему вы не хотите прибавить кило масла? Военным же дают на паек.

— Но мы ведь не носим его в карманах, — резонно заметил Вадим.

Варе туфли понравились. В то время как продавец не выпускал из рук второй башмачок, она столь же прочно завладела первым.

— Поедем к нам, дома мы найдем килограмм масла, — предложила она.

— А где вы живете? — спросил старик.

— Не очень далеко, — ответила Варя.

Вадим взял ее за локоть, хотел предупредить о чем-то, но она высвободила руку.

— Как мы поедем, у вас есть машина? — поинтересовался старик. Наконец-то он отдал Варе и вторую туфельку. Теперь ему ничего не оставалось, как идти за ними.

— Машина? — переспросила Варя. — Здесь уйма попутных машин, каждые пять минут идут.

Сизый нос старика повис над губами. Трястись на попутной машине ему, видно, не очень хотелось, но надо было соглашаться на все — туфли, уже завернутые в газету, были в руках этой решительной девушки-лейтенанта.

Попалась военная машина. Варя села в шоферскую кабину, старик с Вадимом — в кузов. Солдат-шофер погнал с ветерком, наверное, Варя объяснила ему ситуацию. Вадим должен был поминутно отвечать на вопросы своего спутника: далеко ли осталось ехать? Развлекал его, как мог. Начал про авиацию рассказывать, но старик плохо слушал, с опаской глядел по сторонам. А машина мчалась полем, потом въехала в лес...

От большого куска сливочного масла, хранимого между рамами окна, старику отрезали примерно килограмм. Вадим устроил старика на попутную машину, отправлявшуюся в город, и помахал ему рукой. Обе стороны остались довольны.

Двери были заперты на крючок. Полдня шла примерка нарядов. В сочетании с туфлями Варины платьица выглядели совсем по-иному.

Крохотную комнату в финском домике молодоженам выделили сразу же, как только они объявили о браке, — ведь оба офицеры. В той комнате стояли железная кровать, две тумбочки и шкаф, взятые из казарменного фонда. Вадим, умевший плотничать, сколотил длинный ящик, покрыл его двумя полушубками мехом наружу, и получилась неплохая тахта.

Жить можно. Есть крыша над головой, стены, имеется дверь, которую можно закрыть изнутри на крючок — последняя деталь играет в жизни молодоженов роль весьма важную.

Иногда, вежливо постучавшись, захаживали гости — друзья-летчики, кто-нибудь из начальства. Некоторым было просто интересно взглянуть на семейную жизнь: какая она вблизи?

Тихий, несмелый стук раздался поздним вечером, когда добрым людям уже спать полагается. Вошел

Петрович, механик Вадима. Он поставил перед собой некую конструкцию, опираясь на нее, как на трибуну.

— Книжная... полка... — Петрович произносил слова раздельно, с большими интервалами. — Может... пригодиться.

С помощью этажерки Петровичу удавалось кое-как сохранять равновесие. Глаза его смотрели осоловело.

«Пьян технарь», — подумал Вадим. Пришлось ему одеваться и провожать механика на аэродром, а там — разувать и укладывать в постель.

— Не бросать же его на улице. Замерзнет, — оправдывался Вадим, когда вернулся.

— Правильно, правильно, — отозвалась Варя сквозь дремоту. — Нетребовательный командир со временем становится нянькой.

Отгуляли свадьбу, памятную для всей эскадрильи и для всего полка. А вскоре пришел приказ о Вариной демобилизации.

Подписывая обходной лист, инженер полка долго кряхтел над ним, вернул его Варе со словами:

— Вот, пожалуйста, за вами ничего больше не числится.

Пошел было по своим делам. Вдруг остановился и, подняв кверху палец, многозначительно добавил:

— Вы были в строю большим человеком!

Варя улыбнулась, не придав его полушутливой фразе особого значения. А придя домой, вспомнила. И сделалось ей грустно. Конечно, не всю жизнь служить женщине в армии. Война давно кончилась, девчата увольняются. Но как забыть Варе свой Редут, как забыть время, когда она распоряжалась в подразделении и ее приказания исполнялись беспрекословно, как забыть минуты напряженного вдохновения за радиолокационным экраном?

Несколько дней спустя на Редуте что-то случилось. Прислали за Варей. И она помчалась, бросив какое-то свое шитье и кипящие кастрюли. Весь день проработала там. Вадим, вернувшись с аэродрома, поехал за нею. Она сидела в операторском железном кресле, усталая, с засученными рукавами, счастливо улыбающаяся.

— Я говорила, что все дело в отметчике, и точно! — воскликнула Варя. Сунула кому-то в руки отвертку и паяльник — больше не нужны.

Редутовцы по-прежнему называли Варю «товарищ лейтенант».

Назад шли пешком. Варе захотелось прогуляться по знакомой тропинке. Дул холодный ветер, срывался снежок.

Гонялись друг за другом по-ребячьи, хохотали и визжали. Не заметили, как прошли восемь километров. А дома Варя загрустила. На вопросы Вадима не хотела отвечать. И вдруг расплакалась.

— Не смогу я так, Вадим. Засохну, погибну...— говорила она сквозь слезы. — Остаться на положении только жены, превратиться в гарнизонную обывательницу... Не могу!

— Варюша, успокойся... — Он целовал ее, глотая соленые слезинки. — Не навсегда же запихнули сюда наш гвардейский полк. Переведут куда-нибудь, и даю тебе слово: будешь учиться.

— А если навсегда оставят здесь? — возразила Варя.

— Быть не может.

— Все может быть, Вадим. Время идет, а мы будем жить с тобой пустыми надеждами и мечтами.

Вадим вышел за дверь покурить. Когда вернулся, Варя уже не плакала. Оживленное, сосредоточенное выражение лица свидетельствовало о ее напряженных размышлениях.

— Тут не запад и не фронт, где полк перебрасывали каждый месяц на новое место, — продолжала она тот же разговор. — На Востоке все выглядит стабильно: где посадили, там и будем сидеть годами.

Вадим задумался.

— Перевестись куда, что ли?

— Хотя бы в братский полк, который стоит под самым городом, — подсказала Варя, ухватившись за его мысль. — Я бы могла учиться в медицинском.

— Эврика, Варюха!

Они бросились друг другу в объятия. Но тут же Вадим и остыл. Уходить из родного гвардейского,

в котором получил боевое крещение, где живешь как дома, среди друзей... Как уйти, если это даже ради благородной цели? Теперь уже Варвара стала его уговаривать. Ничего предосудительного нет; летный состав уже и так изрядно перетасовали: гвардейцев туда перевели, дальневосточников сюда. Полк другой, но дивизия та же. Подумаешь, расстояние в тридцать километров. Увидит Вадим своего Булгакова, как только ему захочется.

— Надо бы в институт заехать, поинтересоваться, примут ли... — сказал Вадим.

— Меня примут ли? — Варя вскочила с тахты. — Аттестат отличницы, участница Отечественной войны! Меня должны принять без экзаменов.

Назавтра Вадим подал рапорт. Просьбу лейтенанта Зосимова удовлетворили. Булгаков, когда узнал, повторил известную среди холостяков шутку о том, что, дескать, жил-был человек и вдруг... женился.

XVI

На вокзале в Москве встретились двое: один в новеньком обмундировании, в звании младшего лейтенанта, другой — в офицерской шинели без погон.

— Кого я вижу?!

— Привет, привет.

— Розинский, ты?

— Ну, я. Давай петушка, и я пошел, а то на поезд опоздаю.

Младший лейтенант сообщил, что он только вот теперь окончил летную школу. Просидел в ней в общей сложности пять лет: не везло их группе — и все. С издевкой, смеясь над самим собой, он говорил:

— Такого ценного человека, как я, берегли в тылу и к фронту ближе, чем на тысячу километров, не подпускали.

Костя слушал его невнимательно. Он подхватил увесистый чемодан.

— Извини: тороплюсь на поезд.

— Да подожди минуту, — удержал его за руку

младший лейтенант. — Ты почему без погон? Уволился, что ли?

— Ага. Надоело все до чертиков... — Костя пустил сквозь зубы тоненький плевок.

— Как же ты живешь, Розинский? Где работаешь?

— Работаю в одном важном учреждении.

— Кем?

— Старшим подметалой.

С этими словами Костя зашагал прочь со своим чемоданом, оторвавшись, наконец, от младшего лейтенанта. В другом зале он поискал свободное местечко на деревянном диване и присел. Спешить-то ему было некуда, еще и билета нет в кармане, и делать нечего...

Когда его сразу после войны демобилизовали, он попал в какой-то водоворот, в какое-то паводковое течение событий, и понесло его как щепку.

В поезде он встретил молодую женщину с трехлетней девочкой на руках. Женщину звали Мариной, ее дочурку — Лариской. Обе они Косте понравились. Он не доехал до Минска, куда направлялся после демобилизации, а сошел вместе с ними за семьдесят километров раньше, в Борисове, так как в дороге было принято решение пожениться.

Полуподвальная комнатка, снятая в одном частном доме, уцелевшем на окраине разрушенного городка, показалась Косте прекрасной квартирой. А что он до этого видел, где жил? В казармах да в землянках. Выходное пособие, полученное при увольнении, — в сущности, весьма небольшие деньги по тогдашним временам и ценам — придавало ему уверенности. Не было того дня, чтобы он не завернул на толкучку и не купил своим какого-нибудь подарка. Отвалил тысячу рублей за туфли для Марины. Увидел у одного моряка дальнего плавания дамские золоченые часики — тоже купил. Те часики скоро остановились, потому что оказались бескаменной штамповкой, какую в изобилии производили заграничные фирмы.

Костя рассчитывал так: отдохнет месяц-другой после службы, побудет немного с семьей, а потом

устроится в гражданскую авиацию — летчика всегда возьмут.

Так он рассчитывал, да промахнулся...

В длинной очереди пилотов к окошечку отдела кадров выстаивали бывшие бомбардировщики и летчики военно-транспортной авиации с пухлыми летными книжками под мышками — тысячи часов налета, миллионы воздушных километров! Истребителям приходилось туговато. А как только выяснялось, по какой причине младший лейтенант демобилизован, с ним и разговаривать не желали. Ездил в Москву, в Главное управление ГВФ — ничего не добился, делал попытки напрямую в аэропортах разных городов, больших и маленьких, — безрезультатно...

Случайная встреча с выпускником летной школы разбередила старую боль души. Поехал тот свеженький лейтенантик в Н-скую часть, перед ним только раскрывается прекрасная жизнь. А у Розинского, его одногодка, все уже позади.

Вот только разве это... Может быть, единственная надежда, может быть, последняя, но именно она позвала в далекий путь. Костя достал из нагрудного кармана сложенный конвертиком листок бумаги, а из него вынул обрывок старой газеты. Еще и еще, в который уж раз, перечитывал он объявление, напечатанное в той газете:

«Карагандинскому подразделению Гражданского воздушного флота требуются на постоянную работу пилоты, техники, механики. С предложениями обращаться в аэропорт г. Караганды».

Что за газета, как она называется — неизвестно, потому что в руки Косте попал только этот обрывок нижней части страницы. Видимо, тамошняя областная газета. А попала она Косте так. Пошел он однажды на базар купить табачку-самосаду. Выбрал по вкусу: душистый, средней крепости. Смуглый, узкоглазый продавец свернул кулек из газеты и всыпал туда три стакана табаку. Потом Костя стоял в очереди за пшеном и от нечего делать читал заметки на своем кульке. Вдруг попалось ему на глаза это объявление. Оно поразило в самое сердце, и оно же окрылило его. Костя бросился к торговцу, но уже

не нашел его в табачном ряду: видать, распродал и ушел. Да черт с ним, в газете ясно написано: требуются пилоты.

Подобных объявлений Костя никогда не встречал и теперь чувствовал себя, как старатель, отыскавший самородок золота. Там, в далекой Караганде, лежит Костино счастье. Ничего не уточняя, не наводя никаких справок, дабы не спугнуть свое счастье, он решил ехать в Караганду немедленно. Но как, где взять столько денег? Он мог бы при содействии преданной жены наскрести небольшую сумму на дорогу только туда. А обратно? А там пожить несколько дней, пока устроится? И тогда вспомнил Костя о деловом предложении одного дружка: свезти чайку в Среднюю Азию, там выгодно продать. Разыскал приятеля. Тот уже побывал в Средней Азии дважды, как раз в самой Караганде, привез денег. Теперь он не только все рассказал Косте, но и помог достать под залог «товар», дал адрес карагандинского оптового спекулянта по фамилии Тзибеков.

Костя ни за что бы не согласился на эту авантюру с чаем, если бы не объявление в газете. Ему нужно было попасть в Караганду во что бы то ни стало. Билета у него еще не было, и неизвестно, как его достать. Над кассами сплошь таблички: «Для депутатов», «Для офицеров», «Для командированных» — а Костя не представлял собой ни то, ни другое, ни третье. Если бы узнали, что у него в чемодане, что он попутно везет в Караганду...

Сдав чемодан в камеру хранения, Костя стал бродить по многим, переполненным пассажирами залам вокзала и нашел того, кто ему был нужен. Перед ним стоял мужчина с цепким взглядом, с явными следами вчерашней выпивки на лице.

— Ты мне даешь два рубля, и я тебя сажаю с билетом, — мужчина выставил два пальца перед своим носом. — Потом ты даешь мне еще рубль.

«Два рубля» на диалекте железнодорожных дельцов означало двести рублей, а еще «рубль» — дополнительно сотню.

— Ладно, — согласился Костя. — Только чтобы все чисто.

Мужчина развел руками: дескать, о чем может быть разговор.

Взят чемодан из камеры хранения, в кармане появился старый, использованный билет с многими компостерами. Перед посадкой в поезд Костя выпил сто пятьдесят граммов водки, поскольку операция началась и он имел право на «служебиую».

Тот прощелыга вокзальный действительио посадил его в поезд, коротко переговорив с проводииком. Костя суиул ему еще сотеиную, и оии расстались. Когда поезд тронулся, проводник подошел к Косте и сказал:

— С таким билетом, друг, далеко ие уедешь.

— Я же оплатил его! — возмутился Костя, иамекая иа «три» рубля.

— Не знаю, не знаю. Лично мие ничего не досталось.

— Гад ползучий! — выругался Костя по адресу своего провожатого. — Ои же говорил, что делит выручку с тобой пополам.

— Ничего он мне не давал. — Проводник отвел глаза в сторону. — Подкинь хотя бы рупь, и поедешь тогда спокойно.

Вздохиув, Костя достал сотеиную из внутрениего кармана. Предпоследнюю.

Ночью проводник разбудил Костю, спавшего иа третьей, багажиой полке.

— Ревизор. Незнакомый попался. Ты, друг, побудь в туалете, пока мы с ним пройдем. Я тебя запру, а потом выпущу.

Мииут пятиадцать пришлось сидеть взаперти. В тамбуре слышались голоса, кто-то пробовал плечом, заперта ли дверь туалета.

Проиесло.

Чемодан свой Костя все время держал под наблюдеиием. А однажды ушел в тамбур курить и разговорился там с симпатичиыми ребятами. Когда вернулся, увидел, что его чемодан поставлеи на попа, другой иа иего плашмя, и режутся на нем в

карты. Замки моглн открыться, и тогда... Костя подошел к играющим. Сказал помягче:

— Ребята, возьмите какой-нибудь другой чемодан, а мой мие сейчас нужен.

— Подождешь! — нагловато возразил одии нз игроков, не отрывая взгляда от веера своих карт.

Костя решительно потяиул чемодаи. Игрок заорал на него:

— Ты чего тут пришел игру ломать?!

Не слушая его, Костя быстро спровадил чемодаи иа верхиюю полку, чувствуя, какой от иего идет душистый запах.

Сварливый игрок, по внешнему вндү — демобилнзоваииый солдат, явно лез на скандал.

— Видалн мы таких куркулей: чемодаичик его ие моги троиуть, местечко его не займи, — ворчал он на Костю.

— Бери свой чемодаи и делай что хочешь, — ответнл Костя спокойно, ио твердо.

— Шугаиуть бы тебя отсюда...

— Смотри, как бы я тебя ие шуганул.

— Да кто ты такой? Ты в армин был офицером, да? Ты там приказывал, да? Видали мы...

— Ни хреиа ты не видал! — жестко проговорил Костя. Ои посмотрел на толстолицего игрока расчетливыми и бесстрашиыми глазамн боксера: куда бы его двиинуть — в скулу нлн в переиосицу? Наверное, пареиь почувствовал это и сразу утихомирился.

— Ни хрена ты ие видал, — повторил Костя. — И плохо тебя училн. Поиял?

Ответа ие последовало иикакого.

Костя подтяиулся иа руках, легко забросив свое небольшое, сильное тело иа багажиую полку. От чемодаиа пахло чаем.

Пересадка в Петропавловске иа карагаидинский поезд представляла собой испытаиие, какое выдерживала лишь меиьшая часть пассажиров. Костя влез в вагои и чемодаи втащил. Последние сутки ие было у него росиикн во рту, но и к такому Косте ие привыкать.

Караганда встретила его двадцатнградусиым мо-

розом. Домики-мазанки Старого города кое-где кренились, как утлые суденышки на волне. В этих местах, говорят, проседала почва над заброшенными угольными выработками. Поодаль маячил высокими, красивыми зданиями Новый город. Тот построен в течение нескольких лет, по единому плану, там нет кривых улочек и малорослых окраинных домиков. А в Старом городе можно найти все, что угодно. Важнейшим фактором жизни Старого города является базар, большой базар.

Костю зовет Новый город, зовет аэропорт, но прежде, чем туда ехать, надо же избавиться от «товара», пока не попался. Надо иметь выдержку в таком деле.

Казахский парнишка, которому Костя отсыпал табачку на несколько закруток, помог довезти на санках чемодан. Адрес известен. Три месяца назад здесь побывал Костин друг. Кособокая мазанка смотрела на Костю подслеповатыми оконцами. У столба был привязан оседланный жеребец — красивый, буланой масти, с серебрившейся от инея гривой. На таком коньке мог прискакать из степей какой-нибудь лихой джигит. Это Костю встревожило, но что было делать с чемоданом, если уж он здесь? Надо стучаться в дверь.

— Тзибеков дома? — спросил Костя, когда в окошке показалась закутанная в белый платок по самые глаза женщина.

Та быстро и обрадованно закивала головой:

— Дома, дома, дома...

Вышел Тзибеков — старый, изможденный казах. Внесли Костин чемодан.

В задней глухой комнатке, в которой не было никакой мебели, хозяева и гость уселись на полу. Они говорили между собой по-казахски. Костя, не понимавший ни слова, вынужден был молчать. Он открыл чемодан, показал товар. Это был чай, упакованный в самодельные пачки — по двести граммов. Появилась пиала с кипятком. Тзибеков бросил в нее щепотку чая, взболтал, завороженно наблюдая, как тут же начал окрашиваться кипяток. Попробовал, чмокнул языком.

— Индыйский?
— Индийский, высший сорт.
— Сколко будэт?
— Тысяча рублей за килограмм.

Хозяева быстро заговорили по-казахски, заспорили. Внезапно примолкли. Тзибеков покачал головой:

— Тисча нэ будэт.

Костиному другу они охотно платили по тысяче рублей за килограмм чая. Может быть, нынче упала базарная цена. Тзибеков по рекомендации того же дружка — честный спекулянт: не дает тысячу за кило, значит не может, невыгодно.

Они молчали. Тзибеков царапал грудь заскорузлой рукой. Ватная стеганка его была надета на голое тело.

— Восемьсот пойдет? — спросил Костя после некоторой выдержки.

— Пойдэт, пойдэт!!!

И сейчас же по какому-то тайному знаку Тзибекова набежали соседи, зашелестели отсчитываемые деньги. Около чемодана толкались, гортанно переругивались — все равно что воронье около добычи. Костя стоял на коленях, совал за пазуху пачки денег, не считая, лишь чувствуя их бумажный хруст.

С помощью соседей Тзибеков смог сколотить только половину суммы. Остальное обещал к вечеру, когда продадут некоторую часть товара.

Было около десяти утра. Теперь Костя пойдет на свиданье, ради которого приехал издалека. Он пошел в Новый город. Разыскал ресторан, позавтракал весьма капитально, чтобы уже не возвращаться к этому вопросу до вечера. Потом он сел в автобус и поехал в местный аэропорт. Куда бы Костю ни занесло во время его бродяжничества после демобилизации, он всякий раз бывал в аэропортах, спрашивая летной работы. Тщетно. На этот раз он ехал с обрывком газеты в кармане, как с мандатом.

Здешний аэропорт представлял собой расчищенную от снега небольшую площадку, на краю которой покачивалась на мачте «колбаса» — полосатый конус, туго надутый ветром. Зачехленный, без вин-

тов, старый-престарый ЛИ-2 да четыре «кукурузника» — вся карагандинская авиация.

В грязноватом зальчике ожидания томилось несколько пассажиров. Вошел погреться с мороза человек в пилотской куртке и в унтах. Костя заговорил с ним.

— На летиую работу? — переспросил аэрофлотовец. — Если ты летчик, то разве не знаешь, что на летную работу направляет только Москва?

— Да знаю... — протянул иевесело Костя. — Не раз выстаивал в очередях безработных летунов там, на площади Ногина.

— Во-во, на площади Ногина отдел кадров ГВФ. И если знаешь, зачем тогда спрашиваешь?

— Да так...

— Лишь бы людей от дела отрывать?

— Я вижу, ты совсем заработался. — Костя вышел за дверь, думая о том, что нашелся на свете столь иеобщительный тип: ты к нему с добрым словом, а он огрызается как собака.

Не придавая особого значения словам ворчуна-аэрофлотовца, может быть, совсем и не летчика, несмотря на его унты, Костя пошел разыскивать командира подразделения. Нашел его на заснеженном летном поле. То был пожилой человек с обветренным, морщинистым лицом. Заслышав вопрос насчет летной работы, он пожал плечами:

— Ничем не могу помочь. Вакантных мест у нас нету.

Костя оторопело смотрел на него.

— Но позвольте! Вот же ваше объявление!.. — Был разорван и брошен иа снег бумажный конвертик. Обрывок газеты суиут ему под самый нос.

— Верно, наше объявление, — сказал командир подразделения, пробежав глазами по строчкам. — Но вы посмотрите, за какое число и за какой год газета.

— А где там дата? — опешил Костя. — Я прочитал все от строчки до строчки и никакой даты не нашел.

— Тьфу!.. Стоило только лишь перевернуть страницу наоборот. Вот видите внизу: под чертой мел-

ким шрифтом название газеты и дата — 20 марта 1943 года.

Костя нехотя взглянул.

— Да, в сорок третьем мы только начинали развертываться. Летных кадров не было. Мы готовы были любого планериста на самолет сажать. Даже объявление в газете дали. А сейчас подвалило столько демобилизованных летчиков-фронтовиков, что отбою нет...

Не слушая его больше, Костя ругнулся в три этажа. Все рухнуло. Обозленный до крайности, он решил плевать отныне на все, спекулировать чаем, обманывать судьбу-индейку, как она его все время обманывала.

Обратным рейсом того же автобуса Костя вернулся в Старый город.

Прошел «бреющим» по рынку, не задерживаясь, стараясь не обращать на себя внимания. Видел в толпе многочисленных родственников и соседей Тзибекова, опознавая их по самодельным пачкам чая. Товар, кажется, пользовался спросом.

«Торгуйте, торгуйте, братцы», — ухмыльнулся про себя Костя.

На вокзале он разговорился с девушкой из справочного бюро. Рассказал ей байку:

— Иду, значит, с работы, а по тротуару лягушка прыгает, и говорит она человеческим голосом: «Возьми меня с собой». Взял, принес домой. Она опять: «Брось меня в свою постель». Ну, бросил. Лягушка обернулась прекрасной девушкой. Ну, и что же дальше? Вдруг приходит с работы жена. Я ей — про лягушку, а она не верит...

Девушка из справочного весело хохотала. Костя осторожно просунул в окошко сторублевую бумажку. Ее ручка ловко смахнула купюру, чтобы не мешала разговаривать. Через подругу из кассы она устроила симпатичному парню плацкартный билет до Петропавловска. Роскошь, на которую Костя не смел даже надеяться.

К вечеру Тзибеков рассчитался. Помог купить мешок муки, упаковать ее. Чемодан сделался страш-

но тяжелым. Костя был похож на муравья, подхватившего непосильный груз.

И отправился Константин в обратный путь. Имея верхнее плацкартное место, он не воспользовался им до глубокой ночи. Когда в вагоне все уснули, пошел в туалет и надолго закрылся там. Надо было «утрясти» деньжки, опасно носить все время за пазухой. Сложив купюры в стопки, он засунул их во внутренние карманы брюк, пришитые специально.

Теперь можно было ехать дальше. И поспать можно — на правом боку, не вынимая левую руку из кармана.

До Москвы Константин доехал без приключений. На площади Ногина выстоял длинную очередь. Летную книжку он всегда возил с собой. Кадровик полистал его книжку и вернул:

— Небольшой у вас налетик, скажем прямо. К тому же вы истребитель. А нам больше подходит летный состав из военно-транспортной и бомбардировочной авиации.

Смешно, ей-богу! Каждый раз Константину объявляют все новые причины, по которым его не могут взять на летную работу.

С огорчения на вокзале Костя в буфете выпил сто пятьдесят. Задумался о своей судьбе, о небольшом белорусском городке Борисове, — там ждали его жена с дочерью в полуподвальной сырой комнатке, снятой у добрых, таких же бедных людей. Отправляясь в эту далекую и опасную дорогу, он рисковал ради них. Уходил, как на задание, не зная, вернется ли. В тюрьму можно было угодить в два счета.

Скоро полгода, как демобилизовался. До сих пор не работает. Жениться, правда, успел. Жену взял с трехлетней дочкой — обе они прелестные существа, да вот устроить их жизнь по-человечески никак не удается. Когда собирался в путь-дорогу, жена не пускала. Плакала, умоляла бросить все и устраиваться на работу. Если бы Константина взяли на летную работу, если бы ему дали летать... На чем-нибудь, на самом дряхлом «аэроплане», но летать! А больше ничего он не умеет и не хочет.

На вечерний поезд Костя билет не достал, хотя применил все свои испытанные методы. Не попадался нужный человек, который мог бы стать связующим звеном между билетной кассой и незаконным пассажиром. Оставаться почти на сутки в Москве, когда дом так близко, не хотелось. Костя выволок свой тяжело-каменный чемодан на перрон и стал ждать: авось представится какой-нибудь случай. Стоял он в самом конце платформы, где вслед за паровозом и ближним вагоном следовали общие вагоны — первый, второй, третий... Сунулся было к проводнику-девушке, мигая глазами, как светофорами, — не прошел номер. Другой проводник, седоусый старичок, пригрозил комендатурой и милицией. До отправления две минуты, проводники уже встали на дверях.

В последний момент Костя поставил чемодан на ступеньки, где дверь не открывалась. Никто не заметил. Поезд тронулся. Костя встал на подножку, прижав грудью и животом чемодан, уцепившись обеими руками за поручни. Второй от головы поезда вагон быстро миновал платформу, нырнул в темноту. Поехали! Прощевай, столица...

Но как поехали? До Можайска поезд шел без остановок, пришлось Косте часа полтора висеть на подножке и держать чемодан. Выручили пилотские меховые перчатки — краги, оставшиеся в память о летной службе, — без них руки наверняка бы отморозил и свалился где-нибудь на повороте, когда центробежная сила отрывает тело от вагона.

В Можайске Костя купил билет. Как только он стал пассажиром с билетом, та же самая девушка-проводник, что не вняла его многообещающим подмигиваниям раньше, теперь проявила о нем трогательную заботу.

Забравшись на багажную полку, Костя накрылся шинелью с головой и часто дышал, чтобы согреться. Только теперь он осознал, каким неоправданным риском была поездка на подножке. Зато уже завтра он будет дома. Жене и дочурке везет подарки. Че-

тыре пуда муки везет — в такое голодное время, как нынче, она на вес золота.

Деньги надо растянуть хотя бы на несколько месяцев. А тем временем искать работу. Писать во все концы. В любое место, хоть к черту на кулички готов Константин поехать, если улыбнется ему, пилоту, голубое небушко.

XVII

«Секрета атомной бомбы для нас больше не существует! Советский Союз располагает ядерным оружием!..» Слова эти, прозвучавшие с высокой и далекой трибуны международной организации, эхом облетели земной шар. Шелест их невидимых крыльев пронесся и над таежным аэродромом.

Было много суждений по этому поводу. Занятия по аэродинамике, по существу, были сорваны — до формул ли летчикам, когда такое на белом свете творится? Майор Богданов не настаивал на том, чтобы занятия продолжались. Все ждали, что он скажет, и он свое мнение высказал.

— Это поворот на сто восемьдесят во всей политике, братья истребители. Теперь по-иному будут складываться судьбы всего мира, уверяю вас. Ведь американцы были до последнего времени монополистами атомной бомбы. Ударили по Хиросиме... Думаете, Хиросима — важный стратегический объект? Ничего подобного! Деревянный городок, понимаешь, да рыболовецкая пристань... Американцы сбросили атомную бомбу, чтобы постращать ею весь мир и в первую очередь нашу Россию. Тюкнули одну бомбочку — и города как не бывало. Захотим, дескать, любую страну сметем с лица земли, все в наших руках... И вдруг мы заявляем, что и Советский Союз ту же атомную бомбу имеет. Это в корне меняет положение. Монополия развеялась как дым. С Россией надо считаться.

Последняя фраза Богданова летчикам особенно пришлась по душе. Мысль подхватили, толковали всяк на свой лад, но звучала она гордо.

— Россия — это Россия, с нею всегда считались.

— Россия всю войну вынесла на своих плечах и разбила фашизм. Увидели, что Гитлеру капут, тогда только и зашевелились на Западе со вторым фронтом.

— Еще вопрос, где раньше атомную бомбу создали: в США или в России? Наши ученые тоже не спали.

И тут говор стих. Задумались братья истребители: *она* могла быть у нас раньше, и об этом люди могли совершенно не знать, потому что Россия никогда не решилась бы грохнуть вот так по какому-нибудь, даже вражескому городу.

Милая Россия, героическая Россия, благородная Россия.

Об атомном ударе по японскому городу Хиросиме доходили только слухи — негромкие и разноречивые, как сейсмические волны, ослабленные огромным расстоянием до мелкого, едва заметного колебания. Никто не представлял себе всей картины и всей трагедии, охватившей далекий город с девичьим именем — Хиросима.

Если взрыв, эквивалентный силе многих тысяч тонн тротила, разрушил сразу весь город, то на том месте должна зиять огромная воронка и больше ничего... Говорят же, что бомба взорвалась над городом на какой-то высоте, вертикальная ударная волна оголила под собой купол одного монументального здания, обрушила его перекрытия, сохранив при этом остов стен, — раздела до скелета и оставила стоять. Еще толкуют, что будто бы на какой-то скале взрывом высекло и выжгло тени бегущих людей. Тень ужаса перед атомной смертью, независимая ни от каких светил тень запечатлелась на века.

В одно зловещее утро над Хиросимой появился американский самолет — всего один самолет. Он летел, а город, ослепленный солнечными лучами, смотрел на него без особых подозрений. В следующий миг Хиросима погибла...

Со временем люди узнали имя летчика: Изерли. Какое-то редкостное имя, созвучное со словом «изверг».

— Как ему жить после этого? С ума сойти!.. —

говорили на таежном аэродроме, услышав имя майора Изерли.

Летчики были не в силах понять *того* летчика. Тогда они не знали, что Изерли, преследуемый призраком своего невиданного преступления, несколько лет спустя действительно потеряет рассудок. А те, кто послал его в полет с атомной бомбой, будут жить преспокойно.

Тихой, мирной жизни, видно, не будет на земле никогда. Не так давно праздновали победу над фашизмом, думали, что если не стало фашистской Германии, то с нею исчезла навечно военная опасность. Квантунскую армию японцев разгромили в один месяц. Это был сильный и очень агрессивный противник. Он представлял большую опасность для многих армий и государств, но не мог сдержать натиска русских дивизий, вооруженных боевым опытом, умудренных полководческой мыслью, прославленных беззаветной храбростью.

В первое время мирной, немного сонной жизни показалось, что с профессией летчика-истребителя за душой и делать-то больше нечего. А вот поди ж ты! Старый, лысый, прокопченный насквозь сигарным дымом, проспиртованный англичанин прокаркал с трибуны слова, которые опять взбудоражили военные страсти.

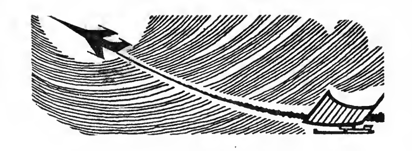
Плеснули масла в тлевший, потерявший силу костер те, кто участвовал в одной коалиции. Как говорится на авиационном языке про таких, «друзья до первого разворота».

Нет, не жди покоя на этом свете...

Гвардейский истребительный авиаполк противовоздушной обороны получал новую материальную часть — самолеты Яковлева, новейшей по тем временам конструкции. На таких машинах, с большим радиусом действия и большой огневой мощью, можно перехватить противника за пределами своей территории, где-нибудь над океаном и там уничтожить...

ПОВЕСТЬ ТРЕТЬЯ

Еще один из племени одержимых



I

С годами летная служба приобретает характер течения бурного, обгоняющего реку времени. Возрастающие реактивные скорости, неизбежные перегрузки диктуют весь уклад и режим жизни летчиков. Предварительная подготовка, дневные полеты, ночные полеты, боевое дежурство... Календарь со своими черными и красными числами теряет первоначальную силу — все подчинено графику.

И так — год за годом, год за годом...

Свою юношескую клятву — всегда летать вместе — Валентин Булгаков и Вадим Зосимов давно бы нарушили, ибо служба армейская не очень-то считается с личными пожеланиями. Но весной 1952 года случилось так, что их обоих вызвали в отдел кадров и предложили ехать в еще более отдаленную местность. Оба согласились, обрадовавшись не только выдвиженню, но и приоткрывшейся где-то впереди перспективе: после нескольких лет службы в отдаленной местности полагался перевод на запад.

Так друзья очутились в Н-ской истребительной авиачасти ПВО, охранявшей дальние рубежи страны.

Еще раньше сюда же получил назначение и подполковник Яков Филиппович Богданов. Приехало и несколько старых полковых «технарей», в том числе Игорь Жуко́в.

В эти годы уже хорошо прижились реактивные истребители и бомбардировщики. О поршневых машинах стали забывать, словно их и не было. А ведь исчезновение воздушного винта на самолете и появление на его месте зияющей дырки — сопла представляло первую крупную революцию в авиации. Несколько лет спустя Военно-Воздушные Силы потрясет вторая крупная революция — переход на сверхзвуковые скорости. Булгакову, Зосимову и даже Богданову, хотя он значительно старше, пожалуй, придется полетать и на сверхзвуковых истребителях, если не случится чего (в воздухе — не на земле-матушке). Но до сверхзвуковых еще далеконько. Пока что над аэродромом, над таежными сопками носятся с посвистом косокрылые истребители с красивым и точным по смыслу названием — МИГ. Взлетно-посадочная полоса, собранная из металлических плит и расставленная на земле, бренчит под колесами быстрых МИГов.

Так вот в стремительных полетах и догорают годы фронтовиков, некоторые выбывают из строя: их заменяют летчики молодые, жадные до новых скоростей и высот...

Из стопки летных книжек, лежавших на столе, Булгаков выбрал одну — книжку того лейтенанта, с которым сегодня вместе поднимался в воздух. В разделе поверки техники пилотирования сделал запись:

«Разрешаю дальнейшую самостоятельную тренировку на самолете МИГ-17 при горизонтальной видимости не менее 4 км и облачности не ниже 200 м.
К-р а.э. к-н Булгаков».

В соответствующей графе поставил дату: «12 сентября 1952 года». И уж в который раз удивился, вздохнул: летят годы. Вот ему уже под тридцать, и этот вот лейтенант, поди, называет его за глаза стариком...

Пущенная по гладкому столу книжка заскользила, как хоккейная шайба. Лейтенант перехватил

ее и долго изучал командирскую запись, розовея от удовольствия: допускают к полетам при такой погоде не всякого.

— Семнадцать ноль-ноль, — сказал комэск, взглянув на часы. — По случаю субботы закругляем.

Говорливой толпой возвращались в гарнизон. Впереди шли командир эскадрильи капитан Булгаков и его зам, капитан Зосимов, в нескольких шагах за ними — остальные летчики.

На синем далеком небе резко выделялась гряда сопок, отороченная рябью снежных вершин и тенистых впадин. Дымил вулкан, как столетний дед, раскуривший трубку. Солнце снижалось; золотисто-белая тучка парашютом клубилась над ним.

— Может быть, махнем завтра на рыбалку? — спросил Булгаков.

Зосимов виновато усмехнулся.

— Я бы с удовольствием, Валентин Алексеевич. Да видишь ли, выпросил в батальоне машину на два рейса — дровишек привезти.

— В воскресенье отдыхать надо, — заметил Булгаков с напускной строгостью.

— А что ты думаешь, Валентин Алексеевич? Хозяйственные заботы — это тоже своеобразный отдых.

— Какой там отдых... — Булгаков махнул рукой. Холостяк семейного человека не понимает. И наоборот...

Около двухэтажного деревянного дома они расстались. Зосимов свернул к подъезду. Булгаков пошел дальше, к общежитию летного состава.

II

Две девчушки встречали Вадима на крылечке дома. Старшая смотрела на него его глазами, будто из зеркала, младшая пучила кругленькие карие глаза своей мамы. Наташе шесть лет, Светочке — два с половиной.

— Мама дома? — спросил он.

— Нету. Ее вызвали, — ответила Наташа.

На Светкином щекастом личике отразилась грусть по этому поводу, она, кажется, приготовилась всхлипнуть.

Варвара работала врачом в гарнизонном лазарете. Работала пока бесплатно в ожидании полставки, которая должна скоро освободиться. Летчики навезли в гарнизон столько жен-врачей, что далеко не каждой удастся устроиться на работу в крохотном местном лазарете. Окончив медицинский институт, Варя успела с годик поработать в хорошей клинике, специализировалась по акушерству, и это послужило ей надежной рекомендацией для здешнего начмеда: подполковник взял ее в лазарет. Дела пошли у молодого врача успешно. Нередко ей приходилось самостоятельно диагносцировать и оперировать — рука у Вари как у хирурга. В крупной больнице ничего подобного ей бы не доверили — там немало светил в белых халатах. Здесь же свобода действий полная. До города двадцать пять километров, не всякий раз повезешь туда беременную женщину. Денег пока Варе не платят, но на работу вызывают даже ночью, если нужно, и она этим гордится.

Оставив на время детей, Вадим забежал домой — умыться, переодеться. Сестрички, привыкшие к самостоятельной жизни, пошли себе гулять вокруг дома. Светка вертелась впереди колобком, часто нагибаясь над какой-нибудь находкой, заглядывая и под встретившийся кустик и за оградку. Наташа степенно шла с прутиком в руке, напевая песенку,— как пастушка. Смотреть за маленькой вошло у нее в привычку детской игрой и святой сестринской обязанностью.

Вадим вышел в старенькой летной куртке, изрядно потертой, и без фуражки. Переломил пополам шоколадку, отдал девочкам. Сам он никогда не ел шоколад, положенный по реактивной норме питания.

— Пора курочек покормить, — сказал Вадим, направляясь к сараю.

Эта процедура девочкам нравилась, особенно

Светке. Она запускала ручонку в мешочек, который держал папа, и щедро рассыпала крупу.

— Тише, тише, а то ты весь корм чужим курам раздашь, — смеялся Вадим.

— Они тоже хотят... — возразила Светка — добрейшая душа.

Здесь, в отдаленной местности, многие семьи военных, особенно те, у которых малые дети, держали кур: яички дорогие, в магазине их нет, да и на базаре их редко встретишь. За домом стояли нестройной шеренгой сарайчики — кто какой слепил, — в них держали кур, хранили всякую домашнюю утварь.

У Вари в хозяйстве было пять курочек и шестой петух. А кормиться сбежалось больше десятка.

— Кыш! — гнал их Вадим. — Не поймешь, где свои, где чужие.

Наташа снисходительно улыбнулась, заметив:

— Мама их знает каждую в лицо.

Вадим рассмеялся, вспугнув кур.

Похозяйничали они, поужинали, а мамы все не было. Пришла Варя, когда дети уже спали, пришла очень усталая, с бледной улыбкой на губах.

— Ой, Вадим, какую тяжелую женщину привезли! — вздохнула она.

— И как?

— Да как... Кесарево сечение пришлось делать.

Вадим помолчал, не зная, что сказать на это. Он понимал, что Варе пришлось выдержать трудное испытание. Он обнял ее.

— Так что вот... — тихо молвила Варя. — Жена твоя провела сегодня акушерскую операцию высшей сложности.

— Женщина жива?

— Теперь жить будет! А висела на волоске.

Они долго шептались, засидевшись за полночь. Дети спали. Вадим затенил их кроватки от света, подвесив на лампочку кусок картона.

Жила семья в одной комнате на втором этаже. На общей кухне хозяйничали три соседки. По здешним условиям — не так уж плохо устроились.

В воскресенье поехали в лес, как только рассвело. Вадим настоял, чтобы и Варя с ним ехала.

— Тебе будет интересно, — сказал он. — А то ты ничего не видишь, кроме лазарета. Тутошних красот не видишь.

Детям был оставлен завтрак на столе.

— Спали бы подольше, мои маленькие, — прошептала Варя.

Когда вышли, машина уже стояла у подъезда. Шофер-солдат сел в кабину. Вадим и Варя, оба в гимнастических брюках, ловко вскочили в кузов.

Дорога петляла по мелколесью, она была слабо накатанной, кое-где заросла густой, высокой травой, иногда ныряла под быструю воду ручья. Никакой пыли за колесами.

— Я очень люблю лес! — кричала Варя.

Вадим понимающе улыбался.

Машина замедлила ход на повороте, и тут дорогу стали перебегать большие птицы.

— Смотри, курочки! — воскликнула Варя.

— Это тетерева, — пояснил Вадим и пожалел, что не взял ружья.

Шофер высунулся в окно по грудь:

— Видали тетеревов, товарищ капитан?

Вадим кивнул.

Потом мощный грузовик, по назначению — аэродромный тягач, карабкался на сопку. Подъем становился все круче, мотор завывал. Уже встречались между деревьями поленницы крупно наколотых березовых дров. Швырок — по-здешнему. Береза в этих местах растет приземистая, кривоствольная, крона у нее вся истрепана штормовыми ветрами. По сравнению с березкой среднерусской полосы, стройной, писаной красавицей, здешняя выглядит сиротинушкой, которую занесло на далекую чужбину. Полюбоваться нечем. Но древесина у нее окаменелоплотная, лучших дров быть не может — горят жарким огнем, что уголь.

Проезжали мимо большой поленницы. Вадим трижды стукнул кулаком по крыше кабины. Шофер понял сигнал, но не остановил машину.

— Будем лезть, пока сама станет, — прокричал

он, выглянув из окна. — Чем выше, тем дрова дешевле.

Медленно продвигались в гору. Варя крепко держалась одной рукой за кабину, другой за Вадима. Оглянувшись, ахнула от изумления: с высоты, на которую они забрались, были видны щетинистые сопки, а за ними — бухта, отливавшая гладью стального листа.

Мотор кашлянул, скорость упала, и тогда шофер резко развернул машину, ставя ее боком по склону. Наступила тишина.

— О-го-го! — закричал шофер.

— О-го-го!!! — крикнули еще разок, все втроем.

На зов приковылял владелец высокогорных дров — тщедушный кореец с трубкой в зубах.

— Здорово, хозяин. Почем швырок? — обратился к нему шофер.

— Триста пятьдесят.

— По такой цене ты его до снега мариновать будешь, тогда уж никто сюда за ним не доберется. Давай за триста.

Кореец показал желтые зубы в улыбке.

— Триста? Давай-давай.

Варя толкнула мужа в бок, показав глазами на шофера: толковый, мол, парень этот солдат, хоть и молодой. Практичные люди Варе всегда нравились.

Швырок покидали в кузов.

Осторожно спустил шофер груженую машину с горы. На обратном пути он сделал крюк, чтобы показать жене капитана еще одно интересное место. Подъехали к берегу довольно широкой, быстротечной речки. Над ней висел мостик — несколько досок на ржавых тросах. Когда прошел человек, сооружение заскрипело и закачалось.

— Чертов мост!.. — улыбнулся шофер.

На берегу сидело несколько рыболовов. Один ходил с острогой, вглядываясь в темную воду. Вдруг он присел, пружиня ногами, резким взмахом метнул острогу. И вскоре выловил сачком пронзенную острогой большущую рыбину.

— Кета, глядите! — воскликнула Варя. Она никогда раньше не видела такого способа рыбалки.

— Чавыча, — поправил ее шофер. — Килограммов иа пять-шесть будет рыбка.

Одну рыбину купили.

Вадим ехал наверху, иа дровах, а Варя — в кабине. Шофер рассказывал ей, что сейчас, в сеитябре, как раз идут на иерест кета, чавыча, горбуша. Лососевые. Живут в океаие, а иереститься идут в реки. При выходе в устье та же, скажем, кета, рыба как рыба, а чем выше, тем иертиее делается (шофер употребил имеиио это слово из своего технического лексикона). В верховье оиа совсем иертиая: можио подойти и погладить, когда оиа стоиг в воде, — не шелохиется. Но там, в верховьях, ее уже не ловят: негодиая оиа. После нереста вся погибает. В этом особеииость лососевых...

— Интересно как. Откуда вы все это зиаете? — спросила Варвара.

— А я здешиий, дальиевосточиик.

— И наверное, рыбак?

— Бывал и на путиие.

К десяти утра оии вериулись домой. Сестрички только уселись завтракать. Варя, бросив все, занялась ими.

Во второй рейс Вадим отправился один. А потом до обеда трудился, укладывая дрова в полеииицу. Часть швырка переколол помельче и сложил в сарайчике — иа растопку.

За домом возвышалось иемало золотисто-белых березовых полеииц. Каждая семья заготавливала дрова иа зиму как раз теперь. Зимой, когда сиега заметут дороги, дров ие привезешь.

Вадим играл иебольшим колуном, звеиели, разлетаясь под ударом, березовые полешки.

— Привет дровосеку! — услышал Вадим за спиной голос жеиы.

Воткиул колуи в чурку. Постояли вдвоем, полюбовались своей полеиицей, которая казалась им и побольше, чем соседская, и получше.

— Обедать в столовую пойдешь или дома? — спросила Варя. И добавила: — Давай пообедаем вместе. Накормлю по летиой иорме, ие хуже, чем

в твоей столовой. И рыбка жареная, — соблазняла она.

— Ладно. Нарушим сегодня установленный порядок, — сказал Вадим.

Летчики-реактивщики питаются в летной столовой и по выходным дням. Никакого отклонения в их режиме питания быть не должно. Только то, что предусмотрено рационом, что изучено и проверено исследованиями авиационной медицины. Реактивный истребитель требует от человека идеального здоровья. Не поешь, как положено, — не полетишь. Эта довольно-таки простая формула лишает летчиков общечеловеческой возможности есть и пить за одним столом со своими семьями. Иная может, конечно, позавидовать: мужика кормят в столовой бесплатно, так это ж облегчение для семьи какое! Та, которая так говорит, не испытав, не понимает, насколько оно горькое, это «облегчение», для жены летчика.

— Завтра полковому врачу доложат, что капитан Зосимов не обедал в столовой, и будет по этому поводу неприятный разговор. Да ладно... — Вадим махнул рукой.

— Ну, поскольку я вас приглашаю на обед, мой дорогой муж, то слазьте-ка в погреб за грибочками.

Невдалеке от дома вздымались бугорки. Погреб тоже старается завести каждая семья, или копают одни на двоих. Вадим выкопал хороший погреб, сделал крепкое перекрытие, плотно прилегающую ляду. Все, за что бы он ни брался по хозяйству, у него получалось хорошо.

— Стоит присмотреться к чему-то, подумать и сделаешь, — говорил он, когда Варя его хвалила.

Спустились они вдвоем в погреб и перед тем, как набрать грибков, долго стояли в обнимку и целовались, как влюбленные молодожены.

III

Булгаков стоял около полосы, наблюдал за посадками летчиков своей эскадрильи. Комэск в новенькой кожаной куртке, в руках у него ничего

нет — ни планшета, ни шлемофона; что потребуется, ему тотчас же подадут. Статный, невысокого роста, с остреньким, немного вскинутым подбородком Булгаков нравится своим летунам. Ему около тридцати, а кажется, он все такой же, каким был и пять и семь лет назад. Только вблизи, если присмотреться, можно заметить морщины у него на лбу да редкие сединки за ухом. Говорить стал басом, немного хриплым — от частого курения.

Очередной МИГ заходил на посадку. Заскользил над землей, промахнув посадочные знаки. Сел с большим перелетом, долго бежал, остановился где-то в конце полосы.

— Это кто там? Зеленский? — спросил, не оборачиваясь, Булгаков.

— Так точно, товарищ командир, — подсказали ему сзади.

У Булгакова набухли щеки и проступил румянец на лице — признак сдерживаемого гнева. Зеленского он недолюбливал.

— Высадить его к ядреной бабушке!

— Есть!

Лейтенанту Зеленскому, который должен был по заданию сделать еще два полета, передали по радио: заруливай на стоянку и вылазь.

Через минуту Зеленский — молодой летчик с влажным, сочным ртом любителя побалагурить — стоял перед командиром эскадрильи.

— Почему садитесь с перелетом в полкилометра? — строго спросил Булгаков, продолжая наблюдать за полосой.

— Не рассчитал, товарищ капитан, — пробормотал Зеленский.

— А кто за вас должен рассчитывать?

Лейтенант промолчал. Булгаков, покосившись, кольнул его беглым взглядом.

— Сегодня промазал на посадке. В прошлый раз в пилотажной зоне болтался, как дерьмо в проруби. Что-то вы, Зеленский, после отпуска совсем плохо летать стали. — Булгаков достал папиросу, затянулся. — Надо вам серьезно задуматься над этим. Вместо того чтобы разные небылицы рассказывать!

На последних словах Булгаков сделал ударение. Лейтенант должен был это понять. В среде летчиков любят почесать языки, когда делать нечего, — во время перерыва между занятиями, на старте* в ожидании погоды. Булгаков и сам участвовал в таких разговорах, сдобренных острой аэродромной шуткой, сопровождаемых раскатистым хохотом. Но ему не нравилась манера этого признанного в эскадрилье трепача Зеленского: всегда у него хохма содержит злую насмешку, всякий раз он, рассказывая, презрительно кривит свои сочные губы.

Зеленский все еще стоял сбоку, Булгаков чувствовал его взгляд на правой щеке.

— Идите, — отпустил он лейтенанта, добавив насмешливо: — Отдыхайте.

Приближалось время вылета на групповой воздушный «бой». Сейчас Булгаков поведет четверку истребителей. А четверка из другой эскадрильи будет их перехватывать на дальних рубежах.

Взлетели парами. Ушли в сторону моря. Булгаков рассредоточил свою небольшую группу по фронту и по высоте, каждому летчику определил сектор наблюдения. Хотя тактика воздушного боя реактивных истребителей многим отличается от того, как дрались во время войны на «ячках», но одно прежнее правило оставалось железным: увидел «противника» первым — победил.

Идут над побережьем истребители, идут на большой высоте, откуда неугомонный прибой видится застывшей белой оторочкой моря, а сопки кажутся кучками пепла, перемешанного со снегом. Холодная синева небесная пронизана солнечными лучами. Булгаков заваливает крен, прикрываясь крылом от слепящих лучей, быстро осматривает половину неба и опять выравнивает машину. Ведомые маневрируют, не нарушая общего боевого порядка. Строй четверки истребителей — динамичный и надежно скрепленный. Никаких разговоров по радио. Так ходит лишь хорошо слетанная группа.

---

* Старт — место на аэродроме, где находится летный состав. Там же расположен СКП — стартовый командный пункт.

Какие-то блики сверкнули в глубине неба, словно звездочки, — загорелись и погасли. Краем глаза Булгаков уловил те блики и сразу понял, что истребители «противника» находятся в развороте. Солнечные лучи зайчиками отразились от стекол кабин — это выдало их. Еще не видя «противника», лишь примерно представляя, где он может быть, Булгаков скомандовал:

— Разворот влево на девяносто! Второй паре — с набором высоты.

Положил свой МИГ на крыло. Успел заметить, как полезла ввысь пара старшего лейтенанта Кочевясова.

Булгаков с напарником атаковали «противника» внезапно. Вторая пара, свалившись с высоты, нанесла еще удар. Затягивать воздушный «бой» Булгаков не стал, будучи уверенным, что все его летчики успели дать по нескольку прицельных очередей из фотопулеметов. На занятиях он не раз говаривал летчикам, что время собачьих свалок истребителей прошло. Внезапный, разящий удар с последующим отрывом от противника — вот надежный прием современной тактики. Сейчас в воздухе он подтвердил свои слова.

Удача всегда поднимала у Булгакова настроение. Над аэродромом он распустил строй веером, загнув разворот, несмотря на запреты, покруче.

Захрипел включенный на стартовом командном пункте передатчик, но тем и кончилось — руководитель полетов воздержался от замечаний по адресу лихого комэска.

Когда Булгакову показали проявленные и дешифрованные пленки фотопулеметов, он даже крякнул: у каждого из четверых зафиксировано условное попадание. Позвонил командиру соседней эскадрильи:

— Ну, как там у твоих? Ноль целых?

Тот проворчал что-то невнятное.

— Потренируй их на макетах, слушай... А уж потом в воздух выпускай.

«Ишь, как он рад, как он доволен!» — подумал

Зосимов неодобрительно. Это вот булгаковское стремление ловко обойти другого, набрать побольше очков, эта его горделивость удачливого игрока, даже сам тон голоса — все это раздражало Вадима Зосимова. В том, как было поставлено обучение тактике в эскадрилье, Вадим усматривал немало ошибок и даже изъянов. Не раз говорил на эту тему с Булгаковым, а тот все отмахивался: не изобретай, мол, проблему там, где ее нет. Вадим молчал скрепя сердце. Но смириться с таким положением он не мог. Назревал спор с Булгаковым. Трудно сказать, чем это кончится, но схлестнуться придется.

Вадим подошел к столу комэска, взял пленку, посмотрел ее на свет и швырнул, не проявив особого интереса.

Его жест не остался незамеченным. У Булгакова моментально набухли щеки и погасли игривые огоньки в глазах.

— Ты взгляни-ка получше! — произнес он задиристо. — Какое попадание!

— Вижу... — безразлично ответил Вадим.

Булгакова это взвинтило еще больше, он с ядовитой улыбкой на губах воскликнул:

— Завидуешь?

Вадим не стал отвечать. Булгаков сопел носом, готовый и поспорить и нажать силой командирской власти.

— Послушай, Валентин Алексеевич, — заговорил Вадим миролюбиво, но твердо. — Пробоина в мишени, удачный кадр фотопулеметной пленки для тебя почему-то дороже всего. И почему-то мало занимает тебя то, каким путем это достигается. У нас в эскадрилье летчики обучаются тактике упрощенно. Мы не ставим летчика в такие условия, которые бы заставляли его постоянно думать, искать новые приемы воздушного боя. Тактика у нас сводится к тренировочным полетам на боевое применение: стрельнул, попал, не попал. А ведь тактика — это наука, практическая наука, требующая от командира и каждого летчика труда и раздумий.

Булгаков нетерпеливо прервал его:

— Доказательства?

— Чего имеино? — ие поиял Вадим.

— Доказательства того, что у иас в эскадрилье летчики плохо обучаются тактике!

Скручивая в тугой моток и опять распуская фотопленку, Булгаков ждал. Вадиму было ясно, что надо ударить, если уж замахнулся, — иначе весь разговор обернется против него самого и цели никакой ие достигнет.

— Вы все привезли хорошие пленки, так? — уточнил Вадим.

— Как видишь: все четверо имеют попадания! — Булгаков выбросил на середину стола ворох перепутанных плеиок. — Можешь еще раз просмотреть их. Только протри прежде глаза!

— Хорошо. А вот вызови сюда, Валентин Алексеевич, кого-нибудь из летчиков, и пусть он вычертит нам схему воздушного «боя», проведенного вами.

Стукнув кулаком трижды в переборку, Булгаков окликнул ведущего второй пары.

Явился старший лейтенант Кочевясов, плотно сбитый, с коротенькими волосами иа темеии. Все в эскадрилье с ним дружат и все называют просто по имени: Вася.

— Ну-ка вычерти схему воздушного «боя», когда мы атаковали самолеты «противника», — приказал ему Булгаков.

— А зачем, товарищ командир?

— Велено — черти! Вот бумага и карандаш.

Старший лейтенант поочередно взглянул на Булгакова и Зосимова. Наморщил лоб, вспоминая что-то. Минуту спустя иа листке бумаги обозначилась кривая, напоминавшая большой вопросительный знак, но, кроме нее, так ничего и не возникло.

— Ты что, Вася, все забыл? — ие выдержал затянувшегося молчания Булгаков. — Вспомни хотя бы свой маневр перед атакой, когда я приказал тебе с напарником взять превышение. Ну?!

Как ни бились, Кочевясов ие сумел вычертить схему маневра и боя. Булгаков выслал старшего лейтенанта за дверь, чтобы он не видел хотя бы того, как его командир эскадрильи краснеет. Однако

не стал ждать, что скажет Зосимов, сам начал и, конечно, в напористом тоне:

— Ну и что ты доказал? Не запомнил он перипетии воздушного «боя»? А плевать мне на те перипетии! Летчик дал прицельную очередь. То есть он сбил «противника», сбил! Какого лешего еще надо?

Вадим приподнял руку: погоди, дескать, с выводами.

— Все это — и в положение для атаки вышел и прицельно сфотографировал, — все это Вася сделал бездумно, следуя за тобой, Валентин Алексеевич. Сам бы он того не сумел. Ведь кто четверку водил? Булгаков! Ты-то делаешь все это по науке и даже лучше — по опыту боевому.

— Не хлопай по голенищам!

— Даже не собираюсь этого делать, Валентин Алексеевич. Скорее наоборот: хочу высказать неприятную для тебя, нелюбимую тобой правду...

Тут они оба кинулись к пачке папирос, лежавшей на столе, будто в той пачке было спасение. Курили некоторое время молча, затягиваясь часто и с жадностью.

— Давно я замечаю такую тенденцию... — продолжал Вадим раздумчиво. — Ты гонишь в эскадрилье классность летного состава. Это хорошо, и это, конечно, показатель работы комэска. Ты гонишь и боевое применение. Учишь стрелять по воздушным и наземным целям. Пробоины в мишенях — это тоже показатель. А вопросы тактической подготовки воздушного бойца — на втором плане. Тут, собственно, нет такого конкретного показателя. Тут много неучтенной черновой работы, результаты которой могут сказаться лишь когда-то, в реальном бою. И товарищ Булгаков к этому делу не очень охоч. Учета строгого со стороны штаба полка тоже нет, оценок не ставят. И потому — черт с нею, с тактикой. «Была бы дырка в мишени, а тактика выкрутится...» Разве не так думает товарищ Булгаков? А тактика для воздушного бойца — хлеб насущный. И товарищ Булгаков, фронтовик, должен это понимать...

Хмуро слушал его рассуждеиня Булгаков. Руки с полусжатыми кулакамн тяжело сложил иа столе, неподвижиый взгляд нацелнл куда-то в угол. Порой казалось, что думает комэск совсем о другом, что миогие слова Вадима до него даже ие доходят. Но стонло Вадиму перейти от вопросов тактики к методам работы самого комэска, — тот решительно воспротивился.

— Сбавь обороты, товарищ заместитель, сбавь до иомииальных! — тихо сказал Булгаков и поднял на Вадима серо-стальиой иепреклоииый взгляд. — Мы сейчас вроде не иа комсомольском собраиин.

— Да, нз комсомольского возраста мы уже вышли, — подхватил Вадим полушутливо.

Булгаков его тоиа ие прииял.

— Пока что я — комэск и буду комаидовать посвоему. Хорошо ли, плохо — полковому начальству видиее.

— Никто ие посягает иа твою комаидирскую булаву, — Вадим пожал плечами.

— Вот так! — заметил Булгаков, словно пришлепиул печать этими двумя словами.

После довольио-таки длиииой паузы ои заговорил назидательио:

— За показатели боремся? А как же иначе! От этого откажется только круглый дурак. Больше первоклассных летчиков — сильиее эскадрилья. Больше дырок в мишеиях — выше боеготовиость. Все ясио как день. По этому судят о иашей работе и службе. В этом направлении развертывается соревноваиие, о котором опять иачали говорить. Что касается тактнки, то, может, тут чего и недоработаио. Ну так давай твои предложеиия, готов выслушать.

Вадим вдруг обнделся.

— В таком духе лучше ие иадо... — сказал ои.

— Не иадо, ну и ие иадо, — охотно согласился Булгаков.

Окио командирского кабииета-каморки было распахнуто настежь. Вадим поторопился уйтн. «Ну н пусть походит, остыиет малость», — подумал Булга-

ков. Хотя ему самому нелегко отделаться от чувства неловкости и какой-то досады.

Через открытое окно слышно, о чем говорят летчики, собравшиеся в курилке. И видно их: облепили скамейку, как воробьи. Зеленский топчется около них, выразительно жестикулируя. Кто еще может с таким упоением «травить», как не Зеленский?

Булгаков невольно прислушался: какая-то новая хохма.

Рассказывал Зеленский о том, как в деревню к старикам приехал в отпуск сын — заслуженный летчик...

Летчики хохотали. А Булгакова заело: такой желторотый подлетыш, только-только вылупился и уже высмеивает старших. Комэск мог бы вызвать и отчитать лейтенанта, но он поступил иначе. Когда страдало его самолюбие, он забывал о своем звании, о своих командирских правах и кидался в драку, как рядовой боец. У него хватало сил, чтобы свалить противника своей убежденностью.

Выскочил Булгаков к молодым летчикам, как был, без фуражки.

— Что же получается, Зеленский? В авиации такие дураки служат, что даже деревенским старикам смешно!.. — Злая ухмылка покривила рот Булгакова.

Летчики при появлении комэска вскочили.

— Да сидите вы! — кивнул им Булгаков.

Они сели. Зеленский все же продолжал стоять.

Положив отяжелевшую руку ему на плечо, Булгаков принудил его сесть. И сам оседлал скамейку.

— Ай, какие олухи в авиации: дергают людей туда-сюда, никакого толку, — продолжал он насмешливо. — Правда, откуда-то классные летчики берутся, но это не в счет...

Зеленский вдруг осмелел, сказал:

— Вообще-то перестраховки у нас много, товарищ командир.

Булгакову никак не удавалось поймать его блуждающий взгляд.

— Перестраховка, говорите? А как не страховаться, если такого летчика можно выпускать в воздух

только при видимости миллион на миллион и при двух солнцах? Того и гляди как бы его тучка какая не нагнала.

— Не доверяют нам потому, что...

— Надо заслужить доверие! А зубоскалить легче всего, охотников много найдется.

В общем поспорил Булгаков со своими летунами. Они, конечно, приняли его сторону, но остались при своем мнении — по глазам было видно. Про хохму Зеленского вскоре забыли, разговор перешел на некоторые установившиеся в авиации, годами испытанные каноны. Молодым летчикам, разумеется, казалось, что их зажимают. Им бы летать без командирского контроля, без ограничения высот и скоростей, им бы птичью свободу.

IV

Золотая осень в этом краю оправдывала свое название: покоряла людей щедротами диковато-красивой природы, но больно уж коротка. Только установилась погода, только успели гарнизонные жители съездить два-три раза в сопки за дровами, как вдруг появился невесть откуда налетевший белесый рой снежинок. К ночи разгулялась метель, а наутро студено заглянула в окна домов самая настоящая зима.

На аэродроме о наступлении зимы возвестили тревожным ревом тракторы и роторные машины. С остервенением набросились они на первый снег, податливый и мягкий, разгребая его, счищая с рулежных дорожек и взлетно-посадочной полосы. Отныне и на всю зиму эта нелегкая заботушка: сколько бы ни выпало снегу, его надо убрать с рабочей площади аэродрома. Истребители должны взлететь в любую минуту, если потребуется.

В мирное время служба идет по расписанию. Но есть на аэродроме дежурное подразделение: самолеты там снаряжены полным боекомплектом, а летчики готовы ко всяким неожиданностям и настроены соответственно.

Истребитель всегда рвется в бой и всегда досадует, если и на этот раз вылет оказался учебным... И все-таки Вадим вздохнул с облегчением, услышав команду идти на аэродром: очень уж мешал ему левый крен самолета. На такой машине воздушный бой начинать — все равно что в сабельную атаку на хромой кобылице. Ладонь от напряжения вспотела. Все время отклоняя ручку управления вправо, против крена, Вадим подпирал ее коленом.

И что случилось с самолетом — не понять. Вчера летал без фокусов, летал отлично — как МИГ.

При заходе на посадку Вадим значительно сбавил скорость — ослабла и сила, кренившая самолет. В момент приземления она почти не ощущалась.

Мгновенная догадка проскочила в голове: «Деформация крыла!»

МИГи дышали жаром своих турбин. Под руководством старшего техника-лейтенанта Жукова механики осматривали самолеты, заправляли керосином и маслом. Моторы поршневых ЯКов работали на лучшем, высокооктановом бензине. А современные реактивные двигатели перешли на керосин — не парадокс ли? Об этом или о чем другом размышлял Игорь Жуков, прислушиваясь к журчащей в горловине бака керосиновой струе. Может быть, вспоминал разные «технарские» заботы, может быть, задумался вообще о своей службе, которая начиная с сорок пятого года пребывает в каком-то заторможенном состоянии. Правда, прибавилась третья звездочка на погоне, но, кроме этого, за много лет решительно ничего не изменилось в жизни Жукова: послеполетные осмотры, регламентные работы, подготовка матчасти к полетам — все шло повторяющимся вкруговую циклом.

— Игорь! Игорь, уснул ты, что ли? — окликнул его Зосимов. По старой дружбе и по прошлым комсомольским делам замкомэск, как прежде, называл Жукова по имени.

— Я вас слушаю, товарищ капитан! — встрепенулся Игорь.

Зосимов сделал легкий жест рукой, будто отмахиваясь от его официального тона.

— В воздухе страшно кренило самолет влево, — продолжал Вадим. — Ты не догадываешься, в чем дело?

— Ми ни знаэм... — проговорил Жуков с наигранным кавказским акцентом. И повертел пальцем вокруг пальца.

— Эх ты, техническая душа! Поди-ка сюда... — Вадим потянул его за рукав, увлекая к левому крылу самолета. — Присмотрись к задней кромке.

Прищурив глаз, Жуков нацелился вдоль тонкой, бритвенно острой кромки крыла.

— Вроде погнута...

— Не вроде, а точно! — Вадим присел рядом с Жуковым. — Чуть-чуть выгнута вверх. На каких-то полсантиметра. При обычном осмотре можно трижды обойти вокруг самолета и не заметить. Но этого оказалось достаточно, чтобы создать тенденцию крена. Скорость! Нынешняя аэродинамика, брат, строгая.

Жуков поднял на него виноватый и восхищенный взгляд:

— В аэродинамике собака съедена. Другой бы летун и не догадался, — сказал он, избегая прямого обращения к Зосимову. Взаимно называть замкомэска на «ты» он как-то не мог. — Теперь я припоминаю, как оно случилось: кругом снежные брустверы наворочены, утром выкатывали самолет, кто-то перестарался — может, даже плечом поддел.

— Нельзя, нельзя... — заметил Вадим наставительно. — МИГ! Он ведь, гляди, какой изящный: его взять и на комод поставить для украшения.

— Сегодня дежурят в основном молодые механики. Мала-мала не соображают, — оправдывался Жуков. — Проведу разъяснительную работу.

Вадим кивнул, давая понять, что разговор окончен. Однако добавил:

— Хорошо, что мне попалась такая загадка. А представляешь, что могло случиться, если бы на машине полетел лейтенант какой-нибудь?

Жуков сокрушенно покачал головой.

И как раз последние слова об аэродинамической «загадке» услышал командир эскадрильи, подходивший к самолету. Он сегодня не дежурил, но явился проведать своих.

— О чем это вы толкуете? — насторожился Булгаков.

— Да вот, Валентин Алексеевич, анализируем с техником звена один дефект на машине... — И Вадим стал коротко рассказывать ему о погнутой кромке, которая в воздухе дала себя знать.

— Что-о-о?! — Булгаков сделал выпад, как фехтовальщик.

Игорь Жуков понял, что теперь разговор пойдет уже не об аэродинамике.

— Техник звена, вы куда смотрите? Что у вас творится на боевом дежурстве?

— Молодые механики работали, товарищ командир... — промолвил Жуков.

— Знать ничего не хочу, молодые они или старые! — повысил голос Булгаков. — Заместителя командира эскадрильи хотели убить, вот что я вижу! Распустили людей, никакого контроля. Дошло до того, что подсовывают летному составу неисправные машины. Летите, бейтесь, хрен с вами!..

Жуков молчал, но головы не вешал. Смотрел на командира эскадрильи ясными глазами.

— Самолет немедленно заменить, после чего построить мне весь техсостав — я тут с ними проведу некоторую профилактику! — распорядился Булгаков. — А вам, техник звена, трое суток домашнего ареста за недосмотр.

— Есть!

Булгаков отвернулся от техника. Пошел прочь. Медленно двинулся за ним и Вадим. Трудно оспаривать строгость командира, формально он прав, но какое-то неприятное чувство запало в душу Вадиму, и он долго не мог перестроиться, когда Булгаков заговорил с ним о текущих делах эскадрильи.

V

Эскадрильское летно-тактическое учение заканчивалось. Летчики выполнили все задания, решили все «вводные» посредника, и можно было считать, что очередная тема тактической подготовки отработана.

Представитель штаба доволен, командир эскадрильи доволен. И только капитану Зосимову что-то не нравится: нервничает, то и дело пристает к летчикам с разными вопросами.

Прилетела пара истребителей, которая изображала там, в далеком квадрате, «противника» и которую Вадим со своим ведомым перехватил, атаковал без всякого труда. О таких атаках говорят, что они получаются, как по нотам.

Завидев идущих сюда Васю Кочевясова и его напарника, лейтенанта Зеленского, Вадим сказал летчикам:

— Представляю: «противник», который совсем не кусается.

Летчики хохотнули, конечно, и напарники смутились. Хотелось им вообще куда-нибудь ретироваться, но замкомэск не отпустил, вытащил на середину круга.

— Почему не маневрировали? — спросил он.

— Мы маневрировали, — ответил Кочевясов.

И Зеленский тут же поддакнул:

— Точно, маневрировали.

Вадим усмехнулся, что-то припомнив. Сказал с подчеркнутой иронией:

— Это так, как один тоже маневрировал: крен самолета пятнадцать градусов, да голова летчика склонена на пятнадцать градусов — итого тридцать.

Тут уж все смеялись — и свои и «противники». Когда стихло, Вадим продолжил уже построже:

— Если играете за противника, так и вести себя должны, как противник. А то сами не учитесь и другим не даете. Если бы ты, Вася, захотел... — замкомэск обратился к Кочевясову. — Если бы захотел, говорю, мне бы пришлось потягаться с тобой. Сильный ты воздушный боец, знаю. А так что ж:

подставили иам хвосты — мы атаковали. Птичка в тетрадь учета, и иикакого проку.

Возразить, собственно, было иечего, и летчики примолкли, иекоторые даже приуиыли. Была возможиость померяться силами в воздухе, а они ее ие использовали. Кто тут вииоват, трудио сказать: сами, конечно, вииоваты и вроде еще кто-то...

— Зеленский, сколько попал по воздушиой цели? — иеожиданно спросил замкомэск.

Лейтенант показал иа пальцах, явно гордясь результатами своей стрельбы.

— Видел я, как ты сосал мишеиь. Уж хотел пугаиуть по радио, да смолчал: может, думаю, у человека совесть заговорит?

Все поиимали, о чем речь. «Сосать» мишеиь — значит бить не с маневра, как положеио, а пристроиться, идти со скольжеиием почти параллельио и тюкать одну пульку за другой. В настоящем бою иикакой противиик такого ие позволит — дело известиое. И тем не меиее такие летчики в эскадрилье ие брезговали «подсосом», когда иужиы были пробоииы для оцеики. Кто их учил этому? Специальио иикто ие учил, но вроде и ие запрещалось так делать...

— Отиыне прошу запомиить: если я сам буду буксировать мишень и кого замечу на «подсосе» — тому ие поздоровится.

Сказав это, Зосимов отошел от группы летчиков, направился к эскадрильскому домику. Шагал медленно, устало. Глядя ему вслед, летчики едииодушио решили, что Вадим Федорович сегодия просто не в духе: всех ругает, всех высмеивает.

В эскадрильском домике, куда вскоре загляиул Вадим, иаходилось иесколько офицеров штаба, с иими — Булгаков. Предварительио уже «подбивались бабки» учеиий, потому что осталось всего два вылета.

Посредиик, майор, что-то помечал в своем блокиоте и говорил про себя:

— Стрельбы по иаземиым целям выполнеиы все. Троек нет. Отличных оценок сорок три процента, почти половина, остальные — «хорошо». По воздуш-

ным мишеням стрельба выглядит не хуже, а пожалуй, даже лучше. Тек-с...

Он подсчитал что-то, справился, вернувшись к предыдущим своим записям.

— Итак, я должен констатировать, Валентин Алексеевич... — Повернулся в полупрофиль к Булгакову начальственно и вместе с тем доброжелательно. — Учение прошло на уровне, общая оценка за боевые действия эскадрильи по данной теме гарантирована не ниже «хорошо».

Булгаков деланно нахмурился при этих словах майора, хотя в душе у него все играло — четверка, а может быть, и пятерка обеспечена.

Он с некоторой опаской поглядел на вошедшего Зосимова. Некстати пожаловал. Да уж ладно, хотя бы рта не открывал.

Завалившись на табурет в углу между стенками, откинув голову назад, Вадим будто почивал в кресле. Молчал-молчал и вдруг из полутьмы:

— Тройка за такое летно-тактическое учение!.. И то с натяжкой.

Офицеры повернулись к нему:

— Почему? — спросил майор.

Зосимов молчал.

— Если капитан Зосимов имеет какие-то серьезные доводы, опровергающие наше мнение... — Майор несколько запнулся. — То пусть выскажется яснее. и... предметнее...

После некоторой выдержки Вадим проговорил из угла:

— Красная цена — тройка.

— Но почему?! — повысил голос майор.

— А потому, что никакого тактического учения, собственно, не было, — спокойно ответил Вадим. — С самого начала весь тактический фон был отброшен, как излишние хлопоты и обуза. Летчики не решали никаких тактических задач. Проводились просто полеты с боевой стрельбой по воздушным и наземным целям.

— Не понимаю вас, капитан Зосимов, — возразил посредник.

Вадим отбросил всю свою выдержку и вежливость:

— Не понимаешь, так нечего было и браться за руководство учением без понятия!

— Странное рассуждение...

— А что с вами вообще рассуждать!

Вадим встал и вышел, хлопнув дверью.

Вскоре после этого покинул эскадрильский домик и офицер штаба, высказав Булгакову новое свое мнение о том, что на четверку, конечно, можно надеяться, а о пятерке вроде и речи-то не было.

«Тут сбавил на целый балл. А что он еще в штабе выскажет?..» — невесело подумал Булгаков.

Пораскинул мыслями, покурил в одиночестве, чувствуя, как разгорается в душе зло на зама: что это он взялся палки втыкать в колеса?

Сшиблись они с глазу на глаз, когда летный состав уже был отпущен, а механики зачехляли машины, негромко переклинкаясь на стоянке. Сошлись на бетонке две темные фигуры, увеличенные меховыми куртками и унтами до богатырского роста. Зосимов нес в руке планшет, пухлый от штурманских карт. Булгаков держал руки вольготно засунутыми в карманы куртки, чуть пониже груди.

Уже давно понял Булгаков, что Зосимов режет правду, хотя и неприятную ему правду. Там, в штабе полка, тоже она не очень понравится. Слишком сложное это дело — практическая тактика, полеты на тактическом фоне. Не всегда можно организовать, немало горючего надо затратить.

И потому, что сознавал Булгаков правоту Зосимова, скорее всего именно поэтому не пожелал принять ее такою, как есть. Чтобы он, значит, комэск, оказался лежащим на лопатках?

Когда в тихих аэродромных сумерках сошлись они нос к носу на бетонке, Булгаков даже не вспомнил о сути дела. Он смерил своего зама этак с ног до головы и рубанул:

— Ты, Зосим, всегда был теоретиком... Еще в училище. А каким воздушным бойцом ты был, скажем, на фронте?

Ваднм открыл рот, чтобы молвнть какое-то слово в ответ, но не успел.

Булгаков кннул ему в лнцо:

— Ну, скажем: скольких ты сбил?

Потемнело в глазах у Ваднма. По всему телу какая-то дрожь пошла волиой. Это не кто-иибудь, а Валька Булгаков спрашнвает: сколько сбнл самолетов иа фронте? Но как он мог, как у него язык повернулся?! Да, он, Булгаков, сбнл семерых, за что получнл трн ордена. Славно. Ваднм сбнл всего двух. Но как мог забыть Булгаков, что оин леталн на фронте иеразлучной парой н что Ваднм все время ходнл ведомым, прнкрывая его, Булгакова, как верный боевой щнт, от внезапного нападення сзади! Валька бнл и сбивал, Вадим охранял его н потому не сбнвал. Хотя иа аэродром возвращалнсь: Валькии самолет целехонькнй, а его, Ваднма, — весь в пробоииах.

Булгаков забыл?!

Булгаков сказал то, чего не могут, не должны вымолвить уста друга. Значит, больше нет друга...

Так как Ваднм долго молчал, Булгаков решил, что ои окончательио сражеи, н уж было зашагал прочь, не выинмая рук из кармаиов курткн. В таком споре, как этот — кто кого? — Булгаков жалостн не знал.

Уходнл друг.

Еслн бы только это, Вадим так и остался бы прнгвождеиным. Но разговор уже не о дружбе, а о том, как человек в комаидирском зваинн н правах отиоснтся к своему долгу. И Вадим крнкиул ему в спнну:

— Подождите, капнтан Булгаков: я ие все сказал!

Даже себе самому свой голос показался чужнм.

Булгаков остаиовился иехотя, не вдруг. Не любнтель он был выясиять отиошення. Но если он теперь думал, что заместнтель, спохватнвшнсь, идет к нему с повнниой, то ошибался.

Вадим — бледиое пятио вместо лица — приблизнлся к иему н в упор задал такой вопрос:

— Скажи, капитан Булгаков, для чего ты готовишь летчиков — для высокой оцеики нли для боя?

Что еще за допрос учиняет младший старшему?

— Давай прекратим подобиый разговор, капитан Зосимов.

— Нет, Булгаков, ты не уходи в облака, ты мне скажи, для оцеики или для боя?

— Не надо высокой фнлософии... — Булгаков досадливо вздохнул. — С меня спрашивают за эскадрилью, и я отвечаю за эскадрилью.

— Неправда! — воскликнул Вадим с жаром. — Ты комаидир эскадрильи, а должен мыслить по-государствеииому. Ты, капитаи Булгаков, лично отвечаешь за безопасность Родины.

— Если так рассуждать, то и ты, капитаи Зосимов, иесешь личиую ответственность...

— Правильио! — Вадим прервал его на полуслове. — Очеиь правильный вывод с твоей стороны, Валеитии Алексеевич. Потому н разговор этот зашел меж нами.

Вадим весь потяиулся к Булгакову, но тот остаиовил его чуть заметным, равнодушиым жестом руки.

Не вымолвив больше ни слова, Булгаков пошел вдоль самолетной стояики.

Друг все-таки уходил.

VI

Пятые сутки не плаиировались учебиые полеты. Пятые сутки бушевала пурга, какой не увидишь на материке: штормовой ветер гнал сплошиым мутнобелым потоком сиег, иаметал сугробы до чашечек электростолбов, подпирая дома косогорами. Через местный радиоузел передали приказ начальника гарнизона: на улицу выходить только группами и только в случае крайней необходимости, детей в школу не пускать.

Учебиые полеты можио отложить, но боевое дежурство нельзя прерывать ни иа час. Надо содержать в рабочем состояиии взлетно-посадочную поло-

су. Вся аэродромная техника, все силы ОБАТО — отдельного батальона авиатехнического обслуживания — были брошены на борьбу со снегом. С каждым днем росли в вышину и утолщались снежные брустверы, нагромождаемые роторными машинами. Дорожка между ними, не очень широкая, может быть, чуть пошире городской улицы, оставалась все время твердой и чистой. Взлететь можно. А удастся ли приземлить МИГ в таком переулке? О посадке, впрочем, толковали меньше всего. Главная забота — обеспечить взлет истребителей по боевой тревоге.

Сменившись с дежурства, Богданов не торопился на отдых. Выходил на полосу, окидывал хмурым взглядом горы снега. Летная куртка с поднятым воротником, меховые унты увеличивали и без того крупную фигуру Богданова. Руки засунуты в боковые карманы куртки, ноги широко, устойчиво расставлены. Увидев этот большой, заштрихованный снежными вихрями силуэт, командир ОБАТО шел к нему с докладом. Глаза у майора покраснели от бессонницы, щеки и подбородок заросли жесткой, с проседью щетиной.

Богданов выслушал его, не перебивая вопросами. Люди ОБАТО делали все, что могли, и даже то, что было свыше человеческих сил — это Богданов сам видел.

— Хорошо, — сказал он. — Нынешнюю ночку выдюжите — считайте, победа за вами.

— Слыхали мы, слыхали прогноз погоды, Яков Филиппович, да только синоптики наши иногда наворожат все наоборот.

— Без синоптиков знаю.

— А откуда, Яков Филиппович?

— Так сколько же можно! — Богданов усмехнулся.

Комбат поддержал его шутливый тон. И они поговорили о делах как люди, понимающие друг друга, которым вместе служить и работать — одному в воздухе, другому на земле, но все равно вместе.

Тем не менее Богданов сделал ему замечание:

— Побрился бы, что ли. Зарос, как арестант.

Комбат тронул пальцами свою щетину.

— Пятые сутки дома ведь не был, товарищ подполковник...

— Какие могут быть объективные причины? Особенно у командира... Подчиненные должны всегда видеть его в хорошей форме.

— Понял вас, товарищ подполковник, понял.

Козырнув, майор устало поковылял к роторным машинам.

На шестые сутки, как и предположил Богданов, пурга выдохлась. Ветер все еще поддувал, но уже ровнее, без порывов бешенства, а снегу не было, и облака начали рваться.

Дали согласие на прием рейсового самолета, ожидавшего погоды на крайней материковой точке. Здесь он был очень нужен, тот самолет. Через два с половиной часа ЛИ-2 достиг аэродрома и стал заходить на посадку по системе ОСП *. Как раз в это время с моря нагрянул очередной вынос — скопление плотной, стелющейся чуть ли не по земле облачности. ЛИ-2 гудел уже где-то совсем низко. Вдруг из облаков — с креном, наискосок посадочной полосы. Пилот успел вывернуть машину перед приземлением. На пробеге кое-как удержал направление, хотя все-таки черкнул правым крылом по снежному брустверу.

— Распустился ты на своей бандуре. Когда-то на истребителях лучше летал, — поддел Богданов командира корабля.

Веснушчатый Бровко, сделавшийся от стыда малиново-красным, невнятно бормотал:

— На глиссаде, между дальним и ближним приводом, вдруг переменился ветер. Что тут поделаешь, Яков Филиппович? Любому такую «вводную» подбросить...

— Ладно, ладно, не оправдывайся! — Богданов протянул руку, здороваясь с командиром корабля.

Начали выгружать почту, накопившуюся за неделю: газеты за все числа — от среды до вторника, письма, посланные вдогонку друг за другом, посы-

---

* ОСП — обеспечение слепой посадки. Система приводиых радиостанций и других радиотехнических устройств.

лочки с лучком и чесночком, чего на месте не достать.

Прибыло также несколько ящиков с медикаментами. Вынес Володя Бровко из пилотской кабины и личный объемистый чемодан — каким бы он был транспортником, если бы не привез кое-что с материка.

Только утихомирилась пурга, как высыпало на улицу население небольшого гарнизона. Мужчины, женщины, дети — все занялись расчисткой снега. И вскоре пролегли в сугробах, словно кровеносные сосуды, тонкие, извилистые тропинки к поленницам дров, к погребам и сарайчикам.

Ожил базарчик на околице гарнизона. Примчались на нартах, запряженных собаками, местные жители, которые так же не могут обойтись без гарнизона, как он без них. Навезли молока в бидонах, вяленой рыбы, брюквы. Один прокопченный табачным дымом каюр мерил маленьким граненым стаканчиком красную икру домашнего посола, и вокруг него сразу образовалась тесная толпа покупателей. Варвара сумела в числе первых взять несколько стаканчиков. Бежала домой и радовалась: будет чем ее малёхе Светке полакомиться. Яиц теперь нет, так хотя бы икры ребенок поест. На крышке посудины застыло несколько красных крупинок. Варя смахнула их мизинцем в рот. Засол неважный, жестковата. Конечно, какая там рецептура у того старика. Передержал икру на воздухе, и она уже подернулась мутной, жесткой пленкой. И рассол мог приготовить неправильно. Бывало, Варе попадалась на базаре свежая кета с икрой. Уж она сама делала засол по всем правилам, как ее гарнизонные бабы научили. Засол получался изумительный, соседки все заходили пробовать.

«А больше ведь ни черта нет, кроме этой икры. Дети забыли вкус помидоров, огурцов, абрикосов...» — Задумавшись, Варвара оступилась в сугроб. В ботик набился снег, холодным обручем сковало ногу повыше ступни. Отдалось колющей болью в самую кость. Что-то с ногами творится: припухают в суставах и болят.

К вечеру небо очистилось от облаков. В ранних, светло-синих сумерках красовались новыми белыми шапками две высокие сопки. Казалось, они совсем рядом с аэродромом, где-то за самолетной стоянкой. А до них десятки километров. Одна — давно угасший вулкан, другая, с вершиной в виде усеченного конуса — вулкан, чутко дремлющий, попыхивающий дымком.

Вдоль посадочной полосы двигались одна за другой несколько роторных машин, расширявших рабочую площадь аэродрома. Они выбрасывали фонтаны снега и были похожи на плывущих китов.

Булгаков и Зосимов стояли около деревянного домика эскадрильской канцелярии, или «штабика», как его называли. Оба с преувеличенным интересом следили за работой роторных машин, пускавших столь сильные струи снега. Оба глаз не могли оторвать от этих аэродромных китов.

— Если дальше так пойдет... — молвил Булгаков, — боюсь, что мы с тобой не сработаемся.

— А я уже заготовил рапорт, — ответил, не повернув головы, Зосимов. — Прошу перевода в другую эскадрилью.

— Возражать не буду.

— Благодарю.

Этот, как говорится, откровенный обмен мнениями состоялся лишь к концу дня, в течение которого комэск и зам работали рядом бессловесно.

Последним поводом послужило выступление Зосимова на вчерашнем полковом партсобрании. Произнесенные им слова, похоже, до сих пор стучали у Булгакова в висках. Ясно помнил их и сам Вадим, не раз продумавший то, что собирался сказать. Глядели капитаны на плывущие вдали роторы, и воспоминания их, наверное, текли синхронно — годами выработанная привычка.

Свою вчерашнюю речь Вадим начал вроде бы издалека. Проводил он занятия с летчиками в классе тактики. Какие там наглядные пособия висят? Куда ни глянь — всюду «Действия летчика при особых случаях в полете (пожар, отказ двигателя, разгерметизация кабины и т. д.)». Впечатление такое, что

летчик, поднявшись в воздух, только и думает о том, как ему спастись. В классе тактики очень мало, почти нет наглядных пособий по активным боевым приемам. «Там не пахнет боем, товарищи коммунисты!»

В этом месте Богданов бросил реплику: «Вот правильно: наш класс тактики запугивает летчика, вместо того чтобы воспитывать у него уверенность и боевой порыв».

Приоткрыв дверь в тактический класс, Вадим тут же перешел к своим эскадрильским делам. Он сказал, что у некоторых коммунистов притупилось чувство ответственности за порученное дело. Порой проявляется стремление прийти к успеху легким путем. Например, у них в эскадрилье имеются серьезные упущения в вопросах той же тактической подготовки молодых летчиков. В первую очередь должны ответить за это коммунисты Булгаков и Зосимов, с них — самый строгий партийный спрос.

Каждую мысль Вадим подкреплял примером. И все отрицательные примеры он почерпнул из жизни своей эскадрильи.

Может быть, так и надо, но зачем выставлять столько и таких некрасивых недостатков как раз тогда, когда в высшей инстанции решается вопрос о присвоении эскадрилье звания отличной? На взгляд и на слух Булгакова, выступление Зосимова отдавало немножко предательством. Во всяком случае, непатриотическое выступление по отношению к своей эскадрилье.

Правда, другие коммунисты Зосимова поддержали. «У нас же обожают критику... — мысленно иронизировал Булгаков. — Особенно когда она направлена в кого-нибудь другого».

Много раз переписывал капитан Зосимов свой рапорт о переводе в другую эскадрилью. Правильно ли поступает он, уходя в сторону, когда, казалось бы, надо бороться? Против души, но вообще-то все тут правильно. Эскадрилья ведь армейский коллектив, и затевать спор заместителю с командиром

не годится. Это было бы не по правилам военной субординации. А кроме того, дело уже сделано. Как ни хорохорится Булгаков внешне, а сам же крепко задет за живое. Тактическую подготовку в эскадрилье он перестроит наверняка. Во время разговоров и споров Вадиму удалось заронить некоторые мысли в сознание Булгакова, и доброе зернышко непременно прорастет — можно не сомневаться.

Вадим знает Вальку Булгакова лучше, чем кто другой.

Капитан Зосимов засунул в планшет небольшой листок бумаги и направился в штаб полка. Понес он свой рапорт, но ему очень хотелось, чтобы командира полка не оказалось на месте. И когда он узнает, что Богданова действительно нет (улетел куда-то), ему станет немного легче. Хотя возврата нет и быть не может. Не сегодня так завтра, а может, через неделю рапорт капитана Зосимова все равно ляжет на стол командира полка.

VII

Как поступит человек, когда к нему в дом ломятся без стука и с неизвестными намерениями?

Что остается делать, если в воздушное пространство над мирной землей врываются иностранные реактивные бомбардировщики? Если многократные предупреждения не действуют? Если кто-то читает очередную мидовскую ноту с наглой улыбкой, развалясь в кресле, задрав (по общепринятой у них привычке) ноги на стол?..

На рассвете иностранный реактивный самолет изменил курс, уходя на юго-восток. А до этого ночью он пролетел наискось над материком и полуостровом, продержавшись над нашей территорией в общей сложности около девяти минут.

Капитану Зосимову приказали немедленно занять боевую готовность. Только успел летчик сесть в кабину, пристегнуться, подсоединить нужные шнуры и патрубки, как тут же стегануло по радио:

— Триста сорок второму — воздух!

Выруливая на полосу, Вадим успел заметить, что к своему самолету бежит, застегиваясь на ходу, Булгаков.

«Значит, Булгакова также посадили в готовность, и это хорошо...» — подумал Вадим. Последний обрывок земной мысли утонул в громе реактивного двигателя. Истребитель рванулся вперед, с креном ушла под крыло земля. Все земное осталось внизу и как бы перестало существовать. Впереди по курсу и по времени было только небо, где тот же человек живет уже другими мыслями и по другим законам.

Пара истребителей, вылетевшая на перехват самолета-нарушителя, шла, форсируя двигатели, и все-таки сближалась с целью медленно. У реактивного разведчика тоже хорошая скорость.

Это понимали там, на КП, где над планшетом трудился в поте лица штурман наведения и куда уже примчался на своем «газике» подполковник Богданов, как только услышал, что цель — реальная.

Это испытывал сейчас и капитан Зосимов. Он выжимал из МИГа все силы, готов был загнать его, как загоняют лошадь в азартной скачке. Ему не хватало скорости, и он с раздражением отвечал на вопросы штурмана наведения, кислородная маска мешала ему плюнуть со злости.

— Триста сорок второй, цель выполняет левый разворот, — предупредил штурман. — Возможен ее уход с курсом сорок-пятьдесят градусов.

«Ага, он загибает вон куда...»

Если шпион станет уходить на северо-запад, так сказать, напрямую, то это облегчит задачу перехватчиков.

Штурман велел подвернуть влево покруче. Понятно, понятно: нарушитель идет по дуге, а перехватчиков пускают прямо по хорде. Теперь встреча будет наверняка.

Пушки у Вадима сняты с предохранителей...

По радио нередко называют позывной Булгакова — триста сорок один. Видать, Булгаков давно взлетел и уже где-то поблизости. Хотя нет... Судя по последним командам штурмана наведения, триста сорок первого держат в другом квадрате — на тот

случай, если нарушитель ринется туда. Но туда он не пройдет, это уже ясно.

В эти решающие секунды в сознании Вадима, подобно электронным импульсам, проскочили встречная и ответная мысли. На земле это, возможно, потребовало бы раздумий, а тут, в небе, в острой динамике перехвата решение созрело мгновенно.

— Подведите ко мне триста сорок первого, — попросил Вадим.

И штурман наведения и Богданов поняли его правильно.

— Триста сорок первого вывожу на вас, — передал штурман наведения.

И вскоре слева обозначился маленький, будто учебный макетик, МИГ-17. Это был Булгаков.

Идея Вадима сейчас выражалась математически краткой и логически обоснованной формулой. По возвращении на землю ее можно будет в спокойной обстановке расшифровать, развернуть, и тогда она обретет смысл человеческих рассуждений примерно такого плана.

Истребители на форсаже режут небесный пласт, пушки сняты с предохранителей, с минуты на минуту впереди справа должна показаться цель. Ее пока что не видно, но мысленно она уже угадывается именно такой, каким и должен выглядеть У-2. Это нарушитель спокойствия и законов, проявивший свои неприятельские намерения над советской землей. Во что выльются результаты его черной работы, пока неизвестно, а они могут быть весьма пагубными. Откровенный враг, он не должен уйти безнаказанно.

Воздушный бой всегда опасен, и вместе с тем он венчает славой победителя.

Право первого удара принадлежит тому, кто, исполняя долг службы, вылетел с боевого дежурства.

Вадиму очень хотелось самому атаковать самолет-нарушитель. На его долю выпал редкий в мирное время случай провести воздушный бой и отличиться. Но неподалеку в небе был Валька Булгаков, которого Вадим считал более сильным, более удачливым воздушным бойцом и который являлся таковым на самом деле. Булгаков не упустит врага и не промах-

нется. Главная же цель всего вылета по боевой тревоге в том, чтобы обязательно перехватить нарушителя государственного воздушного рубежа.

Судьбе своей наперекор пошел Вадим. Но об этом он даже не задумался, об этом когда-нибудь на земле, при случае...

Командный пункт тем временем выводил вперед уже триста сорок первого. В предчувствии настоящего воздушного боя, без всяких там условностей Булгаков сразу же проявил характер и хватку боевого летчика. Выполнял все маневры, продиктованные штурманом наведения, с точностью автомата. Ему только скажут: разворот на курс такой-то, он тут же крен заваливает, орет: «Выполняю!»

А штурмана наведения слышно все хуже и хуже: далеко ушли истребители. Внизу сплошной слой облачности, под ним — берег океана. Повыше, вровень с МИГами, бродят редкие бесприютные тучи, пригожие для маскировки. Может быть, в них и скрывается шпион: из одной вылетит — в другую залетит.

Временами радио глохнет совсем, слышен лишь треск в наушниках.

Упустили нарушителя... Неужели упустили, черт возьми?! Булгаков не мог с этим смириться.

Он приказал Зосимову:

— Вернись на хорошую слышимость. Будешь ретранслировать. Преследовать буду я.

Это, пожалуй, единственное, что можно было придумать в подобной обстановке.

Самолет Вадима отвалил влево и мгновенно пропал из видимости. Вадим вернулся до того рубежа, на котором была устойчивая слышимость. Встал в вираж. Кружил и кружил с малым креном, передавая Булгакову команды с КП, дублируя его доклады.

А Булгаков, оставив на полпути самолет-ретранслятор, продолжал погоню.

Внезапно он получил через Вадима команду энергично довернуть влево — наверное, цель сманеврировала. Потом ему велели подобрать высоту, еще метров пятьсот. Штурману наведения все было видно на экране локатора, он-то знал, что командовал.

На глазах у Булгакова из облака вынырнул разведчик У-2. Прямые крылья с подвешенным снизу мощным реактивным двигателем и нитка дыма... Улепетывает на полном газу.

— Вижу цель!.. — бросил Булгаков, уже не заботясь о том, слышат его или нет, цепко удерживая в поле зрения шпиона.

Дистанция для стрельбы слишком дальняя. Но медлить нельзя: У-2 тянется к большой туче, скроется в ней, и больше его не увидишь.

Булгаков дал прицельную очередь из пушек.

Вроде пустил струю дыма разведчик... И тотчас же туча поглотила его вместе с дымом.

Еще одна пушечная очередь была послана в то место, где он нырнул — наугад. Молниеносные огоньки трассы куснули облако...

Вернувшись на аэродром, Булгаков, собственно, не знал, как докладывать: сбил он нарушителя или не сбил. И никто об этом не знал. И все ходили хмурые, подавленные неизвестностью. Лишь несколько часов спустя было принято радио от морских пограничников: разведчик, дымя, снижался над морем. Вот тогда потянулись руки к Булгакову — поздравить. Он отвечал крепким пожатием. Люди спрашивали — он рассказывал, рисовал даже схему на снегу. Вообще-то «достал» нарушителя на последнем пределе.

Богданов хвалил его за боевую инициативу: оставил ретранслятор, а сам пошел. Здорово сообразил!

Через несколько дней пришли газеты с сообщением, в котором указывалось, что самолет-нарушитель был перехвачен советским истребителем и атакован. После чего нарушитель удалился в сторону моря...

А вскоре летчикам стало известно, что капитан Булгаков Валентин Алексеевич награжден орденом Красного Знамени.

Прилетел генерал — вручить летчику боевую награду от имени Президиума Верховного Совета. Было построение, митинг, торжественные речи. Генерал отметил, что во время боевой тревоги толково

действовал и капитан Зосимов, что неплохо сработал также расчет командного пункта.

Закончив одно дело, генерал, раз уж прилетел на дальний аэродром, исполнил и другое: заглянул в штаб части, проверил некоторые службы, обнаружил немало такого, что ему не понравилось. Подполковнику Богданову, хозяину здешнему, влетело. Никаких оправданий генерал слышать не хотел. Трудности отдаленной местности? Нечего кивать на Петра!.. Трудности для того и существуют, чтобы их преодолевать. Генерал отчитывал Богданова и еще нескольких офицеров, закрывшись с ними в кабинете, отчитывал вполголоса, все время повторяя, что не хочется нынче настроение портить.

Прошло еще несколько дней. Ту мгновенно сложившуюся в боевом полете идею Вадим Зосимов так и не развернул, хотя времени на это теперь было достаточно. В его душе осталось твердое убеждение, что поступил он правильно, и — ни капли сожаления или зависти. Те, кто знал о происшедшем — в первую очередь Богданов, офицеры КП, ведомые летчики, — не затевали разговоров на эту тему и лишь при встрече с Зосимовым посматривали на него как-то по-новому.

Ни разу ни о чем таком из ряда вон выходящем не заикнулся и Булгаков. Будто ничего и не случилось вовсе. Наверное, за самоотверженность, проявленную одним из двух, во имя высших интересов, нельзя благодарить, точно так же, как не принято благодарить за дружбу.

А далее служба в эскадрилье пошла своим порядком: полеты, дежурства, учения. И все бы хорошо, только вот не знал Вадим, что теперь делать с рапортом о переводе в другое подразделение. Вадим не думал отказываться от своей воинствующей позиции в тактической подготовке и вместе с тем понимал, скорее интуитивно, что рапорт подавать уже не время. Тот же Яков Филиппович, мужик разумный, много знающий, может усмотреть в таком рапорте какой-то демарш обойденного славой, что ли. Могут

заподозрить что-то в этом роде и другие, хотя совесть Вадима чиста как стеклышко. Рвать или жечь заготовленную бумагу Вадим не стал, а засунул ее подальше, на самое дно своего ящика с документами.

Ничего не поделаешь. Видно, придется еще поработать и послужить с Булгаковым бок о бок.

VIII

Вдруг проснулась сопка Безымянная. Считалась она давно угасшим вулканом. Экспедиция вулканологов, работавшая в этом районе, уделяла внимаиие другим сопкам, а Безымянной совершенно ие интересовалась. Но вот однажды утром прокатилась легкая волна землетрясения. Вслед за тем что-то заклокотало, загудело, и вершины сопки не стало — будто Безымянная, вдруг разгневавшись, хватила своей нарядной снежной шапкой о землю. Султан дыма и пепла поднялся на огромную высоту. Над образовавшимся кратером стали просвечиваться сквозь дым багровые полосы.

Такую картину наблюдали жители селения, расположенного в десятках километров от Безымянной. К счастью, это был ближайший к вулкану населенный пункт.

Подъехавшие часа через три после начала извержения вулканологи уже того не увидели: туча пепла заволокла и сопку и весь горизонт. Мельчайшая пыль, напоминавшая цементную муку, повисла в воздухе. Стало пасмурно. Взошедшее солнце тускло светилось оранжевым диском, на него свободно можно было смотреть. Пепел скрипел у людей на зубах, заставлял чихать ездовых собак, набивался во все щели. Вскоре он покрыл довольно плотным слоем все окрест. Зимы с ее белыми снегами вдруг не стало. Простерлась серая безжизненная пустыня...

Сопка Безымянная была слишком далеко. Никаких признаков начавшегося извержения гарнизонные жители не уловили. Слабые колебания почвы поутру были восприняты, как обычное явление. Ма-

ленькие землетрясения в здешних местах довольно часты. Лишь несколько дней спустя прочитали в газетах небольшую заметку: «Безымянная приобретает имя». Еще через недельку пришел журнал «Огонек» с фотоснимком извергающегося вулкана.

Ко всему можно привыкнуть. В первое время пребывания здесь новоселы вскакивали по ночам, заслышав подземные толчки и скрип деревянных перекрытий, хватали детей вместе с одеялами, выбегали из домов. А потом, при повторных толчках, только просыпались и вставали с постелей. А еще поживши, спокойно досматривали сны.

Вадим пожалел, что как раз в это время он в отпуске и не может полететь в сторону Безымянной да посмотреть на нее. Настоящий вулкан, настоящее извержение — такое где еще увидишь, как не здесь?

Не усидел дома. Пошел на аэродром, встретился с Булгаковым. И тот как ни в чем не бывало, вроде и спору между ними никакого не было. Ну и Вадим взял его тон.

— Под Безымянной был, Валентин Алексеевич?

— Конечно! — Булгаков хитро подмигнул. — И днем и ночью.

— Здорово работает?

— Там такой высоты султан, что на МИГе не перепрыгнешь. Я вокруг него несколько виражей сделал. А ночью горит, как огромный костер.

Булгаков охотно и долго рассказывал о Безымянной, не выпуская инициативы разговора. Видимо, ему не хотелось, чтобы Вадим заговорил о чем-нибудь другом.

— Пойду, а то дома жена и дети плачут, — сказал Вадим, поднимаясь.

— А-а-а... Жена когда уезжает в отпуск? — спросил Булгаков.

— Уже скоро. Путевку ждем, — ответил Вадим и взялся за ручку двери.

Булгаков жестом задержал его.

— Ты вот что: молодым летчикам ничего не говори о вулкане. Я им нарочно не планирую маршруты

в сторону Безымянной. А то полетит какой-нибудь Зеленский, еще в сопку ткнется...

— Ладно, буду держать язык за зубами.

Было далеко за полночь. В сонной тишине весь дом внезапно пошатнулся, будто какой-то исполин шел впотьмах и задел могучим плечом людское жилище. Послышался треск.

Вадим и Варя проснулись. Землетрясение, хоть и слабое, гипнотизирует человека своей зловещей неизвестностью.

Через минуту после первого толчка последовал второй, значительно слабее — его можно было заметить лишь по качнувшейся на шнуре электролампочке.

— Затухающие... — успокоительно молвил Вадим.

И только он это сказал, как весь дом сдвинулся и затрещал, словно деревянный ящик под ударом обуха. Поднялась пыль, что-то звякнуло и разбилось в посудном шкафчике, покатился по полу керогаз. Толчки участились. Деревянные перекрытия скрипели, угрожая обрушиться.

— Буди соседей, я хватаю детей! — скомандовал Вадим.

Варя бросилась из комнаты, застучала кулаками в соседнюю дверь.

Жалостливо запищала во сне маленькая Света. Кутая на ходу детей в одеяло, Вадим пробирался к выходу.

Погас свет: выключили на подстанции, опасаясь пожара. Жильцы теснились уже на лестнице. Два этажа всего, а какими бесконечными кажутся деревянные лестничные марши! В темноте раздался панический крик женщины. Заголосили, не выдержав, другие.

— Тихо, бабы! — прогремел с верхней площадки сильный бас.

И оттуда же, сверху, прорезал темень луч карманного фонарика.

Дом качало, пока люди выскакивали. Потом толчки прекратились. На снегу темнела растрепанная, стонущая, жалкая людская толпа.

Минута-другая покоя. Мужчины стали забегать в дом, чтобы выхватить оттуда побольше теплых вещей. Вадим тоже сбегал, вынес два полушубка, ватное одеяло.

А толчков нет и нет. Может быть, конец землетрясению?

— Пойдемте, а то детей заморозим... — послышался голос.

Начали заходить в дом. Но не успела захлопнуться последняя дверь, как опять затрясло с новой силой. Опять пришлось хватать детей и выскакивать на улицу — очень уж страшно трещал деревянный дом.

Так повторялось несколько раз.

Под утро совсем обессиленные жильцы крепко уснули в своих квартирах. Никто, наверное, не слышал нового колебания почвы. Варваре приснилось, что дом сделался вагоном-теплушкой и поехал куда-то, мелко подрагивая. Возможно, стрелочник не перевел свои стрелки, как надо, но вагон вдруг наскочил на какое-то препятствие, и страшной силы удар остановил его. Крушение!..

Варвара открыла глаза и увидела на потолке большую извилистую трещину. Стулья попадали набок, пустая Светкина люлька отъехала от двери, воздух в комнате был насыщен пылью. Прижав малышку к себе, Варвара укрылась одеялом с головой...

Этот последний в серии толчок был самым сильным. Утром, выйдя на улицу, люди увидели, что на некоторых домах не осталось дымовых труб — развалило.

Варвара заторопилась в лазарет. Убежала, не позавтракав. В комнате и в кухне такой разгром после землетрясения, что не до завтрака.

Вадиму надо было засучивать рукава да приводить в порядок свое жилище.

Лишь поздно вечером вернулась Варвара, смертельно усталая. Сразу прилегла. Руки у нее были желтыми от йода. Перехватив мужнин взгляд, устремленный на ее руки, она сказала:

— Не размылась как следует. Восемь родов приняла... преждевременных.

IX

Отпуск Вадим взял без выезда из гарнизона. Время тоже не лучшее в году: март — апрель. И все потому, что неожиданно коварная болезнь завернула в их семью. У Вари стали болеть ноги, распухли в суставах, нельзя было спокойно шагу ступить. Вадим заставал ее сидящей на кровати, массажирующей утолщения повыше ступни и... плачущей. «Полиартрит», — произнесла она однажды страшное слово, как приговор. Вместе они листали толстый томик терапевтического справочника и не находили утешительного совета. «Если бы жили на западе, можно было бы поехать, например, в Одессу, подлечиться — там целебные грязи. А отсюда разве поедешь с семьей?» — так сказала Варя. И больше они к этому разговору не возвращались — сильная натура Варина не терпела нытья. Временами ей становилось чуточку лучше, она говорила, что дело, кажется, уже совсем наладилось.

Вместе с полковым врачом Вадим хлопотал о путевке в Одессу. Далеко не всегда она есть, такая путевка, тем более что не для самого летчика, а для его жены. Пока шла переписка, знающие люди, надоумили: «Да поезжайте вы, Варвара Александровна, в наши горы, в местный санаторий. Там, говорят, совсем безнадежных ревматиков на ноги подымают! Санаторий, конечно не ахти: несколько деревянных домиков, пять человек медперсонала, но вода и грязи такие, каких на материке не сыскать». Вадиму приходилось видеть с воздуха тот курорт. Запомнилась какая-то странная лужа — не замерзающая среди снегов — и над нею пар, будто тучка на привязи. Тогда не обратил особого внимания.

Поехала туда Варя. Подполковник Богданов дал свой «газик», чтобы ее отвезти в горы. Вернувшись, шофер сказал, что доехали нормально, хотя дорога не приведи господь. Больше никаких известий не было. Начиналось весеннее подтаивание рек и озер вперемежку с метелями. В такое время даже почтовая связь с маленькими населенными пунктами прерывается.

Оставшись с детьми, Вадим быстро освонлся с домашней работой. Он и при жене ее не чурался. Зажил с ребятами неплохо. У соседок своих дел хватало, они помогали советами. Вадим же сам ходил на рынок, варил, жарил, комнату убирал. Днем надо было возиться с детьми, особенно с маленькой Светой, которая без мамы частенько капризничала. Вечером, когда дети уснут и на кухне пусто, Вадим клал перед собой раскрытую «Книгу о вкусной и здоровой пище» и начинал священнодействовать на двух керогазах.

Борщ получался преотлично. А чего, собственно говоря, сложного? По книге, как по нотам! И капустка Вариной засолки особый вкус навару придавала. Рассол такой, что брось в него кусок мяса и вари, больше ничего добавлять не надо. Первая партия котлет получилась, правда, неудачной. Забыл посолить! Зажарились такие пухленькие, румяно-коричневые. Наташа первой попробовала и тут же выплюнула — трава травой! Светка потом, подражая старшей сестрице и заливаясь смехом, выплевывала все подряд, что бы ей ни сунули в рот. Как было исправить такую поварскую ошибку? Вадим придумал: приготовил крутой рассол и слегка проварил в нем котлеты.

Ранехонько он вскакивал и бежал на базарчик. В это время можно было свежей рыбки купить, кусок медвежатины, молока. Перед завтраком выводил детей на получасовую прогулку: аппетит нагулять. Сам в это время делал зарядку. Около своей поленницы раздевался до пояса наголо, обливался холодной водой. Наташа поливала ему на спину остатки воды из ведра — у самой у нее при этом бегали мурашки. Кроха Светка с серьезнейшим видом подавала папе мохнатое полотенце. Обе восхищались папой.

Так проходили дни. Катались на санках (папа хорошо бегал в упряжке), лепили снежную бабу, кормили курочек, носили в дом дрова, топили печь. После обеда строгим голосом объявлялся «мертвый час» для Наташи. А Светочку надо было поносить на руках и помурлыкать ей песню: «Где же вы теперь, друзья-однополчане?..», и она засыпала.

Большая печь-голландка, покрытая листовым же-

лезом, гудела. Березовые дрова пламенели жарким огнем. Вадим курил, пуская дым в открытую топку, рассеянно смотрел на огонь и думал о Варе.

Вот человек встретился ему на жизненном пути — Варя... Удивительный человек по красоте душевной, милый-милый друг. Их встреча в последний год войны, женитьба — все получилось так быстро и естественно, будто это давно предопределила судьба. Тогда он даже не осознал, не понял, какое счастье ему досталось — слишком много было восторга. Со временем открывал все больше достоинств в характере жены и все сильнее влюблялся в свою жену.

Вспомнил: когда поехали в загс регистрироваться, Вадим неожиданно для самого себя попросил Варю: «Не меняй фамилию на мою, останься навсегда для меня Пересветовой». Так и было сделано. И до сих пор, хотя прошло уже лет семь, он всякий раз испытывает необъяснимое, радостное волнение, когда слышит фамилию жены у нее на работе. «Позовите Варвару Александровну Пересветову!» — певуче крикнет какая-нибудь сестричка. А у него дух захватывает...

Где ты теперь, дорогая Пересветова, и как тебя выручить? Завтра — десятое апреля, встречать надо, но как это сделать, если теперь — самая беспутица? Посылали «газик» — вернулся, проехав едва ли пять километров, аэродромный тягач снарядили (командир ОБАТО, добряк, уж взял такой грех на свою душу), но и мощный тягач с тремя ведущими осями спасовал. Косогоры снега, выросшие за зиму на дороге, были подернуты ледовой коркой — панцирь прочный, но машину не держал, колеса проваливались и сколько бы потом шофер ни газовал, они вертелись без толку, как детские игрушки. Проснулись, зашевелились под снегом ручьи и речки, в некоторых местах в податливом грунте вулканического происхождения образовались широкие размывы. Съедешь в такую мякоть — никаким буксиром не вытащат. Ходил Вадим на поклон к Богданову. Яков Филиппович обещал запросить с материка вертолет, но на-

дежд на это было мало — оба прекрасно понимали. Вертолет бывал еще редким гостем на отдаленном аэродроме.

И тем не менее завтра надо что-то делать. На лыжах пойти, что ли, встречать? С кем-нибудь из товарищей. Саночки легкие захватить...

Укачав Светку после обеда, Вадим, намаявшись, и сам заснул. Он сидел около детской люльки, положив голову виском на ребро деревянной спинки. Дремал чутко, постоянно ощущая резь в левом виске, и, как только скрипнула дверь, сейчас же открыл глаза: может, соседка зашла за спичками?..

Вадим вскочил и глазам своим не мог поверить.

— Пересветова! — воскликнул он изумленно.

— Здравствуйте вам, здравствуйте, — сказала Варя, радостно улыбаясь.

— Я ее завтра готовлюсь встречать, а она сегодня здесь. Нет, ты мне первым делом скажи, как добралась? — тормошил ее Вадим. — Ведь ни пройти, ни проехать!

— А я на собачках, — ответила Варя, смеясь. Ей повезло. Завернул туда к ним один каюр с вяленой рыбой. Главврач дал ему литр спирту, и он согласился доставить двух курортниц в гарнизон. Ехали часов шесть-семь, кое-где перетаскивали нарты через ручьи на руках, но ничего, добрались, как видите.

«Это же Варвара, а не кто-нибудь! — Вадим восхищенно смотрел на жену, посвежевшую и вроде бы помолодевшую. — Не такой у нее характер, чтобы сидеть и ждать спасенья. Она еще сама кого-нибудь выручит».

— За твое прибытие, Пересветова, можно и выпить. Угощаю «Устрицей пустыни» и чудесным омлетом из яичного порошка! — Вадим забегал, захлопотал по хозяйству.

Светка, уже одетая и умытая с помощью Наташи, потопала в кухню — она любила помогать взрослым. Кряхтя, притащила сковородку, удерживая ее на вытянутых ручонках.

— Ня, мама, скириводку.

— Зачем же ты мне даешь «скириводку»? — спросила Варя, подхватив на руки свою маленькую. — Папе отдай, теперь ои у иас шеф-повар.

X

Служба Вадимова, служба летчика, почти каждый день поднимала его с постели, как только забрезжит рассвет. К этому давио привык он сам, к его рабочему распорядку приноровилась семья. Не засиживались по вечерам, ибо папе рано вставать. Не водилось в доме водки и вина, потому что реактивщикам пить нельзя — даже на третий день после выпивки врач подметит призиаки депрессии и в воздух ие выпустит. Да и без врача реактивщику известно, как можно «загреметь» с большой высоты с похмелья. Или пить, или летать на МИГах — что-нибудь одио. Капитан Зосимов летал не только сам, он обучал в воздухе других, и, пожалуй, иструкторских полетов у него было больше, чем собственных. Отвечать за двоих труднее, чем за одного себя. Необходима аналитическая методика, иужиа мгновениая реакция — иа одном только опыте ие полетишь. То есть слетать можно, но какой толк от такого иструкторского полета? Об отличиой методике и тонкой, изящной технике пилотироваиия капитана Зосимова было широко известно в полку и в иистанциях повыше — рассказывали об этом те, с кем он хоть раз летал.

Соответствующим приказом капитаи Зосимов был допущен к иструкторским полетам в сложиых метеорологических условиях дием и ночью. Он «возил», то есть обучал, иа двухместиом учебио-треиировочном истребителе и младших и старших. Не получается у лейтеиаита заход на посадку в облаках — Зосимов полетает с ним и научит; вериулся кто-нибудь из командиров после отпуска — тот же Зосимов даст ему парочку провозных полетов для восстановления иавыков, после чего командир может смело садиться в МИГ.

Во время собственного отпуска Вадиму не иадо было летать, и иекоторые привычные, уважаемые в

семье каноны нарушились. Варю это насторожило — нет, она ничего не сказала, но в ее карих глазах промелькнула тревога.

На другой день после ее приезда они пошли в гарнизонный клуб посмотреть новую кинокартину. Вернулись поздно. Дети спали в обнимку на одной кровати — наверное, младшая, покапризничав, подлезла к старшей под бочок.

— Что-то спать совсем не хочется, — сказал Вадим.

— И мне не хочется, — отозвалась Варя.

Решили посидеть немного в кухне, там в это время никого не было, потому что семьи соседей-летчиков тоже укладывались на отдых рано.

В кухне три стола, накрытых клеенками, три настенных шкафчика для посуды, три керогаза. Между рамами окна напихано всяких пакетов — общественный холодильник. Смесь всевозможных аппетитных запахов еще не выветрилась.

Хорошо посидеть вот так в кухне, где можно и разговаривать вполголоса и курить, — никому не мешать.

Искорки тревоги опять промелькнули во взгляде жены, когда Вадим достал из шкафчика бутылку.

— Не часто ли будет?

— По маленькой рюмке. А то ведь пропадет «Устрица пустыни».

— Сам пей. Я не буду.

— Один глоток, Варюха!..

— Ладно.

«Устрицей пустыни» кто-то из местных старожилов назвал смесь шампанского и спирта. Неизвестно, почему «Устрица пустыни», но хлесткое название перелетало с языка на язык и прилипло к напитку все равно что наклейка. В двух небольших магазинчиках, что приткнулись к гарнизону сбоку припека, не бывает ни водки, ни пива, ни коньяка — только спирт и шампанское. В эти края, говорят, выгодно транспортировать спирт. А шампанского на материке завал, поэтому его также сюда везут. Спирт — бешено крепок и вонюч. От шампанского — слишком неустойчивое впечатление. Нужда заставила изобрести «Уст-

рицу пустыни», напоминающую по вкусу ликер и ударяющую в голову, как увесистая боксерская перчатка.

Выпили и разговорились. Вспомнили свой славный гвардейский, Варину службу, однополчан — хороших и плохих. Душевным человеком был Остроглазов, парторг. Всегда подметит, в каком люди настроении, всегда найдет, о чем поговорить, заодно чему-нибудь научит, а если уж пойдет на принцип — не уступит любому начальнику. Мудрый, добрый старикан! А сколько было в строю хороших летчиков — Вадиму довелось всех их видеть в боях. Одна богдановская эскадрилья чего стоила!

При упоминании фамилии начштаба Мороза у Вари сразу испортилось настроение.

— Вот нехороший человек во всех отношениях, — заговорила она гневно. — Бывало, придет в столовую, официантка ждет с чистым полотенцем, пока он руки моет, угождает ему за столом всячески. Он же воротит нос: то ему не так, это не так. А сам ведь душой низок и грязен — уж я знала его, Мороза...

На последней фразе Варвара осеклась, с опаской взглянув на мужа. Но тот, кажется, не уловил ничего подозрительного в словах о близком знакомстве жены с Морозом. Налил себе рюмку «устрицы», ей — шампанского.

— Может быть, все-таки хватит, Вадим?

— Ай, Пересветова, не ругай меня. На полеты завтра не надо. Есть настроение, понимаешь?

— Настроение, поднятое градусами? Не много оно стоит.

— Да нет. Просто так. Не сердись, Пересветова. — Вадим взял из пепельницы выкуренную до половины, погасшую папиросу, зажег спичку. Крепкая затяжка доставила ему удовольствие. — Ты вот Мороза вспомнила...

— Не вспоминала я его, на что он мне нужен! — вспыхнула Варя.

— И у меня нет желания о нем говорить. Я тоже знаю его подлую душу, — сказал Вадим.

Умолкли оба. Варе не хотелось рассказывать мужу про «званый» ужин, затеянный однажды Моро-

зом. А Вадиму неловко было признаться в том, как он, еще холостяком, влюбленным юношей, невольно подслушал разговор начштаба с Ниной Голиковой в финском домике.

Надо было переменить тему. Вадим спросил жену о том, о чем спрашивал по десять раз на день после ее возвращения.

— Как ноги?

Варя сразу оживилась:

— Ты знаешь, почти не болят.

— Покажи!

Вадим склонился у ее ног, поглаживая, слегка сжимая ступни и лодыжки.

— Сильнее сожми.

Он стискивал ногу сильными пальцами.

— Не болит.

И радовались оба. Еще раз смотрели привезенные Варей снимки: небольшой водоем, несколько купальщиц в нем, а рядом на заснеженном берегу — люди в полушубках и валенках. Облако пара над водоемом, из-за него выглядывает постройка барачного типа. Даже неловко называть санаторием, но там действительно, как убедилась Варя сама, поднимают на ноги неходячих больных. Второе чудо — здешнее. Первое чудо вулканы, а второе — горячие, целебные воды.

XI

Весной Булгаков съездил в отпуск, на Запад, и вернулся не один: привез молодую жену. Рядом с Булгаковым, тридцатилетним зрелым мужчиной, пожившим на свете и немало повидавшим, супруга его выглядела совсем юным существом. Как вскоре стало известно из сообщений БРВ — «бабского радиовещания», ей всего двадцать один год, хотя она уже успела окончить университет. Москвичка, единственная дочь весьма почтенных родителей — отец не то ученый, не то крупный инженер какого-то столичного главка.

Пристальные, заинтересованные взгляды провожали Булгаковых, когда они появлялись на людях. Моло-

дая, красивая, как звезда экрана, жена привезла с собой множество нарядов, сшитых по последней моде, всякий раз она удивляла женскую половину гарнизона какой-либо новинкой. У нее всегда было превосходное настроение, всем она лучезарно улыбалась. Не прятал улыбку и Булгаков — счастливый и влюбленный, но вместе с тем держался он с горделивой мужской независимостью, шагая рядом со своей красавицей. Не он ее брал под руку, а она его; опытному глазу, наверное, показалось бы, что большее счастье испытывает именно она.

Никто не знал, где и как нашли они друг друга, но почему-то думалось женщинам, что это как раз та редкая любовь, что обходится без неудач и без страданий. Видному собой, сильному, преуспевающему в службе Булгакову судьба должна была приберечь достойную невесту. А та красавица, в свою очередь, выросла как редкий цветок в питомнике, и, когда настала пора, ее увидел тот, кому можно было довериться. Встретившись, оценили друг друга с первого взгляда. Возможно, счастье любви как таковое пришло к ним уже потом, когда они провели немало времени вместе.

Чего бы, казалось, головы ломать женщинам, зачем философствовать? Вот приглядываются, иные завидуют, встречая и провожая красивую пару, а спросить любую: дорого ли ей собственное счастье, найденное в радостях и муках, может быть, упущенное однажды и опять возвращенное, хотела бы лучшего? Задумается... Истово закачает головой, смежив веки; плавленая слеза побежит по щеке, а побледневшие губы прошепчут беззвучно что-то, ведомое ей одной. Нет, нет, нет! Ни на какое другое счастье не променяет она свое.

XII

В начале лета Булгакова провожали из полка. Уезжал он в академию, и, хотя ему предстояли конкурсные экзамены, все были уверены, что такой, как Булгаков, непременно поступит. Ни капли сомнений

не было и в его собственной душе. «Я еду в Москву, за десять тысяч километров не в бирюльки играть!» — говаривал Валентин Алексеевич, когда заходила речь об экзаменах. И едва заметным волевым движением вскидывал остренький подбородок при этих словах.

Женушка его расточала направо и налево ослепительную улыбку. Она ехала в Москву, к маме, это большая радость, но ведь она и не предполагала, что могло получиться как-то иначе.

В последние дни перед отъездом Булгаков уже не работал, однако приходил на службу, помогая вникнуть в суть дела врио — временно исполняющему обязанности командира эскадрильи. Обязанности эти для Зосимова не представляли ничего нового, тем не менее он внимательно прислушивался к советам Булгакова.

Встревоженным табунком ходили летчики за Булгаковым. Он нахмурит брови — они тоже, он улыбнется, шутку какую бросит, они хохочут громче обычного. «И ругал он их и наказывал, а они все равно к нему льнут...» — думал Вадим, исподволь наблюдая за летчиками. Думал он об этом с хорошим, теплым чувством и немного волновался: как-то у него самого сложатся отношения с людьми, когда он станет хозяином в эскадрилье, хотя бы и временно?

На самолетной стоянке инженер эскадрильи доложил не Зосимову, а Булгакову, хотя приказ насчет «врио» уже был, — не мог инженер не знать об этом.

Булгаков указал на Зосимова:

— Вот с новым комэском решайте свои дела.

Инженер стал тут же жаловаться на полковое начальство, которое распорядилось передать одну спарку в другую эскадрилью.

— Поговорю, — пообещал Зосимов.

— Не говорить, а действовать надо. К Богданову надо идти, — недовольным тоном заметил инженер.

С Булгаковым он бы так не осмелился. Вадим хотел было одернуть его, но на первый раз сдержался.

Остановился Булгаков со своей летунской свитой перед фронтом истребителей. Наладился оживленный разговор, стали подтягиваться к толпе техники, механики. Жуков подошел; на щеке у него красовалась

черная отметнна, нз нагрудного кармана технической курткн торчал манометр. Булгаков поздоровался с ним за руку.

— Ну как дела, техннческая снла?

Жуков улыбнулся, показывая свою снмпатнчную щербинку в верхнем ряду зубов.

— Как говорят мон землякн: нэмножко хорошо, нэмножко нэт...

Награнный кавказскнй акцент Игоря Жукова вызвал сдержанный смех, потому что к этому его чудачеству давно прнвыклн. Но когда он рассказывал новый анекдот, «прнсланный нз Баку в конверте», все хохоталн от душн.

«Вот Жуков тоже... — вернулся Ваднм к своей прежней мыслн. — Тоже не в обнде на комэска. Трое суток домашнего ареста, которые Булгаков отломил ему тогда под горячую руку, наверняка уже забыты».

Булгаков обладал тем командирским обаяннем, которое всегда прнвлекает людей. Он, во-первых, был однм нз снльнейшнх летчнков-истребнтелей, а боевая зрелость и боевая удаль в сердцах военных людей ценнтся превыше всего. Нравнлнсь, конечно, его решнтельность, твердость, страстность н вдобавок этакая бесшабашная отвага. Старшему брату, которым в семье гордятся, простят строгость и даже жесткость по отношенню к младшнм. Точно так же забудется со временем командирский окрнк, останется в памятн лншь славный образ, и тем, кто придет в строй потом, будут рассказывать о командире только хорошее.

Уезжая, Булгаков закатил прощальный ужнн, на котором былн друзья-командиры с женами и сам Яков Фнлиппович Богданов. Редко случались подобные встречн, по новым послевоенным временам офицеры еслн выпивалн, то, как говорится, при закрытых ставнях, а тут н лилось обнльно и пнлось хорошо. Веселый хмельной гул стоял в маленькой квартнрке Булгаковых. Выбралн специально пятницу: после нее, в субботу, день нелетный, а потом — воскресенье. Кому положено было дежурнть, тот дежурнл. Заместнтель командира полка в торжестве не участвовал.

Вышли мужчины из-за стола — покурить во двор, погода хорошая. Курили, передавали через Булгакова мужские приветы некоторым москвичам и москвичкам. Распахнулось окно, и красавица хозяйка стала зазывать гостей в дом. Получилось так, что Булгаков отстал от толпы и Зосимов отстал. Взглянули друг на друга, и что-то подтолкнуло их. Булгаков положил руки на плечи Вадиму, а тот — свои на его плечи. Уперлись чубатыми лбами, вроде бы побаловаться, побороться, а самим не до шуток — острой жалостью проняло.

— Ну что, Зосим, расстаемся? На этот раз, видать, надолго... Может, навсегда?

— Расстаемся, Булгак... Дороги наши расходятся.

— А сколько лет вместе служили, летали, Вадим?

Все, что окружало их теперь, сплыло в сторонку, подернулось туманом. Показалось им в эту минуту, что вернулась молодость, тяжелая курсантская служба в далекой пустыне, что вернулось время, когда еще не было ни жен, ни детей, не было отчего дома, отсеченного линией фронта, и они, два паренька, нашли свою дружбу и обрадовались тому несказанно.

Бывают и здесь, на краю света, такие летние ночи, когда березы, проглядывающие из темноты, похожи на влюбленных в белых одеждах, а струящееся сверху сиянье напоминает, что все мы ходим под Луной. Когда строился военный городок, здесь вырубили только просеки для дорог да полянки для домов, деревья, которые не мешали, оставили, и теперь вокруг жилищ будто парк культуры и отдыха. Кто-то вкопал скамейки, грубо сколоченные из досок, чьи-то добрые руки сделали перекладину и подвесили к ней детские качели. Кто чем мог, тем и украсил городок.

Возвращаясь от Булгаковых, Вадим и Варвара дважды обошли вокруг своего дома. Там было тихо, сквозь открытую форточку ребячьего писка не слыхать — значит, можно не торопиться домой.

— Давай покатаемся на качелях, — вдруг предложила Варвара. И побежала к перекладине, легко вскочила на подвешенную дощечку. — Подтолкни!

Вадим осторожно качнул ее.

— Да не бойся ты! Сильнее качни.

— Веревки-то на детей рассчитаны...

— Ничего, выдержат.

После качелей Варвара потащила мужа к своей грядке около сарайчика. Говорят, редиска и лук здесь не растут, а она уверена, что можно вырастить, если поухаживать хорошенько, и свое докажет!

Потом ей захотелось посмотреть на вулкан с пожарной каланчи. Старая деревянная вышка давно не несла никакой службы, угрожающе поскрипывала.

Полудетские капризы, колкости по адресу мужа, нервический смех... Что-то творилось иначе с Варварой.

Неожиданно притихла, даже не отвечала на вопросы. В молчании подошли к дому. Варвара опять повернула прочь от крыльца. Вадим послушно зашагал рядом.

— А твой друг, между прочим, умный человек, — заговорила, наконец, Варвара.

— Валька-то Булгаков? — с готовностью поддержать разговор отозвался Вадим. — Конечно, умный. И летчик и командир хороший.

— Я не про то.

— А про что?

Варвара вздохнула, одарив мужа снисходительным взглядом.

— Учиться едет, потому и умный, — продолжала она. — Окончит академию, получит назначение, интересную работу. Да и пока учиться будет, пять лет поживет в Москве — тоже многое значит: театры, музеи, столичное общество.

— Все это верно, — промолвил Вадим.

— Ну, а ты? Так и будешь утюжить воздух?

Словечко-то какое вырвалось у Варюхи! Чисто летунское: «утюжить» воздух. Вадим рассмеялся, обнял ее за плечи.

— Отстань! — она сбросила его руку. — Ты мне скажи, как думаешь жить?

Подумав немного, Вадим сказал:

— Буду летать и летать, пока здоровья хватит.

— Скажи пожалуйста, второй Чкалов нашелся!

— Почему Чкалов? Зосимов.
— А учиться, зиачнт, ие хотим?
— Может быть, заочио... Туда попозже.
— Вы забываете, друг мой, что вам трндцать лет. Впереди не такой уж большой резерв.
— А в самом деле, Варюха, иам с тобой по тридцать уже.

Лнрическн иастроеиный Вадим весь потяиулся к ней — тому способствовала тихая, посеребреииая луииым светом ночь. Его порыв, однако, был встречеи холодно.

— Я серьезно хочу с тобой поговорить, Вадим. Мне все-такн надо зиать, с кем я связала свою судьбу. Учиться заочио — двойиая нагрузка, семье тоже будет нелегко. Но я на все согласиа, только поступай в академию. И ие тяин! На этот год уже поздио, а иа следующий подавай документы.

Вадим замурлыкал какую-то песеику.

— Не хочешь? — Варвара остановнлась иапротнв него, загораживая дорогу. На бледном от луииого света лице глаза казалнсь угольно-чериымн. — Слово даю, Вадим: не поступишь учнться хотя бы заочно — уеду от тебя. И детей увезу.

Нн слова не говоря в ответ, все еще напевая свой мотивчик, Вадим прнложнл руку к фуражке: дескать, слушаюсь. «Уехать, пожалуй, не уедет, — думал он. — А учнться в академии заставит». Характер Варюхин ему известен, н, может быть, как раз и любит Варюху не столько за красивые глаза, сколько за характер.

XIII

— Старший лейтенант Кочевясов! — Вадим взмахнул перчаткой: дескать, ко мне бегом! Плотная, невысокая фигура в кожаиой курточке метнулась к нему.

— Слушаю вас, товарищ капитан.

Вадим коротко, но прнстальио взглянул в лицо летчика. В последиее время, пожалуй, с тех пор, как ои стал нсполиять обязаииостн комэска, выработа-

лась у него такая привычка: прежде чем заговорить с человеком, прощупать взглядом.

— Если верить плановой таблице, то через тридцать пять минут вы поведете звено по маршруту? — спросил Вадим, повеселев глазами.

— Точно, — кивнул Кочевясов.

— Это интересное задание, как я понимаю... — И тут Вадим неожиданно перешел на доверительное «ты»: — Ну-ка, Вася, расскажи, как будешь выполнять, чему будешь учить летчиков в воздухе?

Кочевясов сбил на затылок шлемофон, открывая лоб и коротенький чубчик.

— Маршрутный полет, значит, с переменным профилем... — начал он, подняв на уровень груди планшет с картой. — Контроль пути по курсу и времени с использованием радиотехнических средств...

Скучновато, без особых интонаций говорил старший лейтенант, но все доложил по порядку и в точности. Теперь уж он посмотрел на капитана выразительно: чай, не подловишь наших-то.

А комэск пока что ни «да», ни «нет». Медлил, вертел в руках штурманскую счетную линейку.

— Знаешь, о чем я сейчас подумал, Вася?

— Не-е.

— Слушая тебя, я подумал, что вот проведешь ты звено по маршруту без отклонений, без ошибок, в этом можно не сомневаться. Но ты настроился пролететь от ИПМ до КПМ*, — вроде транспортник какой: высота, скорость, курс — больше ничего тебя не интересует. А ведь ты, Вася, командуешь звеном истребителей. Дай-ка твою карту.

Кочевясов подал капитану планшет, и оба они склонились над ним.

— Вот пожалуйста... Здесь маршрут проходит невдалеке от аэродрома, на котором базируется эскадрилья истребителей, будем считать, что это противник, — рассредоточим свою четверку на подходе, чтобы при надобности заблокировать аэродром, воспретить взлет. Летим дальше. Тут возможен зе-

* ИПМ — исходный пункт маршрута. КПМ — конечный пункт маршрута.

нитный огонь — надо идти с энергичным маневром, а не тянуться гусиной стаей. Когда же выйдешь вот к этому мысу, можно чего ожидать? Команды на перехват нарушителя — это их облюбованное местечко... А ну, Вася, повтори мне задание на маршрутный полет с истребительской точки зрения.

Кочевясов заинтересованно прикусил губами кончик языка. Подумал с минуту и рассказал довольно интересную тактическую «легенду». Парень он был грамотный и сообразительный.

Под конец Васиного рассказа капитан начал слегка кивать головой — видать, понравилось.

— Вот так надо всегда, — сказал он. — В любом, самом простом задании надо мысленно видеть тактический фон, если зовешься истребителем. Ну иди, Вася, готовься: скоро твой вылет.

Кочевясов пошел к самолетам своего звена. Издали Вадиму было видно, как он собрал летчиков и что-то им обстоятельно толковал.

«Мало убедить и приказать, надо еще привить вкус к тактическому мышлению», — подумал Вадим.

Уж сколько раз вот так с глазу на глаз беседовал он с кем-нибудь из летчиков. И выяснялось, что понимает человек, насколько важна тактическая подготовка, хочет решать сложные задачи, но все откладывает до больших учений, когда на картах обозначат условную линию фронта, а в воздух поднимут эскадрильи самолетов с синими полосами на фюзеляжах — «противники». Двусторонние учения бывают не часто. Вадим требовал, чтобы каждый полет использовался для повышения тактической выучки.

— Шагаешь по бетонке в хромовых сапожках, а думай, что ты на фронтовом аэродроме, — говаривал он летчикам, все больше увлекаясь сам. — Отрабатываешь технику пилотирования в зоне, а думай, что барражируешь над передним краем, следи за всеми самолетами, лови выгодный момент для атаки.

Усиленно занимаясь тактикой, Вадим выступал в трех лицах — командиром, преподавателем, пропагандистом. И если ему за короткое время что-то удалось повернуть, сдвинуть, то большую роль тут играли не плановые занятия, а многие-многие бесе-

ды с летчиками, опросы перед вылетом и тактические летучки, на которые он был хорошим выдумщиком.

«Надо, чтобы они тянулись к тактическим задачам, чтобы хватались за них при первой же возможности, как за шахматную доску хватаются во время обеденного перерыва и по вечерам» — такой курс взял врио командира эскадрильи. И он знал, что делал. Он готовил воздушных бойцов.

Под руководством врио эскадрилья работала и весной и все лето. Кадровики почему-то оттягивали назначение командира. Дела шли неплохо. Многие летчики надели на кители новенькие крылатые значки — кто с цифрой «два», а кто с «единичкой».

Летали смело, дерзко, но безаварийно, хотя в журнале руководителя полетов зафиксировано несколько «предпосылок к летным происшествиям». Эту категорию — предпосылку — придумали и утвердили в жизни осторожные, искушенные в своем деле методисты летной учебы. Предпосылка означает, что она могла в таком-то полете явно назреть аварией, но дело все-таки обошлось благополучно. Чуть-чуть не авария. За это «чуть-чуть» здорово наказывали командиров, ибо всякий старший начальник тоже хотел служить и расти по службе. Несколько предпосылок аукнулись капитану Зосимову двумя выговорами. Самим же непосредственным виновникам аварийных ситуаций — ничего, с них как с гуся вода, разве что напугались немного. Лейтенант Зеленский однажды чуть было не потерял ориентировку вблизи аэродрома — с ним побеседовали, а капитану Зосимову — выговор.

В эскадрилье не сомневались, что командиром рано или поздно будет назначен капитан Зосимов. Кого же, как не его, выдвигать на эту должность: давно ходит в замах, с работой освоился. А вышло иначе. В один прекрасный день распространился слух, что на должность командира эскадрильи присылают «варяга», то есть выдвиженца со стороны. «Почему не Зосимова, на черта он сдался, варяг?» — недоумевали

летчики. Для Вадима новость тоже была неожиданной и, что говорить... обидной.

Вадим не знал, что его кандидатура выдвигалась и обсуждалась, но в какой-то инстанции один из начальников вдруг воспротивился, сказав: «Зосимов? Да он больше на скрипача похож, чем на командира. Хотя пилотяга отличный». К мнению начальника, конечно же, прислушались, его полушутливое замечание стали повторять. Долго тянулось дело, и, наконец, решено было назначить командиром офицера из другой части.

Тоже недавний замкомэск, капитан.

XIV

С первой же встречи он многим не понравился: говорил сбивчиво, упирался в грудь собеседнику тяжелым взглядом, жуя каменными челюстями. Может быть, он только напускал на себя такую строгость, еще не освоившись с новым служебным положением, но атмосфера отношений в эскадрилье сделалась напряженной.

Вадиму пришлось кое в чем перестраиваться. Иные нововведения вызывали у него противоречивое чувство, но он пока воздерживался от спора, понимая, что командир еще не нашел, еще только ищет точки приложения своих сил. Он старался ему помочь, он подавал летчикам пример исполнительности в служебных делах, а сам невольно вспоминал, как все-таки хорошо было работать с Валькой Булгаковым, несмотря на его упрямство и заскоки. Валька, кстати, прислал недавно письмо, сообщил, что поступил в академию с ходу и учится нормально. Живут у родителей жены, условия такие, что некоторым военным даже присниться не могло.

Новый командир держал под строгим контролем самостоятельную тренировку летчиков. Вадиму казалось, что осторожность подобного рода излишняя — ведь все классные летчики, все допущены к полетам в облаках, ночью, в стратосферных высотах. Мало-помалу комэск отобрал у Вадима право выпускать лет-

чиков в воздух и решал этот вопрос сам, только сам.

Комэск хотел избавиться от предпосылок. Он боролся с ними решительно, ему хотелось выкурить их, как комаров. Но летная работа — это все-таки такая работа, где без риска не обходится. Новый комэск избегал риска, и вот...

Все же это случилось однажды ночью, в самом конце ночных полетов, когда уже собирались заруливать.

Заходил на посадку последний самолет. Пилотировал его командир звена, опытный ночник. Вышел на приводную радиостанцию, точно выдержал снижение, а перед самой землей, когда уже вспыхнул голубовато-желтый луч посадочного прожектора, — заторопился и потерял скорость. Офицер, дежуривший «на подходе», не успел воспользоваться своей радиостанцией, чтобы подсказать. Закачавшись без скорости, истребитель свалился на крыло. Ткнулся в землю, в пни, не дотянув до посадочной полосы всего-то сотню метров.

Те немногие, кто следил за посадкой командира звена, видели: самолетные огоньки — зеленый и красный — нырнули вниз и пропали. Удара, треска вроде бы никто и не слышал.

Обломки, искореженные части самолета разнесло на большое расстояние. Труп летчика был изуродован до неузнаваемости.

Утром члены аварийной комиссии топтались на том месте, мерили рулеткой и разглядывали свежевырытые борозды. По их представлениям, катастрофа выглядела так: удар крылом о пень, переворот на спину, последующий удар кабиной о другой пень, перелом фюзеляжа... Летчик якобы не заметил своей ошибки до последней секунды, не принял никаких предосторожностей...

Может быть, так, а может, несколько иначе. Трудно восстановить картину, когда от самолета остались мелкие обломки и летчик погиб, не успев передать почему.

Налетело в полк начальство. Разбирались, искали виновника. Начальники-летчики высказывали предположение, что были какие-то неполадки с матчастью.

Начальники-инженеры отрицали это и старались выискать малейшие нарушения в организации полетов. Спорили до хрипоты, прежде чем записать очередную строчку в акт. Понимали, что за катастрофу многие поплатятся. Нового командира эскадрильи наверняка снимут, Богданову, руководившему в ту ночь полетами, объявят строжайшее взыскание, инженеру эскадрильи и технику самолета — тоже несдобровать.

А главный виновник уже не ответчик. Гроб с телом погибшего установили ненадолго в офицерском клубе. Врачу пришлось поработать, чтобы с помощью кремов, пудры и пластыря как-нибудь замаскировать следы ранений на лице летчика. И потому подбеленное, припудренное лицо утратило черты, некогда присущие одному ему. Полковой врач был хорошим врачом, но неважным скульптором.

Негустая, недлинная вереница гарнизонного люда прошла мимо гроба, установленного в клубе. Прощание длилось едва ли час. Все это время стояла у гроба жена, державшаяся на расстоянии. Это была интересная, молодая женщина. Черная шаль лишь подчеркивала ее красоту.

Проходил мимо гроба Зеленский. Кивнув на женщину, пробурчал, чтобы услышали летчики:

— А ей горе невеликое. Она уже присматривает себе очередного.

Может быть, его слова услышала и женщина — вздрогнула, как от удара током. Уходили из фойе последние. Она к гробу не приблизилась. Не могла она заставить себя склониться над обезображенным лицом-маской, поцеловать. Еще вчера она видела его дома — бравым таким, добродушным здоровяком, еще не остыло у нее на груди тепло его страстных мужских объятий, еще звучал у нее в ушах его голос, беззаботно громкий голос человека, привыкшего к аэродромному шуму. Таким остался в ее сердце муж. Она думала о нем, отворачиваясь от маски в гробу с содроганием, мысленно она не переставала говорить с тем, живым. На глазах у нее не было слез.

Траурная мелодия прозвучала коротко и улетучи-

лась, развеялся дымок пистолетиого салюта, встал иа окраиие скромиый обелиск со звездочкой.

Реактнвиый гром на аэродроме возвестил о том, что жнзиь н служба продолжают свое течение.

В эскадрилью прибыло четверо молодых летчиков. Их постепенно вводили в боевой строй. А одного уже н спнсалн с летной работы — Зеленского.

В последнее время Эднк Зеленскнй стал жаловаться на головиые боли н общее недомоганне. Одиажды прервал выполнеине заданння: иа большой высоте, в стратосфере, почувствовал себя плохо. Послалн его на меднцинскую комиссию. Там всесторонне обследовали, виимательио прнслушиваясь к жалобам на здоровье. Может быть, то, что он говорил, порой заставляло врачей вскидывать очки иа лоб: прнборы н аналнзы свндетельствовали о другом. Но ни один врач не стаиет утверждать, что летчик здоров, еслн сам летчик говорит, что он болен. Стонт высказать жалобу, и ее запишут в меднцнискую кннжку в той же самой формулнровке и еще какую-нибудь замысловатую фразку по-латыии прибавят. Не хочет человек летать — инкто силком заставлять не будет. Зачем врачу брать на себя лишнюю ответствеииость?

Так н спнсалн Эдика с летной работы, иаправили в резерв. Кадровики подыскивали лейтенанту какую-ннбудь службу иа земле. И вскоре нашли. И не очеиь утомнтельную, да еще в частн, которая стояла в большом городе. Поехал Зеленский туда с охотой, оставнв отдаленному гарннзону на память такую сочииенную им же присказку:

«Пусть летают одержимые — их миого, все ие перебьются».

XV

Слава «сильиейшего пнлотягн» за Вадимом утверднлась накрепко. Об этом не пншется в газетах н не говорнтся по радно, зналн об этом лишь летчикн, передавая свон впечатлення нз уст в уста. Офнцеры, побывавшие на аэродроме в комаиди-

ровке, рассказали о виртуозной технике пилотирования Зосимова в вышестоящем штабе. Был инспектор-летчик из Москвы — тоже увез с собой такое мнение. Фамилию Зосимова услышали даже в Главном штабе ПВО страны.

Тот же самый начальник, который возражал против назначения Вадима командиром эскадрильи, теперь вспомнил о нем. Надо было подобрать хорошего летчика на вакантную должность инспектора техники пилотирования. И начальник высказал кадровикам такую мысль: «Посмотрите-ка Зосимова, замкомэска из такой-то... Это же не летчик, а скрипач».

Запросили мнение командира, и Яков Филиппович Богданов дал Вадиму отличнейшую характеристику, хотя ему и жаль было отпускать такого летчика.

Так-то повернулась служба Вадимова. Распрощался он с дивной экзотикой далекого аэродрома, с вулканами и горячими озерами, уехал на материк. Были свои плюсы и свои минусы в этом повороте. Вадиму предстояла интересная, чисто летная работа, сопряженная с непрерывным ростом его мастерства, — разве не об этом всегда мечтал Вадим, влюбленный в авиацию с юности? Будут поступать на вооружение новые машины — Вадиму в числе первых летать на них. Будет какое-то сложное спецзадание — наверняка Вадиму доверят его. Инспектор техники пилотирования... И звучит, кроме всего прочего, неплохо. С другой стороны... Если отслужившие свой срок в отдаленной местности едут в западные округа — на Украину, в Белоруссию, в Прибалтику, то Вадим это свое законное право отныне утратил. Ему еще летать на Востоке, ему служить здесь, на восточной окраине страны, много лет.

А что Варвара, как она отнеслась к его неожиданному и своеобразному выдвижению по службе?

Она радостно, сердечно поздравила мужа, взяв с него при этом слово, что теперь-то он уж непременно поступит на заочный факультет.

Она не покривила душой, сказав, что этот дальневосточный город, куда они переехали, для нее чужой и нелюбимый.

Суровый, штормовой ветер развеял Варины мечты и надежды. Но куда иголка, туда и нитка — эту мудрость житейскую приняла как должное Варвара Пересветова.

В полетах, в командировках минул год и минул второй. Ныне майора Зосимова, инспектора техники пилотирования, хорошо знали на ближних и дальних аэродромах. И он знал многих командиров, потому что почти с каждым летал, проверял выучку, почти у каждого, кто сдавал на первый класс, принимал в воздухе практический зачет. Зосимова знали, уважали и немного побаивались: при всей своей общительности, при своем дружелюбии он не делал никаких скидок, проверяя технику пилотирования. Сплоховал какой-нибудь комэск в контрольном полете — первого класса ему не видать. Придется товарищу долгонько ждать, пока инспектор опять появится на этом аэродроме и повторно примет зачет. Да еще надо будет ловить погоду. Для контрольного полета нужен «минимум погоды»: чтобы, значит, темная ночь и чтобы нижний край облачности держался на высоте метров триста-четыреста, неплохо, если дождик моросящий. Если при минимуме погоды летчик уверенно выполняет задание и заходит на посадку, то при более благоприятной погоде — наверняка слетает.

Проверял Зосимов и начальников постарше себя званием. Прилетит на Н-ский аэродром: ну-ка, товарищ командир полка, садитесь-ка с инспектором в двухместный самолет, в спарку садитесь, да покажите, на что способны. Командуете вы вроде неплохо, требуете строго, а как сами пилотируете? Авиация — это такой род войск, где чем старше командир, тем лучше летать должен. Тут по первому классу летает и сам генерал.

Двухместная реактивная спарка служила майору Зосимову рабочим кабинетом, просторное поле аэродрома было ему академией.

Он уже второй год учился на заочном факульте-

те Военно-воздушной инженерной академии имени Жуковского. Говаривал в шутку, что жена все-таки отдала его в ученье.

XVI

Зосимов позвонил жене на работу:

— Это вы, доктор?

— Я, — ответила Варя, смеясь.

— Домой сегодня не приду. Через час лечу в командировку.

— Куда?

— Да тут, недалеко...

— Надолго?

— На несколько дней.

Варвара помолчала и потом, с обидой в голосе:

— Вчера только вернулся из командировки, а сегодня опять в командировку.

Вместо ответа Вадим просвистел в трубку всем известный мотивчик:

Пора в путь-дорогу,
В дорогу дальнюю-дальнюю-дальнюю идем.
Над милым порогом
Качну серебряным тебе крылом...

Через час все тот же старенький ЛИ-2 уносил офицеров на северо-восток, вдоль реки. Пилотировал машину капитан Бровко. Он пригласил Вадима на правое пилотское сиденье. Как инспектор-летчик Вадим и сам мог занять это место, чтобы проконтролировать командира корабля.

— На проверочку летите, Вадим Федорович? — спросил Бровко.

— Да нет... — возразил Вадим. — В основном для того, чтобы подмогнуть командирам: на крутую спираль провозим летный состав.

Бровко слегка пожал плечами. Ничего не сказал, но, наверное, подумал: «На кой ляд инспектору заниматься инструкторской работой?»

Приземлились на Н-ском аэродроме. Прощаясь, Бровко почтительно выждал, пока инспектор первым

протяиет руку. Был Зосимов когда-то молодым летчиком, был совсем зелеиым, когда Бровко имел уже сбитых иа счету, а теперь стал инспектором. Летая миогие годы иа траиспортиике, Бровко усвоил определеииые нормы обращеиия с начальством — с большим и малеиьким.

Легко, как стрижи, взлетали с Н-ского аэродрома реактивиые МИГи. Уж как верио они назваиы! Одии миг — и умчался самолет, врезаясь в облака. В ясиую погоду летит, иевидимый, иа большой высоте, белым следом режет сииее небо пополам, будто алмаз. Летчики говаривали между собой, что это замечательная машииа, что она иа вооружении уже миого лет и хорошо в авиации притерлась.

И вот по приказу свыше вдруг иачали всех легчиков заиово «вывозить» на пресловутую крутую спираль. Крутая спираль близка к штопору самолета и почти неуправляема. Где-то иа каком-то аэродроме, иа другом коице Советского Союза, был случай, когда самолет, стремительно сиижаясь, так и не вышел из крутой спирали, несмотря иа миогократиые, судорожиые стараиия пилота. Истребитель — ои быстрокрылый, сильный, послушиый, ио не терпит ошибок в техиике пилотироваиия. Иных ошибок вообще ие прощает. Когда он иачииал вертеться в крутой спирали, быстро теряя целые километры высоты, иадо было хладиокровио, точио соблюдая последовательность, сработать рулями — он покорится пилоту безропотио.

Как раз в эту пору майор Зосимов зачастил в комаидировки. А иаходясь иа каком-то аэродроме, не вылезал из кабииы спарки. Обучал летчиков правильиой методике вывода из крутой спирали. В летиом деле так: если у тебя что-то получается хорошо и есть гарантия, что ЧП ие будет, то давай и давай, браток, тебе охотно доверят и твою и чужую работу — только тяии.

Дело инспектора — проверять, а ои взялся за чериовую инструкторскую работу, помогая комаидирам. Старший иачальник ие запрещал ему этого, комаидиры были ему призиательиы.

Лейтенант подошел, чеканя шаг, заученной фразой доложил о готовности к полету. Видно было, парень подрагивает уже от одной мысли, что ему придется лететь с инспектором техники пилотирования.

Зосимов добродушно посмотрел на него. До вылета оставалось еще несколько минут, и он заговорил с ним.

— Послушай, земляк, ваши тут на подледный лов ходят?

Неожиданный вопрос вызвал несмелую улыбку на лице лейтенанта.

— Ходят, — ответил он. — И я тоже.

— А места ты знаешь?

— Знаю одно отличное место. Такие щуки там хватают!..

— Покажешь?

— С удовольствием, товарищ майор.

— Ну вот, хоть один порядочный рыбак встретился, — Зосимов дружески подмигнул лейтенанту. — А то все ведь помалкивают, скрывают рыбные угодья.

Лейтенант рассказывал все охотнее. Напряжение встречи с начальством куда и девалось. Зосимов взял парня за локоть, увлекая к самолету: приближалось время запуска.

Набрали высоту. Тайга и сопки простирались до самого горизонта, величаво извивала свой стан, вся в белом зимнем наряде, река; ниточка железнодорожного полотна обрывалась на берегу; когда лед окрепнет, ее протянут прямо по льду — тут такие морозы, что зимой мостов строить не надо.

Зосимов намеренно загнал самолет в крутую спираль. Скорость вращения все увеличивалась, создавалось впечатление, что машину засасывает в какой-то воздушный омут.

— Видишь, какая она? — пояснял Зосимов. По тону голоса можно было догадаться о его настороженной усмешке под кислородной маской. — Нос самолета наклонен совсем мало...

И правда, нос машины был опущен чуть пониже линии горизонта, как при обычном снижении перед посадкой.

— Но заметь, сколько высоты теряем за каждый виток!

Крутую спираль никто не станет выполнять, как фигуру пилотажа, — такого упражнения в программе нет. Самолет может войти в спираль, например, после штопора, опять-таки при ошибке пилота.

Показав лейтенанту коварную спираль «в живом виде», Зосимов скомандовал:

— Выводи!

Лейтенант начал действовать рулями, невольно проявляя торопливость: земля огромными прыжками подбиралась к самолету, безликая в своей коловерти земля, твердая и тем страшная.

— Не спеши, не спеши из угла выбирать. Надо полностью остановить вращение педалью, — подсказывал Зосимов. Сам думал: «Черта с два ты бы так вывел!» А лейтенанту говорил: — Почти нормально. Набирай высоту, еще разок попробуем.

Во второй раз Зосимов не вмешивался в управление и ничего не подсказывал. Лейтенант сам выхватил машину из воздушного омута.

— Пошли домой, — велел Зосимов.

На следующий полет сел к нему в спарку командир звена, в годах уже капитан. Этот полетал за свою службу в авиации немало. Перед начальством не робел. Выслушав инструктаж Зосимова, схватил самое главное и, выводя самолет из крутой спирали, действовал рулями в нужной последовательности. И все-таки чуть-чуть поторопился. Зосимов завернул ему еще одну спираль да подпустил машину пониже к земле, чтобы не только умение, но и нервы капитана испытать. Ведь командир звена сам летает инструктором.

— Техника пилотирования у вас хорошая, товарищ капитан, — сказал Зосимов уже на земле. — Выдержки иногда недостает. Но это уже характер...

Взгляд капитана померк при последних словах инспектора: недостает выдержки — это же тройка за весь полет, не больше.

А Зосимов сказал то, что думал. На этот раз он имел дело с человеком вполне взрослым, который как летчик-истребитель уже сформировался.

Летал и летал Ваднм в комаидировках. В тихое мириое иебо поднималсн двухместный учебно-боевой истребитель. Варвара, конечно, не знала, что каждый день, в каждом ниструкторском полете ее благоверный нмеет все шансы на пронгрыш.

Часто бывало так, что Вадим ждал до последией возможностн, пока пилот сам выкарабкается из крутой спирали. И еслн ие оставалось в запасе ии высоты, нн времени, если иинспектор уже жадно, как последииЙ глоток, хватал ртом кислород, но пнлот все-такн справлялся с задачей самостоятельио, Вадим устало усмехался своим мыслям. Лучше сейчас вдвоем рискнуть, зато будешь уверен, что лейтенаит не разобьется, когда полетит одии.

На земле Ваднм выкурнвал сигарету до половины и бросал, затнрая с ожесточеиием каблуком. Садились в самолет с очередиым пилотом — и опять все сиачала.

XVII

Так, в разлуке, прошло миого лет у друзей. И все-такн жизиенные путн Булгакова, Зосимова, Розниского н некоторых другнх фронтовнков снова перекрестнлнсь. А как же ниаче? Еще смолоду судьба у ребят складывалась одна иа всех. Что-то нх отталкивало друг от друга, а что-то крепко связывало еще в авиашколе ускорениого тнпа. Вместе воевали на фронте — кто больше, кто меньше, кто преуспел, а кому не повезло. Служнлн потом в далеком-далеком краю, где начиииается день, где столько экзотики и куда тем не менее людей калачом ие замаиишь. С военным братом, правда, разговор короток: командировочное предпнсаиие вручат н поедет, куда пошлют.

У Валеитниа Булгакова минувшие годы прошлн в режиме набора высоты: академию окоичнл, получил иесколько повышенний по службе, почти подряд. Вадима Зосимова «отдала в ученье» его жеиа, учился ои заочио, все у иего шло потрудиее, поскромиее, но по-своему интересио. Кому пришлось горе мы-

кать, так это Косте Розннскому, человеку хорошему н честному, но иевезучему иа редкость.

Впрочем, что толковать да раздумывать, еслн по нынешним временам совсем просто слетать в места ие столь отдалеииые, повидаться, в душу загляиуть друг другу...

В какнх-то четверть часа истребнтель перемахиул море.

С большой высоты, на которой летел сверхзвуковой нстребитель, простнравшаяся виизу местность здорово напомииала географическую карту: зелеиые долииы, серо-коричиевые горы, резко оттенеиные с севериой стороиы, окаймлеиное нзвнлистой лнннией прибоя морское побережье.

Летчнк включнл форсаж — заставнл двнгатель работать всей мощью. В коротнке мгновения преодолення звукового барьера стрелки некоторых прнборов заволновались, сбнлнсь, давая явно ложиые показания, — все это пилоту было зиакомо, н он спокойио продолжал увеличивать скорость.

На земле в это время раздался спареииый залп. И тоже иа иего не обратили особого виимання: не такое уж днво для 1961 года. Местиые жителн прнвыклн к этнм хлопкам, и каждый мальчуган может квалнфицированно поясить, что при проходе звукового барьера в атмосфере возникают скачкн уплотиеиия — малеиькие ударные волиы, оии-то н стреляют. «Непонятно? — Снисходнтельио улыбнувшись, мальчугаи изложнт мысль более популярным языком. Его черные глаза при этом азартио заблестят, от возбуждення уснлится азербайджанский акцент его речн: — Эслн подушку колоть шилом, да? Она сжимается, сжнмается, потом — внстрел! Проткиул! Сверхзвуковой самалет то жи самое. Только снльиее: атмосфера — это тебе не подушка...»

Перелетев море, нстребнтель вскоре оказался над пустыииой местностью. Наведение на цель осуществлялось автоматически — уже не надо было, как прежде, летчику н штурману КП перекликаться по радио. Не надо было пилоту иапрягать до слез гла-

за, вынскивая в бескрайнем иебе воздушиую цель. Радиолокацноний прицел захватнл ее с большого расстояиия, на экраие появился импульс цепн — «птичка», н летчик доложил коротко:

— Захват.

Направляя самолет мелкими доворотами, летчик старался загнать засветку, плававшую по экрану, в угол коорднат, в лузу. Вскоре ему это удалось. И вспыхнула молння под крыльямн: пошла ракета... Секунды велнчайшего напряжеиня переживал пнлот в ожнданин результата своей боевой работы. Мишеиь ему казалась протнвником. Мишенью на сей раз был старый, отслужнвшнй свое самолет, управляемый по радно. Настнгла его ракета. Яркая вспышка гнгантской вольтовой дугой озарнла небо. И посыпалнсь в пустыию мелкие осколкн — развеялся пепел страшного пожара, вспыхиувшего в небе лишь иа мгиовеиье.

Совсем немиого времеии ушло на весь этот полет, в котором свершилось столько событий. На подходе к аэродрому надо было нспользовать разные средства, чтобы сдержать скоростной порыв своей машины, похожей больше иа ракету, чем на самолет. Он сбавил обороты двигателя, выпустнл шассн, выпустнл закрылки. Но скорость все еще была большой. Когда машина коснулась бетоиной полосы — по земным представленням на бешеной скорости, — белым облачком вспыхнул за хвостом тормозиой парашют.

Спустившийся по лесеике из кабииы летчик был в доспехах современиого рыцаря неба; прозрачное забрало гермошлема, туго зашиурованиый высотный костюм. Когда этот марсманнн снял гермошлем, техиик самолета иесмело подступнл к нему:

— Товарищ подполковннк, разрешнте получить замечаиня по работе матернальной частн в воздухе.

— Нету ннкакнх замечанний. Все иормально.

Летчик попроснл поскорее сигаретку — ведь его высотный костюм, надетый поверх белья, ие имел карманов. А уж когда задымнли на пару, отойдя в сторонку от самолета, технику захотелось поговорить.

— Как слетали, товарищ комаидир?

— Нормально.
— Стрельба как?
— Тоже нормально. Ударил ракетой — только искры полетели.

Слова летчика не были похвальбой. Они выражали его восторг полетом, чудо-техникой, которую он держал в своих руках и подчинял своей воле. Не так часто подвешивают ракету и поднимают в воздух настоящий самолет-мишень — только при зачетных упражнениях. Лишь время от времени дают летчику-перехватчику возможность испытать всю мощь его оружия по настоящей цели, и такой день — праздник даже для Булгакова.

Подкатил командирский «газик» и увез Булгакова. Машина затормозила около высокого сооружения КДП — командно-диспетчерского пункта. Булгаков взбежал по крутой железной лестнице на второй этаж. Сквозь стеклянные стены комнаты ломились отовсюду жаркие лучи южного солнца, глазам открывался весь аэродромный простор с шеренгой серебристых самолетов, с бетонкой, убегающей вдаль, с голубыми разливами знойного марева.

С утра уже пекло немилосердно.

Аэродром сверхзвуковых истребителей-перехватчиков лежал в пустынной степи. Далеко от него присел на корточки городок, стремясь укрыться в тени низкорослых, чахлых деревьев. А вокруг, куда ни глянешь, — ничего. Плоская, раскаленная, как плита, степь...

Руководил полетами заместитель командира полка: сидел за пультом в белой панаме и в темных очках, обливаясь потом. При появлении Булгакова руководитель полетов кивнул одному из сержантов-планшетистов. Тот сбегал вниз и принес бутылку минеральной воды.

— Попейте, товарищ командир. Из холодильника, — любезно предложил РП.

Булгаков налил себе неполный стакан, выпил с наслаждением. Передал бутылку планшетистам, и они разделили воду по глотку — такая острая, ледяная водичка редко попадает в рот.

Присев на табурет, Булгаков стал со стороны на-

блюдать за действиямн руководителя полетов. Сам не вмешивался, если даже что-то ему не нравилось. Существенные ошибкн РП он заметывал в памятн, чтобы сказать о них своему заместителю потом, в кабннете. Это был уже не тот Булгаков, горячнй н порывнстый, который командовал эскадрнльей на Востоке девять лет назад. Раздался в плечах, заматерел, над внсками проступилн глубокие залысннны, во взгляде появилась искринка житейской мудростн, свойственная людям, прнблнжающимся к сорокалетнему рубежу. Особый отпечаток наложнли на характер и внешность Булгакова трн последннх года, в течение которых он командовал полком сверхзвуковых нстребителей-перехватчнков. Тяжелая летная работа, большая ответственность, полнота властн — этн факторы делают свое дело...

В разгаре летного дня на аэродроме не было беспрерывного движення н шума, как в прежние времена. Тогда вылеталн на перехват воздушных целей парамн, звеньямн н даже эскадрнльямн, теперь — в однночку. Сверхзвуковой истребнтель, вооруженный ракетами, способен один разметать в пыль целую группу самолетов. Прокатится по аэродрому реактнвный гром, тряхнет бетонно-стеклянную вышку КДП, и опять тишина.

Во время очередной такой паузы, когда ветерок по-хозяйскн сметал с бетонкн облако пылн, оставленной взлетевшим истребнтелем, над аэродромом послышался странный, нездешний звук. Тарахтел моторчнком легкокрылый маленький ЯК-12. И как он сюда забрел, этот четырехместный воздушный лимузнн? Мало того, он отважнлся вступить в переговоры с грозным реактнвным царством.

Руководитель полетов, услышав его запрос, повернулся к Булгакову.

— Чего ему? Заблуднлся небось? — снисходительно улыбнулся Булгаков.

— Похоже, что-то у него забарахлило. Просит посадку.

— Прнмн, конечно.

РП поднес к губам микрофон:

— Борт, борт... Посадку разрешаю.

Крутнувшись над аэродромом, «ячок» тут же и плюхнулся. Пробежал по-птичьи несколько десятков метров.

— Подскажи, чтобы тормозной парашют выпустил! — воскликнул Булгаков и басовито рассмеялся.

Однако встал, пошел к ЯКу сам. Гостя, пусть и нежданного, должен встречать хозяин.

Задрав нос, воробьем сидел около бетонки самолетик. Никаких звезд на нем, трафаретная белая надпись — «Аэрофлот». Булгаков, командир части, идет к нему неторопливо, а прилетевший пилот хотя бы с места стронулся. Еще издали Булгаков пристально и с удивлением вглядывался в него: что за фигура такая?

Пилот стоял в одной рубашке с расслабленным узлом галстука. Он усмехался, показывая при этом целый ряд металлических зубов.

«Костя Розинский?.. — пронеслось в голове Булгакова. — Если это тот самый Костя, «азнат», однокашник, то почему он выглядит старпком?»

Видно, на лице Булгакова было выписано недоумение, когда он приблизился, потому что пилот сказал:

— Ты сделался таким начальством, Булгак, что даже своих не узнаешь.

Они обнялись. Наждачно-жесткая Костина щетина теранула Булгакова по лицу. От Кости пахло бензином и рабочим потом. Вблизи глаза его смотрели устало-устало, но по-прежнему насмешливо.

— Я давно знаю, что ты здесь, — сказал Константин. — А сегодня иду спецрейсом, дай, думаю, загляну. Договорился с диспетчером — он у нас мужик с душой — и подсел. Имею сорок минут времени.

Розинский озабоченно посмотрел на часы. Выходило так, что все зависит от его свободного времени, а занятость командира полка при этом вопросе не учитывается. Булгакова немного задело, но он промолчал.

Стали вспоминать, кто где. Булгаков рассказал о Богданове, Бровко, больше и подробнее — о Ва-

диме Зосимове. Кстати, подполковник Зосимов недавно тоже переведен сюда инспектором техники пилотирования.

— В штабе соединения служит. Примерно в такой же зоне, как наша, только в другом месте, — пояснил Булгаков.

Константин жевал металлическими зубами мундштук папиросы. Его худое конопатое лицо все было изрезано нервными морщинами.

— Вы так и бродите с Зосимовым на пару: на Восток вместе, на Кавказ вместе — вот друзья неразлучные.

— На Востоке мы давно с ним расстались. Я в академию уехал еще в пятьдесят втором. Но с Востока летчики почему-то, как правило, попадают на Кавказ. Не в Сочи, разумеется, а вот в такие места, — Булгаков окинул взглядом степь. — Ну и Вадим Федорович сюда, значит...

— Вот друзья, водой не разольешь, — повторил Константин и добавил многозначительно: — От того, что вы с Зосимовым все время вдвоем, не только вам самим польза, а и вообще...

Взлетающий, дико ревущий истребитель заглушил их беседу. Оба повернули головы, посмотрели вслед уходящему в небо крутой горкой самолету. Металлический треугольник с огнедышащим выхлопным соплом быстро уменьшался в размерах.

— Может, желаешь в кабине посидеть? На земле... — спросил Булгаков.

Константин отрицательно замотал головой:

— Да, понимаешь, некогда...

В кабине сверхзвукового истребителя Константину посидеть очень хотелось, но он сознательно лишил себя этого удовольствия, дабы не бередить старые раны.

— Приезжай как-нибудь ко мне домой, Булгак. Посидим, по чарке выпьем. А то у тебя тут все запрещено.

— Да ничего...

— Приезжай ко мне, Булгак.

— Спасибо. — Ответ Валентина прозвучал сухо-

вато. Дружески-фамильярное обращение «Булгак» пощипывало его самолюбие.

Уже садясь в кабину своего «лимузина», Розинский вдруг переменил тон. Спросил серьезно:

— Давно командуешь?

— Три года, — ответил Булгаков.

— Полковничью папаху ждешь?

— Теперь жарко, зачем она? А вообще представлен к званию полковника.

Розинский кивнул понимающе и уважительно.

XVIII

По этой трассе — давно знакомой воздушной тропе — Розинский мог лететь с закрытыми глазами, он отмерил ее на своем ЯКе сотни, тысячи раз туда и обратно. Трудолюбиво тарахтит моторчик, высота двести метров, скорость сто сорок километров в час... Выше, неизмеримо выше выткал белую нить своего курса истребитель. Может быть, Булгаков полетел, может, кто другой из его части. Вряд ли заметит реактивщик скользящий над землей маленький зеленый ЯК-12, а если и заметит, то посмотрит на него, как на майского жука...

Могла бы и Костина жизнь сложиться иначе, если бы не тот роковой вылет, когда его сбили. Он подорвал тогда свое здоровье, потерял частицу острого птичьего зрения. Но теперь Константин с высоты своего птичьего полета никому не завидует: ЯК-12 тоже хорошая машина, только другого назначения. Константин летает, а это для него главное, это для него все.

Встреча с Булгаковым, конечно, взволновала, разбудила воспоминания.

Что было делать ему тогда, отвергнутому авиацией?

Наниматься на какую-то обыкновенную, земную работу? Нет, на это человек с душой летчика не мог пойти.

Нужда, однако, заставила.

Работал физруком в школе, экспедитором на базе, даже каким-то заведующим. Жеиа устроилась иа работу. Жизнь постепенно налаживалась.

Так прошло четыре года.

Летом сорок девятого Костя попал по комаидировке в Минск. Встретил одного зиакомого летчика — иа фроите тот был комаидиром звеиа в братском полку.

— Здорово, азиат!

— Привет!

— По кружке пива ради встречи?

— Не повредит.

У ларька толпились мужчины, иа пустых бочках стояли янтарные с пеиистыми шапками кружки.

— Ты где теперь, кто ты?

— В Борисове. В одиой оргаиизации работаю... старшим подметалой. А ты?

— А я, братко ты мой, ииструктором-летчиком в аэроклубе.

Его сообщение огорошило Костю. Есть на свете не только ВВС и ГВФ, есть еще и аэроклуб — как можио было выпустить это из виду?!

Аэроклуб в 1949 году только-только заработал после миоголетнего перерыва, связаиного с войной и восстаиовительным периодом. Держался он иа крохотных средствах и на эитузиазме любителей авиации: убогий домик на окраине города — штаб, несколько старых, списаниых и еще раз восстаиовленных ПО-2 в открытом поле — учебио-летиая база.

Как раз на следующий день были полеты, и Костя поехал вместе с приятелем на аэродром-поле. Вдвоем уговаривали начальника аэроклуба взять еще одну должность инструктора-летчика. Доводы иачальиика были каменно-твердыми. Спасибо за то, что разрешил Косте слетать с приятелем. В первые же мииуты пребывания в воздухе Костя освоился с простеньким ПО-2, отпилотировал по всем правилам, рассчитал и сел.

Приятель сказал начальиику аэроклуба, кивиув на Костю:

— Перерыва в летной работе совсем не чувствуется. Летает как бог.

— Охотно верю, охотио верю... — пронзиес начальинк н развел рукамн беспомощно: а места-то все равно нет.

Но обещали нметь Костю в виду.

Ои все время переписывался с другом, использовал любую оказию, чтобы побывать в Мннске. И повезло: однн иисгруктор перевелся куда-то, взялн Костю иа его место.

Приходнлось езднть нз Борнсова на товарных поездах — ведь каждый деиь покупать бнлет в плацкартный вагон ие будешь, прогоришь через неделю. Прнходилось оставаться на время иапряжеиных полетов в Мииске, ночевать где прндется, пнтаться чем попало. Прншлось смнриться со значительной потерей в зарплате. Но Константнн будто ожил, будто иа свет иароднлся, как стал летать. И Марииа, жена, поияла, что иовые трудностн нх семейиой жнзии вызваны иеспроста, что так надо.

На второй год Костииой работы в аэроклубе удалось пристроить семью в Минске. Опять, конечно, плохоиькая комнатуха в частном доме, но жнть можно.

Летая с курсаитамн — ребятамн нз десятнлеток, с заводов, — Константнн все больше увлекался иисгрукторской работой. У него выработалась хорошая методика: он умел передать курсанту навыкн техники пнлотнрования быстро н спокойно, в каждом полете открывая перед ним что-то новое. Курсанты его группы, как правнло, первыми поднималнсь в воздух самостоятельио. Порой Константин вспомннал своего ниструктора Горячеватого и прн этом беззвучио смеялся.

Вместе с самолетами порхало иад аэродромом несколько плаиеров. На ннх треиировалнсь в основиом девчата. Затащат плаиер иа букснре под облака, где восходящне воздушиые потоки посильнее, и вертухается он себе. Парящнй полет плаиера Константину казался просто забавой. Без мотора что за полет?

Но именно на них, на планерах, вдруг предложили летать инструктору Розинскому. Он был удивлен и оскорблен. Но ему пояснили, что таково требование. Опять кто-то вмешался в Костину жизнь. Он ругался, ходил к разным начальникам. Почему ему не дают летать даже на ПО-2 в аэроклубе? Внятного ответа не услышал.

Не знал Константин, что у начальника аэроклуба состоялся разговор с одним кадровиком. «Зарегистрирован случай, — сообщил тот, — когда один летчик пытался летать чуть ли не в очках — близорукий. Набрал высоту вроде бы для отработки пилотажа в зоне, сделал один вираж и... начал падать. Кинулись поздно, потому что никто же не думал. Случайно обошлось без аварии. А то ведь сам мог погибнуть и курсанта, молодого рабочего парня, жизни лишить. Запросто. — Рассказывая об этом, товарищ зорко смотрел на начальника аэроклуба. — Розинский тоже был в аварии, — заметил он веско и потребовал снять Розинского с летной работы. Можно использовать на планерах, если уж такой золотой инструктор.

С месяц полетал Константин на планерах. Работал без всякого интереса. И вскоре бросил. Ушел куда глаза глядели, подальше от аэроклуба, над которым по-прежнему гудели моторчики, для Костиного слуха — выли, как собаки, накликая беду.

Потянулись месяцы и годы, беспросветный перерыв в летной работе, а это все равно, что в жизни перерыв — так понимал Костя. Вернулся он к своему тихому причалу, в Борисов. И когда уже все надежды были потеряны, вдруг вспыхнула радость: на одно из многочисленных писем откликнулись. Как было считать после этого — неудачник он в жизни или счастливчик?

Занесло его добрым ветром на Кавказ, подняло опять в небо на легкомоторном самолете гражданской авиации.

С тех пор, уж скоро десять лет, летает пилот Розинский по коротким трассам местного значения.

В пограничном городке взял ЯК-12 два мешка почты и «почимчиковал» обратным рейсом. Через два с половиной часа приземлился на аэродроме малой авиации — недалеко от аэропорта. В аэропорту садятся и взлетают турбовинтовые лайнеры, чьи голубые трассы распростерлись над всей страной. А здесь, на скромной площадке, — пристанище легкомоторных самолетов, вертолетов и прочей мелочи. Если пассажиру в Москву лететь, он направляется в аэропорт, если куда-то недалеко, родню навестить, он покупает желтенький билетик на местный рейс.

Четыре остановки на электричке, и Константин дома. Он живет в микрорайоне, отброшенном в сторону от громады старого, славного города. Крупнопанельный дом, двухкомнатная квартирка на пятом этаже. Потолки в комнатах наклонные, ибо это заодно и крыша дома. Чтобы склон был менее заметен, хозяин-пилот повесил ковер на стену с небольшим кренчиком.

Дочь, беловолосая, изящная девушка восемнадцати лет, накрывала на стол. Ловко работали ее тонкие руки. Бросил отец фуражку на диван — мимоходом подхватила ее, повесила на место. Пошел отец умываться — свежее полотенце ему подала.

— Устал?

— Не сказать чтобы очень.

А сам плюхнулся на диван, с удовольствием вытянул ноги. С доброй улыбкой следил за дочерью, хлопотавшей то в кухне, то около стола. Только эта приемная дочь у него, своих детей нет, но любит он ее, как родную, а может быть, и больше. Для Ларисы, студентки-первокурсницы, он делает все, что в его силах.

— А где же наша Марина Ивановна? — спросил про жену.

— На подходе, — ответила Лариса, перенявшая многие пилотские выражения отца.

— В баке там еще булькает? — спросил Константин, имея в виду винный бочоночек, хранящийся в ванной комнате.

Лариса прыснула смехом:

— Нацедила уже, в холодильник поставила.

Два коротких звонка у двери. Марина не вошла — ворвалась в комнату, определив по висящей фуражке, что муж уже дома.

— Прохлаждаемся, значит? А бедная женщина страдай без него! — воскликнула Марина, бросаясь к дивану. И началась обычная в подобных случаях возня... — Лара, на помощь! Лара, давай мы его вдвоем отлупим хорошенько.

XIX

Рейсовый пилот живет не по календарю, как все люди, а по расписанию. Ни в воскресенье, ни в большой праздник рейс не может быть отменен. Кому-то хочется в воскресенье лежать на пляже, а кому-то — непременно лететь в гости.

Трое парней в белых рубашках, наверное, собрались на какое-то торжество, может быть, на свадьбу. Рослые, загорелые, с тонкими черточками кавказских усиков. Один постарше, шрам у него через всю щеку.

Константин окинул беглым взглядом своих пассажиров, и чем-то они ему не понравились. Но не пилоту выбирать пассажиров. Трое парней имели билеты до южного пограничного городка, на воскресный рейс, и будь добр, пилот, доставить их на место по расписанию.

Пассажир со шрамом сел рядом с пилотом, два его приятеля — сзади.

— Все готово, шеф? Тогда поехали! — воскликнул тот, со шрамом, нацелив на Костю свои черные, непроницаемые глаза.

Константин не обратил на его слова никакого внимания. Когда надо будет, тогда и «поедем». Дело пассажирское — сидеть да в окошко поглядывать.

Часы показали восемь пятнадцать. Вот теперь пора, точно по расписанию.

Заработал мотор. Техник, стоявший у крыла, выбросил руку семафором: все в порядке, путь в небо свободен.

Высота была назначена диспетчером триста метров. Хорошая высота. В утреннем, подбеленном дымкой воздухе что в молоке: не болтает, не сносит ветром. Пассажнр, сндевшнй справа от пилота, тот здоровяк с перечеркнутой шрамом щекой, поглядывал на землю с нефтянымн вышками, на вндневшнйся впередн городок...

Вдруг Константнн ощутнл появление между собой н пассажнром какого-то постороннего предмета. Не увндел, а почувствовал. Он скосил глаза направо н увндел руку пассажнра, тяжело лежащую на коленях, а в ней — пнстолет.

— Давай прямо, шеф! — приказал он.

«Прямо? Значнт, через граннцу? Ну и гад!..»

Костя крутнул штурвал влево. Тяжелая рука пассажнра вывернула его обратно. Пнстолет поднялся на уровень головы пнлота.

— Молчок, шеф! Илн каюк тебе.

Что-то крнкнул он свонм. Те потащнли Костю к себе, освободнв пнлотское снденье. Рукн у них прямо железные! А сам здоровяк быстро передвннулся влево, взял в рукн штурвал, поставил ноги на педалн и... продолжал пилотнровать машину, сволочь такая! Пнлотнровал он, конечно, плохо: самолет начал рыскать по сторонам, провалнваться н вскндывать нос, будто ровная воздушная дорога внезапно кончилась н начались ухабы. Долететь н так можно, но посадка!..

Онн отпустилн пилота, разрешив ему занять свое место. Шнур от ларннгофонов к радиостанцнн предварнтельно оборвали.

Времени на раздумья — считанные мннуты, временн почти нет. И все-таки, почему онн самн не повелн самолет дальше, почему вернули ему штурвал? Ковылять по прямой может, сесть не сумеет — вот почему. Ну так он нм устронт посадку!

— Договорилнсь, шеф?! — орет сидящнй справа.

«Пора!..» Константнн резко повел машину на сниженне.

Взвылн они, как шакалы. Сбоку, сзади вонзилнсь в тело пилота два ножа.

— Давай вверх, давай прямо!!!

Нестерпимая боль. Руки вынужденно взяли штурвал на себя.

Внизу пропал ориентир, над которым положено разворачиваться влево. Дальше впереди — пограничная зона. На дороге стоит машина. Люди запрокинули головы, кто-то машет приветственно шляпой. Знали бы люди, что происходит на борту четырехместного самолета! А что бы они могли поделать, если бы даже знали?

Константин выровнял машину. Полминуты передышки! Он часто дышал открытым ртом.

— Вот так и топай!

«Так? — Жгучая ярость охватила Константина. — А хрен тебе в глотку... Чтоб голова не качалась!»

Он дал полный газ, рывком штурвала вздыбил машину. Потом энергично сработал рулями, отчего те трое завалились на борт. Истребитель при таком положении рулей сделал бы отличный переворот через крыло с последующим пикированием в обратную сторону. Костин же «лимузин» не способен был на это. Но все же он перевернул его раком — боком, заставил его хоть разок за всю жизнь вертануться по-истребительски. С двухсот метров — что там пикировать?? Секунда-другая, и вот — земля. Скорость превысила допустимую. Еще мгновение и...

Нож глубоко воткнулся в тело, под ребро. Но сейчас не так больно... Почему не больно? И почему потемнело в небе, где только сейчас так ярко светило солнце? Вот и все...

На бешеной скорости, с креном, «ячок» пропахал по земле. Снесло шасси. С треском ломались хрупкие конструкции.

В наступившей жуткой тишине визжал ротор гироскопа, который продолжал бешено вращаться в своей металлической коробочке.

Этот комариный зуд и услышали люди, подбежавшие к разбитому самолету.

Четыре ножевых ранения, перелом ноги и сотрясение мозга при ударе самолета о землю. Врачи по-

качивали головами: в чем еще душа держится? Порой он впадал в беспамятство, и тогда надежды на спасение оставались слабыми, как огоньки тлеющего костра.

Однако выжил пилот. Медицинские светила лучшей клиники сделали все, чтобы он выжил.

А потом потянулись долгие месяцы заточения в больничной палате. Навещали друзья-пилоты. Однажды приехал сам начальник республиканского управления ГВФ. Не привыкший к такому вниманию и почету, Константин беззвучно смеялся, когда за посетителями закрывалась дверь.

Марина и Ларочка бывали каждый день. С ними было просто и хорошо. Втроем они могли оживленно разговаривать, могли молчать, держась за руки, и порой казалось Константину, что он дома.

Всякий раз Константин с нетерпением ждал обхода профессора. Несколько капризный, но веселый человек: в небрежно накинутом халате появлялся в сопровождении целой свиты врачей и сестер. У Константина был к профессору всегда один вопрос: будет ли он летать?

— Все в наших руках, маладой чэлавэк, все в наших руках... — шутил профессор. У него был взгляд гипнотизера, он видел человека насквозь.

Приехавшие однажды друзья-пилоты рассказали Косте, с чего началась и чем кончилась вся история, — в управлении уже стало известно. Один из троих был матерый преступник, он при аварии самолета разбился насмерть, а два его компаньона — просто так, шалопаи. Отделались легкими ушибами, теперь сидят за решеткой. Заодно попал под суд один молодой пилот, который, не подозревая того, стал соучастником преступления. По своей глупости влип.

С некоторых пор на аэродроме легкомоторной авиации стал бывать рослый мужчина со шрамом на щеке. Иногда покупал билет на какой-нибудь рейс — туда и обратно. Заводил знакомства с пилотами. И вот нащупал одного молодого дурачка. Подружились. Он приглашал пилота в ресторан, вместе ездили к веселым девочкам. Как-то сказал этот друг, что завидует пилотам, которые летают, как вольные пти-

цы. И добавил, что летать, наверное, очень трудно. Молодой пилот ответил: «Ничего сложного, летать можно научить даже медведя». — «Ой ли?» — «Запросто!»

Условились отправиться вместе в рейс — такой рейс подобрать, чтобы других пассажиров не было, — пилот обещал поучить друга своему искусству. Из хвастовства пообещал, потом выполнить не хотелось, но пришлось — ведь слово дал.

Молодой пилот летал как раз по такой трассе, где возили в основном почту, а пассажиров было мало — изредка сядут один-два. Другу пилота очень понравилось учиться летать. Он покупал билеты чуть ли не на каждый третий рейс, денег у него всегда было много.

После десятка подпольных инструкторских полетов пилот разрешил другу в воздухе пересесть на свое пилотское место и вести машину самостоятельно. Не очень ладно, но получилось: по прямой мог вести. «А посадить машину трудно?» — спросил друг. Его почему-то совершенно не интересовал взлет, только — посадка. «До этого еще очень далеко, — ответил пилот. — Посадка — самый сложный элемент полета».

Это озадачило друга. Он наморщил лоб и сгримасничал так, что шрам у него на щеке шевельнулся змейкой.

Внезапно друг куда-то исчез, не появлялся на аэродроме с месяц.

Однажды в воскресенье он приехал с двумя приятелями. Приобрели билеты на другой рейс, совсем в другую сторону. Так готовился побег за границу. Не просто готовился. И возможно, все бы удалось тем троим, напади они на какого-нибудь другого пилота, а не на Костю Розинского — офицера запаса, бывшего истребителя.

XX

Так и не собрался Булгаков в гости к Розинскому, хотя подумывал об этом не раз. Дела не пускали. Он, конечно, начальник, он у себя в гарнизоне

всему голова, но чтобы уехать куда-то, даже в воскресенье, — надо разрешение вышестоящего штаба. Солдату срочной службы легче получить увольнительную записку, чем командиру полка — отпуск на денек.

Все откладывал да откладывал Булгаков поездку, а с «плана» все-таки не снимал. А тут... прочитал о Косте в газете. В корреспонденции была подробно описана борьба в воздухе на маленьком ЯКе и подвиг пилота, сообщалось, что Розинский награжден орденом Красного Знамени.

— Вот Шкапа ленивая! — восторженно воскликнул Булгаков, вспомнив юношеское прозвище друга. — Это же Шкапа, и больше никто!

Булгаков просматривал газеты у себя в кабинете. Сидел один, что редко бывает. Ему захотелось сейчас же кому-то рассказать о замечательном парне Косте Розинском. Позвонил дежурному.

— Пригласи замполита ко мне.

— Есть!

Через минуту в кабинет вошел подполковник Косаренко, заместитель по политчасти. Молодой, крепкий, смуглый, что цыган. Частая белозубая улыбка выдавала в нем человека веселого, таким он и был на самом деле. На кителе — значок летчика первого класса.

— Читал? — спросил Булгаков и показал на газету.

Косаренко, конечно же, догадался, какую статью имеет в виду командир.

— Про пилота? Читал. Героический парень.

— А знаешь ли ты, что это тот самый пилот, который однажды прилетал к нам? Помнишь, еще летом садился здесь «ячок»? Так это был он, Костя Розинский, мой однокашник по училищу.

— Вот этого не знал, товарищ командир.

Булгаков откинулся на спинку кресла. Замполит присел к столу.

— Учились вместе, на фронте были в одном полку и в одной эскадрилье, — продолжал Булгаков. Глаза его прищурились, будто пытались заглянуть

в далекую даль минувшей молодости. — Не повезло ему, правда, в службе.

— А что?

— Да при аварии самолета немного ослеп; на несколько дней всего! Вернулся в полк. Но сразу же после войны уволили. Помнится, я пробовал вступиться за Костю, так меня самого отчитал кадровик. А Костя Розинский, безусловно, всегда отлично чувствовал машину. Мы, летчики, знали его и верили в него, только нашего мнения никто не спрашивал... — Булгаков потянулся за сигаретой. Прикурив, изменил тон: — Надо будет с летным составом работу провести по статье — так я понимаю?

Замполит кивнул утвердительно.

— Человек совершил подвиг, награжден в мирное время боевым орденом. Воздушные рубежи приходится охранять, оказывается, не только на сверхзвуковых истребителях, но и на аэрофлотском ЯКе.

— Точно, точно, товарищ командир, — сказал замполит. — И я думаю, что лучше выступить перед летчиками не мне, а вам. Ведь Розинский ваш бывший сослуживец, вы его хорошо знаете.

Булгаков секунду подумал.

— Пожалуй, ты прав, Иван Максимович. Я расскажу летчикам о Косте. И даже сейчас, не откладывая.

Они вместе вышли из кабинета, продолжая разговор. Булгаков обращался к замполиту на «ты», а тот к нему — на «вы». Булгаков называл замполита по имени-отчеству, Иваном Максимовичем, или просто Иваном, а тот его — «товарищ командир». Может быть, потому, что замполит помоложе. Так повелось с первого дня их знакомства, и это внешнее неравенство не мешало им дружно работать, не исключало взаимного уважения и доверия.

В день предварительной подготовки к полетам народ малыми группками разбредается по аэродрому: одни в штурманском классе карты клеют, другие на тренажере «пилотируют», третьи расчетами занимаются, блуждая по густой паутине сложно-

го графика. Где бы ни появился, о чем бы ии заговорил подполковник Косаренко, сейчас же собирался около него тесный кружок. Особенно льнули к иему молодые лейтенанты. Замполит, как и комаидир части, был для них начальником, но меиее строгим, более доступиым. Ои занимался всякими мероприятиями вплоть до художествеиной самодеятельиости и наряду с этим являлся летчиком высшего класса. Если надо, его поднимут в иеиастиую ночь иа перехват воздушной цели; если надо, он сядет в инструкторскую кабину, чтобы обучать лейтенанта технике пилотирования; если надо, займет место посажеиого отца на комсомольской свадьбе — гости будут смеяться и плакать.

В авиации любят политработников летающих. Такому простят иаспех подготовленную лекцию, которую он едва дотянул до конца иа одних цитатах, иа него ие обидятся, если иа полетах под горячую руку ругиет кого-ибудь крепким словцом. Кабииет такого политработника вскорости стаиовится излюблеиным местом офицеров, и там вечно будет висеть десятибалльиое облако табачного дыма.

Черно-смолистая шевелюра, широкоскулое лицо, воспаленный блеск глаз сквозь узкий прищур ресиниц и этакий мужествениo-грубоватый басок — все в облике молодого замполита светилось человеческим обаяиием.

За глаза Косаренко иазывали комиссаром. Был ои между тем потомствеиным комиссаром. Его отец, политработник того же полкового звена, погиб иа фроите, когда Ванюше было шестнадцать лет. Об отце сохранились у Вани в основиом довоенные, мальчишеские воспоминания — предаиные, пылкие, подсолеиные слезой безвозвратиой утраты. А однажды фронтовой друг отца, оставшийся живым, при встрече с Иваном, уже летчиком-истребителем, рассказал ему такую историю.

...В сорок втором году Н-ский ЗАП — запасный авиационный полк — базировался в глубиие России. Тылом его место дислокации можно было назвать лишь по довоенным географическим представлеииям. А тогда, в сорок втором, фроит извилистой огнеиной

трещиной раскалывал страну почти что пополам. Летали, если ЗАПу выделяли бензин, голодной оравой осаждали крохотную столовую, обедая в три очереди, ходили в наряд. Заветной мечтой каждого заповца было вырваться на фронт.

Как раз в то время прибыл новый заместитель командира по политчасти. В такое хозяйство, как ЗАП, любого могли назначить, но чтобы прислать в авиацию кавалериста — до этого надо было додуматься!

Появился он впервые на аэродроме: фуражечка лихо сдвинута набекрень, красные лампасы и — о чудо! — шпоры на сапогах. Вышагивал вдоль самолетной стоянки, а они: дзинь-дзинь.

Начал постепенно знакомиться с народом. Подход к людям имел. Его мужественный, немного сиплый бас настраивал на бодрый тон, а черный чуб, выбивавшийся по-казачьи из-под фуражки, вызывал откровенную симпатию. Мужик, видать, толковый. Но что он понимал в авиации, как ему хотя бы со временем вникнуть в сущность весьма незавидных заповских дел?

Механик Чуркин, человек прямолинейный, нестеснительный в обращении с начальством любого ранга, сказал ему однажды:

— Вообще-то, товарищ майор, по аэродрому в шпорах ходить неудобно. Тут ведь самолеты. Можете зацепить ненароком за перкаль и распорете справа налево.

Замполит ожег его взглядом черных блестящих глаз.

— Неудобно знаешь что? Штаны через голову надевать.

Чуркин прикусил язык.

А майор пошел дальше. Завернул к И-16-м, старым истребителям, на которых уже почти не летали. Небольшой, с округлым туловищем-фюзеляжем, на высоких шасси — может быть, И-16 отдаленно напоминал кавалеристу коня? Во всяком случае, замполит, приблизившись к самолету, похлопал его по крутобокому фюзеляжу. Механики втихомолку прыс-

иули: чего доброго, вскочит верхом иа И-16 да пришпорит его по-кавалерийски.

Несколько дней спустя замполит вышел иа аэродром уже в авиациоииой форме: фуражка с «крабом», голубой каит иа брюках — все как положеио. Перевели служить в авиацию, зиачит, и форму иадо смеиить соответствеино. На его месте каждый бы так поступил. А тут пошли разговорчики: «Перелицевался. Долго ли? Зачет по техиике пилотироваиия от иего ие требуется». Замполит ие обращал вниманиия на эти разговорчики. Но авторитет его в ЗАПе пошатиулся. То, что ои с такой легкостью превратился из кавалериста в авиатора, миогим ие поиравилось: ие соображает в летио-техническом деле, а «краб» нацепил.

Одиажды в деиь иаземиой подготовки, когда иа аэродроме было миожество иароду, замполит подошел к самолету Чуркииа.

— Ну-ка, товарищ сержаит, позиакомьте меня с вашей техиикой.

Чуркии сиисходительио улыбиулся. Когда с иим старшие обращались вежливо, ои иаглел.

— Я вам так скажу, товарищ майор: это с девушкой можио в один вечер позиакомиться, а самолет иадо изучать долго.

— Начием с малого, — сказал замполит, пропустив мимо ушей разглагольствоваиия Чуркииа.

Когда майор полез в кабииу, около самолета иачали собираться летчики, техиики, механики.

В кабиие иа пилотском сидеиье лежал парашют. Майор разобрал лямки подвесиой системы, надел их и защелкиул карабииы. Между передиим стеклом фоиаря и прицелом был затисиут шлемофои. Майор надел и шлемофои. Сидит, рычаги трогает, приборы рассматривает. Потом к Чуркииу:

— Заправлеи?

— Полиостью, — ответил механик.

— К полету готов?

— Хоть сейчас. В аккурат командир эскадрильи собирался лететь.

— Попробуем мотор, — неожиданно решил замполит.

Чуркин вскочил на крыло, склонился над кабиной, чтобы показать майору кое-что. Все подготовительные операции к запуску они проделали в две руки.

— Теперь остается только нажать кнопку вибратора...

Эти слова механика потонули в мощном шуме заработавшего двигателя.

Чуркин спрыгнул на землю и встал на свое место — у левого крыла. Выразительным жестом пояснил собравшимся: пускай погазует майор хоть на земле. Пускай...

Некоторое время двигатель молотил на малых оборотах, потом заревел, в его шуме появились угрожающие интонации. Вот опять маленько притих. Майор подозвал к себе Чуркина, и тот прибежал, как говорится, на полусогнутых.

— Уберите колодки! — прокричал майор Чуркину.

Это уж слишком! Пока тормозные колодки цепко удерживают колеса на месте, можно газовать — никуда самолет не денется. Но если колодки убрать, он же двинется вперед... Чуркин раскрыл было рот, но так ничего и не сказал. Властный, твердый взгляд замполита приказывал слушать да исполнять. Когда старшие начальники смотрели вот таким образом на Чуркина, он моментально сбрасывал личину нахальства, будто лишнюю одежду, мешавшую работать.

Нырнув под крыло, Чуркин сильно дернул за веревку, вытягивая левую колодку. Так же быстро убрал правую.

Никто из стоявших в сторонке офицеров не успел вмешаться.

Истребитель взревел и пошел на взлет. Прямо со стоянки! Толпу любопытных обдало теплой воздушной струей.

Набрал истребитель высоту и появился над аэродромом. Вираж влево, вираж вправо. Переворот — петля — боевой. Управляемая бочка...

Отпилотировав, зашел на посадку.

Он шагал к оторопевшей, восхищенной толпе, похлопывая ладонями — так отряхивает руки от опилок мастер, выточив новую деталь. То, что замполит проделал в воздухе, и впрямь было мастерским произведением. Оно существовало лишь мгновение, не оставив в небе ни тени, ни следа, но всем запомнилось.

Его окружили.

— Так вы, оказывается, летчик, товарищ майор?

— Летчик. Командиром звена войну начинал.

— А как же в кавалерию попали?

— Как попал, так и попал... В тяжелых боях полк потерял почти весь летный состав, почти всю материальную часть — четыре самолета осталось, да и те пришлось сжечь. В окружении особенно не интересовались биографией, совали туда, где надо было дыру заткнуть.

— Вы что же, товарищ майор, и на коне умеете... пилотировать?

— Научился, когда шастали по вражеским тылам.

С того дня майор влился в летный строй полка. Именно «влился», как любят говорить в военной среде. Может быть, это слово звучит несколько необычно, когда речь идет о человеке, прибывшем в новую часть, но вместе с тем оно очень точное по смыслу. Чтобы стать неотъемлемой частицей коллектива, надо показать себя в деле, проявить страсть, надо расплавленной каплей влиться в металл, и тогда уж будет крепко и навсегда.

Отпные летчики ходили за ним табуном, верили ему на слово. Он говорил, что должны скоро дать бензин, в то время как на складе ГСМ давно сохли емкости; он утверждал, что наши войска готовятся к решающему удару, хотя враг удерживал позиции на Волге; он твердо говорил, что победа в конечном счете будет за нами, хотя тогда, в сорок втором, ни в какую подзорную трубу невозможно было разглядеть нашу далекую-далекую звездочку-победу. Его убежденность и стойкость, его партийность передавались

летчикам. Каким-то особым способом передавались — что-то вроде самоиндукции...

Не только эту историю рассказал друг отца Косаренко, когда нашел Ивана: рассказал много других случаев из жизни Косаренко-старшего. Тем более что стали ветеран и молодой летчик соседями по дому, часто встречались и подолгу беседовали. Рассказывал фронтовик о воздушных боях, проведенных вместе с замполитом, о его тонкой, умной работе с людьми на земле, о его сердце комиссара. Рассказал и о том, как погиб гвардии подполковник Максим Косаренко.

...Сопровождали ИЛов на штурмовку переднего края. Черновая, к тому же адская работа: глушить огневые точки, выковыривать фрицев из блиндажей и окопов. Замполита, как всегда, не пускали, а он, как всегда, полетел. В самый разгар штурмовки в боевой круг начали затесываться «мессеры» — и где только взялись! Истребители прикрытия оттянули их на себя. Дрались долго и ожесточенно: ИЛы тем временем заканчивали свою работу. Замполит двух сбил в том бою. А в конце схватки его самого как-то подловили: истребитель загорелся, и пришлось покинуть его без промедления. Высота была небольшая, замполит раскрыл парашют. Перед тем как приземлиться ему, может, за три секунды до земли, поддел его на огненную пику трассы проносившийся «мессершмитт». Весь израненный, упал замполит. Да если бы в расположении наших войск упал, а то на ничейную землю угодил, на нейтралку. Долго пролежал там, истекая кровью. Пока-то наши утащили его оттуда... Спасти уже не могли. Но он до последнего дыхания был в ясном сознании. Велел отвезти на аэродром документы, продиктовал адрес семьи. Велел друзьям найти после войны сына и передать горячие объятия — так он сказал перед смертью: горячие объятия.

Не сразу после войны удалось другу отца найти Ваню: сам попал надолго в госпиталь. Встретились уже в сорок восьмом году, когда Иван Косаренко успел окончить летное училище, носил на плечах лейтенантские погоны. И тогда фронтовик передал

сыну отцовские горячие объятия, как сумел: рассказал о нем. В тех простых, пересыпанных «летунскими» словечками рассказах возник перед Иваном живой образ отца и стал ему в жизни и в службе светочем.

Чудо-техника сверхзвуковой авиации заставляет подчас думать, что все люди на аэродроме попали в окружение живых, разумных машин.

Сквозь стену-окно командно-диспетчерского пункта видна бетонная полоса — прямая, широкая дорога в небо. Вдруг сейсмическая волна пошла по аэродрому. Сверкающий серебром оперения, яростно ревущий истребитель с разгону полез в небо, пронзил белогрудую тучку. В радиодинамике звучит голос металлического тембра, и вроде бы не пилот докладывает, представляется устремленная в атаку машина, железная птица, оглашающая небесные просторы победным, восторженным кличем: цель вижу!

Вскоре на КДП появился тот, кто управлял в воздухе крылатой супермашиной — подполковник Косаренко, замполит полка.

XXI

Во время обеденного перерыва в столовой протяжно, требовательно зазвонил телефон. Дежурный взял трубку и слегка побледнел, услышав команду:

— Весь летный и технический состав на аэродром немедленно! Боевая тревога.

Были оставлены на столах дымившиеся ароматным парком тарелки, графины с янтарным квасом. Летчики и техники опрометью выскакивали в настежь открытую дверь, а около столовой их уже ждали автобусы с заведенными моторами.

В прошлом тревога объявлялась внезапно на рассвете, в субботу, в воскресенье, но слухи о предстоящем учении, несмотря на бдительность старших начальников, каким-то образом просачивались в полк накануне, и все знали, что это очередная проверка боевой готовности. Старались, конечно, действовать, как в боевой обстановке, каждый стремился добросо-

вестно исполнить свою роль в игре при активной режиссуре командира. Однако сознание того, что все делается по учебному плану и что ничего, кроме дождя, на голову упасть не может, сдерживало усердие людей в определенных диапазонах.

На сей раз объявили тревогу во время обеденного перерыва — необычно. Предварительных «импульсов» об учении не поступало. Поднялись в воздух дежурные перехватчики.

Учение или война?

Никто не знает. Спрашивать у старших не положено.

Как только прибыли на аэродром, поступила команда — срочно готовить боевую технику.

И закипела работа, при которой — пот в три ручья. Адски сложная машина — сверхзвуковой истребитель; чтобы она взлетела, надо проделать множество технических операций.

Может быть, в самом деле война. Может быть, стратегические бомбардировщики противника уже на боевом курсе, а его межконтинентальные ракеты уже в полете.

Время и еще раз время! Оно стало ныне решающим фактором победы или поражения, жизни или гибели.

Совсем немного времени прошло с момента объявления тревоги, а истребители уже взлетают.

А гарнизон, маленький городок в степи, прирос к месту и никуда уйти не может. Если по аэродрому будет нанесен ядерный удар, кучку домиков сметет с лица земли, как сметает порывом ветра ореховую скорлупу. Летчикам это известно. Для их жен — тоже не секрет. Первейший долг рыцарей неба не в том, чтобы защищать свои хаты, а в том, чтобы прикрыть от ударов крупные промышленные центры и жизненно важные объекты страны.

Перед вылетом по тревоге Булгакову очень хотелось позвонить домой. Рука сама тянулась к телефонной трубке. Но он сдержался. Что сказать жене, когда в трубке прозвучит ее голос? Береги сына, береги себя? Это были бы пустые слова, а Булга-

ков распространяться попусту не любил. Так же, как другие летчики полка, он поднял в воздух свой истребитель.

В памяти людских поколений — много, много войн. И всегда было так, что солдаты уходили на фронт, а мирные жители оставались в тылу. На фронте побеждали в боях и погибали при поражениях; в тылу худо-бедно, но жили. Война, которая может охватить землю теперь, обещает быть не такой, как прежде. Люди знают о ней пока что лишь по предположениям военных специалистов. Норов и лик ракетно-ядерной войны чудовищный.

На рабочей карте командира авиачасти, охватывающей сравнительно небольшой район боевых действий, вылупились в разных местах оранжево-зеленые круги атомных взрывов, поплыли ядовито-желтыми языками радиоактивные облака. В несколько мгновений цветущие земли превращены в пустыню.

На командном пункте работают офицеры штаба и солдаты-планшетисты. Обстановка уже прояснилась, уже известно, что начались тактические учения, а не война. Булгаков склонился над своей рабочей картой. Все, что нанесено на ней цветными карандашами, вся эта устрашающая роспись — просто рисунок. К счастью, он ни одним своим штрихом не отражает сегодняшней мирной действительности.

— Перекурим, — говорит Булгаков замполиту.

А вокруг — рыжая, голая степь простиралась до горизонта. С юго-востока к ней подступали отроги невысоких гор, покрытых мелколесьем, — где-то там оборудованы самолетные стоянки, скрытые под маскировочными сетями.

Когда Булгаков и Косаренко вышли на воздух, как раз взлетел уходивший на задание истребитель.

Булгаков проводил самолет глазами. Лейтенант Щеглов ему нравился, из молодых летчиков это был самый сильный.

— Как ты считаешь, Иван Максимович, способен такой, как, скажем, Лешка Щеглов, сегодня воевать?

Косаренко подумал, прежде чем ответить на такой вопрос.

— Я имею в виду современную боевую обстановку, — уточнил Булгаков. — Когда будут ядерные удары, когда в первые же минуты войны на нашем аэродроме останется эскадрилья или, может быть, всего несколько экипажей и каждому летчику придется действовать самостоятельно...

— То есть речь идет о моральной готовности летчика?

— Вот именно.

— Лично я уверен, что каждый из наших к смертному бою готов, — веско сказал Косаренко. И продолжал задумчиво, но убежденно: — Вспомните войну, товарищ командир. Вы ведь фронтовик и лучше меня знаете, как воевали наши летчики, такие же молодые ребята. Самому-то вам сколько лет было?

— Ну, двадцать один...

— Комсомольский возраст! — воскликнул Косаренко. — А кучу «мессеров» насшибал. — Он уважительно посмотрел на орденские планки командира.

Булгаков сдвинул на лоб фуражку, стараясь этим жестом скрыть смущение.

— Не обо мне речь, Иван Максимович.

— Я к примеру, товарищ командир.

— Поищи другой пример.

Они вернулись на КП.

Ночь прошла в относительном затишье: изредка появлялись на дальних рубежах самолеты «противника», разведчики; массированных налетов не было.

Внезапно усложнилась воздушная обстановка с рассветом. На зеленоватом кругу экрана засветилось множество белых точек — цели полезли к объекту с разных сторон. Порой некоторые засветки исчезали. Это значило, что бомбардировщики «противника» переходили на малые высоты, где локаторы не могли их взять.

Тем не менее перехватчики выполнили свою задачу, как оценил Булгаков, неплохо — ни одному бомбардировщику не удалось прорваться к городу. А если бы какой прорвался, тогда всем стараниям

перехватчиков цена бы нуль, потому что даже один бомбардировщик способен нанести большому городу смертельный ядерный удар.

А ночью вдруг опять боевая тревога. Несколько бомбардировщиков летели на этот раз на огромной высоте, в стратосфере.

Булгаков поднес микрофон к губам. И тут повис у него на руке командир эскадрильи:

— Молодых не выпускайте, товарищ подполковник. Не стоит рисковать, товарищ подполковник!

— Ты не уверен в подготовке своих летчиков? — спросил Булгаков. — Зачем тогда второй класс им присваивали?

Штурман наведения подсказал командиру, что если поднимать перехватчиков, то сейчас, через две-три минуты будет поздно.

— Каркаешь ты! — грубо прикрикнул на него комэск. — Наплевать на твои цели! Они учебные. Лучше пропустить учебную цель, лучше двойку за перехват, чем брать на себя такую ответственность.

— Я докладываю обстановку, товарищ майор, а ваше дело решать, — пробормотал штурман наведения в замешательстве. Бывший летчик, недавний подчиненный этого же самого майора, он явно стушевался, услышав начальственный окрик.

— Гляди в экран и помалкивай. Ты за свои чертики-импульсы отвечаешь, а я за людей.

Булгаков с мрачным видом слушал перепалку офицеров. У него набухли щеки, отяжелела нижняя челюсть — верные признаки, что Булгаков сердит крайне. Офицеры его привычки знали: он не повысит голос в минуту гнева, не станет ругаться, он будет диктовать короткими рублеными фразами свою волю, и уж тогда попробуй перечить!

— Снимаю ответственность с командира эскадрильи, — сказал Булгаков. — Беру на себя.

Майор пожал плечами, но промолчал.

— Поднимайте всех, — приказал Булгаков по радио.

Вскоре на индикаторе кругового обзора возникли белые точки — импульсы своих перехватчиков. А раз они показались на экране, значит взлетели.

Лейтенант Щеглов перехватил цель почти на предельной высоте. Провел точную, короткую по времени атаку. Его навели на вторую цель. И тут он сработал, как зрелый воздушный боец.

— Шасси выпустил, прошу посадку, — прозвенел в динамике молодой, бодрый голос.

— Разрешаю, — отозвался Булгаков.

В помещение КП донесся затухающий гул истребителя.

Булгаков встал со своего вращающегося креслица, пригладил ладонью редеющий хохолок волос.

— Щеглову стоит, по-моему, объявить благодарность за отличный перехват, — сказал он. И добавил вполголоса, только для комэска: — Зря раскудахтался... Перестраховщик.

XXII

Подполковник Зосимов время от времени наезжал, вернее налетал, сюда вместе с начальством. Вадим Федорович служил теперь в штабе и его, опытного инспектора техники пилотирования, часто включали в группу генерала, когда тот вылетал куда-либо в часть.

Так и в этот раз. Диспетчеру КП стало известно, что на аэродром держит курс ИЛ-14 с бортовым номером «01». Сейчас же разыскали командира части — он находился в одном подразделении на дальней точке — и доложили ему о нуль-первом. Булгаков примчался в штаб, бросил налево-направо несколько распоряжений, мигом подхваченных подчиненными, сам же усилием воли привел себя в состояние готовности к любым неожиданностям — за время командования частью он этому обучился.

«Единичка» приземлилась мягко и осторожно, а порулила, куда ей нравилось, не обращая внимания на флажки дежурного техника, выглядевшего какой-то малозаметной букашкой на рабочем поле аэродрома.

Выключили моторы. По трапу спустился генерал, за ним — офицеры.

Булгаков четко доложил. На первые два-три вопроса командующего он ответил толково, даже оригинально, и сразу же их беседа приняла непринужденно-деловой тон, при котором раздражительность и окрики со стороны высокого начальства надежно исключаются. Булгаков увидел Зосимова среди сопровождающих, подмигнул ему дружески и немного снисходительно. Поздороваться как следует сейчас просто не было возможности.

Вопрос боевой готовности истребительной авиачасти ПВО — это такой всеобъемлющий вопрос... Прибывшие офицеры занимались каждый по своей службе, щупая натренированными руками и пронизывая зоркими глазами специалистов самую глубинку, самое существо. Генерал сказал, что они постараются не нарушать служебных планов, что их цель не столько контролировать, сколько помогать на месте. Все это хорошо, но люди все равно пребывали в напряжении и, будь их воля, от квалифицированной помощи охотно бы отказались.

Под вечер генерал куда-то уехал, прихватив с собой только адъютанта. Атмосфера несколько разрядилась. Булгаков сейчас же нашел Зосимова.

— Ну, здорово, Вадим Федорович! Давай хоть за руку подержимся, а то ты все с начальством, не подступиться к тебе.

— Если сказать честно, так это вас, товарищ командир полка, не оторвать было от начальства; как пристроился в правый пеленг к генералу, так и ходил весь день.

— Меня не отпускали.

— Видали мы, Валентин Алексеевич.

Слово за слово, и они слегка поцапались. Будто борцы во время разминки перед матчем — натерли друг другу уши до малинового цвета.

К ним подошли другие офицеры, и тут Булгаков, который всегда был остер на язык, хватил лишнего.

Взяв за локоть одного майора, он при всех погромче спросил его:

— Как идет проверка? Много ли недостатков накопали в твоей эскадрилье?

— Мала-мала есть, — отшутился майор.

— Гляди в оба! — Булгаков покосился в сторону Зосимова. — А то мой друг, Вадим Федорович, прилетел с задачей иаковырять как можио больше отрицательных фактов.

— Ошибаешься, Валеитии Алексеевич, и других неверно ориеитируешь, — холодно возразил Зосимов. Он отвериулся, ие желая больше об этом говорить.

— Знаем, знаем, — не уиимался Булгаков. Колюче заблестели его глаза, иеприязненно заиграла усмешка на губах. — Стоит вам записать какой-нибудь «крючок» в докладную, так его потом всей своей службой ие сотрешь. На каждом совещаиии будут тебя склоиять.

На иекоторое время залегло неловкое молчание. Хорошо, нашелся товарищ, сумевший перевести разговор на другую тему.

Время близилось к ужину, и все потянулись не спеша в столовую — кто в летную, кто в техническую.

А вечером попозже Булгаков стал приглашать Зосимова к себе домой:

— Зайди, Вадим Федорович, ты ведь у меия здесь еще и ие был. Чайку попьем...

После едких шуток и вольностей, допущеиных Булгаковым, Вадиму Федоровичу идти к иему домой просто не хотелось. Ои попробовал отказаться, ио Булгаков потащил его чуть ли ие силком:

— Обидишь кровио, если не зайдешь!

Булгаков, как и обещал, потчевал гостя и друга только чаем, хотя в холодильнике иашлись бы и коньячок и доброе сухое виио. Завтра обоим летать — и Булгакову и Зосимову, — а значит, нельзя сегодня ни капли спиртного.

Очаровательиая хозяйка дома приготовила чай по самому лучшему рецепту, известному в здешиих местах, подала кавказские сладости и печенья. Очень приятно было Елене распоряжаться за таким столом, она не любила, когда мужчииы пили коньяк или водку — тогда и радость ие в радость.

Бриллиантово поблескивал дорогой чайный сервиз, чудесиый аромат витал иад столом. Елена улыбалась

так же ослепительно, как и десяток лет назад, когда только вышла замуж за Булгакова, — нисколько она не постарела.

В результате проверки Н-ский авиаполк был признан, как и прежде, одним из передовых. Боеготовность — на уровне. И когда офицеры, уже в штабе округа, готовили докладную записку, не так много недостатков они отметили. Что удалось исправить по ходу работы, то было сделано на месте, остальное вменялось командиру полка и его помощникам.

Дело сделано. Планировались очередные командировки в другие места, намечались для изучения новые вопросы. Булгаков мог надолго зажить спокойной жизнью на своем аэродроме, но вот о нем опять вспомнили в штабе, так сказать, вне очереди.

Из Москвы потребовали кандидата на должность заместителя командира соединения. Здесь подумали и предварительно наметили двух командиров, одним из которых был Булгаков. Прежде чем решить, кого же все-таки выдвинуть, командующий пригласил к себе на совет нескольких офицеров. Подполковника Зосимова также потребовал пред свои очи, поскольку речь шла о летной должности.

Больше шансов было у того, другого командира: в его части зародился хороший почин, он показал себя тонким воспитателем, его лично знал по прежней службе нынешний командующий, что тоже немаловажно.

Чаша весов окончательно склонялась в его сторону.

И тогда подполковник Зосимов, все время молчавший, высказал противоположное мнение. Он считал, что более подходит Булгаков.

— Ваши доводы? — посмотрел на него поверх очков командующий.

Вадим Федорович позволил себе на размышления ровно три секунды.

— Считаю, что подполковник Булгаков сильнее как летчик и организатор боевых действий в воздухе. Опыта воспитательной работы у него, конечно, поменьше, руководитель воинского коллектива он по-

моложе — все это правильно. Однако главное предназначение командира, к чему он все время готовит и людей и себя, — это решить боевую задачу в условиях войны.

— И мы так понимаем, между прочим... — бросил реплику командующий. Взгляд по-прежнему заинтересованно-выжидательный.

Вадим Федорович сглотнул слюну.

— Заместителя требуют, как известно, перспективного, чтобы вскоре и командиром можно назначить. С этой точки зрения Булгаков также более подходит. У него в потенциале еще много моральных сил, у него, наконец, характер типично командирский, а не...

— А не какой?

— ...А не председательский.

Последние слова вылетели как-то сами по себе и вызвали веселый смех.

— Хорошо, подумаем, — сказал командующий, кладя ладонь на стол. — С учетом вашего мнения, товарищ Зосимов.

Пока обсуждали другие дела, Зосимов глядел в широкие окна кабинета, через которые открывался вид на город и море.

XXIII

Наступал новый год — 1962-й. К празднику Булгакову присвоили звание полковника. Все его поздравляли. Пришло несколько телеграмм, в том числе от Зосимова: «Поздравляю папахой тчк Обнимаю дружески».

Булгаков не скрывал своей радости. Надеть бы папаху да пройтись по городку. Но куда тут папаху, если зима здешняя на зиму не похожа: термометр показывает двенадцать градусов тепла, повсюду травка зеленеет. Летнюю поросль выжгло солнцем, она полегла бледно-рыжими космами, а из-под нее только теперь пробились молодые побеги.

В конце года был разрешен командиру полка отпуск — тянуть дальше некуда. Прислали санаторную

путевку. Срок ее — с десятого января. Булгаков решил ехать с семьей: там, в Сочи, можно будет пристроить жену и сынишку «диким образом». А до выезда что делать Булгакову, почти две недели остается?

На охоту! Новый год встретить дома, а потом — куда-нибудь в долину, на кабанов.

Сборы, однако, затянулись: то напарника не было, то знакомый егерь куда-то запропастился.

Иногда Булгаков вызывал свой командирский «газик» и ездил по дальним окраинам аэродрома. На систему посадки заверНет, радиолокаторщиков проведает. Притягивал он его как магнитом, этот большой, пыльный, наполненный реактивным гулом аэродром.

Шофер — ефрейтор Альберт Арутюнян — неодобрительно пошевеливал изящными усиками: чего тут вертеться во время отпуска, ускакать бы куда-нибудь!

Однажды командир велел остановить машину невдалеке от радиолокатора. Станция была включена. Махала крыльями антенна, будто большая птица, порывающаяся улететь. Стоял командир и задумчиво покусывал травинку.

Арутюнян, маленький, всегда настороженный, подошел сбоку неслышным шагом.

— Вы никогда не бывали в Армении, товарищ полковник?

— Нет, Альберт, не приходилось.

Выразительный вздох Арутюняна был красноречивее слов: как много потерял человек, не побывавший хотя бы раз в Армении!

— Правда, я летал над твоей солнечной Арменией, видел ее с высоты, — заметил Булгаков.

— Это совсем не то, товарищ полковник. Вы не могли напиться из родника.

Булгаков согласно кивнул: чего не мог, того не мог.

— Я родом из Нагорного Карабаха, товарищ полковник. Это здесь, в Азербайджане, совсем недалеко. Кусочек армянской земли и армянской жизни.

Командир слушал его, а думал о чем-то своем,

все глядел иа трепыхавшую крыльями аитенну радара.

— Туда километров двести, товарнщ полковиик, ну, от снлы двестн пятьдесят...

Улыбиулся командир уголками рта.

— Это тонкий намек, Альберт? Хорошо. Краткосрочиый отпуск тебе в порядке поощреиня объявлеи. Завтра оформляйся и поезжай.

Арутюнян не стал рассыпаться в благодарностях, созиавая, что свой отпуск ои заслужил. Он долго молчал, зорко следя за выражеиием лица комаидира, — будто прицеливался. Вдруг выпалнл:

— Съезднм вместе, товарнщ полковник, да?

Булгаков повернулся к иему, удивлеиный. А тот заговорил быстро н горячо, стараясь предупредить комаидирский ответ н возможиый отказ:

— Поедем, товарищ полковиик! В моем родиом селе Мартуни каждый второй житель — Арутюняи. Охота на кабанов будет, виио будет!

— ...Дэвочки будут! — прибавил Булгаков, дружески хлопиув шофера по плечу. — Глядн, Альберт, если ты н это имел в внду, то я воздержусь от поездки, а тебя для профилактики посажу на гауптвахту.

Арутюнян поиял, что полковиик согласен ехать. Под тонкой черточкой усов улыбка сверкиула ослепительио.

Натужно подвывая мотором, «газик» карабкался на перевал.

Медленио и долго.

Заехалн в облако, лежавшее прямо на земле у вершииы перевала.

— Включн авнагорнзоит! — шутливо подсказал Булгаков.

Арутюнян улыбиулся коротко, нз вежлнвости. И опять иахохлился за рулем, крючковатый нос его угрюмо повис над усами, тщательно выбритые щеки посинели. Не импонировала южанину такая погода, как в этом облаке: холодио, мокро. Да н скорости не выжать на крутом подъеме.

Булгаков поднял воротник летной куртки, склонился на борт. Он пожалел, что не взял с собой сына Сережку: пускай посмотрел бы на свет божий, тем более что в школе как раз каникулы. Правда, мал еще, во второй класс перешел, но захватить можно было.

Сережку своего Булгаков крепко любил, но не дрожал над ним, как иные отцы над малолетними сыновьями. Придет, бывало, с полетов, поиграет немного с Сережкой — по-мужски, без поцелуев и страстных восторгов — и тут же передает на попечение матери. Опять у Булгакова дела, опять ему некогда. А уж мама своего сыночка единственного обласкает щедро. Рос Сережка да рос. Если ему надо было что-то купить, отец покупал или заказывал дефицитную вещь друзьям, ехавшим в отпуск в Москву, в Ленинград. Если Сережка хватал на улице какую-нибудь болезнь, отец говорил, что надо вызвать врача и поправить дело. Думая о Сережке, Булгаков больше мечтал о его будущем, когда он вырастет и станет хорошим летчиком — таким, как, например, Лешка Щеглов...

Одолел «газик» перевал и резво покатился вниз. Облако осталось наверху. Горная дорога петляла над крутыми обрывами, впереди внизу виднелась долина, залитая солнцем, утыканная свечками кипарисов.

Настроение у Арутюняна сразу поднялось. Он разговорился, обещал богатую кабанью охоту. Вспомнил, как однажды гнался на машине за кабаном-подранком.

— Ударил по нему из обоих стволов. Вижу — кровь на заднице, а скорости, зверюка, не сбавляет. Чешет и чешет. Хвостиком делает два оборота влево, два оборота вправо...

В день приезда нечего было и думать об охоте: многочисленные родственники Арутюняна уплотнят программу встречи гостей до предела.

Машина затормозила около неказистого строения, обнесенного плетеным тыном.

— Вот мой дом родной, товарищ полковник! —

радостно воскликнул Альберт, выскакивая из кабины. — Разрешите мне быть как дома?

— Разрешаю. Все разрешаю, и, кстати, зови меня просто Валентином Алексеевичем.

— Есть.

Кусок тына был отодвинут в сторону, образовались ворота, в которые и въехала машина.

По ветхим, скрипучим ступенькам крыльца шустро сбежала вниз старуха. Непривычным для себя жестом она выбросила вперед сухую руку — видно, ей внушили на этот раз, что женщина должна подавать руку первой, приветствуя мужчину, даже если он большой начальник.

— Это бабушка. Ей восемьдесят лет, — представил старуху Альберт.

Вслед за нею вышли во двор мужчины: дядя Саркис, дядя Баграт, дядя Артем... Отца у Альберта нет, погиб на фронте. Мать живет и работает в городе.

С дороги полагается баня — хочешь не хочешь. Мужчины повели Булгакова в баню. Скорее всего им хотелось похвалиться своей нововыстроенной баней, в которой все как в городе и где работает заведующей одна из теток Альберта. Перед тем как помыться, они еще заставили гостя сыграть несколько партий в шашки, старательно проигрывая ему один за другим. Шашки в предбаннике и два выпотрошенных журнала — это тоже признак хорошего быта.

А уж после бани — за стол. Кто-то из великих полководцев, кажется, оставил такое правило в назидание потомкам: после бани продай портки, но выпей. Тут же столы, составленные в длинный ряд, ломились от закусок и кувшинов с вином. Около порога был сконцентрирован резерв — несколько бочонков, сделанных в виде чемоданчиков. Через раскрытое окно влетал дымок и неповторимый дух шашлыков.

За стол уселось человек двадцать — все родственники Альберта, пришел с ними и второй секретарь райкома, тоже Арутюнян. Женщин — ни одной.

Поднялся со стаканом в руке седой армянин, пос-

ле коротких переговоров по-армянски его избрали тамадой. Булгаков ожидал услышать от него что-то вроде «с приездом, дорогие гости», а он сказал:

— Первый тост разрешите провозгласить за здоровье великого русского народа, представителем которого является Валентин Алексеевич.

Выпили стоя.

Вино местного производства было изумительным по вкусу. Прозрачное, рубинового оттенка, сухое вино.

Ответный тост следовало провозгласить на столь же высоком уровне, раз уж так пошло за домашним столом.

— Давайте выпьем за здоровье талантливого армянского народа, представителями которого все вы являетесь, — сказал Булгаков.

Его слова вызвали шумный восторг. Очень понравилось, что русский гость, полковник, отметил талантливость армян. Ай молодец! Доктор физико-математических наук в двадцать лет с небольшим, известный всему миру композитор, Маршал Советского Союза — кто такие, откуда родом? Армяне!

Потом уже пошли тосты семейные. А так как родственников за столом было много, то и тосты провозглашались до бесконечности. Тот, за чье здоровье пили, принимал похвалу в свой адрес с самым серьезным видом, хотя говорилось каждому одно и то же.

Вносили в дом все новые шампуры с шипящим шашлыком. Жарили шашлык на дворе подростки-мальчики, это считалось мужским занятием. Немного щепок, маленький костерок — вот и все, что требуется для шашлыка.

Когда все напились и наелись изрядно, к застолью была допущена бабушка, старшая из женщин. Она неловко уселась на краешек стула, подперев щеку костистым кулачком, смотрела на все удивительно молодо блестящими глазами.

Булгаков справился о ее здоровье.

— Ох-хо-хо! — закивала она головой и не ответила на столь малозначительный вопрос. Указала перстом на Альберта: — Он должен скоро жениться!

Мы все ждем. Двух барашков откармливаем листьями. Он должен жениться, я хочу увидеть его свадьбу.

И так радостно сверкали ее глаза из-под седых бровей, будто она ждет не дождется собственной свадьбы.

Бабушки, с которыми Булгакову приходилось встречаться, тяжело шаркали шлепанцами по полу и без конца рассказывали о своих болезнях. С лица этой восьмидесятилетней женщины не сходила улыбка. Она смотрела на людей с неистребимой любовью, искренне радуясь их молодости.

— Бабушка была первой трактористкой в здешнем совхозе, — сказал Альберт, подсаживаясь рядом.

Она махнула рукой.

— Ты лучше скажи, почему не женился до сих пор!

Вскочила, тенью выскользнула на веранду. Булгаков вышел вслед, покурить. Бабушка сидела на полу, зажав между ног убиенную курицу, ловко выщипывала перья. По ее мнению, гостям надо было добавить закуски. И все посмеивалась, старая, веселая и мудрая.

Булгакову постелили на двуспальной кровати и оставили его в комнате одного. Хмель от хорошего сухого вина не дурманил голову, ощущалась приятная теплота во всем теле.

«Хорошо живут люди», — подумал Булгаков. Все разошлись с пьяным, белозубым гоготаньем, в прекрасном расположении духа.

Он походил по комнате перед сном. На стенах висело множество фотографий — целые иконостасы. Узнал Булгаков на снимках дядю Саркиса, дядю Баграта, дядю Артема... В молодости фотографировались — все фронтовики, с многими орденами и медалями.

«Славные люди», — еще раз подумал Булгаков. Пуховая перина приняла его в свою глубокую теплоту, обняла, и он крепко уснул.

Кабанья охота на другой день не удалась, потому что слишком часто присаживались закусывать. Поехали на зайцев. Выследили и подстрелили двух косых.

Перед обедом, который обещал так же затянуться, как и вчерашний ужин, Булгакову показывали местные достопримечательности: винный завод и винное хранилище, в прохладной глубине которого покоились огромные бочки, напоминавшие паровозы. Самое главное приберегли напоследок — строящийся Дворец культуры.

В центре села высилось здание замысловатой архитектуры. Розовыми и лиловыми оттенками матово блестел знаменитый армянский туф. Внутри здания уже велись отделочные работы: желтым разливом лежал паркет в фойе, ледовой прозрачностью сверкали большие стекла на окнах без переплетов.

— Вы поняли, что это такое получается? — спросил директор совхоза, лично дававший пояснения.

— Дворец культуры... — неуверенно промолвил Булгаков.

— Дворец-то дворец... — директор горделиво усмехнулся. — Но это точная копия ереванского оперного театра, только немножко уменьшенная.

Вышли на улицу.

— Взгляните со стороны! — сказал директор, указывая на дворец княжеским жестом. — Разве не узнаете ереванский оперный?

— Я не был в Ереване, — заметил Булгаков и почему-то смутился.

— О, тогда другое дело!

Сопровождавшие их Арутюняны быстро заговорили по-армянски. Директор, склонив голову набок, прислушивался и кивал одобрительно. Потом он стоял молча, заложив руки за спину и выкатив большой живот, а старший из Арутюнянов пояснял Булгакову:

— Наш совхоз самый передовой в республике и очень богат. Наш директор — Герой Социалистического Труда и депутат Верховного Совета. Мы хотим, чтобы наши люди жили культурно.

После этой ремарки продолжал рассказывать уже сам директор совхоза:

— Проект заказывали в Ереване, туф привезли

из Еревана, такого туфа в мире нигде нет, только там, мастеров выписали из Еревана...

Двинулись гурьбой вокруг здания. Булгаков почесал за ухом. Можно было представить, сколько денег ухлопано на сооружение в селе копии ереванского оперного театра — миллионы! Можно представить, какую малину нашли ереванские мастера-шабашники, налетевшие сюда, что воронье, и сколько сдерут они за свою работу. «Вот закончат строительство к празднику, шумно отметят, — размышлял Булгаков. — А потом что делать будут во дворце? В шашки играть?» Он ступал по хрустевшей щебенке, курил и уже не слушал, что там бубнил директор совхоза.

На обед к директору он не пошел, сказал, что уже обещал быть у Арутюняиов. А к вечеру неожиданно для веселого застолья объявил о немедленном отъезде: дела призывают.

— Куда на ночь глядя?

— Ничего, ночью прохладно и хорошо.

Альберту он разрешил и даже приказал, когда тот начал возражать, догуливать краткосрочный солдатский отпуск — десять суток. Бросил своего зайца в багажник «газика», сел за руль сам.

— До свиданья. Спасибо вам за все.

— Счастливого пути, товарищ полковник.

Выбравшись на шоссе, Булгаков дал газ и пошел на скорости.

Сережка заверещал от восторга, увидев папиного зайца. Он таскал его по коридору, пытался усадить в углу на задних лапах. Заяц сидеть не хотел.

— Пап, а пап!.. Подержи его.

Булгаков охотно включился в игру. А мать смотрела на них, как на двух почти равных по возрасту мальчуганов. Уголки ее губ опустились книзу, гримаской. Хотелось Елене поскорее куда-нибудь сбыть этого зайца.

Наконец муж бросил свое занятие.

— Ты к отъезду собираешься, Ленок? — спросил он.

— У меия почти все готово, — оживилась Елена.

— Перед курортом в Москву заедем.

— Я уже вся в Москве! — Елеиа бросилась к мужу, обиимая его. Одио воспомииаиие о Москве всякий раз вызывало в ее душе бурю радостиых чувств.

Булгаков ощущал иа своей шее волиующий холодок мягких, холеиых рук. Он подумал, что Елеиа, в сущиости, еще очень молодая женщина, и сделалось иа душе от этого горделиво-приятио.

— Заедем в Москву денька на три-четыре, — повторил Булгаков. — Высокое начальство иа беседу вызывает.

Елеиа посмотрела на него пытливо.

— Я думала, мы только к иашим... Зачем вызывают?

Искорка иадежды промелькиула в ее настороженном взгляде: может, перевод? Куда бы ни ехать, лишь бы из этой пустыни!

Булгаков медлил с ответом.

— Зачем? — переспросил ои. — Не знаю. К начальству требуют, когда полагается и иагоияй.

По его затаеиной, хитроватой улыбке можно было поиять, что вызывают ие для этого. Навериякa предстояло что-то хорошее. Но Елеиа ие стала надоедать мужу расспросами, сумев подавить свое жеиское любопытство. Уж если ои сам пока ие хочет говорить, зиачиг дело еще не решеииое. Лучше помалкивать, дабы не спугиуть. А до чего же все-таки хочется Елеие знать! Она снова иачала обнимать и целовать мужа, спрятала лицо у иего иа груди, прижавшись ухом к тому месту, где слышались удары здорового, сильного сердца: может быть, сердце скажет?

XXIV

В Москве полиовластно хозяйиичала зимушка-зима. Целые дивизиоиы снегоочистительных машин едва справлялись со своей работой на широких ули-

цах и площадях. Люди толпами ныряли в распахнутые двери метро, будто спасались от холода.

Москва родная! Давно Булгаков не был в Москве и даже не подозревал, как соскучился. Прием у генерала ему был назначен на двенадцать. Он вышел пораньше и отправился в управление пешком, безошибочно прокладывая свой маршрут по знакомым улицам, бульварам и узким, скрытым за арками дворов переулкам. Тот, кто провел в Москве годы учебы, конечно же, знает Москву.

В полковничьей папахе Булгаков казался повыше ростом, посолиднее. И вместе с тем выглядел моложаво — ведь еще не было полковнику и сорока. Встречавшиеся офицеры козыряли ему с видимым усердием — не так, как отмахивались они, лишь бы положенное исполнить, от пожилых полковников.

Булгаков знал, зачем его вызывают, и примерно представлял, как сложится разговор с генералом. Все было решено на месте, не без согласия самого Булгакова, но для окончательного утверждения вопроса требовалась еще вот эта официальная беседа.

Выдвигают на должность заместителя командира соединения. С ближайшей перспективой: полгода, не больше, поработать рядом с опытным, но уже отслужившим свое генералом и потом занять его место. Наверное, достоин, раз выдвигают. А что ж... Частью командовал неплохо, летали безаварийно, да на каких машинах летали! Выращено в части немало первоклассных летчиков. Положа руку на сердце: кое-что сделал Валентин Алексеевич для родной авиации. Вместе с тем было очевидно, что не только заслуги, не только авторитет передового командира работают на Булгакова. Само время работает на него.

Не знал Булгаков еще одного фактора, сработавшего на него. Не знал о недавнем разговоре Зосимова с командующим...

В управлении пропуск был уже заказан. Булгаков разделся в гардеробной и в сопровождении офицера отдела кадров поднялся наверх. Они миновали приемную. Мягко отворилась одна дверь, вторая...

В глубине просторного кабинета сидел за столом

генерал-лейтенант. Булгаков знал этого генерала по фамилии и в лицо: несколько раз встречал его на аэродромах. Генерал вряд ли запомнил Булгакова, хотя однажды на учениях вызывал пред свои очи и ругал за какие-то недостатки, но встретил, как старого знакомого.

— Рад видеть, рад видеть в добром здравии...— генерал скосил глаза на обложку личного дела Булгакова, лежавшего у него на столе. — Присаживайтесь, Валентин Алексеевич.

Булгаков сел. Офицер-кадровик положил на стол перед генералом какой-то листок. В ходе беседы время от времени генерал заглядывал в тот листок.

— Я смотрю, Валентин Алексеевич, на Дальнем ты был, на Кавказе теперь греешься, а вот северо-запад не видел... — генерал рассмеялся, и Булгаков охотно поддержал его. — Надо побывать, Валентин Алексеевич, а то после жалеть будешь.

По службе выдвигают и одновременно на край своей земли засылают... А куда еще — в Москву, в Киев? Для боевого летчика-командира там работы нет. Северо-запад так северо-запад...

— Ну что ж, Валентин Алексеевич, назначаем вас заместителем командира соединения и надеемся на вас... — генерал заговорил более официально, перешел на «вы». — Новую должность вы, конечно, освоите, будете работать. У меня лишь один совет. Не соглашайтесь на роль порученца при командире соединения, как это получается у некоторых замов. Иной зам превращается в этакий живой трансформатор: служит лишь для передачи распоряжения сверху вниз. А себя не проявляет никак. Вы должны стать первым помощником командира, его надежным, авторитетным помощником. Свое мнение надо иметь! Творчески участвовать в работе, держать под контролем наиболее важные дела, помогать командирам частей. Замком соединения — это, знаете ли, крупная фигура в армейском строю.

Генерал встал, прошелся по кабинету. Булгаков также поднялся.

— Не открою большого секрета перед вами, Валентин Алексеевич, если скажу, что в соединении,

куда вы едете, командир, заслуженный, уважаемый, скоро уйдет в отставку. — Грустная улыбка промелькнула на лице генерал-лейтенанта. — Всем нам, старикам, скоро уходить. Как говорится, снаряды рвутся все ближе и ближе... Да не о том речь. Потребуется новый командир, и мы, конечно, вас будем иметь в виду. Вот вам и повышение и одновременно перспектива. А при такой ситуации ведь хорошо работается, правда, Валентин Алексеевич?

— Так точно, товарищ генерал.

— Ну вот...

Они поговорили еще немного и на том расстались. Булгаков покинул генеральский кабинет с таким чувством, будто вместе с предписанием ему вручили еще что-то, словно дали в руки жезл-невидимку, с которым там, на незнакомом аэродроме, залитом северным сиянием, будет ему легче.

Москва — столица, Москва — ослепительная красавица, Москва — большой перекресток жизненных дорог многих-многих людей, особенно военных, которые и бывают здесь главным образом по делам службы. Встречаются северяне с южанами, западники с дальневосточниками, бывшие однокашники и недавние сослуживцы.

Еще в управлении Булгаков услышал, что Зосимов как раз теперь тоже в Москве. Булгаков час просидел на телефоне и все-таки разыскал Вадима. Договорились встретиться вечером в гостинице ЦДСА, где остановился Зосимов, — по-холостяцки.

Привыкший к точности, Булгаков ровно в девятнадцать ноль-ноль постучался в номер на седьмом этаже. Всегда точный и аккуратный, Зосимов в ту же минуту, еще до стука, подошел к двери и открыл ее.

— Валентин Алексеевич!

— Вадим Федорович!

Хрустнули косточки, когда они сгребли друг друга в объятия.

Дверь осталась распахнутой. Проходившая мимо старушка горничная прошептала слезливо: «Братики встретились». Подобные сцены в армейской гости-

иице ей частеиько доводилось видеть, и всякий раз оии волиовали ее материиское сердце. Оиа тихонько толкиула дверь, прикрывая.

— Проходи, Валеитии Алексеевич, раздевайся,— приглашал Зосимов. — Дай-ка я твою драгоцеииую папаху определю должиым образом. Вот тут, иа верхией полке.

Булгаков снял шинель, окииул взглядом комнату. Это был общий иомер, к стеикам прижимались четыре кровати.

— Не ахти как устроился ты в столице, — заметил Булгаков.

— Очеиь даже иеважио, — согласился с этим Зосимов, смутившись. — И то адмииистратор предъявил ультиматум: к девяти часам утра выселиться.

— Поедем к иашим! Прямо сейчас.

— Нет, спасибо. Я сегодия ночью улетаю, билет в кармаие.

— Ну, если так...

Булгаков достал сигареты, чиркиул зажигалкой. Зосимов взял предложеииую ему сигарету, повертел в пальцах, ио ие закурил.

— Леиа привет тебе передает. Просила заезжать в гости, — сказал Булгаков.

— Спасибо. Спасибо и целую ручку. Моя Пересветова, если бы зиала, что мы встретимся, тоже передала бы тебе привет.

— Варвара Александровиа человек иаш, армейский, — тепло улыбиулся Булгаков. — Как оиа поживает?

— Неплохо.

— А жизнь в том городе иравится? Ты ведь все там же служишь, в округе ПВО?

— Да, город хорош, хотя и своеобразный.

— Девчата твои как? Повырастали иебось?

— Старшая, Наташка, в этом году десятый класс закаичивает, младшая ее догоияет.

— О, иевесты уже!

Зосимов похмурел при этих словах: он не любил, когда о дочерях говорили, как о иевестах. Какая-то иепоиятиая ревность просыпалась в ием.

Еще раз чиркиула зажнгалка в руках Булгакова.

— Прикуривай, Вадим Федоровнч.

Зосимов решительио положнл в пепельницу незажжеиную сигарету.

— Зиаешь, я бросил курить.

— Давио ли? — иасмешливо спросил Булгаков, защелкиув свою изящную зажнгалку.

— Уже больше года.

Булгаков пожал плечамн.

Словно нзвинияясь, Зосимов начал торопливо пояснять:

— В последнее время сдает здоровье, Валентин Алексеевич. Не пью, ие курю, ничего такого лншнего, понимаешь, а оио все хуже.

— Летаешь миого.

— Летаю, коиечно, много... — Зоснмов потяиул иосом душистый дымок, повнсшнй облачком. Эх, как ему хотелось закурить сейчас! Ои продолжал рассказывать о здоровье, стараясь отвлечь, оторвать мысль от сигареты, лежавшей в пепельнице: — Растет кровяное давленне. Медленно, но растет, проклятое. В Москву я ведь иа центральную медкомиссию прнезжал. Нашн эскулапы боятся ответствеиностн, сюда послали. Уж тут крутнлн-вертели, насквозь всего просвечивали. Проиесло. Допущен к летиой работе. Но это, кажется, в последиий раз. — Зосимов поднял на Булгакова жалкнй, растерянный взгляд: — Спишут меня скоро, Валеитии Алексеевич.

Последиие его слова прозвучали так, как если бы он сказал: «Конец мне скоро...»

Булгаков отвел глаза, стал смотреть куда-то в окио. Не иашлось у него слов утешеиия для друга, ибо в его собствеином поиятии отстраиеиие от летиой работы смерти подобио.

— А я вот курю, — сказал ои, попыхивая сигаретой. — Курю все время и ничего, иа здоровье ие жалуюсь. По какому-иибудь торжествеииому случаю и выпнть могу.

Зоснмов тряхиул головой, будто хотел сброснть с себя грустиое настроеиие.

— Сегодня случай очеиь торжественный: мы с то-

бой встретились в Москве, Валентин Алексеевич. Сейчас пойдем и выпьем. — Зосимов решительно поднялся. — Пойдем, пойдем. Тем более что я тут один тост хороший придумал.

— В ресторан хочешь? — спросил Булгаков. И протянул руку за папахой.

— Мы оба в форме, в ресторан не поедем, — возразил Зосимов. — Спустимся вниз, в буфет. Там в это время пустота, а если кто и есть, то все свои, офицеры.

Когда они вышли в коридор, отворилась дверь напротив. Даже беглого взгляда было достаточно, чтобы увидеть интерьер уютного одноместного номера. В следующий миг дверь закрылась, толстенький майор запер номер и положил ключ в карман.

— Во как надо устраиваться, — сказал вполголоса Булгаков. — По виду начклуба какой-то или казначей, а номерок отдельный имеет. Не то что ты, инспектор техники пилотирования.

— Куда уж нам, строевым офицерам. Дали койку переспать, и на том спасибо, — ответил Зосимов. — Ты видел, входя в гостиницу, сколько народу толпится у окошка администратора?

— Видел...

— И подполковники, и полковники, и постарше нас с тобой. А над окошком табличка висит: «Мест нет».

— Для кого нет, а для кого и есть.

Толстенький майор независимо вышагивал впереди них, и если не слышал, то, наверное, догадывался, о чем разговор. Оглянулся: лицо у него было красным и злым.

На первом этаже — большая столовая, работающая с утра до вечера и всегда с перегрузкой. А в цокольном этаже — буфет, где можно посидеть с другом и спокойно побеседовать. Две официантки — Маша и Шура, — чья молодость и зрелые годы прошли между этими столиками, знают в лицо, наверное, половину офицерского корпуса. Булгаков дружески кивнул обеим, как старым знакомым, и они отве-

тилн ему прнятно-кокетлнвымн, сбереженнымн с молодостн улыбкамн.

— Машенька, — попросил Зоснмов, — иеси-ка нам, пожалуйста, по сто пятьдесят граммов чайку. Лнмои, шпроты — все, что полагается.

Маша отлично поняла, какого надо «чайку». Приеcла коньяк.

— Так вот... — Зосимов поднял рюмку. — В нарушеине своего сухого закоиа, вопреки всем невзгодам, пью за то, чтобы ты, Валеитии Алексеевнч, стал геиералом.

XXV

Косаренко обладал какнм-то уднвнтельным чутьем: ои появлялся там, где вот-вот должеи вспыхнуть спор, в полку не помнилн случая, чтобы копья ломалнсь без иего.

В этот раз, когда штурман иаведення нервнннчал н готов был крепко ругнуть одиого-другого летчика, замполнт бесшумно проннк в герметическне двери КП и подсел к экрану.

По светло-зеленому полю нидикатора кругового обзора двнгались белые точкн. Расстояине между ними сокращалось — это значнло, что перехватчнк настнгает цель.

Предварительное наведенне протекало спокойно н ладно: штурмаи давал команду по радио, летчнк тотчас же ее нсполнял. Но вот нстребитель выведен в нсходное положение для атакн, на КП с иетерпеинем ждут от летчнка пару слов: «Цель внжу», а он все молчит. В воздухе — первоклассиый летчик, командир звена. Наверияка же вндит цель на своем бортовом радаре, а помалкнвает: вдруг нсчезнет?

Штурман иаведення и так и сяк ему подсказывал, уточняя курс, высоту, скорость, — в ответ молчанне.

— Долго ты его за ручку воднть будешь? — не утерпел замполит.

— Хе-хе! — сердито усмехнулся штурман наведення, показав замполиту свой ощеренный про-

филь. — Некоторые господа перехватчики привыкли, чтобы их подводили к самой цели, вплотную.

Косаренко покачал головой.

— А ты проверь, видит он цель или нет. Скомандуй ему отворот.

Штурман подал команду выводить из атаки. Летчик тут же закричал: «Цель вижу!»

— Ага, жалко стало! — рассмеялся замполит. Он уточнил фамилию летчика и что-то записал себе в блокнот.

Штурман наведения работал хорошо, просто классически. Выводил перехватчика в такое положение, когда тому уже не стоило больших усилий провести атаку. Плавными малыми доворотами «загнать» отметку цели на нулевой азимут, «загнать в лузу» — и все!

Пошла очередная цель. Высотная, скребет где-то на самом потолке. Наперехват вылетел один из сильных воздушных бойцов. КП вывел его на дистанцию «устойчивого обнаружения», сообщил точную высоту и скорость полета «противника». Отметки цели и своего истребителя сходились, но летчик молчал. И каково же было удивление офицеров КП, когда они увидели на экране, что метка перехватчика прошла над меткой «противника».

Косаренко грохнул кулаком по столу с досады.

Запросили высоту. Перехватчик доложил: заданная.

Как же он мог в таком случае проскочить над целью, не заметив ее?

Перехват не состоялся.

Наморщив лоб, сидел в углу на табурете Косаренко, усталый и мрачный.

— Встреча летчиков и офицеров наведения намечается? — спросил он.

— Завтра, после разбора полетов, — ответили ему.

Косаренко порывисто встал.

— Не завтра, а сегодня хотел бы я с ними поговорить. Сейчас! — Уходя, он обернулся: — Полеты кончаются. Соберу ненадолго летный состав. И вас приглашаю, штурман наведения.

— Есть, товарищ подполковник.

Собирать летчиков специально в методическом классе или в парашютной, где обычно занимались, Косаренко не стал. Никакой официальности! Завел разговор сразу, врезавшись в толпу очкастых, затянутых в высотные костюмы и оттого поджарых, похожих на донкихотов людей. Черные глаза Ивана воспаленно заблестели, когда он нацелился на капитана, упустившего нынче воздушную цель.

— Разминулись, говоришь, как в море корабли? Сел на спину бомберу и не заметил! Слез и полетел дальше...

В толпе летчиков послышались иронические восклицания, исподволь назревал смех и вот-вот должен был взорваться.

— Для таких перехватчиков надо указки повесить на небесах: направо пойдешь — цель найдешь, налево свернешь — ни хрена не найдешь.

Взрыв хохота.

Когда стихло, капитан сказал:

— Я высоту нечаянно перебрал, товарищ подполковник. Сам не заметил, как перебрал, и потому проскочил над целью.

— А-а-а... — Косаренко сразу сделался серьезным. — Хорошо, хоть признался, а то бы мы так и не узнали, почему ушла цель.

Ошибка есть ошибка — за это не наказывают, на этом учат. Косаренко оставил капитана в покое, начал подступать к другим летчикам, к тем, которые хитрили в воздухе, кого штурману пришлось «водить за ручку».

Сбоку стоит командир звена, покуривает, старательно прячет глаза. Тебя-то, голубчик, замполиту, как раз и надо.

— Ну, как слетал? — спрашивает замполит.

— Нормально. Цель свою перехватил.

Хочет командир звена уклониться от разговора? Не выйдет!

— Наблюдали мы по ИКО* этот перехват от начала до конца, — продолжал замполит. Вдруг зло-

* ИКО — индикатор кругового обзора, экран локатора.

радно сверкнули на смуглом лице его белые зубы. Он заговорил, пересыпая речь мелким, колким смешком: — Штурман наведения подпустил его к цели вплотную. На возьми, куси ее! А он воротит нос, как легавый пес, перекормленный перед охотой.

Один летчик поперхнулся смехом да кашлянул так, что от него даже шарахнулись. Хохотали долго. И замполит поддавал жару:

— Цель не вижу. Положите в зубы, тогда, может, схрумкаю...

Досталось от Косаренко и «старичкам», которые первый класс на груди носят, и молодым летчикам — эти тоже норовили получить готовенькое от штурмана наведения.

— Конечно, дурные примеры заразительны. Пассивность бородатых перехватчиков сейчас же передалась нашей молодежи... — Косаренко повел глазами в сторону лейтенантов, державшихся дружной кучкой. — Сижу на КП, слышу по радио жалобный такой писк: не видно цели!

От таких слов лейтенантам и колко и смешно. Краснеют, бедняги, но улыбок сдержать не в силах.

— Пассивность — болезнь заразная, что ветряная оспа, — продолжал Косаренко. Он вроде бы ни к кому лично не обращался, будто про себя рассуждал: — А откуда все берется? Радиотехническими средствами, автоматикой разной избалованы. Привыкли валить с больной головы на здоровую: чуть что, не состоялся перехват — офицеры КП не сработали, не навели. Штурману наведения выговор. А перехватчик этаким обиженным героем ходит, хотя сам виноват — вместо того, чтобы вести активный поиск цели, болтался в небе, как дерьмо в проруби!

Всколыхнулся и затих негромкий смешок: совестно все-таки. Если бы кто другой говорил — просто начальник, просто политработник, а то Косаренко, сам первоклассный летчик.

— Посмотрел бы я на некоторых перехватчиков, если к цели пойдут на малых высотах, на бреющем

полете. Бледиый вид будут иметь! На подсказку штурмана на малых высотах иадеяться трудно. Что тогда делать? Шпаргалкой из дому запасаться? С каких это пор истребитель стал отказываться от актнвиого поиска?!

Замполит выдержал долгую паузу, попеременио останавливая взгляд то иа одном, то на другом лице. И повторил еще раз, словио кол забил:

— С каких пор истребитель перестал искать в небе противиика?

Внезапио оборвав разговор, ушел замполит куда-то, предоставив летчикам возможиость покурить и подумать.

— Здорово отхлестал он их, — заметил иачштаба, стоявшнй в сторонке и слышавший все. — Это запомнится лучше, чем поучительная беседа.

Так этим дело не кончилось. Вскоре был выпущеи иа старте боевой листок, с рисуиками, и иекоторые летчики могли узиать себя. Костлявый, тощий капитан (такнм н был штурман наведення на самом деле) тащил за руку летчика к цели, а тот упирался, капризно надувал щекн, как избалованное дитя. Другая картннка: после разбора полетов — летчикн лежат, загорают на солнышке, а штурман наведеиня накладывает пластырь на снняки и шишки.

Рядом с карнкатурами в боевом листке коротенькая заметка, в которой сообщалось об отличном вылете на перехват воздушиой целн. КП наводил, как обычно. Летчик точио выполиял команды, но и сам глядел в оба. И обиаружил цель первым. И включил форсаж, начав атаку на какую-то мннуту раньше. А что такое мниутиое упреждение, каждому авиациоиному человеку ясио: за мннуту современный бомбер пройдет лишних тридцать километров.

Перехватчнк проявил боевую инициатнву.

Скромная заметка, а как приятио ее чнтать, какая оиа хорошая и сколько добрых чувств, сколько стремлеиий будит в душе летчика!

Наиграниые снисходительиые улыбки постепенио мерклн иа лицах, теплелн глаза. На героя

дня, заслужившего маленькую, но такую светлую славу в полковом масштабе, поглядывали уважительно.

XXVI

Иногда на аэродром истребителей-перехватчиков прилетал замкомандующего. Сюда он наведывался чаще, чем на другие аэродромы, а почему — надо у него самого спросить. Это был один из тех авиационных генералов, кто и в зрелом возрасте и при высоком ранге отказывался от пассажирского кресла в транспортном самолете. Садился в сверхзвуковой истребитель и летел, куда ему нужно.

Как он сажал машину! Глиссада снижения — что по лекалу вычерченная, скорость чуть занижена, угол чуть увеличен — и вот истребитель, этот вздыбленный дракон, приземлился, нежно касаясь бетонной полосы.

Летчики выходили смотреть, когда заходил на посадку генерал.

Когда же он вылезал из машины и менял гермошлем на фуражку, обнажая при этом на мгновенье седую голову, летчики держались подальше: мало ли о чем спросит. Генерал не только летал отменно, но и в технике и в аэродинамике был силен.

Алешка же Щеглов набрался однажды нахальства. Подошел к генералу, щупленький такой, подлетыш, козырнул.

— Товарищ генерал, лейтенант Щеглов, разрешите обратиться.

— Ну? — генерал повернулся к нему вполоборота, продолжая следить за движением самолетов на бетонке.

— Какую вы скорость держите на снижении, после ближнего привода?

Юный летчик задал чисто профессиональный вопрос старому летчику. Почему бы не ответить вот так же просто? И генерал назвал ему скорость. Она была километров на двадцать меньше положенной.

— Только вам... Щеглов, кажется?

— Так точно, товарищ генерал: Щеглов.

— ...Вам не следует, как говорится, перенимать мой опыт. Лучше придерживаться инструкции по технике пилотирования.

Щеглов откозырял. Быстрым движением генерал протянул ему руку, хотя они не здоровались и не прощались.

В тот же день — были как раз полеты — Алеша попробовал сажать машину при заниженной скорости и увеличенном уголке, попробовал выписать на подходе к бетонке плавную, красивую дугу.

Эксперимент не удался.

Строгое соответствие скорости, угла не так-то просто было подобрать. Трудноуловимый предел балансирования то и дело ускользал, наверное, так терял бы тонкую струну под ногами малоопытный канатоходец. На заниженной скорости машина вдруг стала проваливаться. Поддержать ее тягой двигателя! Рычаг газа дан вперед, но пока-то турбина выйдет на большие обороты, пока-то дождешься скоростного рывка...

Тяжелый самолет с усеченными до предела крылышками мог держаться в воздухе лишь на двигателе, а парить, как планер, не умел. Глиссада снижения получилась у Алеши с двумя крутыми уступами. При последнем провале едва успел подхватить машину у земли. Чиркнул колесами по грунту, до бетонки, поднялось облако рыжей пыли...

— Спокойно! — предупредили по радио. С вышки все, конечно, видели.

Второй раз самолет опустился уже на бетонку. Покатился.

— Парашют есть, — услышал Алеша в наушниках. И одновременно почувствовал силу тормозного парашюта, сдерживавшего бег машины.

Вытирая пот после сущей бани в кабине самолета и после чувствительной вздрючки от командира эскадрильи, Алеша сказал себе: «Нет, ну его к черту!»

Он решил вернуться к доброму, испытанному методу, четко и ясно описанному в инструкции по технике пилотирования. Но какая-то заноза, видимо, осталась. Однажды при заходе на посадку потеря скорости подстерегла его, как злая собака. Опять

выхватил машину на последних метрах высоты. Еще хуже получилось в другой раз ночью. Ночью вообще летать страшно, если честно признаться, а тут еще такая ошибка. В темноте ничего не видно, только слабый пунктир огоньков показывает, что там полоса. Тянется пилот, следит за огоньками и незаметно для себя опускает нос машины. И тут она как ринется вниз...

Начали Щеглова ругать за посадки, чего раньше никогда не было.

— Отсебятину прешь! Так когда-нибудь в землю ткнешься! — кричал комэск.

— Дать ему пять провозных полетов на спарке, десять, если надо! — приказал исполняющий обязанности командира полка.

Досадливо морщась, слушал все это замполит. Так вот можно задергать, заучить молодого летчика, и он потеряет свою прежнюю крепкую хватку в полетах. Такие случаи бывали.

— С вашего разрешения со Щегловым полетаю я сам, — сказал Косаренко.

Врио командира полка не ответил ни «да», ни «нет».

Комэск возражал:

— Есть у Щеглова командир звена, пусть он и возит его. А то привык этот Щеглов быть на особом положении. Любимчик полковника Булгакова...

— Да при чем тут особое положение? Человеку нужно помочь, — возмущенно заметил Косаренко.

— Пусть командир звена помогает своему подчиненному.

— Ладно. Решим, как надо поступить в другом случае, — произнес Косаренко с твердостью.

Комэск, недовольно махнув рукой, отошел.

Свое мнение Косаренко еще раз повторил врио командира полка, и тот согласился. Вынужден был согласиться.

Впервые после отъезда Булгакова почувствовал замполит, как плохо и как одиноко ему стало без Валентина Алексеевича. Тот бы разве стал

обычный рабочий вопрос возводить в принцип? Никогда!

Прежде чем сесть в учебно-боевой самолет, замполит отвел Щеглова в сторонку — потолковать надо было.

Лейтенант осунулся за последнее время, взгляд его, прежде такой живой и уверенный, поблек. Исподлобья посмотрел он на замполита, видно, приготовившись выслушать очередное нравоучение. Но замполит сразу заговорил в доверительном, дружеском тоне, и натянутость исчезла.

— Подозреваю, что укоренилась ошибка, которой вы сами не замечаете и даже не знаете, откуда она взялась.

— Может быть... — отозвался Щеглов.

— Эта машина, — замполит похлопал ладонью по округлому фюзеляжу, — сложная машина, кто ее только выдумал.

— Кто же выдумал? Конструктор.

— Вот я и говорю...

Замполит поискал палочку на земле. Поясняя, он привык что-нибудь чертить.

— Бывает полезно вернуться немного назад, — продолжал замполит. — Посадка для военного летчика второго класса Щеглова, конечно, пройденный этап. Ничего. Не стесняясь, пройдем его еще раз. А чтобы как-нибудь опять самолет не загремел вниз (он же тяжелый как колун), будем заходить на посадку на повышенной скорости. Это, чтобы вытравить укоренившуюся ошибку. Вы согласны со мной, Щеглов?

— Очень даже согласен, товарищ подполковник.

— Тогда полетели.

В прежние времена излюбленным методом всех инструкторов было преднамеренно допустить какую-то ошибку и тут же показать, как ее исправить. Применительно к сверхзвуковому истребителю такой метод уже не годился. Эта сложная машина требовала только безошибочной техники пилотирования. И замполит показал Щеглову образцовый полет по кругу и образцовую посадку на чуть повышенной скорости.

— Понятно?

— Все понятно.

Вслед за тем выполнил такой же полет Щеглов. И еще раз — Щеглов; замполит только наблюдал из кабины инструктора.

— Ну и хватит, — решил замполит. — Если получается нормально, зачем зря гонять спарку?

С того дня лейтенант Щеглов продолжал летать хорошо и уверенно, будто никакой ошибки на посадке не бывало. В боевой подготовке он по-прежнему первенствовал среди молодых летчиков.

Прошло порядочно времени. И когда о пережитом вспомнить было уже не больно, замполит как-то спросил Щеглова:

— А с чего это вдруг, Алеша, ты начал тогда «падать» на посадке?

Щеглов ответил не сразу. Вспомнив что-то, начал краснеть.

— Мне просто интересно, так, для себя... — пояснил свой вопрос замполит.

Алеша опустил и поднял глаза, но смотрел на замполита доверчиво.

— Хотел попробовать, как наш генерал сажает машину, — признался он.

— Я так и знал! — воскликнул Косаренко. — Думаю, не может же быть, чтобы так, ни с того ни с сего!

Разговорились они, когда Щеглов был на дежурстве. В комнате отдыха летного состава как раз никого больше не было. Замполит заглянул сюда, увидел Алешу, склонившегося над книгой, и подсел к нему.

— Наш генерал — старейший пилотяга... — задумчиво продолжал Косаренко. — Он летает уже лет около тридцати, перебрал почти все типы истребителей и бомбардировщиков. При его огромном опыте можно позволить какое-то отклонение. У него может быть свой стиль и свой летный почерк. Он сидит в самолете свободно и спокойно, как на табуретке. А молодой летчик, способный летчик вроде тебя, Алеша, все-таки чувствует себя, как за партой во

время контрольной по алгебре: решает задачу правильно, но весь напряжен в струнку. В этом вся разница. Полетаешь десять-пятнадцать лет, и у тебя будет достаточно опыта, тогда и ты сможешь себе позволить элементы творчества.

Щеглов сощурил глаза отчужденно.

— А до тех пор что я должен делать, товарищ подполковник?

— Не лови меня на слове, Алеша! Не лови!

— Да я не ловлю...

— И не прибедняйся! — Косаренко строго посмотрел на лейтенанта. Перевел взгляд на его значок второклассного летчика. — В любом учебном задании можно и нужно проявлять инициативу. Ушел в пилотажную зону — выполнил комплекс фигур быстрее положенного. Вылетел на перехват воздушной цели — сделай все, чтобы обнаружить «противника» как можно раньше. Не ухмыляйся, не ухмыляйся, Щеглов! Чтобы отлично выполнить полетное задание на современном истребителе, надо проявить не только умение, но и подлинное творчество. А подрастешь, большего достигнешь. Может, летчиком-испытателем станешь, может, космонавтом. Тебе, Щеглов, большой путь на роду написан в авиации.

Косаренко умолк на минуту. Потом открыл рот, желая еще что-то сказать, но тут коротко и как-то пронзительно звякнул телефон прямой связи. Взяв трубку, Косаренко сейчас же положил ее.

— Дежурным — в готовность! Щеглов, давай!

Алеша выбежал из комнаты.

Около самолетов торопливо работали техники и механики. Летчики сели в кабины.

Тонко, по-комарному завыли турбины, набирая большие обороты, сорвались раскаты реактивного грома.

Замполит видел сквозь плексиглас кабины мальчишеский, упрямый профиль Щеглова. Улыбнулся замполит одними глазами. Если поднимут сейчас не на учебное задание, а на настоящее дело, он, Алешка Щеглов, пожалуй, будет только рад.

XXVII

Срывая листок календаря, Зосимов вспомиил, что как раз в это время, в январе месяце минувшего года, они с Булгаковым встретились в Москве.

— Что ж, хорошо! — воскликнул Вадим Федорович. — Валька стал командиром соединения, а мы еще годик продержались.

Он имел в виду: продержались на летной работе. Кровяное давлеине было у него на пределе.

— О чем вы разговарнваете сами с собой, повелитель? — спросила Варвара из другой комнаты.

Оиа не догадывалась, что муж видит ее отражеиие в зеркале. Лежала на диване с журналом — только вернулась с работы, — на щеку спадали волосы, окрашенные в светлый тон, несколько чужой, не ее цвет волос, но зато хорошо скрывает седину.

— Собираюсь на иочные, — ответил Вадим Федоровнч.

— Отдохиул как следует? Выспался?

— Прекрасио.

— Ну иди, я тебя поцелую, старый, чтобы леталось тебе хорошо.

Ои подошел к дивану, опустнлся иа ковер. И так онн побыли вдвоем несколько минут — в обнимку, безмолвио, на едином дыхании.

Вадим Федорович вышел из дому.

Огромный южный город наполнялся оживлениым шумом раниего вечера. Январь стоял по обыкновенню теплый, люди шли по улицам в иарядиых одеждах, молодые парни — в одних костюмах, обернув шеи шерстяными шарфами, по-кавказски.

На электрнчке Вадим Федорович доехал до маленькой стаиции. Там его уже ждала машина. Еще десять минут пути, и ои оказался на ближайшем военном аэродроме. Отсюда инспектор техиики пилотирования должен лететь на дальиий аэродром, где в эту ночь будет работа. Но прежде чем лететь, предстонт свидание с врачом.

Ох, эти врачн! Не дают они покоя Вадиму Федоровичу в последнее время!

Только он вошел в комиату медосмотра, майор

медслужбы Григорьянц наставил на него свои испытующие глаза, усиленные оптикой цейсовских очков. Ни слова не говоря, подступил с черным жгутом, как с тюремным наручником.

Медленно стравливается воздух, падает ртутный столбик, с какого-то рубежа начинает гулко стучать пульс под манжетом.

Черные брови Григорьянца полезли вверх, выгнулись подковами.

— Что такое, доктор?

— Гм...

— Что вы хмыкаете?! — сорвалось у Вадима Федоровича.

Григорьянц мог понять его раздражение и не обиделся.

— С таким давлением в воздух нельзя, Вадим Федорович. Во всяком случае, сегодня.

Опустив ресницы, Григорьянц поигрывал своим блестящим фонендоскопом. Зосимов сверлил его взглядом, но молчал. Оба понимали: сейчас вот, в этой комнате с голым столом и клеенчатой кушеткой, произнесен приговор, тот самый приговор, которого со дня на день следовало ожидать и который обжалованию не подлежит.

Без надежды на участие Зосимов все же попросил:

— Последний раз слетаю — и все, доктор, ложусь на обследование. Ну, хоть перелечу на тот аэродром, а там буду сидеть на СКП в роли наблюдателя.

— Не имею права, товарищ подполковник.

Если уж перешел Григорьянц на «подполковника», значит превратился в глыбу, в скалу — не сдвинуть его никакой силой.

За дверью медпункта Вадима Федоровича обняла прохладная ночь, улыбнулись ему разноцветные огни аэродрома, и что-то прокричал уходивший в небо истребитель. Этот знакомый, прекрасный мир летного поля становился отныне ему недоступным. Если бы Вадима Федоровича предупредили за день, за два, если бы не так внезапно, ему было бы немного легче. Как последний глоток воздуха, нужен се-

годняшний полет — ведь не попрощался человек с небом!

Он медленно брел по бетонным плитам. Ноги несли его не от самолетной стоянки, а туда, к ней, где на левом фланге боевых машин стоял инспекторский истребитель.

«Улизнуть в воздух, пока они там будут сговариваться... — Мысль шальная, запретная, удивительно, как она могла прийти в голову инспектору техники пилотирования. — В последний раз... А то ведь больше ни за что не дадут слетать, близко не подпустят к истребителю». Шаг его ускорялся. Вот и самолет — косокрылый, с выдвинутой вперед иглой.

Темная фигура техника выросла перед Зосимовым.

— Товарищ подполковник, самолет к вылету готов.

«Врач не подписал полетный лист. Ну и ладно. Кто о том знает и кто станет проверять инспектора?» Он сел в кабину. Техник помог ему пристегнуть ремни, подключить шнуры и шлаиги.

«Вопиющее нарушение? Строго накажут? Все может быть, на все согласен. Но без последнего полета невмоготу. Это уже не инспектор идет на безрассудный поступок, нет! Это просто летчик, у которого отнимают небо, а заодно и жизнь...»

Успел врач доложить начальству или не успел?

Руки безошибочно находили в темноте кабины нужные тумблеры и рычаги.

Заработал двигатель.

— Я ноль-четвертый, прошу взлет.

Каким-то чужим показался ему собственный голос, усиленный рацией.

Долго нет ответа. Почему молчит РП, уже знают? Секунды предельного напряжения могут испепелить человека.

Наконец откликнулся руководитель полетов:

— Ноль-четвертому выруливание и взлет разрешаю.

Теперь все, что случилось на земле, забыть. Оторваться от земли! Впереди — небо, сложная работа

в воздухе, требующая от летчика максимум внимания, если он даже инспектор техники пилотирования. Вадим Федорович заставил себя успокоиться. Повел машину на взлет.

Через несколько мгновений он был уже на большой высоте. Под крылом самолета простиралась темная масса земли, усыпанная кое-где огоньками. Справа, на берегу моря, лежала исполинская золотая подкова — сплошное зарево огней огромного города. Много раз пролетал Вадим Федорович над ним, днем и ночью, а только вот теперь показался он ему золотой подковой. Найти подкову, говорят, к счастью? Грустно усмехнулся Вадим Федорович этой навернувшейся мысли...

Море тоже было темным, едва-едва отличавшимся от суши. В черной пустыне моря, далеко от берега, вытянулись, змеисто извиваясь, цепочки огней. Это были эстакады морских нефтяных промыслов. Удивительная, романтическая жизнь людей — тоже неземная...

Вадим Федорович накренил машину, меняя курс полета. А все-таки неважно чувствует он себя на большой высоте: ломит в висках, и тяжело дышится. Кислород плохо поступает, что ли? Взглянул на прибор — нормально поступает.

Он не заметил, когда именно это случилось — когда звезды посыпались с неба на море? Плавало внизу множество звезд, множество созвездий, а небо вверху стало черным и безжизненным.

Галлюцинации! Этак недолго потерять пространственную ориентировку. Вадим Федорович перестал смотреть за борт, сосредоточив все внимание только на показаниях приборов. Авиагоризонт и другие приборы утверждали, что все в порядке и никакого перевернутого полета нет.

Бывали случаи, когда в ночных полетах начинали вдруг галлюцинировать молодые, крепкие пилоты, чье здоровье не вызывало и малейших сомнений. Ничего страшного. Выждав несколько минут, Вадим Федорович осторожно выглянул за борт. Звезды взлетели в небо, на свои насиженные места.

И все-таки трудно было ему в этом полете. Вы-

сота угнетала его. Связавшись по радио с диспетчером, он попросил эшелон пониже.

Сел на дальнем аэродроме и подумал, что как-то не успел в течение всего полета попрощаться с небом. И стало ясно ему, что такового не будет, сколько бы он ни удирал тайком в воздух. В последний раз они по-настоящему обнялись с небом, когда пилоту ничто не мешало летать, когда не были подрезаны крылья. А теперь уж не надышишься. Искренне пожалел Вадим Федорович о своем легкомысленном поступке: врача подвел, себе неприятность нажил — как мальчишка, ей-богу!

Домой он вернулся на транспортном самолете.

XXVIII

Навстречу ему летел ветер — теплый, бесшумный ветер апреля, навевающий воспоминания, волнующий, как близкое дыхание красивой женщины.

Через двадцать лет случилось так, что дорога службы привела Зосимова к тому самому месту. Теперь здесь было высшее авиационное училище. Подполковника Зосимова, уже списанного с летной работы по состоянию здоровья, назначили сюда преподавателем аэродинамики.

Прежде чем приступить к чтению цикла лекций для курсантов, Вадим Федорович совершил экскурсию по училищу, прошел знакомыми тропками — а разве не так поступил бы, окажись на его месте, любой другой?

Те тропинки нынче виражили на поворотах и устремлялись вдаль асфальтированными дорогами.

Никого из бывших инструкторов и командиров Вадим Федорович не встретил. Отлетали свое. И только Аказов напомнил о себе размашистой подписью на одном из документов, попавшемся Вадиму Федоровичу на глаза. Аказов служил где-то в верхах, время от времени рассылал письменные распоряжения, которые в училище надлежало исполнять неукоснительно.

Учебная эскадрилья занимала несколько боль-

ших зданий — целый городок. На аэродром курсантов возили автобусами. Летное поле и всякие там авиационные службы были оборудованы по последнему слову техники. Широкая взлетно-посадочная полоса из бетона легла на спину пустыни. Реактивные самолеты отливали на солнце серебром.

Вадим Федорович побыл на полетах. Истребители взлетали и садились. Ни одного «козла», ни одной грубой ошибки в расчете. Может быть, тренировались инструкторы? Очень уж чистая работа. Нет, летали курсанты. Эти краснощекие, жизнерадостные мальчишки здорово летают, черт их подери!

В светлых, просторных аудиториях, в прекрасно оборудованных кабинетах учебного корпуса, в спальных комнатах, напоминавших по уюту и чистоте палаты дома отдыха, в курсантской столовой, где кормили, как в хорошем ресторане, — всюду, куда заходил Вадим Федорович, были образцовый порядок и полная обеспеченность. Одно из лучших училищ страны. Высшее. Готовит не просто летчиков, а летчиков-инженеров. Несколько лет пребывания молодого человека в стенах такого вуза многому его научит и многое ему даст.

При первой же встрече с курсантами на занятиях Вадим Федорович подумал: «Вот бы рассказать им, какая тут была во время войны авиационная школа ускоренного типа и как мы тут жили...» Подумал он так, но рассказывать не стал. Ведь не поверят, что такое может быть, просто не поверят!

Крещенные небом за свою летную жизнь проходят две жизни: одну — в небе, другую — на земле. Да, так и проходит жизнь в авиации — вдвое ускоренным темпом. Ровесники, которым нынче по сорока лет, достигли в своей земной жизни самого расцвета. А у Вадима Федоровича, выходит, все уже за плечами — полеты, свершения, борьба.

Они говорили про это с Варварой, и она сказала, что на свете действительно есть такие, молодежные, что ли, профессии. Взять тех же спортсменов или

артнстов балета, например: пока молодые, преуспевают. Подобные рассуждения были вполне логичными, но Вадиму Федоровичу не понравнлись, он решительно возражал и даже рассердился на свою Пересветову: «Ну разве можно сравннвать летиое дело с каким-то там спортом! Летиое дело — это такое дело... — У Вадима Федоровича не нашлось достаточно яркнх слов, чтобы выразить бнвшуюся в подсознаиин мысль. — Эх, да что там... Есть такая замечательная страна — Авиацня. Поиять н оценить ее способен лишь тот, кто прожил в воздухе свон летные часы».

Теперь уже Варваре не поиравнлось его профессиональное высокомерне. Она пронзиесла известное изречение с этакнм ироническнм нажнмом: «Рождениый ползать летать не может». И тут же шпаги скрестнлнсь, н, так как в спорах Варвара не прнвыкла уступать, пришлось Вадиму Федоровнчу туго. Спор не удержался на чнсто теоретнческой основе, его перенесло, как ветром пламя пожара, на их отношення. Вадим Федоровнч вдруг замолчал, будто лишился дара речи, н отправнлся обедать в военторговскую столовую. Вечером пустовали два кресла у телевнзора, те самые, которые стояли рядышком, касаясь друг друга подлокотникамн. Смотрела передачу одна Светлана, учеинца шестого класса. Никто не гнал ее спать, и она доснделась до полуиочи, решнв, что завграшнюю контрольную по алгебре каконибудь одолеет. В полутьме проступал нзящный Светланин профиль, на плечах лежалн две толстые пушнстые косы — всем, всем напоминала Света свою маму, снятую на фотокарточке тоже в трнадцать лет. Мама же уединилась в кухне н строчила страницу за страннцей письмо Наташеньке, студеитке первого курса Минского института иностранных языков. Примерно с восьмого класса Ната стала поговаривать, что она хочет быть переводчнцей. Думали, что это увлечение, подхваченное в тех же телепередачах: красивая, модно одетая девушка, попеременно обращаясь то к одной знаменитости, то к другой, щебечет то по-английски, то по-русскн. А Наташа, окончнв среднюю школу без медали, поехала сдавать

в иняз: отличное произношение и цепкая фонетическая память пронесли ее через водоворот страшного конкурса. Вот и Наташа, папина дочка!

В течение последующих нескольких дней разговор на летную тему не возобновлялся.

Но обе стороны носили в душе что-то недосказанное. И однажды Варвара, подтрунивая над мужем по какому-то безобидному поводу, нечаянно обронила фразу, кольнувшую его больно. Летал он, дескать, летал на своих истребителях, рисковал, здоровье тратил, а много ли пользы от тех полетов? За все время ни одного килограмма груза не перевез, ни одного пассажира.

Вадим Федорович при этих словах вскочил, побелел как бумага. Может быть, хотелось ему хватить кулаком по столу, разбить что-нибудь на мелкие осколки — в последнее время нервным стал, — но взглянул мельком на свою Пересветову, и все переменилось в нем. Единственная на свете Пересветова, та, которая вместе с ним прошла далекий, трудный путь жизни и, может быть, тоже вдвое быстрее прошла. Улыбнулся Вадим Федорович дружески и одновременно с хитринкой.

Пардон. Одного пассажира он все-таки перевез. Давно было, но было. Он перевез когда-то на ПО-2 одну прекрасную пассажирку, летевшую читать лекцию по радиолокации.

Как говорится: один—ноль в его пользу. Варя должна была это признать. Она положила голову ему на грудь — светлые волосы у корней темнели, серебрились частыми сединами. Плача, она говорила, что вот он, Вадим, миновал финиш своей летной жизни, а она ему завидует, и другие могут позавидовать человеку, у которого в сердце такая сильная страсть.

XXIX

Булгаков держал курс на аэродром, где базировалась одна из частей его соединения. Ночь была светлая, потому что лежала на снежных равнинах, как на простынях изумительной белизны, слегка под-

синениых. Показавшаяся вдали темно-серая полоса аэродрома изгибалась под тупым углом — словно кто-то бросил в снег сломанную, больше не нужную линейку. Это не смутило пилота, знакомого с явлением рефракции света, повидавшего и не такие причуды старого сказочника — Севера. Когда истребитель, снижаясь, приблизился к полосе, она стала прямехонькой.

На самолетной стоянке Булгакова встретил командир части. Доложил:

— Товарищ полковник, на аэродроме проводятся ночные полеты. Работают первая и вторая эскадрильи.

Булгаков, не дослушав, сдернул перчатку, тычком сунул руку:

— Здравствуй, Дубровский.

Пошагали рядом, направляясь к вышке командно-диспетчерского пункта.

— Как полеты? — спросил Булгаков.

— Все нормально, товарищ полковник, — ответил Дубровский. — Плановая таблица уже выполнена процентов на восемьдесят.

— Молодых выпускаешь?

— Точно. Двое слетали самостоятельно с оценкой «отлично», третьего, лейтенанта Илларионова, сейчас провезут на спарке, и будем пускать.

— Я сам с ним слетаю.

— Есть.

Перед тем как подняться по крутой лесенке на вышку КДП, они остановились внизу покурить. Часто и с видимым удовольствием затягиваясь, Булгаков спросил:

— А на электрический стул кого ты сегодня посадил?

— Заместителя.

Булгаков спросил без усмешки, а Дубровский так же серьезно ответил — настолько вжилась в аэродромный лексикон шутка о том, что на месте руководителя полетов за пультом управления человек чувствует себя не лучше, чем на электрическом стуле.

Недолго побыв на КДП, кого-то скупо похвалил,

кого-то ругнул походя, Булгаков опять вернулся на самолетную стоянку. Он решил лично проверить технику пилотирования молодого лейтенанта перед его самостоятельным полетом ночью. Это, должно быть, станет событием в жизни вон той длинноногой фигуры, застывшей у самолета столбом. Нынешнее поколение молодежи дает сплошь высоченных парней, как по мерке: сорок пятого — сорок шестого года рождения, значит, того и гляди два метра росту. Чтобы не стоять и не глядеть снизу вверх, выслушивая рапорт лейтенанта, Булгаков еще издали крикнул ему:

— Садитесь в кабину, готовьтесь!

Сверхзвуковая спарка ушла в воздух с оглушительным громом, будто этой серебристой, остроносой машиной стрельнули, как ракетой, по верхнему сполоху полярного сияния.

Сдвоенное управление позволяло Булгакову ощущать руками и ногами малейшие детали лейтенантского пилотажа. Надо было признать, что пилотировал он неплохо, и Булгаков перестал вмешиваться в его действия, лишь изредка бросал короткие фразы по СПУ *, подправляя какой-нибудь элемент полетного задания. Лейтенант унюхал, что полковник доволен, стал работать в воздухе без напряжения, и получалось у него еще лучше.

На земле Булгаков сделал ему лишь одно, да и то малосущественное замечание. Объявил свое решение:

— Подготовлены вы, товарищ... э-э-э...

— Лейтенант Илларионов, — подсказал тот.

— Подготовка у вас, говорю, хорошая, товарищ Илларионов. Самостоятельный вылет в простых метеоусловиях ночью разрешаю. Так и доложите командиру полка.

— Есть! Понял, товарищ полковник.

После этих слов повернуться бы лейтенанту через левое плечо и топать, а он почему-то медлил, пристально глядя в лицо полковника, чего-то ждал. «Влюбился, что ли?» — подумал Булгаков.

* СПУ — самолетное переговорное устройство.

— Ну вот так... — молвил ои неопределеиио и пошел от лейтеиаита первым.

Обериувшись потом и скосив глаза, Булгаков заметил, как сутуло маячила около самолета высокая фигура, будто пригорюиилась. «Чего ему в самом-то деле?»

Вскоре собрался Булгаков в обратный путь. Напоследок дал иекоторые указаиия комаидиру части, предупредил, чтобы все было нормально.

— Все будет иормальио, товарищ полковник, — заверил Дубровский, а сам иеприметио сплюиул иа сторону трижды. — Нам тут осталось семь полетов сделать, и подведем черту.

— Добро! — благосклоиио пробасил Булгаков, садясь в кабиму истребителя.

И только ои успел пройти коротеиький маршрут, только явился, иакоиец, домой и стал тихо раздеваться, стараясь ие разбудить жеиу, как зазуммерил телефон у изголовья его кровати. Дежурный доложил: у Дубровского летное происшествие — подломали спарку.

Булгаков приказал иемедлеиио соедииить его с Дубровским. Тут уж ои забыл, что иаходится дома в спальие, а ие в служебиом кабинете, — проснувшуюся, сидевшую в ночиой рубашке иа кровати жеиу вроде как не видел. Выловил сигарету одиой рукой в пачке, нетерпеливо чиркнул зажигалкой. Когда в трубке послышался далекий голос Дубровского, закричал иа него с иалету:

— Ну куда вы там смотрели, начальиики? Каким местом вы думали?

Дубровский коротко доложил о летиом происшествии. На посадке не выпустился тормозиой парашют. Иисруктор и летчик тормозили, как положеио, одиако машииа, попав иа скользкую часть полосы, все равио выкатилась за ограиичители. Передиее колесо на малой скорости попало в ямку, стойка шасси подломилась. Основиая причииа в том, что не выпустился тормозиой парашют.

Булгаков оскалил в хитро-злой улыбке ряд золотых зубов.

— Не врите!

Дубровский сказал, что на месте проведено предварительное расследование при участии летчиков, инженеров, аэродромщиков, и картина вырисовывается та же самая. Все дело в парашюте.

— Не врите мне всей компанией! — раздраженно крикнул Булгаков. Три раза подряд глотнул он табачного дымку, заговорил быстро и напористо, не оставляя собеседнику малейшего зазора, чтобы втиснуть ответное слово. — Парашют не выпустился — это одно дело. Главная же причина летного происшествия в том, что инструктор с летчиком, надеясь на парашют, совсем не тормозили в первой половине пробега... Вы вот слушайте, что я вам говорю! Тормозить они начали только тогда, когда поняли, что парашюта нет. А уже было поздно. Вдобавок и скользкая часть полосы и всякая хреновина. Мне и сейчас все ясно, завтра прилечу — разберусь до конца.

Он хотел положить трубку, но только оторвал ее от уха и опять прижал — на том конце провода заговорили.

Слушал Булгаков, усмехаясь; иногда кивал головой, выразительно поглядывая на жену, сидевшую на кровати, и она отвечала то улыбкой, то нахмуренными бровями, хотя существа телефонного разговора не понимала.

Усмешка, блуждавшая на губах Булгакова, сделалась жесткой, неприятной.

— Дубровский!.. — сказал он в трубку, прерывая затянувшуюся речь собеседника. — Александр Иванович, ты сколько лет командиром части работаешь?

Ответа, видимо, не последовало. Подобный вопрос мог, конечно, обидеть. Но возбужденного летным происшествием и ночным разговором Булгакова не смущало то обстоятельство, что Дубровский постарше возрастом и что не кто иной, как инструктор Дубровский, обучал когда-то курсанта Булгакова технике пилотирования на ЯКах.

— Четыре года на вышке, если мне память не изменяет, — продолжал в снисходительном тоне Булгаков. — И до сих пор считаешь, что летное происшествие может вот так, просто из яйца вылупиться?

Наконец телефонная трубка, будоражившая весь дом, была брошена на рычаг.

Булгаков полулежал на кровати, опираясь на локоть, и курил. Лампочка-ночник освещала его сбоку, давая сильные полутени. На нем была тонкая белая сорочка первой свежести, только слегка примятая. Обветренное, смуглое от мороза и зимнего загара лицо выглядело на фоне дорогого белья, пожалуй, контрастно. Чуть припухлые щеки, свежие губы, проступившая к вечеру золотистая щетинка на подбородке делали лицо мужественно-красивым. Так казалось Елене, наблюдавшей за мужем все время, пока он говорил по телефону и теперь вот, лежа, курил. Она прильнула к своему Вальке, обняла так крепко, что у самой дух захватило. Он улыбнулся ей в ответ и поцеловал, но сделал плечами едва уловимое движение, будто хотелось ему сбросить дополнительную тяжесть. Для этого человека, по-юношески неуемного в своей небесной страсти, ничего сейчас не существовало, кроме аэродрома, где при посадке сверхзвукового истребителя не выпустился тормозной парашют. В сердце Елены боролись два чувства — обида и любовь. Конечно же, верх взяло последнее, то самое, которое водит Елену, как на веревочке, за Булгаковым — с Востока на Кавказ, с Кавказа — на Север.

Она негромко молвила что-то невнятное. Булгаков переключил на нее свои глазищи, именно переключил, как оптические приборы.

— Ты что, Леночка?

— Пошел прочь! — крикнула она совсем не зло и укрылась одеялом с головой...

Утром командира соединения долго не выпускали в воздух его земные дела. Принес срочные бумаги на подпись кадровик, подкинул толстую папку документов для чтения делопроизводитель, потом вошел в кабинет, втискиваясь плечом и не спрашивая разрешения, начальник политотдела. Этот через несколько минут завладел умом и душой Булгакова полностью и заставил его активно включиться в партийные и комсомольские мероприятия, намеченные на ближайшее время. С докладом на партактиве

лучше выступнть командиру соедннеиия, как считал иачальник ПО. С прибывшими в соединение молодыми офицерами также надо бы лично побеседовать командиру соединения. А завтра — заседание горкома партии. Валентину Алексеевичу иадо так спланировать свою работу, чтобы в пятнадцать ноль-ноль быть в горкоме.

Иногда в сознании Булгакова начинала вертеться, набирать силу пружины бунтарская мысль: у него множество помощников, и пусть бы они занимались каждый своим участком, не отрывая командира от главного дела, от летной подготовки. Но он ни разу так и не высказал эту мысль ни ближайшим своим помощникам, ни тем более начальнику политотдела. В те вопросы, которые перед ним ставили, вникал, на собрания, где он должен был сидеть в президиуме, являлся. Но когда Булгаков входил в командный пункт и занимал свое рабочее место у светоплана, на котором живо отражалась вся динамика воздушной обстановки, он жестко подчинял всех и все решению командирской задачи. Никто не смел перечить ему в вопросах летной подготовки. Помощь и совет он тоже принимал далеко не всегда, будучи как летчик и как организатор летной службы на голову выше других офицеров штаба соединения.

Теперь же, в штабном кабинете, Булгаков прислушивался к тому, что ему толковал со знанием дела то один, то другой его помощник. Иные документы он пробегал глазами и что-то запоминал для себя, иные подписывал не читая, полностью доверяя офицерам, готовившим приказ вниз или донесение вверх.

Если бы командир соединения сидел вот так за письменным столом весь день, круговорот докладов, уточнений, личных вопросов продолжался бы нескончаемо. Но Булгаков уловил момент, когда можно было оторваться от текущих дел, уже не таких важных, как те первые, утренние. Он решительно встал и надел папаху, надел ее одним махом, этак молодецки, чуть набекрень. Взглянул на часы.

— Я полетел к Дубровскому.

Все иаходившиеся в кабииете поияли, что больше ии одиой бумаги полковник ие возьмет в руки, смирившись, захлопнули свои папки.

Булгаков сбежал вииз, гремя каблуками по деревянным ступеням. С утра ои был сегодня одет в летиое обмуидироваиие, а потому приказал водителю: прямо иа аэродром. «Волга» помчалась, вздымая иа крутых поворотах сиежиую пыль.

Через каких-иибудь тридцать минут Булгаков был иа том же самом аэродроме, куда летал вчера иочью. По земным поиятиям и меркам туда далеко, по небесиым — рукой подать.

На «газике» Булгаков проехал по взлетио-посадочной полосе, кое-где останавливаясь. Место, где были видны следы заторможеиных самолетиых колес, осмотрел тщательио. Потом подъехал к спарке, так и стоявшей за ограиичителями с подломаииым передним колесом. Машииа опустила иос и задрала хвост, будто большая птица, клюющая зерио. Булгаков обошел вокруг иее. Хмурое молчание, отяжелевший подбородок, набухшие щеки красиоречиво свидетельствовали о иастроении полковника. И все сопровождавшие его старались ие проронить ии слова. Кто первым заговорит, на того может и обрушиться иачальственный гиев, уж это известио. Напряженное молчаиие достигло крайиего предела — казалось, чиркни кто-ибудь зажигалкой, и оио взорвется.

Не отрывая взгляда от машины, Булгаков проговорил сталисто-иатяиутым голосом:

— Летчика-иструктора ко мие.

Дубровский кивиул кому-то из офицеров. Тот бросился к «высотиому домику» *, где иаходился летный состав. И уже там, поодаль от начальства, послышалось передаваемое из уст в уста:

— Сухорукова комаидир вызывает!

— Капитан Сухоруков!

— Сухоруков!

От «высотного домика» шел одетый в меховую

* Аэродромный домик, в котором летчнкн надевают высотное снаряженне. Там же комнаты для отдыха н занятнй.

куртку и штаны летчик. Казалось, он идет слишком медленно, и посланный за ним офицер крикнул:

— Сухоруков, поскорее!

— Иду, — отозвался летчик. — Ты же видишь: вот я иду.

Не в пример некоторым штабным офицерам Сухоруков держался перед полковником совершенно спокойно. И Булгаков это сразу оценил.

— Спарок и так мало, а мы, значит, одну умудрились подломать? — заговорил он с летчиком отнюдь не сердито. — Да еще бы кто другой в кабине сидел, а то Сухоруков! Ну, как там было дело? Доложите нам по порядку.

Капитан Сухоруков, стоявший навытяжку перед полковником, ослабил левую ногу в колене.

— Заходили на посадку нормально, приземлились без перелета, но на пробеге не выпустился парашют... — начал было капитан.

— Это все ясно, Сухоруков, — прервал его Булгаков. — Непонятно, почему машина выкатилась за полосу, когда при нормальном торможении и без выпуска парашюта этого никак не должно было случиться.

— Товарищ полковник, расчет на посадку был точный, без перелета.

Булгаков досадливо махнул рукой.

— Не об этом я спрашиваю. Ты вот что мне скажи, Сухоруков, только честно: зная наперед, что парашют не выпустится, ты бы тормозил так же или по-другому?

Взгляды офицеров обратились к Сухорукову, и он, наверное, чувствовал их многочисленные уколы на себе. Но ответ все же дал не такой, какого от него ждали и требовали полковые начальники.

— Если бы знать, товарищ полковник, я бы начал тормозить пораньше и поэнергичнее, — ответил Сухоруков.

— Все слышали? — вскричал Булгаков, торжествующе оглядев офицеров. — А вы мне тут... пятки морочите: парашют, парашют! — Он опять обратился к Сухорукову: — Понадеялись на парашют и спали себе на пробеге. А когда увидели, что конец

полосы близко, нажали на тормоза, да уж было поздно. Не так ли, капитан Сухоруков?

Капитан помолчал мгновение. Потом тихо молвил:

— Виноват, товарищ полковник.

Булгаков тоже не сразу заговорил. Прошелся коротко туда-сюда, заложив руки за спину. Остановился и сказал, строго глядя на всех сразу:

— Наказать бы надо! Только в первую очередь не летчика, а начальство, которое пытается втереть очки командиру соединения.

Он дал указание, чтобы компетентная комиссия расследовала летное происшествие и представила материал в вышестоящий штаб. Соответствующий приказ по этому случаю обещал не задержать. И выразительно посмотрел на Дубровского: кому-кому, а командиру полка в том приказе будет «привет» передан пламенный — не меньше выговора.

Отказавшись остаться пообедать, Булгаков сел в истребитель и полетел на самую дальнюю точку, где стоял его любимый полк. Почему любимый? А во-первых, потому, что там никогда ничего не случалось, полк тот уж сколько лет работал «без летных происшествий и предпосылок к ним», как отмечалось в праздничных докладах и приказах.

XXX

Как только в расписании занятий появлялось «окно» — свободные два часа, — Вадим Федорович покидал учебный корпус и отправлялся на аэродром. Он бродил по старту, вдоль самолетной стоянки, заговаривал с курсантами, прощупывая осторожными вопросами их знания в аэродинамике. В классе она, аэродинамика, вся состоит из формул и графиков, а в полете дает себя знать другими силами, способными вознести человека до небес или бросить вниз, если он ошибется.

На аэродроме привыкли к тому, что здесь часто появляется преподаватель аэродинамики. В том, что среди серых летно-технических курток маячил один

зеленый китель, усматривалн тесную связь теории с практикой...

Высокнй, с атлетическим разворотом плеч курсаит медлеино шел в сторону самолетиой стоянкн, чнтая иа ходу пнсьмо. Черты лнца парня показалнсь Вадиму Федоровнчу ие то что зиакомымн, но какнмнто очеиь уж выразительнымн.

— Что, товарнщ курсант, весточку с роднны получили?

— Так точно, товарнщ подполковиик.

Курсант остаиовнлся, опустив руку с письмом. Его взгляд заставнл Вадима Федоровича вздрогнуть: этакие серые с прозелеиью глазищи, вырезанные внешнимн угламн кверху, — не часто такие встретншь.

— О чем же вам пишут отец н мать, если не секрет? — спроснл Вадим Федорович. Не мог он вот так просто пройтн мимо этого курсаита.

— Письмо от бывшей однюклассинцы, товарищ подполковник.

— От девушкн, значнт... Ясное дело... — пробормотал Вадим Федорович, поинмая, что его вопрос о содержаннн весточкн с родины в даином случае не к месту. Чтобы сгладнть смущеине — н его н свое, Вадим Федоровнч спроснл: — А отец часто пншет?

— У меня иет отца, товарнщ подполковник. Он погнб на фроите.

— Кем был ваш отец?

— Летчнком-нстребнтелем.

— Значит, решнлн унаследовать боевую профессию отца? Очень похвально.

Безотцовщнна... Сейчас в армню много прнходит таких. Подросло поколение родившнхся в годы войиы. Этот вот, стоящнй с пнсьмом в руке, — длиииый, худощавый, хотя шнрокой костн... Отца зиает, навериое, лншь по фотокарточке да по рассказам матери.

Пора бы кончить беспредметный разговор, отпустить курсанта, а Вадим Федорович все оттягивает минуту расставання, сердцем чувствуя, что вместе с

этим парнем пройдет мимо что-то очень значимое, о чем он больше никогда не узнает.

— Ваша как фамилия?

— Курсант Горячеватый.

— А зовут?

— Игорь.

— Игорь Иванович?

— Точно. Откуда вы знаете? — изумился курсант.

Ни о чем бы, пожалуй, не догадался Вадим Федорович, если бы не фамилия Горячеватый. Эта фамилия, простая и в то же время редкая, сказала ему все.

— Тебе, Игорь, известно, что твой отец в годы войны готовил для фронта летчиков вот здесь, на этом самом месте?! — Вадим Федорович топнул ногой.

— Да, нам говорили...

«Вон какой ты уродился и вымахал, Игорь Горячеватый. Не угадать большого сходства ни с отцом, ни с матерью. Батька твой — шумливый, грубоватый здоровяк, мать, судя по фотографии, виденной однажды, — полненькая такая украинка. Простые лица. А сыну неожиданно передались в наследство атлетическая стать и широко, чуть косо разрезанные глаза запорожского предка, атамана, казачьего бога». Может быть, сравнение это возникло в раздумьях Вадима Федоровича по давней, немножко смешной ассоциации: инструктор — курсантский бог.

— В числе курсантов, которых здесь учил летать твой отец, Игорь, был и я.

Горячеватый-младший промолчал, хотя ему, наверное, небезынтересно было об этом узнать.

— А как мама? — спросил Вадим Федорович.

— Мама живет в Одессе. Она у меня одна, и я у нее один. — В голосе Игоря прозвучали полудетская привязанность и любовь.

— Будешь писать домой, передавай маме поклон от Зосимова.

— Спасибо, товарищ подполковник.

— Зовут меня Вадимом Федоровичем. Очень я

рад нашей встрече, Игорь. Заходи, когда будет время. Двери моего дома для тебя всегда открыты.

Онн крепко пожали друг другу руки. Игорю скоро надо было лететь, и он направился к нстребнтелю, стоявшему на лиинн предварительного старта. У Вадима Федоровича кончалось «окно».

МИГ-17, легкокрылый стриж, взмыл в воздух и пошел по кругу над аэродромом, разворачиваясь аккуратио и не очень круто. Во всем был виден летный почерк пилота-курсанта.

Еще один из племени одержимых.

Каким далеким и насколько высоким будет его маршрут в летной жизни? Об этом не задумывались нынче ни его воспитатели, ни он сам. Молодой пилот выходил на крыло. Он уже видел землю с высоты, уже почувствовал свободу полета, и никакая сила не удержит отныне его стремления — смелого и самоотверженного.

Еще один...

Дома Вадим Федорович ночью поднялся с постели, перелистал свои заметки. Он не любил и не умел размышлять о чем-то серьезном лежа — ему надо было что-то делать или просто ходить. Свежим воздухом, что ли, подышать? Ночь на дворе... Ну и пусть.

Китель с подполковничьими погонами так и оставил на спинке стула, а натянул на плечи кожаную курточку, в которой он отлетал.

Углубленный в свои раздумья, он бродил по городку, заходя иногда в дальние тупики и заставляя настораживаться часовых, которые стояли там. Он дышал чистым воздухом ночи и припоминал то, что нашел в своей тетради с записями.

«Ну что же, Вадим Федорович, — написал ему Булгаков. — Многие годы шли мы с тобой рядом — учились летать, воевали на фронте, служили в далеких краях. Я был всегда ведущим и командиром, ты — ведомым и заместителем. По служебному положению, по боевому расчету. А по совести? Только теперь я понял, кем ты был для меня в жизни и

есть. Летал в крыле у меня, но был ведущим. Семнадцатилетним парнем ты уже рассуждал в своих дневниковых записях так, как я стал рассуждать уже в зрелые годы. Ты прикрывал меня в боевых полетах на фронте, и ты учил меня потом командовать эскадрильей... Как именно? Вот этого я не знаю. Даже в последний раз, когда мы с тобой по телефону говорили, ты опять что-то такое повернул в моей душе, хотя я командир соединения, а ты всего-навсего преподаватель училища, списанный летчик. Мне вот совестно теперь за свою просьбу. Лучшеньких лейтенантов хотел выбрать! Нехорошо с моей стороны, Вадим Федорович, и даже подло. У тебя все хороши. Какие ребята, какая смена идет!..

Да, дружище, был ты всегда мне не только другом, но и наставником.

Дневник твой прочитал я, как интереснейшую книгу, без твоего ведома, и знать тебе о том, пожалуй, не надо бы... Крепко жму твою руку, друг. Мысленно...»

Эпилог

Небо — изумительно красивая и бесконечно загадочная стихия.

Ранним утром, когда на земле еще царствует последний крепкий сон, воздушная среда почти не ощущается: она прозрачна на большой высоте и чуть подернута молочной дымкой внизу, нет восходящих и нисходящих потоков, самолет в ней будто недвижим, словно подвешенная в магнитном поле металлическая стружка. В пору такой тишины да благости можно забыть, что ты пилот, управляющий крылатой машиной, легко представить себя существом, которому суждено парить в голубом средостении вечно, сделаться вдруг тем, в кого ты, сын своей эпохи, конечно же, не веришь...

На дальних маршрутах встречаются облачные равнины, полет над которыми вновь обретает свою естественную стремительность. Изредка возвышаются над равниной горы облаков, крутые с пиками и теснинами горы, настолько явственные, что подмывает пилота изменить курс в обход их. Некоторые из облачных гор и впрямь опасны — те, что отливают свинцовой синевой, в которых время от времени багрово полыхают молнии. В грозовом облаке бродят неведомые силы, способные свернуть металлическое крыло в бараний рог, испепелить всю радиоэлектронику, его нервную систему. Сказочная шаровая молния — тоже там. Были случаи, когда она показывалась на глаза пилотам: садилась на крыло, удерживаясь на нем вопреки законам аэродинамики, заглядывая в кабину, прижимаясь к стеклу огненной щекой.

В ночном полете как-то теряется понятие высоты: под крылом не видно ни земли, ни облаков, скрывших ее, а до звезд пилоту так же далеко, как и пешеходу. Зеленоватые фосфоресцирующие глазки при-

боров подбадривают летчика, лишь на них надежда в кромешной тьме. Бывают, однако, ночи безоблачные, лунные, когда небо мало чем отличается от дневного, на земле же в такую погоду мерцают бессонными огнями города и поселки, спят под легкими прозрачно-синими покрывалами реки и озера. Там, где базируется авиачасть Булгакова, весенние ночи короткие, природа украсила их северным сиянием. Пилотам оно, правда, не помогает, а только задает дополнительные трудности в самолетовождении.

Нынешние сверхзвуковые скорости перенесли человека в новый мир, хотя произошло это в одном и том же месте неба; человек увидел то, мимо чего он раньше, как близорукий, проплывал на тихоходном самолете. Например, увидел сверхзвуковую струю на крыле истребителя. Она течет, как голубая горячая кровь неба, омывая самолет, накаляя его. И как в прежние времена вставал на пути крылатых звуковой барьер, так возникает теперь в гиперскоростном полете тепловой барьер.

Много красот и чудес открывает небо тому, кто проникает в его опрокинутые недра, не имеющие дна. Вадим Федорович все видел собственными глазами, когда летал на истребителях, и теперь ему хочется запечатлеть это для других. На досуге он рисует, работает резцом, пишет маслом — что по памяти, а что с натуры. Стены его небольшой квартиры сплошь увешаны зарисовками, эстампами, полотнами. И еще он вернулся к своему дневнику. Но теперь это уже не дневник, а что-то более значительное.

Летчикам, несущим боевую службу в строю, любоваться красотами неба, пожалуй, некогда, они поднимаются в воздух, имея на то определенное задание. Над ледовыми торосами, над тайгою безлюдною летают братья-истребители — кому где прикажут. Служба их тяжела и опасна, недаром же говорят, что крещенные небом за одну летную жизнь проживают две: одну — в небе, другую— на земле.

1963—1968 гг.

СОДЕРЖАНИЕ

Трихманенко Виктор Федорович
НЕБОМ КРЕЩЕННЫЕ. Роман. М., «Молодая гвардия», 1970.
368 с. Р2

Редактор К. Токарев
Художник С. Соколов
Художественный редактор Н. Печникова
Технический редактор Е. Брауде

Сдано в набор 18/VII 1969 г. Подписано к печати 11/III 1970 г. А00645
Формат 84×108$^{1}/_{32}$. Бумага № 2. Печ. л. 11,5 (усл. 19,32). Уч.-изд. л. 17,6. Тираж 65 000 экз. Цена 66 коп. Т. П. 1969 г. № 325. Заказ 1459.

Типография издательства ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия». Москва, А-30, Сущевская, 21.

56 коп.
МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ